Леонид Токарский

Мой Ледокол, или Наука выживать

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Океан, покрытый толстым слоем льда. Маленькие суда, затёртые льдами, несомые невидимым потоком. Кажется, что уже ничто не поможет им освободиться. Раздаётся отдалённый треск. Он усиливается. Вскоре чёрная точка на горизонте превращается в ледокол. Ледокол не режет лёд, а крушит его своим весом, выбрасываясь на него форштевнем. Лёд не сдаётся. Тогда ледокол даёт задний ход, сползая в уже освобождённую воду. Разгоняется и выпрыгивает на непокорный лёд. Идёт борьба Давида с Голиафом. Человека с Системой. Веры с Безысходностью. Кажется, что ледокол вот-вот переломится от нечеловеческих ударов. Но вот, один за другим, освобождённые суда выстраиваются в кильватер ледоколу, начиная свой путь на «Большую землю» к своим семьям, к теплу.

Я назвал свою книгу «Мой ледокол», потому что, по неведомым причинам, мне выпадала эта жизненная роль. Сначала я бросался на бесчувственный лёд советской системы. Но, в итоге, как-то выжил и победил. Потом был Израиль. И здесь я боролся и побеждал. И, наконец, эта книга, как отчёт и завершение моей ледовой эпопеи. Первоначально я так и назвал книгу: «Мой Ледокол». На иврите она вышла под заголовком «Выживание». Готовя новое издание, я совместил оба названия: «Мой Ледокол, или Наука выживать».

- Леонид Токарский
  - История этой книги
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - Часть вторая
    - Глава 14

- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24

○ Часть третья

-
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44

○ Послесловие

Леонид Токарский
Мой ледокол, или наука выживать

История этой книги

Я не люблю своё прошлое и никогда не хотел его вспоминать.

Как-то ночью оно вернулось ко мне само и разбудило.

С тех пор его мрачные картины вставали передо мной, мешая нормально жить и работать.

Я решил отомстить прошлому за то, что оно не оставляло меня в покое, и выпустить его наружу, но никак не мог собраться с душевными силами, чтобы это сделать.

Несколько месяцев назад, проснувшись ночью, встал с кровати, измученный бессонницей, подошёл к компьютеру и описал на одном дыхании давнюю историю. Воспоминания, которые мешали мне спать в ту ночь, я назвал «Освобождение второе», ставшие впоследствии двенадцатой главой книги, которую вы держите перед собой.

Потом долго сидел без движения. На душе неожиданно стало легко. Я испытывал странное чувство спокойствия и… злорадства, глядя на стопку напечатанных листов. Теперь это уже не было моим страшным личным кошмаром. Выйдя на свободу, это стало достоянием всех, кто умеет и хочет читать.

Самое важное для меня событие произошло. Я перестал быть единоличным хранителем давящего прошлого. Я писал эту книгу четыре месяца. В основном — по ночам. События, которые в ней описаны, происходили со мной. Большинство из тех, кто упомянут в первой части книги, находятся в другом мире. Почти все мои друзья погибли или спились и умерли. Только Бог остался мне истинным свидетелем и судьёй. Мне повезло — я выжил.

Я умирал и воскресал, никогда не оглядываясь назад. Это было инстинктивно приобретённым первым жизненным правилом: не оборачиваться и не смотреть на то место, где я должен был погибнуть ещё час назад. Каждый раз, искренне удивляясь, как маленький ребёнок, я ощупывал и спрашивал себя — неужели жив?

Я выработал несколько собственных жизненных правил. Речь идёт об искусстве борьбы за свои человеческие и гражданские права:

1. Умение молчать. Молчать по-настоящему, когда ты говоришь много, на любые темы, но не проговариваешься. Мои родственники, друзья, жена всегда знали только то, что я хотел, чтобы они знали. Я остался жив во многом благодаря тому, что умел молчать.

2. Жить и принимать решение только в согласии с самим

собой. Американцы называют это качество «Integrity». Оно проявляется тогда, когда весь окружающий тебя мир мыслит по-другому. В этот момент твоя логика выглядит непопулярной, неправильной, противоречащей общепринятым канонам. Умение самостоятельно анализировать факты, принимать непопулярные решения и идти против течения неоднократно спасало мне жизнь.

3. Никого не бояться и не преклоняться формальным авторитетам. Ценность и цельность людей заключается в их человеческих достоинствах. Уважение достигается качеством человека, а не его должностью или погонами.

В «израильской» части книги имена изменены по понятным причинам.

Идея написания книги возникла из желания рассказать моим детям, внукам и правнукам — кто мы, как мы жили и боролись за то, чем они располагают сегодня.

Часть первая
Мастерство выживания
1945–1968
Ленинград — Гремиха — Ленинград

Не спрашивай никогда,
по ком звонит колокол:
он звонит по тебе.
Джон Донн (1572–1631), английский поэт,
настоятель собора св. Павла в Лондоне

Глава 1
Отцы и дети

Зачали меня, как я понимаю, на радостях. Уже сняли блокаду. Мама с братом Борей вернулись из эвакуации. Их вывозили на короткое время из блокадного Ленинграда через Ладогу. Папа все время оставался в городе и выезжал после блокады лишь в короткую командировку чтобы доставить свои семейные ценности (в виде мамы и Бори) обратно домой. По моим подсчётам, доставка ценностей обратно в Ленинград совпадает с моим зачатием.

Корни нашей семьи с папиной стороны уходят далеко в Голландию. Лет 300 назад, когда царь русский Пётр Первый, учившийся там корабельному делу познакомился с нашим пращуром — большим мастером по токарной обработке дерева. Фамилия его была Коэн. Великий русский царь проникся большим уважением к токарному умению нашего предка. И вместе с ещё несколькими семьями мастеровых привёз его в Россию — строить российский флот. Великий царь поменял нашу фамилию на Токарский (производную от профессии) и дал Охранную грамоту. Семья отца с годами переместилась в Минск, где практически вся погибла в гетто. Грамота великого царя сгорела там же, вместе с домом. Так гласит семейная легенда. Я всё это узнал уже здесь, в Израиле, когда мой сын Максим стал религиозным. Дед с гордостью объявил Максиму, что он — Коэн. А посему, ему нельзя посещать кладбища и к чтению Торы он должен выходить первым. Дед добавил также, что Коэн никогда не меняет фамилию. Но тут был особый случай — с великим царём не поспоришь. На мой молчаливый вопрос дед с усмешкой пояснил внуку: «Твой отец, мой сын, — гой по воспитанию... С ним было бесполезно говорить на эти темы».

Ещё известно, что наш прадед, Лейб, был очень плодовит. У него было 28 детей от трёх жён. Последний раз он женился под семьдесят лет на восемнадцатилетней девушке, которая родила ему пятерых детей. Это — наша прабабушка. Говорили, что у неё не было приданого, ее бедность не позволяла выйти замуж за молодого. Лейб прожил 93 года и оставил за собой большую династию. Вся семья жила вместе, в нескольких домах. У них была большая токарная фабрика в общем владении. Точение деревянных деталей вручную резцом требовало большой физической силы. Они производили деревянные прялки и колёса для окрестных русских крестьян. Все сыновья отличались

физическим здоровьем, силой, высоким ростом, но оставались неграмотными. Наш дед Шмерель — единственный из братьев, знавших грамоту — и был бухгалтером артели.

На фабрике функционировали три смены. Детей с шести лет ставили работать к станкам, подставив ящик под ноги, чтобы могли дотянуться до шпинделя. Они точили катушки для ниток и работали в третьей (ночной) смене, чтобы не мешать старшим днём.

Братья жили дружно. Иногда, выпив водки, могли поссориться и подраться. Главной причиной раздора являлось деление прибылей. Обычно всё заканчивалось миром, когда выходил Лейб. Его боялись и уважали. Двери в семье не запирались: воры боялись братьев Токарских и не воровали в их домах. Когда в Минске случались еврейские погромы, место проживания Токарских обходили стороной. Евреи из других районов приходили к ним в поисках убежища. Однажды, во время побоища, часть русских погромщиков, по незнанию, забрела в их район. Пьяные погромщики, размахивали палками и орали: «Бей жидов, спасай Россию!» Братья высыпали на улицу — молча встали, глядя на происходящее, в ожидании приказа отца. Лейб подошёл к двум зачинщикам, поднял их за шиворот и ударил лбами. Вечером его забрали в каталажку.

Лейб сделал погромщиков калеками. А один из них, как выяснилось, был отставным жандармом. Лейбу грозила каторга. Бабушка собрала все деньги, которые были в доме, побежала к уряднику, знавшему прадеда, и выкупила его.

Шмерель — мой дед — служил в русской армии во время Первой мировой войны. В бою он попал в плен к немцам и провёл там несколько лет. Он хорошо знал немцев и немецкий язык. Когда гитлеровцы входили в Минск, и ещё можно было убежать, он сказал: «Я немцев хорошо знаю. Они лучше, чем большевики. И нас они не тронут». Это была страшная ошибка в его жизни! Его самого забили палками в гетто, а всю эту красивую еврейскую семью уничтожили. Будь благословенна их память!

О семье моей мамы мне известно мало. Я знаю, что это тоже рабочая семья. Дед был кузнецом-механиком, создавшим много изобретений. Папа рассказывал, что у мамы дома были автоматические двери, блины на сковородках переворачивались сами, а чайник выключался на расстоянии. Когда я представил своё первое изобретение, отец сделал мне необычный комплимент: «Ты, видимо, унаследовал это от своего деда, Бернштейна». Мамина семья была более политизированной. Её старший брат Ицхак слыл среди знакомых и родственников убеждённым сионистом. Он уехал в Израиль в 1909 году вместе

со своим другом Залманом Шазаром, ставшим впоследствии третьим президентом Израиля. Тогда семья ещё жила в Столбцах. Позже они переехали в Минск. Мамина сестра Рахель присоединилась к брату Ицхаку в Израиле в 1925 году. Мама любила Рахель, была с ней очень дружна. Брата своего Ицхака мама не знала — он уехал до её рождения. Почти вся остальная мамина семья погибла в Минском гетто. Как и папина. Мамин брат Гриша, возвратившись с фронта, не нашёл никого в живых. В том числе и свою жену с детьми. На развалинах Минска он познакомился с молоденькой девушкой Розой, чудом выжившей в это страшное время. Так появились у меня младшие двоюродные брат и сестра — Боря и Женя Бернштейны.

Папа познакомился с мамой, когда ей было двенадцать лет. Они жили на одной улице. Мама дружила с младшей сестрой отца. У моих родителей была любовь с первого взгляда. И на всю жизнь. Они не могли дышать один без другого. Мама заболела раком, и папа не отходил от неё, ухаживая до последнего дня.

Когда мама ушла в другой мир, отец сказал мне: «Вот приведу все дела в порядок и через два месяца умру. Не могу без неё». Я ему не поверил — это звучало так, как будто он договорился с Б-БогомЯ ошибся. Всё произошло именно так, как он сказал. Папа привёл мамину могилу в порядок, заказал место для себя около мамы, расплатился со счетами и умер от разрыва сердца ровно через три месяца. Ему было 80 лет, а ей — 77.

Они были удивительные люди, мои родители. Разные и непохожие. Папа — высокий, красивый и сильный мужчина. Мама — маленькая и хрупкая женщина, с трудом достающая отцу до плеча. Она была похожа на миниатюрную красивую революционерку, со своим «каре» и пенсне. Не хватало только кожаной куртки и маузера. На самом деле она была очень музыкальной и тонкой натурой.

Мама училась в консерватории по классу рояля и слепо верила в мировую революцию. Она была инициативной комсомолкой. Однажды, роясь в старых документах, я нашёл пожелтевший мандат. Оказывается, мама была депутатом Верховного Совета Белорусской ССР. Увидев мандат в моих руках, она изменилась в лице и потребовала; чтобы я больше не рылся в ящиках. Вечером, когда папа пришёл с работы, я слышал, как он отругал маму за глупую сентиментальность. Помню, тогда отец учительским тоном добавил: «Тебе мало того, что он сделал со всеми твоими друзьями?» Мама заплакала, и они вместе сожгли эту бумагу в пепельнице. Тогда, будучи маленьким, я ничего не понял. Как-то раз спросил её о каком-то репрессированном и впоследствии расстрелянном еврейском артисте и режиссере.

Мама сказала, что он был хороший человек — она его хорошо знала... А потом смутилась и замолчала. За мамой что-то тянулось из Минска, из её «революционного» прошлого. Но что именно — я точно не знаю.

Известно лишь, что мои родители женились... дважды. Первый раз мама гордо оставила свою девичью фамилию Бернштейн. Второй раз она тихо взяла фамилию Токарская.

Папа скептически относился к маминым политическим убеждениям. Он был глубоко аполитичным. Отец принимал советскую власть за то, что она дала ему возможность учиться. Он не верил большевикам и не любил их. Сам он очень хотел учиться и стать первым инженером в своей семье. Папа, закончив поначалу рабфак, поступил в Горный техникум. После первой же практики в сибирских рудниках, вернувшись домой, он ушел из Горного техникума и поступил в Судостроительный. По его описаниям, увиденное в Сибири на студенческой практике перевернуло всё его представление о Советской власти и отбило у него желание стать горным инженером.

В заснеженной степи останавливались эшелоны с высланными кулаками. Мужиков, женщин и детей высаживали в степь на мороз. Там они сначала строили для охраны несколько избушек. А потом начинали рыть норы в снегу для себя. Женщины умоляли охранников принять детей в избушки, чтобы те согрелись.

Студенты-практиканты жили неподалёку. Они брали детей к себе, спасая от мороза. Охрана не возражала. Но всех принять было нельзя. Через 5–6 дней люди умирали. Приходил следующий эшелон. Узники продолжали рыть то, что было нарыто предыдущими. Так начинали строить концентрационные лагеря. Тогда, как сказал отец, он понял, где он живёт, и увидел настоящее лицо советской власти.

Папа никогда не верил этой власти и не ждал от неё ничего хорошего. Он обладал собственным чутьём предвидения событий. 22 июня, когда началась война, на улицах кричали, празднуя завтрашнюю победу. Наша семья в это время уже собиралась выехать на дачу. Был приготовлен чемодан с консервами и деньги для дачи. Отец сказал маме, что война будет долгой и будет жуткий голод. Поэтому консервы надо спрятать и на все наличные деньги купить ещё консервов. Через пару месяцев был объявлен приказ военного коменданта Ленинграда — под угрозой расстрела сдать все имеющиеся запасы продуктов. Мама рассказывала, что спросила отца: «Что же делать?» Он ответил: «Лучше рискнуть умереть от пули, чем видеть, как умирают твои дети». Наступали тяжёлые времена, и мама хотела начать

открывать консервы. Отец не разрешил, сказав, что откроем, когда на улицах будут лежать умершие от голода. Так оно и произошло. Мама говорила, что, благодаря этим консервам, они выжили первую зиму из трёх.

...Много раз отец предвидел будущее. Это касается и моего отъезда в Израиль, когда у меня была абсолютно безвыходная невыездная ситуация. Он тогда сказал: «С твоими данными я не знаю ни одного человека, который бы смог уехать. Но ты уедешь». Вера ли это в мои силы или предвидение — я не знаю.

Отец был провидцем во многих случаях. Но этот факт его предвидения особенно врезался в мою детскую память. Примерно за две недели до смерти Сталина я пришёл домой из школы и застал отца с мамой за необычным занятием. На столе лежали деньги. Папа делил их на четыре кучки, раскладывая в четыре мешочка. Мама сидела рядом и смотрела.

Они были очень грустные. Бори дома не было. Я что-то спросил. Вдруг отец с болью промолвил сам себе: «Если эта тварь не умрёт, то нас здесь через три недели уже не будет». Он положил голову на руки и разрыдался. Я первый раз в жизни видел отца плачущим.

Через две недели умер Сталин. Из школы я вернулся домой рано. Нас отпустили. На улицах все плакали. Были включены уличные трансляторы. Играла траурная музыка. Папа с мамой находились дома. Они сидели за столом. У них, видимо ,было хорошее настроение. На столе стояла бутылка вина. Я спросил с детским подозрением, что, мол, они там распивают. Папа посмотрел на меня со смешанным чувством и сказал, что у мамы день рождения. Я ответил ему, что отмечали же её день рождения месяц назад. Отец хитро улыбнулся (мама сидела онемевшая) и сказал, что они отмечают его теперь по еврейскому календарю. Что у евреев, мол, день рождения можно отмечать два раза. Я очень заинтересовался неожиданно открывающейся возможностью и намечающейся перспективой и осторожно, с плохо скрываемой алчностью в голосе, спросил: «А что, и подарки дают два раза?» Тут отец рассмеялся в полный голос и сказал, что по такому случаю все возможности открыты.

На этом история со Сталиным не закончилась. На следующий день отца вызвали в школу. Оказалось, что когда наша учительница Агрипина Константиновна воскликнула в горе: ««Кто же заменит нам родного Иосифа Виссарионовича Сталина!», я поднял руку и сказал, что есть только один человек, который может заменить Сталина, это мой папа. На этот раз отец меня не наказал и даже улыбнулся...

Высадка «десанта» семьи Токарских в Ленинград началась в

двадцатых годах. Первым был дядя Золя, папин брат. Он служил на флоте. Вторым «высадился» мой отец. Потом он привёз маму, которая была пианисткой по специальности. Она поначалу работала инспектором ленинградских театров, затем — концертмейстером.

Отец работал на заводе и учился в Кораблестроительном институте. По вечерам мама таскала его по театрам, которые она проверяла. На спектаклях он засыпал от усталости. Мама нежно пинала его в бок, когда он начинал храпеть, и тихо обвиняла в серости и неуважении к мировой культуре. Отец всегда шутил, что больше всего он любит те мамины спектакли, где громко не кричат и где не бьют в барабаны.

Когда началась война, отец уже был главным металлургом завода «Судомех». Его оставили на производстве перестраивать завод на военные рельсы. По словам отца, в цехах и в руководстве царила полная неразбериха. Никто не знал, какие боеприпасы нужны фронту. Поэтому, собрав своих друзей с разных заводов, отец поехал на Ленинградский фронт разобраться, какие именно боеприпасы нужны на передовой. Затем соратники и единомышленники отца определили между собой — кто и какие боеприпасы будет производить. Отец организовал на «Судомехе» производство мин.

Началась блокада. Стало голодно и холодно. Появились людоеды. Их узнавали по блеску глаз, по внешнему очень упитанному, виду и расстреливали на месте. Появились и завербованные немцами шпионы. Они покупали людей за кусок хлеба. Папу неожиданно вызвали в «Большой дом» (так называлось Управление НКВД). Отец уже плохо ходил. От недоедания стал дистрофиком. Он еле добрёл до НКВД. Чекист сказал, что в папином цехе раскрыли группу немецких шпионов. Чекист предупредил, что за халатность отца расстреляют по окончании следствия. И временно... отпустил обратно работать. Через неделю нквэдэшники приехали на завод, вызвали отца и сообщили ему, что расстрел отменён. Выяснилось из показаний арестованных, что первой намеченной ими боевой акцией была ликвидация... Токарского. Он очень мешал этой группе своей активностью.

Голод усиливался. Мама подсовывала папе часть своего пайка. Отец был крупный мужчина. Мужчины гасли намного быстрее женщин. Мама всегда учила нас: «Без папы мы не выживем». Его несколько раз госпитализировали в диспансер для дистрофиков. Там обычно умирали. Но он выживал.

Перед самым прорывом блокады на завод приехал полковник НКВД. Требование было одно — увеличить производство мин для

фронта. Проходя по заводу он увидел огромный штабель бракованных мин. Полковник спросил: «Кто ответственный за брак?» Получил ответ, что Токарский. Он зашёл в кабинет к отцу. Вытащил из кобуры пистолет и торжественно сообщил, что он отца сейчас расстреляет. Отец ответил, что, во-первых, он — дистрофик. А во-вторых, еврей. Поэтому уж точно не ждёт немцев. Что же касается бракованных снарядов, то они не бракованные. Контролёры-перестраховщики проверяли их по техническим критериям мирного времени. Отец гарантирует, что ни одна из мин не взорвётся в стволе. Показал свои расчёты. Полковник оказался с инженерным образованием. Он согласился и произнёс следующее: «Если хоть одна мина разорвётся в стволе, я тебя лично расстреляю. Бели этого не случится, получишь орден». Так отец подарил фронту несколько десятков тысяч мин.

Мне иногда так не хватает отца... Хотя я уже сам и отец, и дед. Сесть бы с ним рядом и задать вопросы, на которые я когда-то не успел получить ответы...

Глава 2
Детство

Я родился 2 июля 1945 года. И был четвёртым сыном моих родителей. Насколько я знаю, были братья старше меня на 12 лет, на 8 лет (Боря) и на 4 года. Что стало с двумя старшими моими братьями, я не знаю. Предполагаю, что они погибли в блокаду. Мама категорически отказывалась говорить на эту тему, не отрицая самого факта существования братьев.

Мои первые детские воспоминания относятся примерно к шестилетнему возрасту. Рядом с нами через стенку в маленькой комнатке жила украинская семья. Вера Степановна и Николай Гаврилович с сыном Борисом. Николай Гаврилович был пьяницей и хулиганом. Он часто бил свою жену. Она на следующий день ходила по квартире с синяками. Это было время насаждаемого сверху антисемитизма.

Евреи чувствовали свою беззащитность. Однажды Николай напился и долго ходил за стенкой, во весь голос проклиная евреев, вспоминая Гитлера, и тому подобное. Потом он неожиданно вышел из своей комнаты, подошёл к нашей двери и стал орать: «Где эти проклятые жиды! Дайте мне вилку, я этой поганой жидовке глаза выколю!» Это про маму. Она, бледная и испуганная, стояла около меня. Мне было очень, очень страшно. И я беззвучно плакал. Отец стоял около двери. На лице его была написана ярость. Мама шептала: «Натан, не надо». Потом Николай начал сапогами выбивать нашу дверь. Удар за ударом. Крючок на двери стал прогибаться. Отец пошёл за шкаф, вытащил топор и поставил его около дверей в простенке. У мамы округлились глаза. Отец, резко отбросив крючок, рванул на себя дверь и нанёс жуткий, жестокий удар Николаю в лицо. Удар был настолько сильным, что Николай прошиб своим телом дверь в тамбуре, затем выбил дверь вместе с крючком у соседа и упал там на пол. Он мгновенно отрезвел и произнёс, лёжа на соседском полу: «Натан, ты что, я же пошутил».

Советская власть вошла в историю своим необыкновенным изобретением. Это изобретение называлось коммунальная квартира. Я родился и вырос в одной из них. Квартира находилась на 6-ой Линии Васильевского острова. В ней было восемь жилых комнат и одиннадцать квартиросъёмщиков.

Квартиросъёмщиков было больше, так как в некоторых комнатах жило несколько семей. В квартире был демократически выбран ответственный съёмщик. Его обязанности походили на

функции мирового судьи, решения которого принимались безоговорочно. Ответственным съёмщиком, конечно, стал мой отец.

...В коммунальной квартире — один туалет на всех. В целях персональной гигиены, в маленьком тёмном предбаннике висели 11 седалищ, вырезанных из картона. Каждый, посещающий туалет, снимал седалище, принадлежащее его семье, и с ним входил в туалет. Коммунальный народ бдительно следил, чтобы не было ошибок. Утром, перед уходом на работу, на кухне выстраивалась большая очередь желающих посетить это святилище. Одна из моих первых детских обязанностей — держать для папы туалетную очередь.

Ванной не было. Только кран с холодной водой на кухне. Кухня — большая, и в ней стояло одиннадцать кухонных столов. Было также 11 примусов, которые, на более позднем и цивилизованном этапе, поменяли на 10 кухонных газовых горелок. При замене существовало две приемлемые стандартные альтернативы: 10 или 12 горелок. Советская власть, в образе представителя «Ленгаза», выбрала ущемлённый вариант. Эта несправедливость могла бы привести к очередной Октябрьской революции, но на деле привела к многомесячным внутренним и внешним коммунальным войнам, ничего никому не давшим.

Наша кухня также являлась квартирным клубом. Там всегда пахло кислой капустой и керосином. Сидели на кухонных столах. Обменивались новостями и сплетнями. На примусах в кастрюлях что-то кипело. Дети вертелись тут же. Я тоже любил крутиться на кухне. Иногда мне перепадала варёная картофелина с селёдкой от доброй соседки. Мама не любила, когда я мельтешил там, и загоняла меня в комнату. Через некоторое время я опять появлялся на кухне. Меня тянуло туда, как магнитом: здесь бурлила жизнь! В комнате было скучно. Иногда собиралось собрание квартиросъёмщиков. Это вообще было для меня событием. Все приносили с собой стулья и обсуждали наши совместные проблемы. Папа всегда говорил первым. Его слушали. Потом решали голосованием...

Случались квартирные неприятности. Например: отключали воду или пол в туалете сгнил и провалился на второй этаж. Когда случались перебои с водой, вся кухня заставлялась ведрами. Воду добывали в соседней квартире или в соседнем доме, если во всем нашем доме отключали воду. Проблема с отсутствием единственного действующего туалета в коммунальной квартире быстро перерастала в общую трагедию. Найти альтернативу было сложно.

Соседи из других квартир не любили пускать «чужих» в свой

туалет. Папа брал меня за руку и вёл в соседскую квартиру. Из уважения ему давали попользоваться необходимыми благами. Раз в неделю я ходил с папой в баню.

Когда был маленький, я ходил в баню с мамой. Я очень любил ходить в баню. Мне нравилось, как мама нежно меня мыла, особенно ждал, когда мама объявляла: «Ну, а сейчас пришла очередь нашего мальчика». Я вставал перед мамой, которая сидела передо мной на каменной банной скамейке, и держался руками за её нагое тело. Мама тёплой и мокрой ладошкой забирала мои мужские атрибуты и большим пальцем намыливала всё по очереди. При этом она всегда шептала мне на ухо: «Когда вырастешь, все девушки будут мечтать о твоём мальчике. Он станет у тебя большим и красивым, как у папы. А пока только мама может его касаться. Береги его и никому не давай трогать». Когда подрос, однажды засмотрелся в бане на девочку. К нам подошла какая-то женщина. Она внимательно посмотрела на меня и сказала маме: «Гражданочка, посмотрите на вашего сына. Он уже реагирует на женщин. Его уже нельзя водить в женскую баню!»

Женщина показала пальцем на моё намыленное тело, и они обе уставились на мои мужские достоинства. Мама поставила меня перед собой и своей мягкой ладошкой привычно меня коснулась. Потом изумленно подняла на меня глаза. Я ничего не понял.

На следующей неделе меня перевели под папину банную опеку. С отцом в бане было интересно. Отец заказывал себе пиво, а мне лимонад. После парной мы сидели на диване и пили, каждый своё. Папа рассказывал о войне и блокаде. Описывал мне блокадный город. Отец рассказывал, что в то время в городе не было кошек и собак, всех съели. Оказалось, что дома справа и слева от нас разбомбили. Дом напротив — тоже. А нам повезло. У отца было много интересных историй про работу, про корабли, которые он строил.

Он приносил домой образцы металлов и обучал меня, как отличать алюминий от стали и от чугуна. Он рассказывал; что во время блокады, когда сырьевого металла не было, переливали городские металлические решётки и ворота на мины.

Лабораторий тоже не было. Состав металла снятой решётки он определял сам на глаз по излому металла и решал, что надо добавить в плавку, чтобы мины отвечали требованиям. Отец рассказывал, что однажды, еще в начале блокады, он затребовал срочно 300 опытных литейщиков для отливки мин. Ему обещали. Через несколько дней заявилось 300 женщин. Они все работали на кондитерской фабрике имени Самойлова и имели большой

опыт ... в литье шоколадных зайцев. Все они, со временем, стали хорошими литейщиками.

Я всегда слушал папу с открытым ртом. Однажды, будучи в хорошем настроении, отец рассказал мне, как вывозил маму с Борей из эвакуации. Дело в том, что после снятия блокады Сталин наложил строгие ограничения на возвращение в Ленинград из эвакуации интеллигенции — людей свободных профессий, особенно евреев. Я не знаю, чем эти граждане помешали Сталину. Но то, что он это сделал — исторический факт. Отец, зная новое распоряжение властей, хорошо подготовился к операции спасения мамы и Бори. Они находились в селе Караванном, куда их квартировали, вывезя по «Дороге жизни» через Ладогу. Папа явился во всей своей красе, со всеми брякающими наградами к секретарю райкома партии, где находились страждущие вернуться домой мама и Боря.

Секретарь райкома принял отца, как полагается принимать героя обороны Ленинграда. Людей, переживших блокаду, тогда было очень немного. Это уже потом герои блокады расплодились в Ленинграде, как и герои «Альталены» в Израиле. Медаль «За оборону Ленинграда» была большой редкостью и ценилась на уровне самого высокого ордена. Все сотрудники райкома сбежались посмотреть, а самое главное — пощупать героя-дистрофика. Выпили водки за Победу и за Сталина.

Папа несколько часов рассказывал всем истории про блокаду. Потом он вытащил документы из кармана и попросил секретаря райкома помочь ему. В документах было сказано, что ... «известный специалист по литью чугуна, стахановка Галина Токарская, требуется заводу «Судомех» для выполнения важных правительственных заданий, необходимых для обеспечения победы над немецко-фашистскими захватчиками»... Отец попросил содействия секретаря райкома в выполнении столь важной задачи. Самым главным в этом деле было получить билеты и разрешения на проезд в Ленинград для мамы с Борей. Поезда охранялись и впускали в них только по специальным пропускам. Секретарь райкома лично обеспечил всё, что требовалось для проезда народной героини. Анализируя эту историю, можно сказать с уверенностью, что на самом деле, именно секретарь райкома является моим «крёстным отцом». Если бы не он, то «литейщица» не попала бы в Ленинград, папа не собрал бы последние дистрофические силы для выполнения своего мужского долга. Меня на радостях не зачали бы. И я бы не родился, и не записал бы эту историю.

Отец научил меня играть в шахматы. Но, понятно, иногда мне поддавался. А я этого с детства не любил. Мой брат никогда мне

не поддавался! Но иногда проигрывал. Я очень гордился, когда выигрывал в шахматы у Бори. Когда мама посылала нас за хлебом, мы с ним бросали жребий — кому идти.

Жребием была партия в шахматы. Проблема возникала тогда, когда мы разыгрывали ничью за ничьей. У мамы лопалось терпение и она грозно нависала над шахматной доской. Тогда приходилось идти вдвоём.

Топили нашу комнату дровами. В углу стояла большая круглая печка. (Потом, в шестидесятых годах, все печки разобрали, когда провели паровое отопление). Летом папа брал с работы грузовую машину; и мы отправлялись на дровяной склад покупать дрова на зиму. Затем привозили их во двор, распиливали и относили в наш сарай. Во дворе находились двухэтажные бараки, где у каждого квартиросъёмщика был свой дровяной сарай. Зимой отец учил меня колоть дрова.

Я не был подарком и иногда доводил отца своим упрямством. Когда я учился в третьем или в четвёртом классе, папа купил и принёс новое радио.

Он снял со стены военную черную блокадную тарелку и повесил новый радиоприемник. Папа пришёл с работы очень уставшим и попросил, чтобы радио работало тихо. Я отца не послушал. Мне очень хотелось сделать максимальный звук, поэтому и крутился вокруг радио, каждый раз понемногу добавляя громкость. Отец подошёл и один раз уменьшил звук. Потом второй раз, потом третий. На четвёртый раз, он, не говоря ни слова, снял приемник со стены и сильным ударом разбил его об стенку. Радио разлетелось вдребезги. Мы долгое время после того жили без радио… в тишине.

Я очень жаловал зиму. Мне нравилось скользить на скоростных коньках по беговой дорожке стадиона. Снег в лицо. Ты идёшь с сумасшедшей скоростью и проскакиваешь стометровку за стометровкой. Лёд хрустит под коньками, особенно здорово на поворотах. В 28 градусов мороза отменялись уроки, а я бежал на стадион, на каток. Все ученики ждали этих — 28 градусов, чтобы не идти в школу.

Мы жили в одной комнате вчетвером. Папа, мама, мой брат и я. У родителей была большая кровать за шкафом. Нам с братом ставили на ночь две раскладушки. Телевизора у нас никогда не было.

Родители считали, что наличие телевизора мешает учёбе и нормальному общению в семье. Посредине стоял большой стол. По вечерам мы занимались все вместе, сидя за этим столом. Каждый знал «свою сторону» и занимался своим делом. Мама готовилась к музыкальным занятиям. Папа писал книги. Боря

сидел над своими институтскими работами. Я готовил школьные уроки. Жили мы дружно и в согласии. Каждый час папа объявлял перерыв и мама садилась за пианино. Она играла и пела. Она великолепно играла, у неё был хороший голос. Мама как будто срасталась с инструментом, он становился её неотъемлемой частью. Она преображалась, когда играла, и начинала жить игрой. Когда мама играла, отец всегда влюблено смотрел на неё. Мама снисходительно принимала взгляды отца. Это было её царство. Я по сигналу мамы переворачивал страницы нот. Иногда мы пели все вместе. Если отец пытался нам помочь и подпевал, на него все сразу набрасывались за то, что он мешает людям петь. У отца было больше энтузиазма, чем голоса и слуха.

Мать любила отца и очень его ревновала. Тогда, в послевоенное время, было много одиноких женщин. Очень мало мужчин вернулось с фронта, да и из тех, кто вернулся, было много инвалидов, а ещё больше — пьяниц. У отца, в его подведомственном отделе, соотношение было 15 женщин на одного мужчину. Злых языков хватало. Маме было тяжело.

Я вообще поражаюсь, как она умудрялась поддерживать своё женское достоинство и гигиену, находясь в одной комнате с тремя мужиками! Без ванной, без тёплой воды… С единственным краном на коммунальной кухне. Мама всегда была ухоженной, красивой и недоступной.

Мой старший брат был для меня всегда большим авторитетом. Я его очень уважал и любил. Родители относились к Боре бережно и осторожно. Они всегда напоминали мне, что мой брат пережил блокаду, чудом выжил и его надо беречь. Меня они всегда наказывали без сантиментов. С Борей обращались аккуратно. У родителей было какое-то чувство вины перед Борей, и они его баловали.

Через много лет я однажды спросил отца, почему он обвинил меня в каком-то из бориных грехов, зная, что я ни при чём. Когда Боря ушёл, он мне ответил: «Я знаю, что ты ни при чём. Знаю, что виноват твой брат. Если я ему это скажу, он на меня обидится. Ты — другой, что бы я тебе ни сказал, даже если и не прав, ты на меня никогда не обидишься».

Семейный бюджет строился коллективно. Папа с мамой сидели за столом и строили годовой бюджет, разделённый по месяцам. Сначала меня и Борю, каждого отдельно, спрашивали и выясняли: какие покупки, на наш взгляд, надо запланировать для нас. В нашем присутствии просматривалось состояние одежды и учебников. Спрашивали о непредвиденных наших расходах. Затем заполнялся общий лист семейных расходов, включая потребности родителей. Когда всё было готово, начиналось обсуждение

очерёдности покупок. Боря и я имели право высказать своё мнение. (Например, почему мамины ботинки важнее, чем лёнино пальто, и наоборот.) Лист с утвержденным бюджетом считался открытой информацией и лежал в ящике стола.

Питались мы нормально, как мне тогда казалось. Но продуктов было мало. За обедом мама сама делила еду по тарелкам. Запрещалось оставлять пищу в тарелке и хлеб недоеденными. Как-то раз я оставил кусок хлеба. Папа взял его в руку, показал мне и сказал: «Доешь его. В следующий раз возьми столько, сколько ты можешь съесть. Из-за такого куска в блокаду умирали люди». На ночь я просил маму, чтобы она ставила мне около кровати два бутерброда с маслом, посыпанным сахарным песком. По ночам я просыпался от голода и съедал бутерброды.

Мама воспитывала меня строго и по-своему. Она любила меня и относилась с большим интересом. Она видела подрастающего мужчину, похожего на папу, и относилась к этому с уважением. Она меня никогда не баловала. Мама занимала своё персональное место в моём воспитании. Её лепта заключалась в светском и музыкальном образовании.

Она следила за тем, как я сижу за столом, как ем, как пользуюсь столовым прибором, как веду себя с людьми. Она посвящала много времени моему русскому языку. Это она настояла, что бы я занялся художественным словом и декламацией. Я любил декламировать стихи и часто выступал на детских утренниках в кинотеатре «Балтика» перед детским сеансом. Благодаря её усилиям, побеждал на конкурсах художественного слова среди сверстников. Иногда дома, по вечерам, по просьбе родителей, читал стихи. Все домашние мне громко аплодировали, особенно когда я читал Маяковского или Есенина. Много времени посвящалось моему музыкальному воспитанию. Маме было очень важно, чтобы я разбирался в музыке. Понимал её. Она подходила к пианино и брала несколько аккордов. Требовалось безошибочно назвать автора этого произведения и название. Иногда я ходил с ней в филармонию на концерты. Целый вечер она рассказывала про композиторов, которых мы слушали, и истории их музыкальных произведений.

У мамы была своя библиотека по истории музыки. Мне, как бы случайно, всегда подсовывались книги о Бетховене, Вагнере, Глинке и других композиторах. Тем не менее, мама категорически отказалась учить меня играть на пианино. Она мотивировала это тем, что, во-первых, мой брат проучился 10 лет и бросил музыку. Все мамины усилия пропали даром. Во-вторых, что я в любом случае пойду по стопам отца и стану инженером.

Летом мы с мамой ездили на дачу. Считалось очень важным

вывозить нас летом на природу. Я любил дачу. В отсутствии папы, я любил спать с мамой в одной кровати. С ней было очень уютно и успокаивающе. Тело у неё всегда было горячее и вкусно пахло. Однажды мама уехала в город, оставив меня с братом. Боря не умел готовить и почти заморил меня голодом. Я брату ничего не говорил, но ждал маму как «манну небесную». Как-то меня оставили вдвоём с папой. Он сварил кастрюлю каши. Я её и съел. Отец очень испугался, что я переел и как бы чего не случилось со мной. Он бросился звонить матери и объяснять ситуацию. Мама, быстро сообразив, в чём дело, засмеялась и успокоила его, что это лёнина обычная порция. Иногда меня отправляли на дачу с Марией Наумовной Левиной, бабушкой Лены, жены моего брата. Она была очень интеллигентная женщина и жила до революции в Петербурге. Долгими вечерами она рассказывала мне о своей жизни, о царской семье и о Петербурге.

Мария Наумовна любила вспоминать о посещении её гимназии императрицей Марией Фёдоровной. «Мария Фёдоровна подошла ко мне, я сделала книксен, и она спросила: "Ты ведь у меня единственная еврейка здесь. Тебя не обижают?"» Её рассказы были для меня живыми сказками.

В нашей квартире обитало 42 человека. Присутствовали представители всех социальных слоев. В двух комнатах жили евреи, братья Грановы с семьями и их матерью. Один был подполковником. Второй — полковником, интендантом. У них была огромная комната, сплошь заставленная трофейной немецкой мебелью. Обе комнаты напоминали мебельный склад. Когда они вселялись, солдаты несколько часов разгружали военные контейнеры. У одного из братьев была дочка Мила, моя первая подружка. И хотя она была на год моложе, именно она научила меня играть в докторов и дала мне начальное сексуальное образование.

Одну из комнат занимала полукриминальная семья по фамилии Вердиянц. Дети там росли без отца, рассказывая, что их отец погиб на фронте. Папа, уже в более позднем возрасте рассказал мне, что их отец был мародёром и грабителем. Во время блокады он отбирал продукты и ценности у умирающих людей.

При обыске у него нашли большое количество продуктов, включая чёрную икру, много брильянтов и золота. Его расстреляли тут же во дворе. Папа был приглашён понятым (свидетелем). Рассказав это, отец попросил меня зарубить на носу, что дети никогда не должны отвечать за поступки родителей. Он попросил меня дать ему слово, что я не буду рассказывать соседским детям правду об их отце, чтобы не

причинять им ненужную боль, несмотря на наши плохие отношения.

...Папа не мог забыть мне историю с Павликом Морозовым. Я тогда был во втором или в третьем классе. Однажды, вернувшись из школы, я попросил отца что-то мне купить. Он ответил, что сейчас у нас нет денег. Я сказал, что если он мне не купит, то я, как честный пионер, как Павлик Морозов, расскажу, что он говорил про товарища Сталина. Отец побелел, задумчиво посмотрел на меня и, повернувшись к маме, произнёс: «Что-то мы в его воспитании пропустили. Кого мы вырастили?!» Я понял, что произошло что-то ужасное, но не понял, что именно. Папа отвернулся и не разговаривал со мной несколько дней. Иногда смотрел на меня этим странным взглядом и молчал.

После этого случая отец старался внушить мне многие вещи, не объясняя причин. Он учил, что не всему и не всем надо верить. Надо быть осторожным с друзьями. Не надо рассказывать всё, что ты знаешь и делиться всем, что знаешь. Он учил меня, что говорить надо только с глазу на глаз, позже добавляя, тогда будешь знать точно, кто на тебя донёс.

Прожив такую нечеловечески трудную жизнь, отец очень боялся за нас, за наш длинный язык. Сегодня я уже знаю, что он был прав. Я только недавно понял, зачем он просматривал газетные обрезки, которые мы использовали в качестве туалетной бумаги. Он смотрел, нет ли там портрета Сталина. Только за это давали 10 лет лагерей. Привитая с детства осторожность, потом много раз спасала мне жизнь.

Я был уже во втором классе, когда начался очередной страшный процесс — «дело врачей». Кремлевских врачей-евреев ложно обвинили в том, что они отравили членов правительства СССР. Это было тяжёлое для евреев время. Их выгоняли с работы, из очередей за продуктами, из университетов. У меня не было абсолютно никакого понятия о том, что такое еврейство. В моём классе учились 47 человек. Все мальчики. Тогда существовали ещё мужские школы. Я был единственным евреем, но я этого не знал до тех пор, пока наша учительница Агрипина Константиновна Колдыбаева не стала разъяснять нам суть социалистического интернационализма на живых примерах. Она сообщила классу, что Ваня Натадзе — грузин, как товарищ Сталин. А вот Леня Токарский, он у нас единственный еврей...

Я думаю, что она сделала это без злого умысла. Она просто была дурой. Меня в тот же день избили, и я побежал домой разбираться с отцом, почему меня назначили евреем. И что это такое? А также — можно ли это поменять на что-нибудь другое.

Отец объяснил мне, что евреи — национальность, поменять

её нельзя. В конце он спросил у меня, всё ли я понял. Я ответил ему вопросом: «А кошка Милы Грановой, она тоже еврейка, как Мила?». Это было точно, как у Льва Кассиля в «Кондуит и Швамбрания», который я ещё тогда не прочитал.

Моё знакомство с «отрицательными» сторонами моего происхождения углублялось. Я везде был единственным представителем еврейского народа! И в классе, и в доме, и на улице. Мальчишки нашего дома поджидали меня каждый день в нашем парадном по возвращении из школы, чтобы избить.

Это было их любимым развлечением. Я же часами стоял напротив дома на бульваре и ждал папу, брата или какого-нибудь симпатизирующего соседа, чтобы прорваться через кордон. Успех меня не баловал.

Однажды отец позвал меня и объяснил, что я должен научиться стоять за себя. Что это не дело — ждать перед домом, пока меня не спасут. По его мнению, я должен был оставить конькобежную секцию и заняться боксом или борьбой. Мы договорились маме об этом не рассказывать, чтобы она не переживала. Я записался в секцию бокса общества «Спартак» и вскоре достиг хороших спортивных результатов, став чемпионом «Спартака» среди юношей.

У меня была серьёзная психологическая проблема в боксе: никак не мог научиться бить первым. Я начинал работать на ринге как следует только тогда, когда получал первый удар по лицу. У меня был хороший тренер, бывший чемпион СССР Гусев. Он быстро смекнул в чём тут дело и начал ставить на ринг в спарринге с моим лучшим другом Славой Хаяком. Славка был здоровее меня.

Комплекция у нас была похожая. Мы получали массу удовольствия, когда лупили друг друга. Во время нашего спарринга ребята прекращали тренировку и собирались вокруг ринга смотреть, как мы боксируем. При этом все спрашивали, не поссорились ли мы. Мы смеялись. Гусев добился своего: я научился бить первым. Потом тренер развёл нас со Славкой в разные весовые категории. Славка был тяжелее.

Бокс очень похож на шахматы — та же быстрота мысли, оценка ситуации и противника. Только боксёры, играющие в шахматы, могут меня понять. Бокс всегда был моим любимым видом спорта так же, как и шахматы. Бокс даёт одно очень важное для жизни качество: ты привыкаешь к удару, понимая, что, даже пропустив и получив удар, с тобой ничего не произойдёт — ты не развалишься. Тогда исчезает страх непосвящённого. Ты становишься бойцом. Я часто ходил с синяками на лице, и мама недоумённо спрашивала: «Откуда это?» Я каждый раз объяснял

ей, что упал и ушибся на льду. Всё это сходило с рук, пока мама случайно не увидела меня на чемпионате по боксу среди юношей. Разразился скандал. Мама обвиняла меня и папу в конспирации. Она говорила, что драться — неприлично, недостойно интеллигентного человека, которым я должен был, по её понятиям, вырасти. Однако её отношение к этому изменилось несколько месяцев спустя.

Когда стал заниматься боксом, у меня изменилось расписание, и я не встречал соседских ребят длительное время. Однажды, возвращаясь домой после тренировки, увидел их в подъезде. Их было трое. Они стали задираться, мотивируя свои намерения ненавистью ко мне — жиду. Было подчёркнуто, что поскольку отца моего здесь нет, у них, по их словам, появилась долгожданная возможность «набить мне морду». Я их предупредил, как нас инструктировали в боксёрской секции, что я — профессионал и не стоит со мной связываться.

Они не поверили и засмеялись. Один из них на меня замахнулся. Я заскочил на ступеньку выше и провёл «хук», как учил тренер Гусев. Нападавший на меня парень упал и покатился вниз по лестнице, сбив своим же телом своих же обоих друзей. Они скатились на два пролёта по каменной лестнице. Результаты были тяжёлые. Их госпитализировали. У них было много переломов. На следующий день прибежали их родители и стали жаловаться на меня отцу. Я слышал, как они разговаривали в коридоре. Отец им сказал, что я прав, и что он сделал бы то же самое, если бы его обозвали жидом и хотели бы избить. Он спросил их: «Где были вы, когда ваши дети годами избивали моего сына в парадном, и я просил вас вмешаться?!»

Мама ничего не сказала, только одарила меня таким мягким и чуть восторженным женским взглядом!

Подобная история произошла у меня с моим сокурсником Марковым позже, на первом курсе техникума. Марков подошёл ко мне в перерыве и сказал при всех, что евреи поганят мир и он, Марков, хочет меня избить из принципиальных соображений, чтобы отстоять честь поруганного русского народа.

Я пытался объяснить ему, что не ищу приключений на свою голову. Он ответил, что по-рыцарски берёт на себя всю ответственность за все последствия.

Окружающие вопили от восторга, воспринимал моё нежелание; как еврейскую трусость, и громко требовали удовлетворения. Мы вышли во двор. Я подошёл к Маркову и, не ожидая его реакции, провёл прямой удар правой рукой. От удара он отлетел и выбил своим телом окно у завуча в кабинете. Было расследование. От меня потребовали оплату разбитого стекла. Я

категорически отказался. Вызвали отца. Отец принял мою сторону и отстоял перед директором техникума. Марков оплатил стекло.

Я никогда не был паинькой в школе. Учился всегда и везде на пятёрки. Но, как это называется сегодня, был гиперактивным ребёнком. Поведение всегда оставляло желать лучшего. Если кто-то где-то хулиганил или происходили странные вещи, то искали меня. Во время контрольной работы, когда неожиданно отключался свет, все присутствующие смотрели в мою сторону. Это я выкрутил электрические пробки и приклеил катышек мокрой промокашки в точку контакта. Промокашка высохла, контакт разомкнулся, и свет выключился. Мои друзья могли спокойно списывать.

Когда я учился во втором классе, Боря учился в десятом. Наш директор, Иона Алексеевич Лавренёв, частенько таскал меня за ухо к себе в кабинет для наказания. В процессе нашего перемещения по коридору я с надеждой оглядывался по сторонам, высматривая бориных одноклассников.

Я молился, чтобы меня заметили — это давало хороший шанс на раннее освобождение. Иона Алексеевич был педагогом старой школы. Он преподавал ещё в гимназии и был истинным русским интеллигентом. Говорили, что в те тяжёлые времена репрессий он не позволил уволить из школы учителей-евреев. Иона преподавал у нас математику и, несмотря на моё поведение, любил за смышленость. Я был у него лучшим учеником.

Втаскивая в свой кабинет для наказания за очередное хулиганство, он, улыбаясь, смотрел на меня и говорил: «Ну-с, господин Токарский, сегодня мы с вами поработаем вместе. Отправляйтесь-ка, сударь, на своё место». И я становился у шкафа «под глобусом» (на шкафу стоял глобус). Иногда он говорил со мной «о жизни». Так мы работали часами, пока не появлялся мой старший брат, и Иона Алексеевич отпускал меня на поруки.

В конце каждой недели я должен был предъявлять свой дневник родителям на подпись. Правила подписи были такие: если в дневнике за неделю стояли одни пятёрки, то подписывал отец. Если была хоть одна четвёрка, то подписывала мама.

Проверяли дневник оба родителя. Подпись отца считалась большим почётом. Оценки у меня были очень хорошими, но весь дневник… исписан замечаниями. Я был чемпионом класса по количеству замечаний в дневнике. Для них не хватало места на полях. Недельные две страницы были исписаны замечаниями во всех направлениях. Я получал около 8–10 замечаний за неделю. Отец внимательно прочитывал их, реагировал слабо и не наказывал меня.

Однажды Иона Алексеевич позвонил отцу на работу и пригласил его к себе, сообщив, что я пририсовал кому-то на портрете усы. Папа с ужасом спросил: «Кому?!» Иона Алексеевич успокаивающе ответил: «Маяковскому». Наступила пауза. Оба молчали.

У меня было хорошее детство и замечательные родители. Вокруг меня были хорошие люди.

Глава 3
ПМ-130

Мой призыв на флот почётным спецнабором, с лишением меня права поступления в институт, был для всех громом среди ясного неба. Никто из людей нашего круга не проходил срочную службу в Советской армии. Все наши друзья и родственники имели высшее образование и получали офицерские звания через военные кафедры институтов. Мой отец и брат были офицерами запаса, так и не надев военную форму. Ни родители, ни я не могли осознать действительного значения свалившегося на нас события. Всё произошло очень быстро и неожиданно, без права апелляции. Районный военком с явным удовольствием постучал карандашом по столу, промямлив под нос: «Вот его-то мы и ждали». Моё дело лежало на столе отдельно от кучи дел остальных призывников. На нём стоял большой лиловый штамп, который я толком не разглядел. Создавалось впечатление, что он призывает будущую звезду флота.

Так я и загремел на Северный флот. Это было начало лета 1964 года.

Ехали мы долго, больше трёх недель. Сначала поездом, потом на корабле. В поезде нас везли в закрытых вагонах, охраняемых «краснопогонниками» с автоматами, видимо, чтобы не разбежались. Собралась хорошая компания. Ехал почти весь выпуск нашего техникума. Все традиционно хотели выпить, но водку невозможно было пронести в вагон. На полустанках выпускали из вагонов неохотно, только за водой. Затем тщательно обыскивали по возвращении в вагон. Я поспорил, что смогу пронести водку в любом количестве. Мне не поверили, но согласились. Мы сбросились деньгами на покупку. На первом же полустанке меня выпустили из вагона с двумя ведрами принести воды. По возвращении долго обыскивали. Заглядывали в полные вёдра, искали бутылки. Водку не нашли. В конце концов, разрешили подняться в вагон с вёдрами.

Мы праздновали весь оставшийся путь. Водки хватило на всех. Вместо воды я принёс два полных ведра водки, чем заслужил законное признание публики. Интересно, что и на перроне, и в вагонах воняло так, что даже запах водки из открытых вёдер не ощущался. После нескольких суток болтанки по Баренцеву морю нас высадили на берег в военно-морской базе, предназначенной для стоянки и ремонта атомных подводных лодок. Место это называлось Гремихой, а в простонародье —

«Иоканьга». Тогда я еще не знал, что проведу в этом проклятом Богом месте четыре года, но всё-таки выживу. Мои же собратья по несчастью, радостно бегавшие по берегу после высадки, даже предположить не могли, что именно это место станет их последним пристанищем в этой жизни.

После учебного отряда нас водворили на корабль с кодовым названием ПМ-130. Это был огромный плавучий военный завод. Экипаж его составлял 350–400 человек. ПМ-130 был экипирован самым современным оборудованием и станочным парком того времени. Там были установлены даже станки для обработки валов подводных лодок длиной в 25 метров. Внутри ПМ-130 размещались различные лаборатории и цеха разных профилей. Нос ПМ-130 завершался лебёдкой с огромным гаком (подъемным краном). Он мог поднять подводную лодку весом в 130 тонн. На палубе были установлены скорострельные орудия для обороны от агрессоров. У борта корабля, как цыплята у курицы, швартовались подводные лодки. Нас разместили в кубрике. Там находилось 36 коек. Койки подвешивались в три яруса на цепях. Расстояние между спальными местами по высоте — около 40 сантиметров. Проход между рядами — около 70 сантиметров. По тревоге в этом проходе одевалось 6 человек. У каждого был свой рундук (плоский шкаф). В кубрике был один, привинченный к палубе стол, за которым могло одновременно сидеть 4–5 человек. На три кубрика приходился один гальюн (туалет) с четырьмя посадочными местами — самое любимое место времяпрепровождения экипажа, что-то типа клуба. Там можно было спокойно посидеть, обсудить злободневные проблемы и почитать газету. Одно посадочное место было дежурным, его занимали только в случае крайней необходимости. Первым делом нас начали тренировать действовать по тревоге. Задача состояла в том, чтобы из состояния «в койке» прибыть на свой боевой пост и доложить о прибытии. Для этого требовалось проснуться, одеться, проскочить 3 трапа и 2 палубы, задраить за собой люк и доложить о прибытии по боевому расписанию по телефону. Доклад о боевой готовности производился по форме: «Боевой пост С1–32 к бою готов». На всё про всё давалось 45 секунд. Этим занимался с нами старшина Столяров, который постоянно напоминал: «По трапу не „ходють", по трапу „бегають"». Столяров — неграмотный крестьянский парень, полный энтузиазма, чувствующий себя, видимо, не очень уютно среди ленинградских «интеллигентов», Я как-то сидел в кубрике и занимался английским по самоучителю. Вошёл Столяров, увидел, чем я занимаюсь, и спросил: «А как будет стол по-английски?». Я ответил, что «стол» — это «table». Он начал входить и выходить

каждые 30 минут и каждый раз громко спрашивал меня: «А правда ли, что «стол» по-английски — это «тэйбл»?» Я подтверждал. В конце концов мне надоело, и я спросил его, зачем он задаёт один и тот же вопрос. Столяров ответил в своей естественной манере, что в кубрик всё время заходят новые люди, и желательно, чтобы все оценили по достоинству его знания английского.

На корабле четыре раза в день делали приборку. В совокупности по времени это составляло 3,5 часа. Места приборки разделялись на три категории: уборка в каюте офицеров, уборка внутри корабля и уборка палуб. Раздавалась необычная для нормального человеческого уха, команда: «Палубы проветрить (!) и прибрать». Самой привилегированной считалась уборка в каютах офицеров. Своё первое место уборки я получил в такой каюте. Никто не мешал. Можно было почитать. Я тогда ещё не знал, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Офицеры смотрели на «своих» матросов, как на личную собственность. Мне этого никто не объяснил. Однажды я пришёл на уборку. В каюте находился капитан-лейтенант. Он ждал меня. Когда я вошёл, он указал мне на «облёванную» кровать и приказал в моё свободное время выстирать его простыни. Я посмотрел на него, как на идиота, сбежавшего из сумасшедшего дома, и сказал, что я пришёл на флот не для того, чтобы стирать чужие «облёванные» простыни. Затем добавил, что военно-морской устав запрещает использовать военнослужащего в личных целях. Мне этого показалось мало, и я пояснил, что одним из важнейших завоеваний Октябрьской революции была отмена института денщиков. Он, не сообразив, о чём я говорю, ответил, что, мол, про такой институт не слышал и такое учебное заведение ему неизвестно. Я ухмыльнулся. Что тут началось! Сбежалось всё наличное командование. Я стоял по стойке «смирно», а они толпились вокруг меня и разглядывали, как инопланетянина. Но формально наказать не решились. Это было моё первое столкновение с системой. Меня отправили убирать шкафут. Шкафут — это средняя палуба, самое паршивое место уборки. Место для штрафников. Три с половиной часа в день на тридцатиградусном морозе с ветром убирать непрерывно падающий снег. Мне дали понять, что есть и легальные способы вынуть из человека душу. Я понял...

Матросы и офицеры не любили друг друга. Офицеры относились к матросам, как к низшей расе. Флотская система предоставляла им для этого формальные возможности. Они питались отдельно. Их кормили другими продуктами. Они получали молочные продукты, вино, шоколад, что нам по нормам

довольствия не полагалось. Мы вообще постоянно недоедали. У каждого офицера был вестовой. Свой персональный денщик, который чистил ему ботинки, стелил постель, стирал его личные вещи. Вообще образовательный и культурный уровень старослужащих офицеров был очень низкий. Молодые офицеры в звании от лейтенанта до старшего лейтенанта, особенно те, которые получили образование в хороших городах, страдали на первых порах неимоверно, чувствуя интеллектуальный голод. В начале своей службы на севере они оставались «людьми». Я дружил с некоторыми из них. Но таких было немного и большинство из них через два-три года превращалось в подобие своих командиров. Офицеры привыкли оправдывать свою «избранность и превосходство» «преимущественным социальным положением и образованием». Когда призвали нас, у офицерского корпуса появилась неожиданная проблема. Наше образование было лучше, чем у многих из них. Матросы ненавидели офицеров за хамство, грубость и издевательства. Были случаи, когда вспыхивал бунт на персональной основе. Матрос с соседнего корабля украл автомат с патронами. Обычно нам никогда не выдавалось оружие. Патроны находились и хранились отдельно под офицерской охраной. Стрелять нам вообще не давали. За 4 года я выстрелил всего четыре патрона и только в учебном отряде. Матрос, видимо, добыл оружие каким-то необычным путём. Он захватил позицию на сопке, главенствующую над главной и единственной дорогой в Гремиху. Оттуда он стал отстреливать проезжающих. И только офицеров. На ликвидацию послали подразделение, где служил убежавший матрос. Это была принятая практика. По своим он не стрелял. Его окружили и, с его же согласия, застрелили. Его все равно расстреляли бы по приговору военного трибунала, поскольку он убил несколько офицеров. Если убивали свои, то сообщалось семье, что он погиб при исполнении служебных обязанностей. Семья не страдала. Таковы были принятые всеми правила игры. Случались и коллективные бунты. Однажды ребята с камбуза сообщили, что привезли гнилое мясо. Обычно нам мяса вообще не давали. Мы все побежали смотреть. Мясо лежало на разделочных столах. На камбузе стоял смрадный дух тухлятины. Мясо было полно белых червей, как в старом фильме «Броненосец «Потёмкин». Сообщили дежурному по камбузу офицеру. Он ответил: «Сожрёте и такое, скажите спасибо и на этом». Повернулся и ушёл. Когда раздался сигнал на обед, все по команде вошли в столовую, сели за столы. Но никто не притронулся к еде. Всё это происходило беззвучно. Мы знали, что любой диалог мог бы быть истолкован, как организованный бунт. Тогда последовал бы процесс выявления

зачинщиков со всеми его последствиями, заканчивающийся трибуналом и дисбатом. Появился замполит. Он стал абсолютно серьёзно объяснять нам, что варёные черви — это тоже мясо и не менее полезное. Появился командир корабля и сказал, что мы обязаны это мясо съесть, так как он не имеет права списать продукты. Никто к еде не притронулся. Вызвали начальника тыла — заместителя командира Гремихской военно-морской базы и выставили охрану у выхода из столовой. Начальник тыла заорал, что это бунт, но тут же сам испугался своих слов. (По уставу командир обязан немедленно доложить в штаб Северного флота об отказе от пищи личным составом, а это могло бы иметь персональные последствия и для него.) Встал один старшина и сказал, что мы есть не будем. Мы требуем присутствия врача и военного прокурора. После короткого совещания с подчиненными, начальник тыла приказал заменить мясо консервами из офицерского запаса. Эта история имела продолжение. Через пару дней один из наших юмористов, выполнявший по совместительству функции киномеханика, объявил о демонстрации кинофильма про Гремиху. Как обычно, набилось много народу. Наш киномеханик специально достал фильм «Броненосец Потёмкин» Эйзенштейна. Как известно, это был один из базовых идеологических мифов Советской власти. Речь шла о восстании экипажа царского броненосца из-за гнилого мяса, которым его хотели накормить.

Начался гвалт. В темноте при появлении на экране царских офицеров, выкрикивались имена их гремихских прототипов. Диалоги в фильме удивительно совпадали с нашими. Замполит потребовал остановить показ. Зажгли свет. Четыре человека встали и заявили, что, в случае прекращения показа, каждый из них отдельно напишет жалобу в штаб флота о том, что идеологическая линия на военно-морской базе не совпадает с идеологической линией Коммунистической партии. Что нельзя объявлять советский кинофильм антисоветской пропагандой. Замполит сдался. Офицеры организованно покинули зал. Показ фильма продолжили. На следующий день киномеханика заменили. «Стукачи» ещё долго строчили свои донесения о заговоре матросов. Я знаю это точно, потому что меня продолжали таскать к замполиту на доследование. Больше всего доносов было написано персонально на меня. Я, конечно же, был в составе четырёх «античервивых» мушкетёров-протестантов.

С первого дня службы мы тосковали по Ленинграду, по родителям, по друзьям, по прошлой человеческой жизни. Первые месяцы, когда ещё было свежо прикосновение близких, пока еще не выветрился запах родного дома, я просыпался по ночам,

открывал глаза и пугался синего света ночника в кубрике. Мне казалось, что это страшный сон, что этого не может быть. Что достаточно закрыть глаза и всё исчезнет. Я закрывал и открывал глаза. Синий свет оставался. Мама не появлялась. В кубрике воняло портянками. 35 человек вокруг меня храпели, стонали во сне, бредили, вскрикивали. Я чувствовал, что провалился куда-то, в какую-то тарабань, в какую-то безысходность, которая уже навсегда и из неё не выбраться. Это продолжалось несколько месяцев. Именно в этот период меня с товарищем первый раз послали на подводную лодку чего-то там сделать. У нас тогда ещё понятия не было, что нам предстоит впереди. Мы стояли с ним на внешнем корпусе подводной лодки. Лодка покрыта толстым слоем чёрной резины (противорадарная защита). Ветра не было. Одеты мы тепло. На небе во всей красе играло Северное сияние. Это огромный небесный занавес, переливающийся всеми цветами радуги. Такого красивого явления природы мы оба ещё не видели. Всё было ошеломляюще необычно. Было тихо. Ни один звук не вмешивался в эту картину. Вдруг мой друг тихо говорит: «Слушай, Лёня, такая поэзия! Как нам повезло!» Я оторвал свой взгляд от неба. Посмотрел себе под ноги на чёрную подводную лодку и сказал ему: «Слушай ты, Каретников, очнись, спустись на землю. Это Северное сияние нам ещё дорого будет стоить!» Через два года Валера Каретников ночью разбудил кубрик. Он сообщил, что сейчас срочно собирают комсомольское собрание. Он также разбудил и привел в кубрик старшего лейтенанта-комсорга. Все сонные собрались и расселись на нижних койках. Валера вытащил футляр из-под аккордеона и поставил его на стол. Затем он собрал все половые тряпки кубрика и сложил их в футляр. После всего этого он объявил комсомольское собрание открытым. Повестка дня — принятие поздравлений по поводу демобилизации старшего матроса Каретникова. Утром его увезли в психиатрический изолятор. Больше я Валеру Каретникова никогда не видел.

Работа на матросском камбузе военного корабля — особое мероприятие. Всё начиналось с чистки картошки. Своего рода клуб, когда сидят рядом 6 человек, разговаривают и чистят картошку. Это было время обмена информацией и воспоминаний. Обычно выдавалось для чистки 8 мешков гнилой картошки. После чистки оставался, в лучшем случае, один мешок картошки, пригодной к еде. Камбузный наряд продолжался 24 часа. Для неопытных «салаг» это было сплошное мучение. Для опытных матросов, да ещё в хорошей компании — удовольствие. Разница в том, что камбузная команда должна быть слажена и опытна. Каждый должен знать своё место и не бросать партнёра в момент

пиковой нагрузки. Команда корабля обедала в две очереди. Между очередями 30 минут разрыва. Это означало, что камбузный наряд должен перемыть всю посуду за 30 минут. Время — функция критическая: все голодные. Чистота посуды — функция критическая. Посуда должна скрипеть после обезжиривания, и на ней не должно оставаться мыло. Если посуда грязная, получишь миской по голове от своих же. Посуда состояла из 150 оловянных мисок, 50 оловянных бачков, 150 ложек и вилок, 50 оловянных поварешек. Мыли три человека. Мыли крутым кипятком, голыми руками, опуская руку каждую вторую секунду в бачок с холодной водой. Работали по конвейеру, передавая посуду следующему по очереди. Время рассчитано по долям секунды. Малейшая задержка — руки ошпарены. Профессионализм — высокого класса! Лебединая песня советского Военно-Морского флота! Были у камбузного наряда и преимущества: 24 часа на работу не посылали. Нет офицеров. Нет построений. Не таскают по мелочам. Нет уборок, Нет политзанятий. Чисто. Светло. Тепла Самое главное — сытно. Хотя есть и другие матросы, которым сытно. Есть такая профессия на каждом корабле и в каждой части, называется — хлеборез. Это особо доверенный командованием человек. Его «секретная» миссия состояла в делёжке хлеба. Каждое утро этот человек закрывался на замок в своём сейфе — хлеборезке. В результате его профессиональной работы каждый матрос получал два тонких ломтика чёрного хлеба. Все ненавидели хлеборезов, а в душе им завидовали. Главное чувство, которое проносил советский матрос через всю свою службу, — это было чувство постоянного голода.

Когда я вернулся домой, отец задумчиво спросил меня: «А что, Советская армия может воевать против Америки?» Я ему ответил: «Ты знаешь нашу любимую военно-морскую поговорку — "Скорей бы война, да в плен сдаться. Там хоть накормят"». Папа добавил, что, судя по моим регалиям, я служил в очень серьезных частях. А это значит, что должен понимать, насколько крепка эта власть. Я ему ответил, что вся эта власть держится на глиняных ногах и скоро упадёт. Отец странно на меня посмотрели больше вопросов не задавал.

Глава 4
Гремиха — Йокаганька

Гремиха — это такое проклятое, а потом и забытое Богом место. Находится оно на южном берегу Баренцева моря. Со стороны Ледовитого океана эта бухта ограничена мысом Святой Нос. Со стороны «Большой земли» на тысячи километров тянется тундра и вечная мерзлота. Девять месяцев — зима и по одному месяцу приходится на все остальные времена года. Полгода день — светло днём и ночью. Затем полгода — ночь. Человеческий организм постоянно требует смены дня и ночи. Там, в Гремихе, эта потребность превращается в необходимость. Люди сходят с ума от непрерывного дня, а потом от непрерывной ночи. В период белых ночей на корабле задраивают все иллюминаторы и сидят в темноте часами. Когда наступает полугодовая ночь, зажигают свет и спят при свете.

Я родился и вырос в городе белых ночей — Ленинграде, и был всегда уверен, что я-то уж точно знаю, что это такое и с чем это «едят». Я ошибался. Здесь это был тяжёлый психологический стресс. Всё здесь, в отличие от прошлой жизни, было экстремальным и плохим. Самое страшное время года — зима. Девять трудных месяцев. Мороз — 40–45 градусов, сопровождаемый сильными ветрами. Говорили, что в Верхоянске морозы больше. Может быть это так. Но там нет таких сильных ветров, как в Гремихе. Гремиха — полюс ветров. Самое страшное, что природа создала — мороз с ветром. Человеческий организм не в состоянии этого выдержать долго. Может быть, специальная экипировка и решает такие проблемы. Но у нас её не было. Рассказывали, что во время Гражданской войны в Гремихе находился концентрационный лагерь англичан. Его даже не охраняли — заключённые за зиму умирали сами.

Лето — самое замечательное время года. Оно длится всего месяц. Если повезёт, можно позагорать пару дней, сняв тельняшку и растянувшись на траве. Северное солнце нежаркое. Оно тёплое, приятное и буквально ласкает тебя своими лучами. Снег тает на равнинах, оставаясь лежать на сопках всё лето. Земля оттаивает на 30–40 сантиметров, и даже летом невозможно лопатами вырыть могилу — её взрывают. Деревья не выживают и не растут в тундре. Но зато, какой кустарник цветёт! Какие ягоды! Когда тает снег, открываются озёра и реки, а в них огромное количество рыбы. Её ловят руками — она не боится людей. Летом бывали большие приливы и отливы. Утром сходишь на берег по трапу с

корабля, когда палуба возвышается над пирсом на 5–7 метров. Возвращаешься вечером, палуба сидит под пирсом на несколько метров. Чудеса природы. В тундре живут ради лета. Отсчет прожитых в тундре лет ведётся по зимам…

«Иоканьга» — это по-лопарски. Есть такой крохотный северный народ — лопари. Люди маленького роста, лица сморщенные. Живут они в юртах и пасут своих оленей, которые тоже карликовые. Они практически не моются и не раздеваются. Их всегда сопровождает «душок» давно немытого тела. Рассказывали, что у них существует традиция, вид гостеприимства, когда почетному гостю, остающемуся на ночь, предоставляется честь переспать с хозяйской женой. Комиссаров, присылаемых в первые годы Советской власти осваивать север, часто убивали, когда они отвергали такого рода гостеприимство. Знакомая лопарка рассказывала мне, что существовал приказ, предписывающий приезжающим комиссарам, если они вынуждены были ночевать в юрте, обязательно пользовать хозяек. Она также объяснила мне теорию, лежащую в основе обычая. Поскольку браки постоянно совершались внутри маленького племени, необходимо было пользоваться любой возможностью улучшения качества потомства. Должен сказать, что эта девушка сама была несомненной поклонницей этой идеологии и делала всё возможное для сохранения традиций племени. Поле деятельности у неё в этом направлении было неограниченно. Хотя комиссаров по освоению севера в наше время уже не существовало, но спрос на женщин, тем не менее, был просто невероятным. На базе находилось около 10 000 моряков, молодых мужчин, которые не встречались с женщинами по три-четыре года. Было всего несколько женщин, в основном офицерские жёны и дочери, которые не появлялись без охраны. Морякам срочной службы выдавались «конфеты» для снижения половой активности. Нам не объяснялось, что это такое. Банки с этой отравой стояли во всех кубриках. Но, несмотря на постоянный сосущий голод, никто к ним не притрагивался. Лишь молодые неопытные матросы, прибывающие к нам после учебных отрядов, наевшись «конфет», с красными распухшими лицами, почёсываясь, уныло бродили по кубрику под хохот старослужащих.

Развлечения матросов в кубрике носили также сексуальный характер. Самое любимое развлечение — онанировать матроса Талочкина. Талочкин был здоровенный высокий парень, очень «сексуально напряжённый». Когда он по возвращении с вахты засыпал в койке, свободный от работы народ рассаживался вокруг в ожидании зрелища. Какой-нибудь доброволец засовывал руку под одеяло Талочкина и начинал действие. Талочкин стонал от

удовольствия, издавая необычные для уха звуки. Когда всё закачивалось, Талочкин просыпался и бежал в душ мыться. На бегу он рассказывал, какие волшебные сны ему снились. Интересно, что ни разу за всю службу он не догадался, что именно служило источником его сексуального вдохновения. Я не любил такого рода развлечений, но иногда это действительно было смешно. Талочкин выглядел таким счастливым. Я думал, как мало человеку надо для счастья!

После нескольких жутких случаев изнасилования жен и детей офицеров, а также домашних животных, украденных у лопарей, Советская власть все-таки решила позаботиться о сексуальных потребностях своих славных защитников. В дополнение к «конфетам» в нашу базу прислали боевое подкрепление, состоящее из 200 девиц лёгкого поведения, высланных из городов за проституцию. Эти девушки прошли курс молодого бойца на нашей базе. Их переодели в матросскую форму и расписали по боевым частям. Я имел честь принимать частичное участие в этом процессе и постараюсь поделиться своим «боевым» опытом. Девушек вылавливали в больших городах — Ленинграде; Москве и других. Они любили свою профессию, в отличие от того, что принято думать. Когда их арестовывали, милиция предлагала им два варианта. Первый вариант — идти на службу в армию в качестве сверхсрочниц. Второй вариант — высылка на 101-й километр от больших городов. Сверхсрочниц предупреждали, что никакие жалобы на сексуальные домогательства приниматься на рассмотрение не будут. Их не обижали зарплатой, и они возвращались после увольнения в запас с приличным капиталом (по советским понятиям). Некоторые даже выходили замуж — в Гремихе любая женщина казалась королевой.

Особое внимание уделялось подбору «героинь». Их было немного. Речь шла об особо удалённых районах, куда целый год практически не было доступа. Это форпосты с радарными установками. Такие, как мыс Святой нос. Там находилось 15–20 солдат и одна героиня.

На кораблях девушки не служили. Будучи в командировке на берегу, я получил под своё командование старшего матроса Валю Андрееву. Она была из Ленинграда. Валя отвечала за медпункт. Она-то меня и познакомила с секретами женской военной службы. Валя предлагала мне воспользоваться моими преимущественными правами командира, но я отказался, у меня были другие взгляды на такие вещи. Однако мы с ней много и подолгу беседовали. Я никогда раньше не встречался с такого типа женщинами, и мне было очень интересно с ней разговаривать. Однажды она пришла и попросила: «Товарищ

старшина первой статьи, мне нужно лечь в госпиталь на операцию аппендицита». Дневальный, находившийся поблизости, прореагировал: «Валька, сколько у тебя аппендицитов? Это уже седьмой». Она отреагировала совершенно хладнокровно: «Сколько надо, столько и будет».

Однажды я услыхал её истошный крик, и шум упавших ведер. Дневальный засмеялся и пояснил: «Опять над Валькой смеются. Только что прибывшего в часть молодого матроса послали к Вале в санчасть с вёдрами получить менструации для мытья камбуза».

Через некоторое время после моего увольнения в запас, Валя зашла навестить меня дома. Моя соседка Сусанна Гранова очень подозрительно на неё смотрела. Крутилась под моими дверями и не могла успокоиться. Сусанну всегда беспокоил мой моральный облик. А мы с Валей сидели, глушили водку и вспоминали Гремиху. Когда Валя, наконец, ушла, Сусанна успокоилась.

Однажды, находясь в Мурманске в короткой командировке, у меня появилась возможность слетать на пару дней «в самоволку» к моему другу Славе Хаяку, служившему в этом районе. Возникла небольшая проблема. Нужно было достать какую-нибудь гражданскую одежду, хотя бы рубашку. В военно-морской форме, без документов, меня бы не посадили в самолёт. Школьные друзья сообщили, что одна из наших одноклассниц, Лена, сослана на 101-й километр за проституцию. Работает и живёт она в текстильном городке-сателлите под Мурманском.

Лена сообщила мне, что в городок не впускают военнослужащих, он охраняется патрулями. Я пошёл на риск. Проскочив сквозь патрули, нашёл здание и поднялся на второй этаж. Зрелище, которое открылось передо мной, было необычным. Это длинный коридор, с двух сторон которого находились двери, расположенные через каждые два метра. Огромное количество дверей. В каждой комнате жила одна девушка. В каждой комнате, шириной в два метра, стояла узкая кровать, стол и стул. Лена стояла в конце коридора. Когда раздались мужские шаги в сапогах, все двери разом отворились. В проёме каждой комнаты стояла девушка. Большинство были полураздеты. Все неотрывно смотрели на меня, как загипнотизированные. Лица ошеломлённые. Я сначала не понял, куда попал и что здесь происходит. Я продолжал двигаться в том же темпе в другой конец коридора, где стояла Лена. Она стояла побледневшая и с ужасом смотрела на меня. Девушки находились в оцепенении. Было такое чувство, что если сейчас кто-нибудь скажет слово, они все бросятся на меня. Ощущал, что я передвигаюсь в клетке с голодными тиграми. Лена втащила меня в свою комнату. Первое, что она сказала: «Ты ненормальный! Ты сумасшедший! Они же

мужика не видели уже много месяцев! Ты же не выберешься отсюда живым!» Потом она быстро собрала в узел одежду, предназначенную мне. Выглянула за дверь. Затем на цыпочках вывела из общежития.

Я подумал, как умудрилась Советская власть довести до такого состояния нормальных здоровых молодых женщин, не совершивших никакого уголовного преступления, просто любивших любить?!

Глава 5
Илюшко
(освобождение первое)

Старшина второй статьи Илюшко — мой первый по счёту флотский командир. Он был родом откуда-то с Украины. Парнишка на полгода старше меня, внешне дохленький, не «видный». Образование у него — неполное начальное. Он сразу заявил, что жидов не любит, а меня — в особенности. И придирался ко мне с самого начала. Выражалось это обычно в том, что моя фамилия называлась первой, если требовалось послать кого-то в расходное подразделение (дежурная команда для авральных хозяйственных работ), на неурочную вахту или на неурочную работу.

Меня это раздражало, но я прекрасно представлял себе, где нахожусь, и не искал справедливости. После случая с «облёванными» простынями, которые я отказался стирать, что-то, видимо, произошло, и его отношение ко мне стало невыносимым. Поскольку по природе он был трус, я предполагаю, что ему кто-то развязал руки. Он начал придираться без всякого повода, и наказания посыпались на меня, как из рога изобилия. Вскоре это начало принимать уродливые и опасные для меня формы. Для того чтобы была понятна безысходность ситуации, в которой я оказался, надо объяснить, как построена система наказаний на корабле. Их два вида: внеочередной наряд на службу и внеочередной наряд на работу. Внеочередной наряд на службу — обычная вахта. Т. е. «охранять» телефон и выкрикивать команды. Когда тебя наказывают, ты заступаешь в ночь после окончания рабочего дня. Всю ночь ты обязан стоять у телефона по стойке смирно. В шесть часов утра ты сдаёшь вахту и идёшь отсыпаться, не принимая участия в утреннем личном осмотре и в поднятии флага. Внеочередной наряд на работу — подряд на выполнение обычно изобретённых специально для тебя, грязных, тяжелых и унизительных работ. Выполняют их после отбоя за счет сна и заканчивают к шести часам утра. Утром ты переодеваешься в чистую робу с чистым гюйсом и бежишь строиться на личный осмотр и подъём флага. Затем — развод на рутинные работы.

Личный осмотр матроса перед подъёмом флага на военном корабле проводится старшинами и офицерами. Цель его — проверка чистоты одежды и личной гигиены. Роба, повседневная рабочая одежда, которую матросы носят на корабле, представляла собой длинную рубаху и штаны, пошитые из

грубого белого или синего брезента. Роба и гюйс (матросский воротник) во время осмотра должны были быть без единого пятнышка. Матросу выдавалось два комплекта рабочей одежды. Один на себе, второй — в стирке или в сушке. Стирали мы сами вручную в бане. Стирали каждый день в «личное время», которое выделялось нам между последней корабельной уборкой и отбоем. «Личное время» составляло примерно час-полтора. Любое наказание автоматически лишало матроса «личного времени».

Илюшко изобрёл иезуитскую систему наказаний специально для меня. За всю свою дальнейшую службу на флоте ни я, ни мои друзья не слышали о подобном изобретении. Он чередовал наказания и не засчитывал их выполнение. После наряда на службу следовал наряд на работу. И так без перерыва. Получив наряд на работу после обычного рабочего дня, когда все шли спать, меня отправляли в машинное отделение с задачей — высушить трюм от машинного масла. Вооруженный длинным прутом, на конец которого прикручивалась тряпка, я окунал её в масло, пропитывал, вытаскивал обратно из-под поёлов (металлических решеток) и отжимал руками в ведро. Окончить работу следовало до побудки личного состава. Первый раз, по неопытности, я закончил работу на два часа раньше побудки и доложил Илюшко. Издевательски засмеявшись, он сказал, что я закончил слишком рано. Перевернул ведро и выплеснул масло обратно под поёлы, приказав мне высушить всё заново. Утром, не выспавшись, я отработал весь день на обычных рутинных работах. Вечером вновь заступил на ночную вахту (стоять всю ночь у телефона по стойке «смирно»). Я надеялся, что в шесть часов утра, когда сменюсь, то отосплюсь и постираюсь. Без десяти шесть появился Илюшко. Придравшись к тому, что телефонные инструкции лежат не на месте, он снял меня с вахты. Это означало, что моё дежурство (наказание) не засчитывается, мне разрешается отдохнуть лишь до подъёма (то есть 10 минут!), после чего я обязан повторить свое наказание сначала.

Система наказаний на Флоте была очень далека от гуманизма. Но даже в ней были определенные ограничения по количеству и очерёдности. Илюшко элегантно их обходил. Так начался один из самых тяжёлых периодов моей военно-морской службы. Я был полностью лишён сна по ночам, работая или стоя на вахте. Илюшко бегал по кораблю и выискивал для меня самые невероятные, грязные и тяжёлые работы, а когда их не было, заставлял меня зубной щёткой чистить гальюны (туалеты). Он стал смазывать маслом скрипящие петли дверей своей каюты, чтобы можно неслышно подойти и снять меня с вахты в очередной раз. Да в этом уже и не было необходимости, я засыпал

в любом месте. Сон на вахте считался одним из самых тяжких нарушений дисциплины. Илюшко был доволен. Поскольку у меня не хватало времени на стирку и на мытьё, я ходил весь чумазый в грязной одежде. Меня уже наказывали за это все старшины и офицеры.

Я стал самым недисциплинированным матросом на корабле. Мою фамилию знали все. Обо мне говорили, как о безнадежном случае. Уже явно чувствовалось на затылке дыхание военного трибунала и дисбата. Это становилось делом недалёкого будущего, буквально нескольких недель. Я впал в апатию от хронического недосыпания, что ещё более усугубляло моё положение. Не было даже слабого шанса что-то изменить. Всё рушилось. Одно постоянное желание владело мной — спать, спать, спать...

Уже прошло около полутора месяцев, как моя жизнь превратилась в каторгу. Илюшко проводил очередной «раунд опускания», отправив меня чистить корабельную прачечную зубной щёткой. Прачечная находилась на нижней палубе. Иллюминаторы её возвышались над уровнем моря, примерно, на метр. Время позднее, после отбоя. Было пусто. Шумели генераторы машинного отделения. Неожиданно, без стука, Илюшко ворвался в помещение. Он был в хорошем настроении. Вероятно, спустился в трюм, чтобы развлечься. Его лицо выражало уверенность в себе и своём превосходстве, собственную силу и безнаказанность. Он был буквально упоён собой, застукав меня с поличным. Чувствовалось, что он уже представлял себе, как сейчас, глядя с презрением в мои молящие о пощаде глаза, он торжественно, командирским голосом, рявкнет: «Матрос Токарский, за сон во время выполнения боевого задания объявляю вам два наряда на работу вне очереди». А потом, вечером, в старшинском кубрике будет с юмором рассказывать, как эта интеллигентная жидовская морда умоляла его о пощаде, писаясь в штаны от страха. Увидев его и мгновенно оценив ситуацию, я, неожиданно для себя осознал, что судьба принесла мне подарок, и сейчас может произойти чудо. Я отреагировал почти автоматически, отрезав его от выхода и задраив входной люк. Подскочив к нему со стороны двери, я схватил его одной рукой за глотку и, прижав к переборке, поднял за горло. Он повис на моей руке. Выражение на его лице изменилось. Сначала это было удивление, затем — испуг, который сменился страхом.

Как уже упоминалось, я был физически очень сильным человеком и обладал «железными» руками. (Ходила семейная легенда, что однажды, открывая руками бутылку вина, я оторвал ей горлышко.) Глядя ему в глаза, я стал вслух анализировать

ситуацию: «Положение у меня безысходное. Следующее, что меня ожидает в этой жизни, — военный трибунал и дисбат. Единственной причиной всего этого являешься ты, Илюшко. И все только потому, что ты ненавидишь евреев. Ты мешаешь мне жить. Ты превратил мою жизнь в ад. А ведь я лично за всю нашу совместную службу не сделал тебе ничего плохого. Да и еврейский народ тоже. Но ты не нужен ни мне, ни еврейскому народу. Судьба преподнесла подарок, и у меня есть возможность от тебя избавиться — прикончить тебя здесь. И сейчас. Самое простое — сбросить в воду через иллюминатор. Даже руки тебе связывать не надо. Тебя здесь никто не услышит. В холодном Баренцевом море сердце останавливается через минуту-две. Искать тебя, как сам знаешь, даже не станут. Лучше ничего и придумать нельзя. Потом я пойду спать».

Я говорил спокойно и тихим голосом. Для меня это было просто хорошим вариантом решения проблемы. Прикидывал в голове, сколько времени у меня возьмет возиться с ним и сколько останется проспать до подъёма.

Я отпустил руку. И он рухнул. На лице у него был начертан животный ужас. Никогда не видел такого выражения лица у людей. Он плакал. На штанах у него расплылось большое мокрое пятно, и жидкость потекла на палубу. Стоя на коленях, он начал целовать мне сапоги и что-то мямлить. Потом появился вонючий запах, видимо, он «обделался». У меня не было эмоций. Мне не было его жалко. Я понимал, что не могу его отпустить, потому что меня арестуют завтра же утром по его доносу. А с таким послужным списком, который он мне создал, это будет мой естественный конец. Он продолжал умолять меня и обещать, что исправится, что не будет больше так поступать. Я отпустил его. Не знаю почему. И пошёл спать. Когда проснулся, был уже обед. Я всё ждал, что меня придут арестовывать, но никто не приходил. Меня даже никто не разбудил: оказалось, что Илюшко дал мне освобождение от работы. Жизнь моя постепенно вернулась в нормальное русло. Я жил и служил как все. Илюшко обходил меня стороной, но, составляя списки вахт и нарядов, он явно мне покровительствовал. Хотя с тех пор никогда со мной не разговаривал и всегда отводил глаза при встрече.

Вскоре наши пути разошлись…

Глава 6
Партия — наш рулевой

На корабле особое внимание уделялось «морально-политическому воспитанию» матросов. Каждый понедельник нам устраивали политические промывки мозгов, проверяя и настраивая наш идеологический пульс. Нам, естественно, объясняли, какую страшную опасность представляют собой американские агрессоры. Когда рассказывали, как подлые американцы отравляют народ кока-колой, у нас слюни текли. Учили, как важно правильно умереть во имя Родины. Ведь мы только об этом и мечтали. Нам открывали глаза лозунгами типа: «Народ и партия едины!» или «Партия — наш рулевой»...

Поскольку мы находились на особо секретном участке фронта, кубрики были буквально нашпигованы подслушивающими и доносящими одушевленными и неодушевленными устройствами. Главную роль в этом важном процессе выполняли партийная и комсомольская организации.

Мы все были в комсомольском возрасте, поэтому роль секретаря комсомольской организации считалась чрезвычайно важной. Он должен был открывать наши сердца и души, исполняя роль сходную с ролью священнослужителя. Разница состояла лишь в том, что уже через час подробный доклад о состоянии души моряка был у замполита и начальника особого отдела базы.

В качестве комсорга, нам прислали молодого старшего лейтенанта-«краснопогонника», которого прямо на корабле переодели в военно-морскую форму. Проведя экстренное общее комсомольское собрание под руководством старших партийных товарищей-офицеров, все дружно проголосовали «за». Он вступил в должность «пастора заблудших душ», и руководство команды «стукачей», «штинкеров» или «шестёрок».

«Стукачей» не любили и довольно быстро распознавали. Если «стукач» был умный, то он «постукивал» в меру, «ел из двух тарелок». Если «стукач» был опасный и по его доносу человека отправляли в дисбат, матросы убирали его при первой же оказии. Решалось это просто. Во время перекуров, когда офицеров рядом не было, «стукача» окружали и «случайно» подталкивали за борт. Упав с высоты метров семи, он погружался в ледяную воду. Раздавался крик: «Человек за бортом!» Все начинали суетиться, бросать спасательные круги.

Через несколько минут сердце останавливалось от переохлаждения, и одним стукачом на корабле становилось

меньше.

Один подонок «заложил» моего друга. По «политической» статье ему впаяли два года. Стукач был осторожен. Считая себя неуязвимым, он был нахален и не считался ни с кем. Поскольку я обладал авторитетом человека нестандартно мыслящего, ребята попросили меня что-нибудь придумать. Случилось так, что стукач попросил новоиспечённого комсорга рекомендацию в партию.

Процесс был организован как обычно, и ничего особенного не ожидалось. Присутствие комсомольцев и некомсомольцев было обязательным. В комнату набилось около трехсот человек. «Жених» стоял на сцене и рассказывал; как он предан советской власти и коммунистической партии. Выступил парторг и долго распространялся по поводу бесценного вклада Иванова в дело защиты отечества от врагов нашей родины. Затем последовал последний, рутинный вопрос — хочет ли кто-то что-то добавить. Я поднял руку и попросил слова. Зал затих, ожидая подвоха.

Я начал с конца: «Этот человек — враг. Я требую немедленного исключения старшины Иванова из комсомола, как человека антисоветского и чуждого нашей идеологии. Еще на прошлой неделе, когда мы сидели в кубрике, сменившись с вахты, он говорил мне, что Брежнев — грязная свинья, что советская власть специально морит нас голодом, превращая в бесправных рабов». Словом, всё, что у меня было на душе, я вложил в его уста.

Сначала воцарилась мёртвая тишина, а затем поднялась буря. Присутствующие оценили затею и повскакав с мест, наперебой орали: «Я тоже слышал! Он и мне это говорил! Исключить из комсомола!» На сцене за столом с зелёной скатертью сидело с десяток ошарашенных происходящим офицеров. Иванов стоял испуганный, со слезами на глазах. Он пытался что-то сказать, но его никто не слушал. Как вода, прорвавшая плотину, ненависть и злорадство буквально захлестнули зал. Комсорг пытался хоть как-то исправить ситуацию. Но это было невозможно. Зал требовал голосования, как римляне «хлеба и зрелищ». Все почувствовали себя вдруг свободными людьми, способными демократическим большинством восстановить справедливость. Эйфория, которую они уже давно не испытывали. Иванова исключили из комсомола и этим основательно подпортили его карьеру.

Меня же вызвал старлей-комсорг и высказал всё, что он обо мне думал одной сакраментальной фразой: «Лучше бы ты, Токарский, пил водку! Мы бы знали, что с тобой делать». Эта фраза, позже, когда я уже вернулся из армии, прочно закрепилась в нашем семейном фольклоре, и мой старший брат, Борис Токарский, очень любил её повторять в подходящих для этого

случаях. В те же далёкие времена эта история стала одним из самых популярных рассказов на камбузе, являясь неотъемлемой частью военно-морского эпоса того времени.

Признаюсь, что я чувствовал себя героем и ещё долго купался в лучах славы и уважения матросского сословия Гремихи.

На этом мои взаимоотношения с комсоргом не окончились. Однажды во время тревоги меня послали к нему на квартиру с повесткой — срочно прибыть на корабль. Тот, кто часами проповедовал нам на политзанятиях о вреде пьянства и о высоких моральных качествах советского моряка, открыл двери, одетый «в чём мать родила», пьяный в «стельку». С трудом сообразив, он пошёл одеваться.

В комнате находилось с полтора десятка молодых офицеров и несколько женщин (жёны офицеров и морячки). Все были голые и пьяные. Было натоплено. Большинство присутствующих сидело за столом, покрытым зелёной скатертью с бокалами в руках. Когда один из сидящих офицеров начинал меняться в лице и морщиться, присутствующие начинали вопить от удовольствия.

Я наивно спросил у вестового, сидящего в коридоре, что, собственно, происходит. Он посмотрел на меня со снисходительной улыбкой и объяснил, что это игра в фанты. Одна из женщин, ползая в темноте под столом, должна была на ощупь, по мужским причиндалам, определить фамилию и воинское звание офицера. Победившую награждали. Побеждённого офицера, не выдержавшего и выдавшего себя во время «опознания», наказывали фантом...

Так развлекались доблестные советские офицеры-коммунисты, пока мы, голодные и замёрзшие, лопатами грузили уголь или облучались в атомных реакторах во имя укрепления боевой готовности Советского флота.

Одной из самых ненавистных для нас функций, выполняемых вахтенным офицером, была проверка посылок из дома. Посылки приходили нечасто из-за редких оказий. И это было важным событием. Важность заключалась ещё и в том, что кроме хороших продуктов и согревающих сердце предметов, пахнущих близкими и родными, там довольно часто оказывалась бутылка качественного вина или водки. В этой флотской пустой жизни всё постоянно крутилось вокруг выпивки. Пили все и пили всё. Это была подвернувшаяся случайно всякая дрянь — тройной одеколон, «чифир», технический спирт, а если очень везло, то за бешеные деньги через «сундуков» (сверхсрочников) покупали бутылку водки. Водку продавали в единственном крохотном магазинчике, находящемся на базе, который охранялся военными патрулями круглые сутки, в основном от нашего брата-матроса.

В обязанности вахтенного офицера входило вскрытие и проверка посылки. Цель проверки — обнаружение спиртного. Досмотр происходил в присутствии владельца посылки. Присутствующие заворожено следили за действиями офицера. По инструкции он, обнаружив бутылку, должен был на глазах у хозяина посылки разбить её о пирс. Возникала сложная человеческая проблема, борьба эмоций. Обе стороны ненавидели самих себя и ту сюрреалистическую ситуацию, в которую они попадали. При любом другом жизненном раскладе, эта группа молодых людей с легкостью решила бы возникшую дилемму. Но здесь, в Гремихе, это была трагедия. У вахтенного офицера имелось в наличии два варианта решения. Первый, правильный и достойный советского воина, — это, выругавшись флотским матом, разбить бутылку. Второй, неправильный и недостойный советского воина, выругавшись флотским матом, отдать бутылку адресату. Второе решение могло быть принятым при определённых условиях.

Условием для принятия решения являлся: не потерял ли свое лицо молодой офицер. Это мог быть также офицер-разгильдяй, который возненавидел службу; к которому вернулся человеческий облик. Сделка зависела от отсутствия в обозримом физическом пространстве старших офицеров и стукачей.

Однажды мой друг получил сообщение, что ему пришла посылка. Мы все, воодушевлённые этой приятной новостью, отправились в рубку дежурного по кораблю за её получением. Дежурным заступил комсорг. Он уже давно проявлял к нам повышенную симпатию, изощрялся в своих попытках сблизиться с нами. Хватая за руки, он долго и нудно набивался к нам в друзья...

Вскрыв посылку, помимо других вещей, старший лейтенант обнаружил в ней бутылку превосходного армянского коньяка. Было также приложено письмо невесты с поздравлением моего друга с днём рождения. Признаюсь, что настоящего коньяка мы не видели уже много месяцев, в животах заурчало, и наше воображение заработало. Согласно морской диспозиции, напрашивался вариант номер два. Во-первых, комсорг утверждал, что хотел бы быть нашим другом. А это, по нашим понятиям, стоило бутылки коньяка. Во-вторых, старших офицеров и стукачей в обозримом физическом пространстве не наблюдалось. Воспользовавшись моментом, я намекнул ему, что и событие-то благое, и рассчитывать на нашу порядочность он тоже может. Последовал совершенно неожиданный для нас ответ. Долг военно-морского офицера обязывает его разбить бутылку. Звучало это довольно фальшиво, учитывая то, что я о нём знал. Было

очень жалко бутылку. Это чувство сложно передать тому, кто не бывал в нашей ситуации. Выхода не было, и мы приготовились к похоронной процедуре. В продолжение он скороговоркой сообщил, что в данный момент он занят и разобьёт эту бутылку самостоятельно, чуть позже. Сомневаться в его офицерской чести не хотелось, кроме того, нежелательно переходить границы законов субординации. Нам ничего не оставалось, как покинуть рубку дежурного.

На следующий день выяснилось, что бутылка нашего армянского коньяка мирно почивает в комсомольском сейфе, в каюте комсорга. Выяснилось еще одно обстоятельство. Вестовой старпома на офицерском камбузе слышал, как наш старлей приглашал офицеров с жёнами к себе на квартиру в воскресенье на день рождения. В продолжение он похвастался, что ему прислали бутылку хорошего армянского коньяка.

Собравшись на камбузе вчетвером, мы обсудили ситуацию. Она была признана в высшей степени нахальной и наглой. Мне, как стратегу с нестандартным мышлением, поручили срочно разработать рабочий вариант операции восстановления справедливости и технологии мщения.

На следующий день после вечерней поверки, когда комсорг отбыл на берег, подготовившись и вооружившись всем необходимым, мы начали операцию. Открыв его каюту, а затем и сейф, извлекли бутылку. Аккуратно, не повредив заводскую пробку, отлили около трёх граммов коньяка в приготовленную пробирку. Затем разлили остальное содержимое бутылки в четыре стакана и провозгласили тост за здоровье именинника и его заботливой невесты. На очереди была месть. Каждый из нас по очереди опорожнился в бутылку. Наш химик сравнил цвет оригинального коньяка в пробирке с содержимым бутылки. Затем он добавил приготовленные заранее химикаты, доведя цвет содержимого бутылки до оригинала. Наконец, поколебавшись, он перелил оставшийся коньяк из пробирки обратно — для запаха, как он сказал, и для букета. Мы закрыли, опечатали сейф, замели следы и пошли спать. В понедельник, на подъёме флага офицеры вели себя довольно необычно. Они странно ухмылялись, глядя на нас. Появился комсорг» Он вёл себя как чумной. Ходил и заглядывал всем в глаза. Ко мне он подходил чаще всех. Его словно магнитом тянуло. На построении, стоя в полуметре, он буквально впивался мне в глаза, высматривал в них ответы на какие-то мучащие его вопросы. Он пытался что-то прочесть в моих глазах, но тщетно. От него сильно несло перегаром. Много я бы дал, чтобы хоть одним глазом подсмотреть, что же произошло в тот вечер. Это был фактически мой последний диалог с

комсомолом и его лидерами.

Моя военно-морская служба продолжалась.

Глава 7
Рабовладельцы

В Гремихе был свой ад. А при нём свой сатана. Ад назывался гауптвахтой, и сатаной служил старшина гауптвахты. Собственно говоря, ничего особенного там не было. Она представляла собой бетонную коробку с тюремными камерами, врытую в вечную мерзлоту. Камеры рассчитаны на 7–8 арестованных в мирное время. Я не помню, чтобы там находилось меньше, чем 35–40 арестованных одновременно. Камеры днем пустовали. Кроватей не было. После отбоя в стенах закреплялись «самолёты» в несколько этажей. Получались горизонтальные перекрытия из досок, напоминающие известные фотографии, снятые в Освенциме. Когда открывалась дверь камеры, видны были три этажа лежащих друг около друга голов. Два взаимодополняющих элемента превращали это место в ад: старшина и холод.

Старшина был садист с инициативой. Он хорошо знал устав и инструкции, используя их абсурды для того, чтобы мучить людей. В инструкции было сказано, что топить камеру надо один раз в день. Он и топил. Дрова сгорали быстро. Печка становилась холодной уже через полчаса. Температура в камерах держалась под -30 градусов мороза практически целую ночь.

На корабельных и внешних работах матросам выдавалась нестандартная тёплая одежда — тулупы, спецпошивы и валенки. По уставу такая одежда не существовала. На гауптвахту же принимали по уставу — шинелька, роба, одна пара белья и сапоги. Особенно беспокоило старшину — не пропустить бы кого-то со второй парой белья и вторыми портянками. Одеяла не полагались. В этой одежде мы работали и спали. Рано утром в 30–40 градусный мороз начиналась физзарядка. Форма одежды на ней — по пояс раздетые. Старшина одетый в огромный тулуп, уже стоял на середине плаца. Нас, полуголых, выстраивали вокруг него. Подавалась команда: «По кругу лягушкой марш!» Мы начинали скакать вокруг старшины на карачках. Он вслух комментировал качество нашей скачки, напоминал нам, что мы — бесправные рабы. При этом, не забывая через слово помянуть нашу мать. Ему подвывала вьюга. А мы, про себя, проклинали Советскую власть и ту мать, которая родила этого подонка.

На базе был также «бог и его наместник». У «бога» существовало даже звание — контр-адмирал. Это — Певзнев, командир базы, полновластный властитель всего, что находилось в Гремихе. Он любил женщин. А поскольку их находилось здесь

не так много, то все, имеющиеся в наличии, состояли в его гареме. Флотскому люду были известны два способа мобилизации в гарем новых женщин, приехавших в Гремиху. Это, большей частью, супруги молодых лейтенантов, которые сдуру повезли своих юных жен за собой.

Способ первый — командир базы, прогуливаясь по единственной улице в Гремихе, встречает молодую счастливую пару. «Лейтенант, представьте меня, пожалуйста, вашей жене. Спасибо. А теперь — кругом и шагом марш в казарму! Жена остаётся».

Если же эта молодая женщина не проникалась страстью к адмиралу и не соглашалась разделить с ним ложе и, тем самым, положить себя на алтарь офицерского братства, то применялся способ второй, более прозаичный и простой: семью молодого офицера немедленно переселяли в квартиру, где дуло во все щели. Без воды и других удобств. Когда же молодой лейтенант приходил выяснять ситуацию, ему сразу же напоминали, что в уставе записано: «Военнослужащий обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы», и рекомендовали прислать свою молодую жену к адмиралу для более «детального ознакомления с уставом внутренней службы». Сопротивления хватало максимум на две недели. Затем молодожены торжественно перевозили свои вещи на новую квартиру.

В мою бытность был один лейтенант, который проявил настойчивый эгоизм и упорно не хотел делиться собственностью. Более того, он пытался жаловаться и привлечь на свою сторону советскую власть. Ему вежливо объясняли, что, во-первых, советская власть в Гремихе — это адмирал. Во-вторых, это естественная компенсация за самопожертвование старшего по службе, уже много лет оторванного от «Большой земли». Строптивый лейтенант оказался в сложном положении ещё и потому, что связь с «Большой землёй» поддерживалась всего один месяц в году. Не сумев пережить одну холодную зиму, как требовалось от них уставом, они с женой сдались через пару месяцев. Надо отдать должное адмиралу, что сам-то он не был эгоистом. У него даже присутствовали здоровые элементы коммунистического сознания. Он охотно делился своими женщинами (чужими жёнами) с друзьями.

«Наместником бога» на земле служил комендант базы — майор, с другим хобби и другими наклонностями. Он, видимо, был слаб по мужской части и поэтому сосредоточил свою энергию на воспитании матросов. Он ненавидел матросов, как класс, считая всех нас отребьем, бездельниками и вредителями. Образования у него не было никакого. Как и подавляющая часть

офицеров в базе, он относился к группе «последних из могикан». Это — офицеры, выдвинутые из среды солдат и получившие офицерские звездочки во время войны. Они не имели права на повышение воинского звания из-за отсутствия элементарного образования и подлежали немедленному увольнению из армии после перевода на «Большую землю». Они цеплялись за Гремиху двумя руками, как за последний плацдарм. При этом ненавидя и обвиняя в своём положении весь цивилизованный мир. Наш комендант был садист и держал в постоянном страхе весь личный состав гарнизона. Но самое любимое его занятие — встречать корабли, возвращающие на базу моряков по окончании отпуска. В ту пору моряки служили четыре года, и им полагался единовременный отпуск на 30 суток. С учетом льгот за службу в Арктике, льгот за службу на подводной лодке и за радиацию, — выходило до 60 суток. На третьем году моей службы срок действительной службы на флоте сократили до трёх лет (в сухопутных войсках — до двух). Понятно, что я должен был бы уволиться в запас на год раньше, если бы не мои, возникшие позже, разногласия с властью.

Спускающихся по трапу моряков, одетых в парадную форму, с чемоданчиками, набитыми подарками для сослуживцев, вкусно пахнущих домом, жёнами и «Большой землёй», радушно встречал... комендант базы. Он останавливал каждого. И, после короткого диалога, арестовывал его и отправлял на гауптвахту.

По его обязательному приказу работали отпускники в самом грязном месте базы — на угольном складе. Одетые в парадное обмундирование, в котором они сошли с корабля.

Идеология ареста излагалась по первому требованию — напомнить всем, что они вернулись к своему хозяину в Гремиху.

Причины ареста также объявлялись по первому требованию. И обычно с добавкой пары суток за сам факт вопроса. Причины ареста зачастую не имели ничего общего с арестованным субъектом. Просто изобретательно рождались в комендантской голове. Один из моряков, которого арестовали за плохую стрижку, снял бескозырку и предъявил коменданту свою абсолютно лысую голову: «Товарищ майор, за какую причёску?» Последовал спокойный ответ: «Ну, тогда — за пререкание!»

Недалеко от коменданта всегда стояли несколько командиров кораблей и старпомов, которые из сердобольности или из-за нехватки личного состава, пытались вырвать своих неудачников из пасти коменданта, обещая ему, что они накажут провинившихся собственной властью.

Комендант был также глазами и ушами командира базы. Это он поставлял информацию о прибытии новых гражданских лиц

женского пола.

У коменданта была жена, сварливая и некрасивая баба средних лет. Её боялись не меньше, чем мужа. Она любила «арестовывать» матросов прямо на улице и посылать их на выполнение подённых работ. Поскольку она являлась гражданской персоной, особенно часто попадались новобранцы, не знавшие её в лицо. Они были неопытные и наивные, прибывшие с «Большой земли». Они и предположить-то не могли, что их может арестовать баба! В учебном отряде этому не учили. Муж её, видимо, не был способен на мужские подвиги, поэтому она отличалась тем, что любила останавливать колонны матросов возвращавшихся из гарнизонной бани. После короткого осмотра счастливчик отправлялся к ней домой. Впоследствии этот счастливчик был всегда желанным гостем на матросских сходках на камбузе. Его похождения и устные рассказы со всеми подробностями заносились в классику матросского эпоса на века.

Такими вот были властители наших тел и душ.

Они же должны были спасать нас от растлевающего влияния Запада и защищать наши города и сёла от американской агрессии.

Глава 8
Дела наши атомные (первый круг ада)

Когда мне исполнилось 14 лет и я заканчивал семилетку; отец получил инфаркт. В нашей семье образование детей было однозначно предрешено свыше. То, что мы должны получить инженерное образование, а затем стать докторами наук, не подлежало сомнению. Старший брат Боря уже заканчивал ЛКИ (Ленинградский Кораблестроительный Институт). Этот институт — семейный, его заканчивал и отец. Он всегда с гордостью вспоминал, что был один из десятка студентов ЛКИ, продолжавших учится во время блокады. Получив инфаркт, папа испугался за моё будущее. Он боялся, что не выживет, и я останусь без образования. Сказал, что советует пойти другим путём. Сначала закончить техникум, а потом институт. То есть у меня есть возможность стать студентом уже сейчас, в 14 лет. Маркетинговые способности у отца были великолепные, и я «съел наживку» с большим аппетитом. Сдав экзамены на «отлично», поступил в Ленинградский Судостроительный Техникум, в котором преподавал когда-то отец.

Тогда я еще не знал, куда развернул свой жизненный путь и какую судьбу себе приготовил. Техникум этот был серьёзным, с великолепными лабораториями и преподавателями. Многие хорошо знали отца. Он лично проверял мои задания и заставлял по десять раз переделывать чертежи. По некоторым предметам папа читал дополнительные лекции дома после возвращения с работы. Иногда брал на завод, где показывал работу уникальных станков, отливку деталей, плавку металла. Он давал мне почувствовать близость к металлу, близость к производству. Я начал свою трудовую карьеру, когда ещё не исполнилось 16 лет. Наш техникум был дневной, но вышло указание, что, начиная с третьего курса, все должны работать и учиться.

Меня определили на работу в 22-й цех Адмиралтейского завода. Это — трубогибочный и монтажный цех. Работа заключалась в том, чтобы в составе гибочной бригады гнуть трубы по шаблонам и монтировать их на строящихся судах. Работа физически очень тяжёлая. Трубы наполнялись песком, разогревались на горне, а затем гнулись вручную. Приходя после работы домой, с трудом двигал руками-ногами. Не было сил идти на учёбу. Мама сидела рядом со мной и уговаривала подняться. Я с усилием, чуть ли не со слезами на глазах, вставал с дивана и

шёл на занятия в техникум. Это — первое испытание тяжёлой физической работой.

Через пару месяцев меня перевели на завод «Судомех». Здесь была уже папина епархия. Он лично привел меня в 10-й монтажный цех к своему блокадному другу, старшему мастеру Железнову. Я стал слесарем-механиком. Работали сдельно. Железнов поручал мне самую грязную и низкооплачиваемую работу. Когда я пришёл жаловаться к отцу, что мало зарабатываю, выяснилось, что это он попросил Железнова научить меня работать, а платить поменьше. Так отец хотел научить жить и преодолевать трудности. Железнов — мой первый трудовой учитель. Он был хорошим рабочим человеком, с большим жизненным опытом. Мы часто беседовали, он рассказывал много хорошего об отце. Иногда говорил о себе. В 40–50-е годы существовал сталинский закон о том, что тот, кто опаздывал на работу более, чем на 40 минут, получал 10 лет тюрьмы, оставаясь на своём рабочем месте. Трамвай, на котором Железнов ехал на работу, сошёл с рельсов. В результате — час опоздания на завод. В отделе кадров предложили принести справку из трамвайного депо, что он действительно опоздал из-за аварии. Трамвайщики посмотрели на Железнова, как на сумасшедшего. Сказали, что если трамвайное депо напишет такую справку, то их самих пересажают! И, конечно, отказали. «Особое совещание» (так называемая «тройка») присудило Железнову 10 лет тюрьмы с работой на своём рабочем месте, без конвоя. Это означало, что каждое утро он выезжал из тюрьмы своим ходом на завод. На проезд давалось 50 минут в каждую сторону. После работы Железнов возвращался ночевать в камеру. Он каждый день проезжал мимо своего дома, но не мог задержаться и сойти с трамвая, так как опоздал бы в тюрьму…

Жена, по его рассказам, каждый день садилась в вагон и сопровождала из тюрьмы и в тюрьму. Если бы он опоздал хоть один раз, то ездил бы на работу под конвоем. Железнов добрым словом вспоминал переполненный трамвай, когда он мог прижаться всем телом к своей жене. Хотя Железнов и был умным человеком, но почему-то боготворил Сталина и ненавидел американских империалистов за их нечеловеческое отношение к неграм…

Окончив техникум с отличием, я сразу пошёл подавать документы в ЛКИ, как и планировал отец. В институте отказались принимать документы, по причине призыва на срочную службу. На вопрос, что же мне делать, был получен ответ: «Ждите, вам скажут». Через пару недель меня спецнабором отправили прямиком в Гремиху.

В начале 60-х годов на вооружение Северного флота стали поступать атомные подводные лодки. Атомный реактор не требовал наличия кислорода и мог обеспечить энергетическое снабжение подводной лодки в течение многих недель, что означало, что атомные подлодки обладали уникальной возможностью передвигаться под водой длительное время, не всплывая. Это предоставляло СССР невиданную возможность выставить свои баллистические ракеты у берегов США, пройдя под Северным полюсом.

Возникли две технические проблемы. Первая заключалась в том, что реактор, конечно, может и не дышать, но — люди-то не могут! Им нужен кислород под водой…

Вторая проблема заключалась в том, что для технического обслуживания этой опасной техники нужны были хорошие ремонтные заводы. Еще больше нужны технические специалисты высшего класса разных ремонтных специальностей. Особенно острый дефицит ощущался в специалистах по атомным реакторам, которых нигде не хватало, а в районе Баренцева моря их не было вообще.

Обе проблемы решались «по-нашему, по-русски». Вопрос с кислородом для дыхания был решён просто. На подводной лодке поместили металлические ящики с химическими платами для регенерации. Платы поглощали углекислый газ и выделяли кислород. Этот процесс генерировал жуткий запах тухлых яиц. Запах лишал человека аппетита и возможности функционировать. Через три-четыре дня подводники уже прекращали принимать пищу. После месячного подлёдного перехода все 120 членов нашей команды были подняты на берег Гремихи на носилках и награду — знак «За дальний поход» — принимали лёжа.

Вопрос с ремонтными заводами тоже решили, спроектировав и построив несколько огромных плавучих заводов типа ПМ.

Но где взять специалистов? Решили просто. Собрали весь выпуск судостроительного техникума и молодых ребят из кораблестроительных заводов, успевших получить приличную рабочую квалификацию. Всем было по 19 лет. Мы не разбирались ни в радиации, ни в атомных реакторах и понятия не имели, на что идем. Нас было 300 человек. Из этих 300 человек сформировали команды специалистов разных технических специальностей. Так были созданы команды электриков, радиомехаников, станочников, дозиметристов, радистов, навигаторов и всех остальных, необходимых для технического обслуживания подводной лодки специалистов.

Самая важная команда — ядерщиков. Она состояла из 37 человек. Мы тогда ещё даже в «чёрном» сне не могли

предположить, какие задачи будут возложены на нас и каким образом предполагалось их решать.

«Боги», которые восседали в штабе военно-морского флота СССР, решили, что мы — девятнадцатилетние ленинградские юноши — научимся сами «методом проб и ошибок» разбирать и ремонтировать реакторы подводных атомоходов.

Первым делом нас отправили в командировку в город Полярный. Полярный был закрытым городом и не существовал на карте. Там находился завод по ремонту атомных лодок. Командование поставило перед нами две задачи. Мы сами должны:

1. Подобрать необходимые для работы чертежи атомных реакторов всех подводных лодок, которые могли бы попасть в бухту на ремонт.

2. Познакомиться с ремонтом атомных реакторов на заводе и получить какие-то первичные навыки.

При просмотре и подборке чертежей над каждым стоял охранник, отвечавший за их сохранность. Мы выходили покурить, а он оставался стоять около стола сторожить чертежи. Было смешно.

Мы жили на такой же ПМ, как и наша в Гремихе. Там жили матросы, ремонтирующие реакторы. Их было относительно много. Поразила одна деталь, которой до этого ни один из нас не встречал на флоте. В кубриках было тихо. Никто не кричал. Никто по кораблю не бегал. Команды подавались в полголоса. За всё наше время пребывания на ПМ я не слышал ни одной шутки и не видел ни одного смеющегося лица. Впечатление создавалось такое, будто мы попали в коллективную гробницу.

Разговорить здешних ребят было невозможно. Появилось чувство, что я во что-то очень сильно вляпался. Все, естественно, боялись радиации, не понимая толком, как это всё работает и чего надо остерегаться. Говорить на эти темы категорически запрещалось. Никто ничему не обучал. Единственная информация, которую мы получали, писалась мелом на доске, стоящей перед входом в атомную лодку.

Там было написано, сколько времени можно находиться в ядерном отсеке на каждой его палубе (первая палуба — 20 минут, вторая — 10 минут, четвёртая — 4 минуты и тому подобное). Эти допускаемые дозы облучения, конечно, во много раз превышали допустимые. Я случайно видел, как несколько гражданских специалистов с офицерами подошли к лодке что-то проверить. Вахтенный офицер, увидев их, подошёл к доске и исправил цифры, отдав честь старшим по званию. Вместо 30 минут, стало 5...

Вместе с нами проходили учёбу дозиметристы, которые позже должны были присоединиться и служить в Гремихе на ПМ-130. В их задачу входило, кроме замера радиации, просвечивание сварных швов трубопроводов реактора. Дело в том, что в реакторе трубопроводы неразъёмные, соединяемые сваркой. У них нет разъёмных соединений, чтобы избежать просачивания радиоактивной воды. Просвечивая сварные соединения, как делают обычные рентгенологи, дозиметристы проверяли качество сварного шва.

Бог принёс мне неожиданного друга. Его звали Женя: замечательный парень, по образованию техник-рентгенолог, а по военной специальности — дозиметрист. Земляк, из Ленинграда. В этой командировке мы проводили вместе много времени. Он был великолепный специалист в своём деле. Сразу распознав страх к радиации, взялся за меня. Он объяснил: «Будешь панически бояться радиации — погибнешь. Есть только один путь выжить. Ты должен совместить технический профессионализм с пониманием физики радиации, — прежде всего, должен засесть за чертежи и разобраться до последнего болта, как всё работает и где что находится. Твой профессионализм — твоё спасение. А я тебя научу физике радиации. Теперь смотри. Делаю только для тебя». Он подошёл к шкафу, вытащил толстый свинцовый цилиндр, в котором находился маленький урановый кубик, используемый для просвечивания сварных швов. Повернул свинцовую дверку. Взял кубик пальцами. Быстро вытащил, показал и положил обратно, закрыв дверку. Я был в шоке. Взять руками уран! Женя объяснил, в чём именно состоит опасность, как её избежать или уменьшить. Растолковал мне важность и зависимость времени облучения, альфа-излучение, гамма-излучение и т. д. Он также предупредил, что по возвращению в Гремиху запретят общаться, но он найдёт способ меня уведомлять об опасности. Я плотно сел за изучение реактора. Облазил и прощупал каждый болт. Никто не понимал моего вдруг появившегося энтузиазма, кроме Жени. Этому человеку я обязан жизнью. К сожалению, его уже нет на белом свете. Женя погиб в одной из аварий. Ему был 21 год.

По возвращению в Гремиху нас обособили. Перед нашей командой ядерщиков (официальное название — двигателисты) определили три направления работы:

1. Подготовка атомной лодки к навигации (в отдельных случаях требовалось сопровождать лодку в дальних походах).

2. Выполнение текущих ремонтов.

3. Диагностика и ремонты при аварии. Нас сбрасывали с вертолётов на бедствующую в море лодку. После определения

дозиметристами уровня радиации, мы должны были решить, как поступить с лодкой. Были случаи, когда приходилось передвигаться между мертвыми телами подводников...

Существовал один вид особо секретной информации. Это было всё, что связано с радиацией, радиоактивным излучением и их влиянием на организм человека. Разговоры на тему возможного облучения приравнивались к государственной измене. Знакомство и разговоры с дозиметристами категорически запрещались. Пришла первая атомная лодка в Гремиху. Её поместили в док на ремонт. Мы начали работать самостоятельно.

На берегу Гремихской бухты была построена стационарная база с сухим доком. Лодку загоняли в док. Откачивали из него воду, и лодка опускалась на стапель. Начинали её внешний и внутренний ремонт. Рядом с доком построили различные обслуживающие помещения. Там же находилась особо охраняемая команда смертников. Это были молодые полуграмотные крестьянские ребята, вся вина которых в том, что они случайно подвернулись под руку районному военкому. Их работа заключалась в замене урановых и угольных стержней в атомном реакторе ремонтируемой лодки. Технология процесса была проста. Огромные свинцовые контейнеры, выполненные в форме 3-х метровой бутылки, содержали новые урановые и угольные стержни. Стержни были высотой около полутора метров. Крепились они к горизонтально расположенному в бутылке диску по кругу; примерно так же, как располагались и в реакторе. Моряки отвинчивали в реакторе оставшиеся огрызки стержней и выбрасывали их в свинцовые ящики, предназначенные для хранения и транспортировки радиоактивных отходов. На их место привинчивались новые.

Этим морякам объяснили, что они выполняют секретную миссию особой государственной важности. Им, впрочем, также, как и нам, было объяснено, что охранная рота «краснопогонников», целиком набранная из нацменов, не говорящих по-русски, с собаками, охраняет их (и нас) от происков империалистов. Плакаты с надписью «Шаг в сторону от дороги — стрельба без предупреждения!» защищали всех от шпионских провокаций западных разведок. Смертники служили укороченный срок (6 месяцев вместо 4 лет). Им это объясняли благодарностью советской власти. В этом был определённый садизм. Мы же воспринимали происходящее, как неудобство и нежелание флотского командования возиться с будущими радиоактивными покойниками прямо здесь, на Северном флоте. Они и не знали, что стали смертниками, — умирали потом, дома, унося с собой в другой мир все эти печальные военные секреты.

Реакторный отсек на подводной лодке выглядел очень необычно. У обоих выходов из него укреплены счётчики Гейгера. В глаза бросалась чистота. Палуба и механизмы выполнены из нержавеющей стали. Палуба без люков. Реакторный отсек имел очень необычный и своеобразный запах теплого свинца. Этот запах нельзя было спутать ни с чем. Посреди отсека находилась круглая тумба диаметром полтора метра. Тумба немного выступала из верхней палубы. На крышке тумбы установлена различная механика ;шестерёнки и велосипедные цепи. Верхняя часть, где находились механизмы, закрыта толстым свинцовым стеклом. Это и был тот самый атомный реактор. Работа реактора — работа обычного теплообменного аппарата. Урановые стержни служат ядерным топливом. Угольные — для управления атомной реакцией. Теплоноситель (вода) внутри реактора закипает. Тепло отводится с помощью другого теплоносителя по змеевикам первого контура в теплообменник, затем принимается вторым контуром и т. д. В конце всего этого процесса задействуется турбина.

Первый контур — самый радиоактивный. Вода, текущая по его трубам, приносит немедленную смерть. Ремонт механизмов и насосов пятого контура не вреден для здоровья. Те же механизмы первого контура представляют страшную опасность для жизни человека. Возможное время нахождения в контакте с механизмами первого контура определяется считанными секундами. Таковы правила игры. Рабочая одежда в реакторе — белая. Белые брюки, белая роба, белые тапки, белые перчатки, белый берет и белая марлевая повязка-респиратор. Белых брюк у нас, естественно, не было. Выдавались белые кальсоны. Одежда требовалась белого цвета, потому что на ней хорошо заметна грязь, в том числе, радиоактивная. Навешивалось на одежду также пять карандашей — портативных счетчиков радиации. С этим полным джентльменским набором мы шли работать.

В человеческой натуре глубоко внутри сидит безотчётный страх перед атомной энергией, атомными реакторами, радиацией. Это объясняется тем, что радиацию, как опасность, нельзя пощупать и увидеть. Когда мы впервые пришли в атомный реактор, у одного из наших товарищей произошёл нервный срыв. Он неожиданно вскочил на самое высокое место в атомном отсеке. Забившись в истерике, кричал, что боится атомных реакторов и с этого места никуда не сдвинется. Раздался дружный хохот. Он забрался на атомный реактор...

Потом начались явления, более неприятные. Чувство опасности покидало людей. Моряки теряли бдительность. Радиацию нельзя было ощутить, и о ней забывали.

Один из моих друзей, которому надоели придирки вахтенного офицера, чтобы отвязаться от него, забрался в реакторный отсек и там ...заснул. (Офицеры никогда не заходили в реактор.) Когда проснулся и прошёл через контроль, оказалось, что здорово облучил себе задницу. Он умер через пару месяцев.

В «атомной жизни» мы прошли через три шоковых порога: Первый — когда впервые переступаешь порог реакторного отсека. Второй — когда, возвращаясь с работы и проходя через радиационный контроль, впервые звенишь. На контроле ты, раздевшись догола, стоишь внутри аппарата, напоминающего рентгеновский, подняв руки. В него встроено много различных стеклянных табло. Лампочки зажигаются, и начинается звон. На табло высвечивается «Правая рука». Ты отправляешься в душ, смывать радиоактивную грязь. Одежда отправляется на уничтожение. Третий раз, когда понимаешь, что «схватил» много. В этом случае дежурный офицер, многозначительно цокая, объявляет: «Две недели освобождения от работы». Это означает, что за тобой будет следить врач. Если симптомы лучевой болезни не появятся, то продолжишь службу. Если появятся — немедленно комиссуют. Наши рабовладельцы не хотели, чтобы умирали в армии.

Жизнь шла своим чередом. Лодки приходили и уходили. Мы набирались практического опыта работы. Я не встречался с Женей, хотя служили на одном корабле. Общались по корабельному внутреннему телефону. Говорили на эзоповом языке. Он предупреждал меня об опасности; когда она появлялась. Это он замерял радиацию. Его данные служили базовой информацией для дежурного офицера: какое именно разрешаемое время нахождения в реакторе устанавливать и заполнять табличку при входе в лодку.

Однажды Женя дал знать, что я должен срочно что-то придумать. Перед окончанием работы я открыл фильтр насоса первого контура и засунул туда один из моих карандашей. Дежурный офицер проверил карандаши на особом стенде. Неожиданно, странно посмотрев на меня, он объявил: «Две недели освобождения от работы». Я понял, что переборщил. За две недели пришлось сделать себе несложное приспособление, для постепенного разряжения карандаша. Пользовался им, когда Женя меня предупреждал.

Закончился второй год моей службы. Всё, вроде, стабилизировалось, и ничто не предвещало беды. Но она пришла. К нам прибыла экспериментальная лодка с жидкометаллическим реактором. Этот реактор нельзя было остановить. Вместо воды там использовался жидкий металл на основе натрия. При

охлаждении он легко застывал, и разогреть его было практически невозможно. В одном из механизмов насоса первого контура сломалась двадцатимиллиметровая шпилька (М20). Требовалось немедленное решение. Насос тёк. Провели техническое совещание у начальника завода капитана второго ранга Петрова, с участием главного конструктора лодки. Ни один из них не спустился в лодку расследовать неисправность. Докладывал старшина команды. Офицеры и конструкторы кричали друг на друга. По всем правилам лодку надо было опечатать и отправить в отстой на 20 лет. В конце концов, командование решило послать людей, чтобы высверлить эту шпильку вручную, нарезать новую резьбу, не останавливая реактор. Это была работа часов на пять. Нас — 37 специалистов. Уровень радиации позволял находиться там, в лучшем случае, несколько секунд. Женя позвонил и сказал на этот раз прямым текстом: «Это смерть». Голос его дрогнул.

С нами провели политбеседу. Говорили о долге перед Родиной и американских агрессорах. Все сидели воодушевлённые, чувствовали себя избранными. Нам торжественно разрешили отдохнуть до утра. Накрыли праздничный ужин с шоколадом и вином. Я подошёл к своему другу Толе Шестопалу и пытался намекнуть, что, может быть, игра не стоит свеч, ведь это очень опасно. Я любил Толю. Мы с ним оба с Васильевского Острова. Хороший русский парень и единственный из нас всех женатый человек. Рабочий, с золотыми руками, многому меня научивший. Он обнял меня за плечи и ответил: «Лёнька, ты что! Ты же знаешь, что я не люблю красивых слов, но ведь надо же помочь Родине».

Появилось ощущение, что или я схожу с ума, или все сошли с ума. Случайно посмотрел в зеркало и вдруг увидел там единственные глаза, которые меня понимают. На меня смотрел парень, который думал так же, как и я.

Всю ночь не спал. Вспоминал родителей, брата. У брата родилась дочка Аня. Ей было уже два года, я её ещё и не видел. Умирать не хотелось, да ещё такой смертью. Думал: «А есть ли Бог?» В этих мыслях прошла ночь.

Утром, перед разводом на работу, как обычно, дежурный офицер ходил по кубрику и проверял порядок в наших рундуках. У меня в рундуке стояла фотография подруги… Офицер посмотрел на снимок и сказал: «Ух, я бы этой бабе вставил!» В голове пронеслось: «Это от Б-га!» — я развернулся и ударил его по лицу! Меня сразу арестовали и дали на месте 10 суток гауптвахты. Могли дать дисбат за то, что ударил офицера. Приняли в расчёт, что я стоял на защите женской чести. По

ночам, на гауптвахте, грязный и небритый, я думал о ребятах по команде. Хотелось надеяться, что у них всё обойдётся.

Вернувшись на корабль, я побежал в кубрик. Кубрик был пуст. Матрасов на кроватях не было, кроме моего.

Меня срочно вызвали к начальнику завода капитану второго ранга Петрову. Поднялся в его каюту. Он очень странно посмотрел на меня и спросил: «Ты ведь, кажется, еврей?» Я подтвердил. Он задумчиво сказал: «А ведь, я понял, что ты сделал… Ну, что ж, живи!». Я попросил разрешения идти. Он знаком остановил меня и добавил: «А знаешь ли, что ты теперь единственный, кто у меня разбирается в реакторах?! Иди. Будешь принимать и обучать пополнение».

Так я стал старшиной команды.

Глава 9
Преступление и наказание

Было самое начало июня 1967 года. Начинало теплеть. Мы уже предвкушали лето. Служба текла своим чередом. Лодка сменялась лодкой. Я слыл хорошим техническим специалистом по механике кораблей; включая атомные реакторы. В качестве такового приходилось постоянно участвовать в технических советах. Как на базе, так и на подводных лодках. Технические советы проводились часто. В них принимали участие командиры подводных лодок, командиры БЧ-5 (Боевая Часть №5 — Машинное отделение), начальники технических отделов базы подводных лодок и многие другие. Все они — морские офицеры разных рангов. Из присутствующих я был единственным старшиной срочной службы.

Вопросы, обсуждаемые на совещаниях, касались технического состояния лодок, графика ремонтов, неисправностей двигателей и агрегатов. Решения принимались на месте. Составлялся план ремонта и его сроки. Мы играли в людей военных, деловых и равных, хотя наши ворота были единственными, в которые забивались голы.

Мои прямые командиры слабо разбирались в технике. Они были неграмотными флотскими служаками, профессиональное образование которых (я уж не говорю об общем образовании и культуре) намного отставало от моего. У них не было ни соответствующей подготовки, ни опыта работы. В лодки они не заходили, а к реакторам боялись даже приблизиться: сидели на совещаниях и молчали, чтобы не сказать глупость. Но когда я начинал спорить с командирами лодок, иногда давали мне «прикрытие» своими погонами. Это было, скорее всего, из-за боязни принять на себя минимальную ответственность.

Споры формально велись о сроках ремонта и его объёме. На самом деле, речь шла о времени нахождения моих ребят и меня самого в реакторном отсеке. О возможности переноса части работ на период среднего ремонта, предстоящего на заводе в Полярном. У нас, ремонтников, были разные интересы с командованием подводных лодок. Для нас вопрос всегда стоял либо о количестве радиации, которую мы схватим, либо о времени, которое надо было затратить на выполнение работы (иногда работали несколько суток подряд без сна, хотя не было на это реальной причины). Для них же вопрос стоял только в том, чтобы вовремя доложить командованию и получить новую звёздочку на погоны.

Важно подчеркнуть, что это место — большое плавучее судоремонтное производство. Это был огромный морской гараж, в котором работали сотни моряков срочной службы, набранные из техников и квалифицированных рабочих, «законно призванные в армию», но реально и по самому факту — насильно «рекрутированные» из ленинградских судостроительных заводов и техникумов. В обязанности моей команды входило техническое обслуживание и ремонт всей механической части подводной лодки, включая атомный реактор.

Прошёл год. Я был уже опытным командиром, знающим правила этой неравной игры. Ясно было, когда ситуация позволяла молча принять предлагаемую диспозицию, а когда надо стоять до конца. Цена любого компромисса была однозначна.

Мне уже 64 года — прожил жизнь и успел построить новую профессиональную карьеру в Израиле. Но мне никогда не приходилось принимать столь ответственные и категоричные решения о жизни, здоровье и смерти моих товарищей и меня самого, как тому 22-х летнему пареньку, тогда. В Гремихе…

Кроме технических знаний ему («тому пареньку») требовалось много мудрости в поисках компромисса в абсурдной ситуации… Когда какой-нибудь подводник-держиморда орал на него, потрясая своими погонами капитана первого ранга и пугая его трибуналом. Этот держиморда требовал подвергнуть немедленной опасности ничего ещё не видевших в жизни юношей, мотивируя это любовью к Родине. Или необходимостью обеспечения обороны от американской агрессии. На самом деле его интересовала ещё одна дырочка в погонах, для очередной звёздочки. Такова была действительность. Абсурдная, циничная и мерзкая.

В конце первой недели июня на кораблях почувствовалось необычное напряжение. Открыли минно-торпедные склады. Стали вооружать подводные лодки и корабли, пополнять запасы продовольствия. Говорили о какой-то войне. На подводные лодки стали загружать ракеты. Через пару дней ситуация прояснилась — война с Израилем. Тут вдруг все вспомнили, что я — еврей. Моряки с соседних лодок приходили познакомиться, задать пару вопросов об Израиле и об евреях. Про Израиль я не знал ничего. Да и про евреев знал очень мало. Из евреев был знаком с моими родителями. И… ещё с десятком соседей и друзей. Я знал, что практически вся наша большая семья — все мои дедушки, бабушки, дяди и тёти и их дети погибли в минском гетто. Я знал, что моего деда забили немцы перед строем в гетто за кусок мыла, который он, возвращаясь с работы, пронёс в кармане для внуков.

Знал, что у меня есть дядя Золя, папин брат, бывший моряк Балтийского флота. На его глазах забивали отца. Друзья дяди в момент казни дедушки, насильно прижали его к земле и тем самым спасли его самого, чтобы не погиб, бросившись защищать своего отца. Мой папа очень любил брата. Когда вспоминал Золю, у него краснели глаза, и он становился мягким и добрым. Мой дядя, по его рассказам, был человеком необыкновенной физической силы, и папа гордился тем, что я пошёл в него. После того, как немцы убили Золину жену и двоих детей, он организовал с друзьями побег из гетто в лес к партизанам на немецкой машине с немецким офицером. Немецкий офицер, любивший еврейку из гетто, согласился им помочь. И сам бежал с ними. Дядя Золя был талантливый механик-самородок и в партизанском отряде заведовал подрывниками. Самолично подорвал 11 немецких эшелонов. Я его видел один раз. Мне было 12 лет. Он приезжал к нам в Ленинград из Минска в 1957 году прощаться. Они всей семьей уезжали в Израиль. Мы жили на даче в Солнечном. Все трое с мамой сидели в местном ресторане. Я со своим велосипедом стоял снаружи и смотрел на них в окно. Они мне объяснили, что маленьких в ресторан не пускают. Теперь я понимаю, что они просто хотели поговорить без меня. Пили водку, и много. Обнимались и плакали. Я ничего не мог понять — мне говорили, что дядя уезжает в командировку. Был у меня ещё один дядя, убежавший из гетто и прибившийся к армии в качестве сына полка. У него было пять орденов. Папа рассказывал, что партизаны не любили евреев: если и принимали их, то только с оружием. Один из моих дядьёв своего первого фашиста задушил голыми руками, подкравшись к нему сзади, когда тот оправлялся, сидя под деревом. Так он добыл себе автомат. Дома, на шкафу в коробке, хранились пожелтевшие семейные фотографии. Мама категорически запрещала открывать коробку в присутствии отца. После снятия блокады и освобождения Белоруссии, отец поехал в Минск навестить свою семью, о судьбе которой ничего не знал. Я знаю, что, вернувшись в Ленинград, он был госпитализирован в психиатрическую больницу и пробыл там месяц. Мама вытащила его оттуда и привела в порядок. Один раз я был свидетелем его приступа, когда неосторожно вытащил коробку с фотографиями в его присутствии. У него выкатились глаза, он взмок от пота, а потом закричал, как раненное животное. Мама еле привела его в чувство. Это было страшно. Больше никогда я не доставал этой коробки. Я очень любил и боготворил своего отца.

Вот, пожалуй, и всё, что мне было известно тогда о своём еврействе.

Я пытался, как мог, удовлетворить любопытство моих сослуживцев. Многие просили снять пилотку и поглазеть на мою голову. Я относился к этому с пониманием. У нас, людей, работающих в атомных реакторах, это было обычным явлением. Мы искали лысины друг у друга. В конце концов, выяснилось, что они у меня не лысину искали, а рога, поскольку слышали, что у всех евреев есть рога...

Не объяснив причину, меня срочно вызвали в штаб тыла, а оттуда повезли на местное телевидение. Там встретил политработник штаба и коротко изложил задачу. Я должен был выступить в прямом эфире в качестве еврея-командира и осудить израильских агрессоров по бумажке, которую он мне вручил. На ней была написана такая ахинея, что я возмутился. Будучи уверенным в себе человеком, привыкшим отвечать за свои слова и за своих людей, я решил расставить всё по своим местам. Сев перед камерой, произнёс буквально следующее:

«Мне тут дали зачитать от своего имени декларацию, осуждающую Израиль. Я ничего не знаю об Израиле. Но я не понимаю, зачем трём миллионам евреев оккупировать сто миллионов арабов? Зачем им это надо?! Зачем вообще народу, потерявшему шесть миллионов жизней, среди которых была вся моя семья, нужна война? Я в это не верю».

Примерно на этом месте камеру отключили.

Далее всё было просто. Ко мне подскочил политработник. Покрыл меня матом. Сорвал мои регалии, включая, зачем-то, значок перворазрядника по боксу, которым я особенно дорожил, и вызвал дежурную машину. Ждали долго. У меня в голове вертелись разные мысли, связанные с производством. Что-то не сказал, о чём-то не предупредил, что-то не доделал. Прибыл патруль в составе лейтенанта и двух автоматчиков. Меня посадили в машину и повезли в особый отдел базы.

Так начался новый этап моей жизни.

Меня ввели в кабинет начальника особого отдела капитана второго ранга Павлова. Он принял меня приветливо и посмотрел с нескрываемым любопытством. Я доложил по уставу. Он спросил, зачем наговорил глупостей по телевидению. Я ему что-то ответил. Затем мне было приказано вернуться на корабль, собрать свои вещи и временно переселиться в береговую казарму маленькой войсковой части. После чего немедленно, в том же сопровождении, я должен был вернуться сюда для продолжения следствия.

Меня привезли на корабль. Все мои вещи были перевёрнуты. Личные предметы: дневники, письма, фотографии и книги — исчезли. Я собрал свои вещи. Затем меня перевезли на берег и на

месте зачислили в новую часть. После этого отвезли обратно в особый отдел.

Начались допросы. Их проводили в небольшой комнате, где стоял стол и стул напротив него. За столом сидел Павлов с двумя офицерами. Стул предназначался мне. На столе лежали документы, которыми пользовались следователи, и большая настольная лампа, на протяжении всех допросов направленная мне в лица Сначала от этого яркого света было сложно сосредоточиться. Но потом я привык. На столе перед ними лежали мои письма и мой дневник, полностью переведённый с английского на русский. Мама в своё время прислала самоучитель английского языка, чтобы я не тратил свободное время даром, учил язык и вёл свой дневник по-английски. Как потом выяснилось, в Гремихе не нашлось ни одного переводчика. Дневник отправили в Североморск, в штаб Северного флота для перевода. Там, поначалу переполошились, что упустили шпиона. Не могло же быть на Северном флоте простого матроса, владеющего английским! Мой английский язык занял потом львиную долю времени на допросах.

Проходили они ежедневно… День потянулся за днём. Мне задавали множество глупых вопросов. Например: «Зачем вам английский язык? Почему Андрей Евдокимов посылает вам письма, напечатанные на машинке?»

Были и каверзные вопросы, типа: «Кого вы, Токарский, подразумеваете под кличкой «Идиот», «Дурак», «Подонок», «Стукач» в вашем дневнике? Не командир ли это ваш? Может быть, это члены Политбюро?»

Я понимал, что у них ничего на меня нет. Единственно, чего я боялся, чтобы кто-нибудь на «гражданке», типа Андрюши Евдокимова, не сболтнул бы чего-нибудь. Мы с Андреем и еще несколькими студентами собирались у него дома пару раз и обсуждали проблематичность «советского режима». Он учился на факультете журналистики в Ленинградском университете. У него был «язык без костей». Наши семьи дружили. Отец Андрюши — природный русский интеллигент — насколько мне было известно, работал главным конструктором одного из ракетных Конструкторских Бюро. Личность более засекреченная, чем мой отец.

Однажды, когда я ещё учился в школе, мой папа рассказал маме, что во время намечавшейся высылки евреев из больших городов (вы помните, когда мои родители раскладывали деньги по мешочкам для каждого члена семьи…), отец Андрея сказал своей жене-еврейке: «Будут высылать из Ленинграда — мы все поедем с тобой». В рассказе моего папы проскальзывало глубокое

и искреннее уважение к отцу Андрея. Я любил его маму, Софью Абрамовну, профессора математики в университете. Меня она тоже очень любила и всегда просила повлиять на её «дурака». Старший брат Андрея учился в одном классе с моим. Они тоже были друзьями.

История с Андреем Евдокимовым имела неожиданный конец. Мы потеряли друг друга и встретились только через тридцать лет. Я находился в командировке, в ленинградской гостинице. Это случилось уже после распада СССР. Найдя в телефонной книге знакомую фамилию, позвонил — ответил Андрей. Мы оба очень обрадовались. Я уже хотел взять такси и ехать к нему домой, но Андрей попросил встречи на нейтральной территории, на набережной Невы около сфинксов. Наше любимое место. Он, смущаясь, объяснил, что его жена — журналист, офицер органов, и встреча у них дома с израильтянином не очень удобна.

...Мы обнялись, расчувствовались — Андрюша говорил, не переставая. Его отец и мать уже ушли в другой мир. Старший брат стал известным хирургом. Мы долго ходили по набережной, вспоминая нашу молодость, друзей и бесконечные политические дебаты о свержении советской власти. На прощанье он протянул мне свёрток на память. Раскрыв его, я увидел красивый толстый журнал в глянцевой обложке. Это было издание под грифом «для внутреннего пользования». Из тех, что не продаются в киосках. Посмотрев на меня странным взглядом со смешанным чувством гордости и стыда, Андрей сказал: «Я его главный редактор. Жена работает у меня. Это была единственная работа, которую я нашёл. Свою офицерскую форму не ношу — она висит в шкафу»... Мы разошлись. Больше я его не встречал.

Была ещё одна проблема. Мы всегда пытались заниматься самообразованием и впитывать новые знания, чтобы не отупеть от рутины. Совместно с несколькими ребятами мы пытались заниматься математикой, хотя это официально запрещалось. Затем перешёл на философию и был единственным матросом в базе, посещавшим филиал заочного университета, пока мне не запретили. (Там училось всего человек 15–20.) Наконец, я окончил курс военных корреспондентов. Опубликовали пару моих рассказов и пару статей. Получил несколько очень вдохновляющих отзывов. Однако, после статьи о годовщине окончания Отечественной войны, меня официально запретили печатать. Думал, что эта тема может быть тоже затронута, но про это и не вспомнили.

Я также очень беспокоился, что вся эта история может повредить отцу. Отец работал много лет главным металлургом завода «Судомех», строящего атомные подводные лодки. Было

важно знать, что именно следователи знают обо мне и о моей семье. Какие действия следователи предпринимают на «гражданке». Что отвечать, чтобы не навредить семье. Анализируя ситуацию и обмениваясь мнениями, следователи говорили за столом очень тихо, чтобы я не слышал. Мой мозг работал холодно, как компьютер. Внутри себя я был абсолютно спокоен и решил попробовать психологический трюк. Начал заикаться, отвечать на вопросы дрожащим голосом и нервно мять шапку. Это сразу было замечено. Они тут же обмолвились, что я «сломался» и стали говорить громко, обсуждая все нюансы материалов, которые были в их распоряжении. Но ничего, кроме моего выступления по телевидению, видимо, у них не было.

Допросы длились многими часами и днями. Начинались они утром, заканчивались поздно вечером. Есть, пить и курить не давали. В начале дня офицеры играли в добрых следователей. Давали закурить, попить воды, затем это прекращалось. С утра я старался накуриться и напиться. Меня не били. И вообще, ко мне даже не прикасались. Садизм заключался в другом. Еды в особом отделе не давали. На мои вопросы о еде отвечали, что они уже позвонили в часть и дали указание оставить мне продовольственный расход. Поскольку, в принципе, как я уже писал, нас кормили плохо, ощущалось постоянное чувство голода. Недостаток еды и недосыпание были постоянными спутниками моряка срочной службы. Это были самые чувствительные его точки. В первые дни следствия, отвечая, что накормят в части, меня отпускали обратно в 10–11 часов ночи. Разрешения на передвижение по базе (увольнительной) не давали. На мою реплику Павлову что меня первый же патруль задержит, он отвечал: «А ты скажи, что был у меня, и тебя пропустят». На нашу небольшую базу приходилось 11 маршрутов патрулей. Для сравнения, на весь Ленинград — всего семь. В Гремихе невозможно было двинуться, чтобы не встретить патруль. Я выходил после допросов на улицу, меня тут же задерживали и отводили на гауптвахту. Никакие объяснения не помогали. Там старшина гауптвахты с радостью принимал меня под свою опеку и, после процедуры оформления; загонял в камеру. Процесс «абсорбции» занимал много времени. Попадал я в камеру около двух-трёх часов ночи. Еды не полагалось. Утром, в пять часов, приезжала машина из особого отдела, и опять увозили на допрос. В ответ на мои вопросы капитан второго ранга Павлов ухмылялся и обещал, что это не повторится. Я умирал с голоду и очень хотел спать. На пятые сутки, когда меня опять задержал патруль, я попросил лейтенанта, начальника патруля, отойти со мной в сторону. Пришлось ему сказать, что я — «штинкер» и

возвращаюсь от капитана второго ранга Павлова из особого отдела, где был по важному делу. Просил его срочно доставить меня в часть, минуя остальные патрули. Я добавил, что дело государственной важности, и это может подтвердить капитан второго ранга Павлов. Ответственность за невыполнение приказа ляжет на него, начальника патруля. Лейтенант проникся важностью задания и быстро доставил меня в часть.

Я отъедался и спал всю ночь и весь день. На работу меня не посылали, потому что я находился в распоряжении «особиста» Павлова... А сами особисты меня потеряли. Утром они приехали на гауптвахту. Затем колесили по базе, искали меня по «шхерам». Они даже не допускали мысли, что я мог прорваться через все патрули. Нашли меня через сутки и доставили к Павлову. Он посмотрел и сказал: «Ну, ты даёшь, Токарский. Такого здесь еще не было! Такого здесь еще никто не делал!».

Следствие подходило к концу. Ничего на меня наскрести так и не смогли. Судить было не за что.

Меня и не судили. Павлов зачитал мне две статьи: «За надругательство над флагом» и «За надругательство над гимном». Я засмеялся. Думал, что он шутит. Он не шутил.

Меня отправили в штрафную роту.

Глава 10
Преддверие второго круга ада

Я был уверен, что места, опаснее и страшнее того, в котором уже побывал, не существует. Нельзя сказать, что я был доволен последним развитием событий, но теплилась надежда, что там, в штрафной роте, как-нибудь перекантуюсь. Да и радиации там нет. Как я ошибался! Это был второй круг ада, совершенно отличный от первого. В новом круге — другие правила игры и другие условия выживания.

Здесь был мир хищных и голодных зверей-людей, пожирающих себе подобных для насыщения или для развлечения. Здесь не существовало понятие ценности жизни вообще. В глубине тундры стояло двухэтажное здание, окружённое колючей проволокой. Там находилась штрафная часть. История её создания, как я понимаю, была связана с необходимостью иметь рамки для содержания уголовных преступников, не подпадавших по типу совершённых преступлений под принятые на флоте дисциплинарные формы наказаний.

В 1942–1944 годах рождаемость в СССР была низкой, и с этим была связана острая нехватка «рекрутов» призыва начала 60-х годов. В армию брали всех, в том числе и уголовников, временно оказавшихся на свободе. Эти уголовники попадали и на флот. После нескольких совершённых преступлений их списывали с кораблей и отправляли в такую штрафную часть без суда. Проблема состояла в том, что, похлебав матросской жизни в Гремихе, они мечтали попасть обратно в лагерь, где вместо 18 часов в день работали только 8. Где лучше кормили. И где была личная свобода. Эти отпетые преступники совершали преступления, которые должны были, по их расчётам, привести их обратно в тюрьму или в лагерь. Они требовали гражданского суда, а не военного трибунала. Но эту роскошь им дать не хотели. Да и не могли. Даже среди всех нас, обычных советских граждан, существовал консенсус, что лучше протянуть срок в лагере на «Большой земле», чем погибать в Гремихе. Мы все были готовы совершить какое-нибудь мелкое уголовное преступление. Получить за это год-полтора лагеря на «Большой земле» и этим закончить наши военные приключения, выжив и оставшись здоровыми людьми. Командование это понимало.

Это отребье стекалось в упомянутую часть. Как во всякой военной части, в ней было несколько офицеров и сверхсрочников. Они тоже считались штрафниками, переведёнными туда за какие-

то должностные нарушения. Офицеры и сверхсрочники никогда не ночевали в части. Её обитателей они не любили и боялись, особенно после случая, когда один капитан-лейтенант остался ночевать там из-за непогоды.

Чтобы подчеркнуть своё офицерское превосходство, он кого-то оскорбил. Затем ушёл в кабинет командира спать. А «униженные и оскорбленные» отключили свет, сломали дверь кабинета, накрыли его одеялом и били. Били они его все и чем попало. Он визжал под одеялом, как испуганный поросёнок. В комнате пахло его испражнениями. Никаких последствий для нас, штрафников, у этого инцидента не было.

Условия жизни в части были невыносимо тяжёлыми. Я часто вспоминал тёплый кубрик на корабле, корабельную баню, воду в кране, а самое главное — тёплый туалет. Наш туалет находился в 100 метрах от здания казармы. Неизвестный садист построил его высоко на сопке. Это было деревянное полуоткрытое строение на три посадочных места. Наверх к нему вела вырубленная в скале скользкая тропа, покрытая льдом. Вскарабкаться на неё без рук невозможно. Нами были протянуты канаты, держась за которые мы карабкались наверх, сдуваемые пургой. Одиночный подъём был невозможен; только вдвоём с напарником. Подняться туда — ещё полбеды. Самое главное — достичь желаемого результата.

Представьте себе на минуту, что вы восседаете в туалете. Окружающая вас и ваше заднее место температура минус 30–40 градусов. Снизу буквально поднимает холодный ветер со снегом, замораживая дорогую вам часть тела. А также и то, от чего вы хотите избавиться. Жидкость, от которой вы избавляетесь, замерзает на лету и падает в выгребную яму со стуком разбивающегося стекла. Иногда я молил Б-га, чтобы помог и не дал бы умереть от перенапряжения с ледяным колом в заднем проходе. Ужас умереть в таком положении всегда висел в моей голове. Такое случалось.

В моей жизни это была самая страшная пытка.

Мы неделями не оправлялись, болели животы, все страдали от запоров, ожидая возможности попасть в Дом офицеров, где находился единственный на всю базу тёплый общественный туалет.

В один прекрасный день один из наших уголовников, ворвавшись в кубрик, восторженно заорал, что он нашёл гениальное решение для нашего гальюна. Мы все гурьбой бросились наверх проверять его изобретение. Снизу сильно дуло. Он положил на отверстие газету, полностью его закрыв. Спустил брюки и сел над отверстием, двумя ногами придерживая газету. Закончив естественный процесс, он собирался победно соскочить

с газеты, чтобы её содержимое соскользнуло вниз. В это время ударил сильный порыв ветра из отверстия, и всё содержимое газеты подскочило вверх, залепив ему задницу. Мы не смеялись, а с откровенным сожалением переживали разрушение нашей затеплившейся надежды.

Зима была тяжела. Особенно тяжела в казарме. Пурга мела постоянно. Во время пурги мир исчезал за неразрывной белой завесой. Не видно было даже пальцев собственной вытянутой руки. Холодный ветер вышибал слёзы из глаз. Слёзы сразу же смерзались с ресницами. Глаза нельзя было открыть. Строй матросов вели спиной вперёд. Ничего не было слышно, кроме воя природы.

В базе судили нашего шофёра. Я его знал и выступал свидетелем. Он на грузовике наехал и «проутюжил» идущую по дороге колонну матросов. Мела пурга. Ничего не было видно. Парень задавил семь человек. Ни он, ни идущие матросы ничего не почувствовали. Водителя оправдали. Я выступал на его стороне.

За ночь наметало 1,5–2,0 метра снега. По утрам невозможно было открыть дверь казармы. Дневальный утром спускался по канату со второго этажа, чтобы лопатой отгрести снег и открыть двери. Стёкла вышибало ветром. Их затыкали подушками. Снег лежал на полу. Мы спали под двумя одеялами, закутавшись в бушлат, шинель, свитера. Температура в кубриках ночью не поднималась выше минус 15–20 градусов.

В обязанность дневального входило с четырёх часов ночи начинать растапливать печки в кубриках, иначе подняться было просто невозможно. Всю ночь в трубах выл ветер.

Всё, что казалось таким естественным и простым на корабле, здесь требовало нечеловеческих усилий. Работа камбузного наряда была очень тяжёлой.

Питьевую воду добывали днём все вместе. Воду качали из скважины за 300–350 метров от казармы. Привозили её в телеге, на которой стояла десятиведерная бочка. Для этой цели 7–10 человек впрягались в телегу и тащили её к скважине. (При казарме была лошадь, но она была не в состоянии выполнить эту миссию.) Скважина находилась на ледяной горке, образовавшейся из пролитой воды. Задача была сложная. Успех её обычно достигался с четвёртого-пятого раза. Наполненная бочка была тяжелой и запросто могла задавить человека. Гора — очень скользкой. Мы не доверяли своих жизней один другому, и, когда колёса начинали проскальзывать, все бросались врассыпную. Бочка переворачивалась, и гора покрывалась очередным слоем льда. Эта операция занимала пару часов. Мылись мы (те, кто

вообще мылся) растопленным снегом. В баню зимой нас водили раз в месяц. Десять километров в пургу дойти до бани — ещё тяжелее, чем работать.

Чтобы протопить камбузную плиту, необходимо было заготовить дрова. Требовалось отделить от штабеля три обледеневших ствола дерева. Их надо распилить, расколоть и перетаскать на камбуз. Это входило в обязанности камбузного наряда, состоящего из трёх человек, и производилось за день до заступления в наряд. Топка печи в этот день начиналась в три часа ночи. Еда была очень скудная. Мороженная сухая картошка с незабываемым сладким привкусом. Утром выдавали немного хлеба с жидким чаем. Чай — в дефиците. Его воровали, из него варили «чифир».

Давали жидкие каши. Была так называемая «ядерная каша». Я до сих пор и не знаю, почему она так называлась. Кроме Гремихи, я её больше нигде не видел. Все продукты просроченные, их передавали частям при замене неприкосновенного запаса базы. Даже те продукты, которые были, — разворовывались мичманом, ответственным за склад. Он этого и не скрывал, уходя домой каждый вечер с большими пакетами. Нас постоянно преследовало сосущее чувство голода. Все страдали от цинги. Иногда, когда голод становился невыносимым, мы выходили «на охоту». Это было опасно. «Краснопогонники» стреляли без предупреждения.

Обычное место «охоты» — хлебзавод. Там мы воровали свежевыпеченный хлеб и проглатывали его горячим, пока не отобрали. Были случаи заворота кишок. Иногда выскакивали на дорогу, напротив казармы. Останавливали под каким-нибудь предлогом машины с продовольствием. Сзади несколько человек забирались в кузов и выкидывали оттуда все, что попадалось.

У части была дурная слава. Связываться с нами не любили — знали, что «отличники боевой и политической подготовки» могли запросто пырнуть ножом или ударить кастетом. В части нас не охраняли, а вот на работу в базу водили под вооружённым конвоем, иногда с собаками.

Как я уже говорил, нашу часть не любили и вспоминали про нас, когда требовались для работы доступные в любое время каторжники.

В течение короткого лета один за другим прибывали транспортные суда с углём. Суда разгружались огромными ковшами, опускаемыми в трюм. Десять человек, находящихся в трюме, лопатами нагружали ковш. Держали нас внутри восемь часов. В трюме стоял едкий угольный туман. Мы практически не видели друг друга. Лица были чёрными от угля. Дыхательные пути были забиты угольной пылью. В горле першило. Работали

восемь часов через восемь без перерыва на еду. Часы вне погрузки включали в себя: добраться пешком до части, поесть, пару часов отдыха и обратную дорогу. Потом опять — неделями, пока пароход не был разгружен. И после этого требовалось пару месяцев, чтобы очухаться от угольной пыли. Зимой всё же работать было тяжелее. Руки примерзали к металлу. Дышать на морозе трудно. Холодный ветер буквально пронизывал насквозь. Чувство такое, будто стоишь голым.

Как-то послали меня на часик поработать на «воздухе». Вернувшись, я стал стягивать сапоги с портянками. Они не снимались. Что-то держало ноги внутри. Я думал, что гвозди в сапогах. Оказалось, что ступни примёрзли к стелькам.

Как-то дежурил я 24 часа в тундре. Охранял склад от волков (с ножом, конечно). Мне дали огромный тулуп. За ночь намело почти три метра снегу. Я сидел, завернувшись в тулуп, в сугробе. Было тепло и очень тихо. Подсвечивая фонариком, читал запоем «Иудейскую войну» Фейхтвангера. Это была та частица дома, которую донесла мне посылка от мамы. К счастью, такие книги не интересовали никого, кто мог бы их присвоить. Я изредка тыкал лопатой вверх, чтобы проходил воздух, и можно было бы дышать. Было так хорошо и спокойно! Так что несправедливо сказать, что в штрафной роте у меня не было счастливых минут.

Природа не ко всем бывала любезной и не прощала человеческие ошибки. Парень, который меня сменил на «волчьем» посту, на обратном пути в казарму заблудился. Нашли его только весной, когда снег стаял. Он лежал с тыльной стороны казармы. Видимо, потерял дорогу и кружил вокруг казармы, пока не замёрз. Он очень хорошо сохранился. Впечатление было такое, что спит, сейчас проснётся, откроет глаза и спросит о почте.

Одно интересное явление человеческой психологии меня всегда поражало в Гремихе. Чем тяжелее и суровее были условия жизни, тем более циничными и жестокими становились отношения между людьми. Люди издевались друг над другом, не понимая, что завтра они могут поменяться местами.

Глава 11
Второй круг ада

Я и не подозревал, отправляясь в штрафную роту, какие неписаные инструкции меня сопровождали. Капитан второго ранга Павлов из особого отдела дал устное указание: «Делайте с этим жидом всё, что захотите. Вам за это ничего не будет».

Это указание было воспринято с большим воодушевлением. Им намекнули также, что некоторые их прегрешения будут прощены. (В особом отделе «висело» несколько уголовных дел о грабежах и поножовщине.) В роте находилось в это время около 60-ти человек. Из них шесть литовских националистов. Это были здоровые высокие ребята. Они плохо говорили по-русски и вообще не понимали, что вокруг них происходит. Литовцы держались вместе, никогда не перемешиваясь с остальными. Они крепко пили, иногда буянили. Уголовники их остерегались, как и они, впрочем, уголовников. Ко мне они относились безразлично.

Было восемь молодых ребят без уголовного прошлого; которых уголовники пользовали в своё удовольствие, — хорошие ребята, частью с каким-то образованием, попавшие туда по недоразумению или волею судьбы.

Остальные — мразь, уголовники самого низшего пошиба (они считали себя «по понятиям» — высокого). Разного возраста: от 22 до 27 лет. Все отбывшие от одного до трёх сроков. Среди них наркоманы, бандиты, «медвежатники», воры. Заправлял всем («держал мазу ») парень из Москвы. Кличка его — «профессор». Он утверждал, что отсидел три срока и закончил два курса в каком-то институте. Тип очень неприятный, садист. Шутки у него были очень жестокие. Однажды летом, когда все находились на природе, он заметил кабель, находящийся под напряжением, который упал и лежал на земле. Я тоже заметил этот лежащий кабель. «Профессор» позвал своего лучшего друга и, подмигнув мне, поспорил с ним. Расстегнул брюки и стал отливать прямо на кабель, но прерывисто, как это умеют делать мужчины. Его полуграмотный друг не понял и стал делать то же самое, но неразрывной струёй. Его сразу сильно ударило током. Он катался по земле, держась за член, и выл, как раненое животное. Не уверен, что он мог после этого стать отцом. Всем было очень весело. «Профессор» ходил гордый.

Когда я появился в первый раз, уголовники меня радостно и искренне приветствовали. В моём лице они увидели игрушку — мышку для стада котов. Выглядели мои новые сослуживцы очень

страшно. У некоторых были изрезаны лица, руки, спины, много татуировки. «Профессор» принял меня шуткой: «Смотрите, как нам повезло. Один еврейчик в Гремихе. И тот — у нас». «Косой», вор из Казахстана, тут же вывернул мой вещевой мешок и начал копаться в вещах. Всё интересующее он забрал себе. Особенно его интересовали фотографии моих знакомых девушек. Потом я понял, что фотографии использовали для группового онанизма. Это вид коллективных мероприятий, заменявший им, «социально-близким элементам», партийные собрания.

«Косой» был на редкость противный тип. Всегда одним глазом косился на лидера, угадывая его пожелания и выполняя их. Люди такого типа служат обычно «шестёрками» у лидеров. Он и являлся «шестёркой» «профессора». Я стал возражать против грабежа. «Косой» стал нежно меня успокаивать, что он только посмотрит и, конечно, мне всё вернёт. (Тактика моего «опускания» ещё не определилась «профессором».) Это было днём, когда они ещё были трезвые.

Наступил мой первый вечер и первая ночь в зверином логове. Все присутствующие дружно напились. Водки не было. Пили «чифир». Это чай: на кружку воды засыпается пачка-полторы заварки. От этого напитка человек не пьянеет, а дуреет. Затем начался процесс моей «абсорбции». Техника была выбрана простая. Сначала задавить психологически, показывая на чужих примерах, что будет, если я не сдамся. Они схватили Димку Кутузова, одного из восьми «молодых», и стали его бить. Формальная причина сформулированная «профессором», — Димка некачественно начистил его, «профессора», сапоги.

Я никогда не видел столь жестокого избиения. Парня били флотскими ремнями с широкими пряжками. Били по лицу. Он закрывал его руками. Били по рукам. Запястья превратились в одну кровоточащую огромную рану. Кожи не было. В комнате были уже нелюди. Было тихо. Слышались только удары. Они уже забыли и про меня, и про причину, по которой они забивали человека. Потом все завалились спать. Я помог Димке, как мог и чем мог.

Так прошла моя первая ночь в аду. Утром нас развели на работу. Вечером того же дня меня первый раз избили — я отказался стирать чью-то одежду. Ночью подожгли мне спички между пальцами ног и налили испражнений в мои сапоги. Потом стояли и хохотали вокруг кровати. Я чувствовал себя потерянным и несчастным. Завтра обещало быть хуже, чем сегодня. Я был раздавлен этой безысходностью. Жить больше не хотелось. Хотелось умереть и покончить с этим. Казалось — это единственный логичный выход. Я был в этом уверен. Придя в

котельную, наметил трубу, достаточно прочную, чтобы выдержать моё тело. Затем пошёл искать верёвку. Искал часа два, но так и не нашёл. Вдруг интересная мысль пронзила меня.

А почему, собственно, я должен умереть один? Ведь я же здоровый парень и точно могу забрать одного или двух из этих гадов! Не хотелось умирать на коленях, и у меня, вроде бы, появилась возможность умереть стоя

— в бою. Что лучшее человек может себе пожелать, если у него нет выхода?! Для меня это был важный психологический перелом.

Когда входил в котельную, у меня под ногами что-то зазвенело. Это был кусок старой автомобильной рессоры. Подняв его с земли, отбросил за ненадобностью. Теперь пошёл и разыскал эту рессору. Потом зашёл в слесарную мастерскую, соседствующую с котельной. Там никого не было. Включив точильный станок, начал затачивать на нём рессору. Заточив её и обмотав тупой конец изолентой, лежавшей в шкафу у электриков, сделал неплохую финку. От финки, спрятанной под робу, у меня начала появляться уверенность. Теперь дело оставалось за малым

— умереть...

Вечером вся братва собралась пить и развлекаться. Дошла очередь и до меня. «Профессор» подозвал меня и начал на глазах у всех свою очередную игру. Я храбро ответил ему, как и задумал: понимаю, что не жилец на этом свете, но заберу одного или двоих из них в могилу. Он ухмыльнулся. Я встретился с ним глазами, и меня пронзил животный страх. Почувствовал себя безвольным ягнёнком. Ноги стали ватными. Я был загипнотизирован, парализован, морально уничтожен и... пропустил момент.

Именно в эту секунду кореша схватили меня за руки и за ноги. Пока они держали меня, «профессор», лично, своей рукой, сломал мой мизинец левой руки, потом — правой. Я почувствовал острую боль, тут же сменившуюся лютой ненавистью и бешенством. Меня перестали держать и отпустили. Вся эта братия стояла вокруг, гогоча. «Косой» схватил со стола пустую бутылку. Отбил донышко и пошёл на меня, ухмыляясь. Кореша воодушевляли его пьяными голосами. Он, тоже пьяный, смотрел на меня, как на ягнёнка, который был его собственностью. Они все видели во мне забавное животное, находившееся здесь для их персонального пользования.

Во мне уже не было страха. Он исчез от боли. Его место заняла дикая ярость и нечеловеческая ненависть.

Я сделал шаг вперёд. Сработали боксёрские навыки. Резким движением вывернул «Косому» руку своей левой рукой, подхватил уроненную им бутылку правой рукой и со всей силы

вогнал её в этого типа.

Вдруг лицо «Косого» изменилось. Он протрезвел. На его лице появилось непривычное для меня выражение человеческого удивления, боли и... страха. Бутылка, предназначенная мне, торчала из его тела. Вся братия со смешанным чувством непонимания происходящего смотрела на нас «Косой» хныкал, как ребёнок, ему было больно. Мне стало противно. В голове пронеслась мысль: «От меня ожидалось умереть гордо, с человеческим лицом! А сами-то они — трусы! Сами же не отвечают собственным хвалёным блатным стандартам!» Я произнёс с презрением, сквозь зубы: «Ты, сволочь, даже и помереть-то как человек не можешь! Ну, кто из вас следующий?» И выхватил финку. Все молча замерли.

Миф о непобедимости рухнул. Оказалось, что вся эта братва боялась собственной смерти и не хотела умирать! Я, не оглядываясь, повернулся и вышел из комнаты. В душе не осталось эмоций, не было ни жалости, ни ненависти, ни сожаления. Я как бы констатировал, что жив пока и прошёл еще один этап. И с тех пор никогда не оглядывался на дело своих рук.

Хищные животные убивают свои жертвы, чтобы насытиться. Уголовники на воле убивают, чтобы захватить материальные ценности. Уголовники в лагере убивают, чтобы развлечься, для эмоционального удовольствия и сохранения своего тюремного статуса. Я это делал для взыскания подоходного налога за свою смерть, которая была неминуема, и это — лишь вопрос времени. Время, выделенное мне, определялось моей осмотрительностью, скоростью моей реакции моей готовностью умереть в любую минуту, но самое главное, вероятно, — ...моим еврейским счастьем.

После этого случая понял: моя сила в том, что они хотели жить. А я-то уже не хотел!

Следующие два месяца прошли в борьбе за выживание. Я хотел погибнуть, взыскав за это высокую цену. Мои «деловые партнёры» хотели остаться жить, не потеряв при этом своё лицо. У нас создалось явное противоречие интересов.

Я ждал сорок лет, чтобы написать, то, что сейчас вы прочли. Хочу подождать ещё сорок лет для того, чтобы описать то, что происходило в эти пропущенные два месяца. Сейчас я ещё не готов это сделать. Скажу только, что крови и жестокости в тот период было много.

Дальше дело встало за техникой. Надо было создать систему обороны. Я же должен спать по ночам. Когда спишь — ты беззащитен. Именно тогда у меня появилось особое качество, до сих пор пугающее близких. Во время сна около меня можно

стрелять из пушек — это не мешает. Но от шёпота, от любого шороха — сразу просыпаюсь. Естественными моими союзниками могли стать только враги моих врагов — восемь «молодых». Они были очень запуганы и дрожали только от упоминания о «профессоре» и его банде. Всех «молодых» пользовали сексуально и измывались над ними нечеловечески. Им нужен был лидер, который мог противостоять «профессору», и доказательства силы и жестокости, чтобы решиться на восстание.

За эти два месяца я предоставил эти доказательства всем. И уголовникам, и «молодым». Через два месяца я услышал из уст «профессора» первый комплимент: «Жид — сумасшедший. С ним лучше не связываться». Это вовсе не означало, что они готовы были отступить и отказаться от своих привилегий. Просто ждали удобного момента расквитаться, и такой момент пришёл. К тому времени мы уже организовались. У нас была своя банда. Дима Кутузов стал моей правой рукой.

Судьба Димы сложилась интересно. Он стал крупным рецидивистом-медвежатником. Однажды, через пару лет после возвращения, раздался звонок в моей коммунальной квартире на Васильевском Острове. Соседка, которая открыла дверь, в ужасе сказала мне: «Там какой-то бандит в дверях требует своего командира Лёню». Это был Дима — высокого роста, здоровый. Всё лицо в шрамах. Выглядел классическим бандитом. Он схватил и поднял меня на руки, как пушинку. Потом мы сидели весь вечер, пили водку. Он рассказывал о своих уголовных похождениях. Говорил, что мне благодарен за спасение. Предлагал денег. Говорил, что если кто-то меня пальцем тронет, то он... Я смотрел на него и думал. Во-первых, я любил его как младшего брата. Он мне был близок как никто. Мы выживали спина к спине. Во-вторых, я думал, что это я же создал из него бандита. И неважно, какие намерения у меня были и какие обстоятельства этому предшествовали — я создал убийцу своими руками...

Как я упоминал, и МОЙ день пришёл. Я спускался по лестнице и остановился в пролёте второго этажа. Никого из моих ребят рядом не было. Один из уголовников меня ударил, я отреагировал. Второй, которого я не видел, стоял в тени. Он, неожиданно для меня, сложив две руки в один кулак, нанес удар наотмашь по лицу. Я перевалился через деревянные перила и упал на бетонный пол первого этажа. Удар был очень сильный. Я потерял сознание и пролежал на полу неопределённое время. Когда пришёл в себя, уже стемнело. Лежал лицом вниз, в крови. Лицо примёрзло к полу. Моих ребят в казарме не было, а из уголовников никто, естественно, мне помощи не оказал. Думаю,

что они эту засаду запланировали. С трудом поднявшись на ноги, пошёл пешком в госпиталь. Когда добрёл, дежурный врач, осмотрев меня, поцокал языком и сказал, что сломан нос, сотрясение мозга и ещё что-то, уже не помню.

Он оставил меня в госпитале на месяц. События в штрафной роте стали принимать неожиданный оборот. Наши социально-близкие друзья поймали и изнасиловали в Гремихе какого-то ребёнка, сына старшего офицера. Началось следствие. По собранным данным выяснилась неутешительная статистика всей нашей части.

Количество убитых, раненых, зарезанных, порезанных и переломанных превышало все известные в армии, нормы. (Только у меня — шесть переломов и ножевая рана.) В казарму приехали военные следователи по уголовным делам. Быстро прояснилась картина, и принято решение. Концепция части была признана неправильной. Всех уголовников срочно вывезли, литовцев-националистов тоже. Всех офицеров и сверхсрочников заменили. Заместителю начальника тыла объявили выговор за халатность.

Восемь «молодых» и меня оставили в части, и переформировали её в обычное береговое подразделение. Прислали 50 новобранцев. Мне вернули старшинские погоны.

Я не думал, что выживу. У меня не было никакой надежды на это. Даже не осмеливался себе это вообразить. Ещё тогда, в котельной, когда искал верёвку, цивилизованный мир и всё, что с ним было связано, казались мне воображаемым и нереальными. Я тогда первый раз подумал об Израиле. Мне ничего не было известно об этой стране и о людях живущих в ней. Одно знал точно, что в этой страшной России, убивающей своих сыновей, жить не буду никогда.

Там, в той котельной, я дал себе слово, что, если случится чудо и я когда-нибудь выберусь из Гремихи, сделаю всё, чтобы попасть в Израиль.

Уже забрезжила весна. Я ждал «ДМБ» — демобилизации...

Глава 12
Освобождение второе

Был хороший тёплый день, какие случались редко. Стоял июнь 1968 года. По идее, я был уже предупреждён о своём грядущем «освобождении». Об этом написали родители. Уже был соответствующий приказ Министра обороны СССР о моём персональном увольнении в запас. Это было связано с тем, что родители забросали письмами все государственные инстанции. Из положенных по закону трёх лет срочной службы я «разменял» уже свой пятый год.

Формальной судимости у меня не было. Задержку с «демобилизацией» власти объясняли недразумениями и бюрократией. У родителей на руках находились все соответствующие бумаги. Сомнений не было. Мы все были уверены, что я скоро буду дома. Уже на двенадцатом причале стоял корабль, а в соседних частях играли «славяночку», провожая своих «демобилизованных». Пароход стоял у причала уже сутки, из двух ему предназначенных. Это был мой корабль, и он был последним судном в этой навигации. Ему в корму дышала девятимесячная жуткая зима со всеми её причиндалами.

Я был очень плох. Теперь, по прошествии многих лет, могу оценить и перечислить «букет», который у меня был. Дистрофия, видимо, в последней стадии. Я не мог есть. Меня тошнило. Желудок не принимал твёрдой пищи, особенно флотской. Весил я 42 килограмма с одеждой. У меня была цинга. Дёсны кровоточили. Во рту постоянно ощущался привкус крови. Зубы можно было вытаскивать пальцами. Психическое состояние оставляло желать лучшего. Я был полуживой или полумёртвый, безразличный к окружающему миру.

Большую часть времени лежал в кровати. Меня уже никто не беспокоил. Я никому не был нужен. Иногда, по ночам, спускался вниз в ленинскую комнату и крутил фильмы задом наперёд — с конца в начало, и снова возвращался в койку.

Я знал, что ухожу, что всё кончилось, что приказ о моем увольнении в запас пришёл в базу; что я включён в приказ Министра обороны. Видел стоящий у пирса корабль, который должен забрать меня на «Большую землю»... Но при всём этом росло подсознательное чувство беспокойства. Как у волка, которого загоняют в невидимую западню.

Подсознательно включился механизм выживания. Я зачем-то встал, оделся по первому сроку (парадная форма моряка) и

спустился на вахту. Дневальным стоял молодой матрос, который неожиданно спросил: «Товарищ старшина первой статьи, куда вы идёте?» Я ответил ему также неожиданно для самого себя, что иду в гальюн. Гальюн находился по пути к выходу из части. Как потом выяснилось, был приказ по команде — ни под каким видом не выпускать меня из части. Я же, как старшина и самый старший по званию из всех, находящихся в данный момент в расположении, мог проигнорировать этого дневального, или ответить ему правдиво, что выхожу за пределы части. (Видимо, в обоих случаях я был бы арестован, несмотря на звание).

Итак, я вышел и пошел, плохо сознавая, куда иду. Вариантов было много. Мог идти в штаб базы. К командиру базы или к его заместителям. Или в штаб тыла — вариантов были десятки. Я ни о чём не думал, ноги несли меня сами. Без увольнительной, еле живой, прячась от патрулей, прошёл около десяти километров и очнулся в штабе тыла — в приёмной начальника тыла, капитана первого ранга.

Я его видел несколько раз в прошлом. Было известно, что он отличался особой жестокостью по отношению к матросам. Что самодур и инициатор многих издевательских акций. ...Второй после «бога». В приёмной было тихо и пусто. Видимо, адъютант его уже ушёл. Дверь в кабинет была приоткрыта, и слышался негромкий разговор двух людей. Я не прислушивался, пока не услышал свою фамилию. Голос узнал — это был командир моей части. Он продолжал говорить начальнику тыла: «Зачем отпускать этого жида? Они же все кровососы и сволочи. Я хочу отпустить вместо него старшину Логинова. Мы же ему обещали дембель за мебель, которую он нам всем сделал».

Второй голос ответил: «Но на жида же есть приказ Министра обороны. Он уже и так переслужил год. Он уже и так самый старый срочнослужащий в базе. Я обязан его отпустить по приказу!»

«Товарищ капитан первого ранга, этот жид — еле живой, он протянет ещё месяц-два и помрёт. Следующий корабль придет уже после зимы, то есть, через девять месяцев. Письма отправляются только пароходом. Так что, разрешите сделать доброе дело».

«Я ещё больше тебя жидов ненавижу. Эти вонючие гады засрали нам всю Россию. Жаль, что Гитлер не доделал свою работу. Ты прав. Мы, пожалуй, сгноим одного жида. Иди и отправляй Логинова вместо жида».

Наступило молчание. Послышались шаги. Дверь открылась. Капитан-лейтенант вышел. Увидел меня. Остолбенел. Побелел. Шарахнулся в сторону и исчез. Впоследствии, воссоздавая эту

сцену, я пытался понять, почему он даже не удосужился воспользоваться своим естественным правом заорать на меня с обычным вопросом — каким образом я здесь очутился? На лице у него был написан страх.

Я ворвался в кабинет. Передо мной сидел капитан первого ранга, начальник тыла, первый заместитель адмирала — командира базы. Который за плохо пришитую пуговицу, за одно не так сказанное слово отправлял матросов начиная от десяти суток гауптвахты, кончая тремя годами каторги в дисциплинарном батальоне.

Я стоял перед ним, маленький еврей из интеллигентной еврейской семьи, абсолютно бесправный, но полный лютой ненависти и злобы к человеку, сидящему напротив. И ко всему тому, что он олицетворял.

Без предисловия, я понёс на него гневным флотским матом, который не дано воспроизвести. Я орал на него во всю глотку, что он сволочь, мразь, антисемит и еще много всякого.

Сначала он растерялся, сообразив, что я слышал всё, что они говорили. Быстро взял себя в руки и заорал в ответ, что вызывает патруль и что он лично даст мне три года дисциплинарного батальона. Совершенно неожиданно для себя я спокойно ответил: «Я знаю, что ты можешь это сделать. И я верю, что ты это сделаешь. Я осознаю также, что долго я там не выдержу. Но ты же антисемит и знаешь, что мы — евреи, владеем миром. Запомни, я найду способ передать своим евреям, что ты сделал со мной. Они будут преследовать и мстить тебе за меня. Если я отсюда не выберусь, ты уже никогда не станешь адмиралом и никогда не выберешься из этой грёбаной Гремихи-Йоканьги».

Круто развернувшись, я вышел из кабинета.

Когда вернулся в часть, сразу почувствовалось; что что-то произошло. Меня обходили стороной, от прямых вопросов шарахались.

В воздухе пахло грозой. Я прошёл к себе в кубрик.

Собрал вещи и сел на кровать. Было ясно, что сейчас подъедет «газик» из гарнизонной гауптвахты, и меня возьмут. Внутри было хорошо. Спокойно и пусто. Я чувствовал внутреннее облегчение. Сделал я всё, что мог. А мог немного. Долго ждать не пришлось. Раздался голос вахтенного: «Старшина первой статьи Токарский! На выход с вещами!» Внизу ждал газик со старшим лейтенантом и двумя вооруженными матросами.

Прощаться было не с кем. Все куда-то исчезли. Лейтенант сел рядом с водителем, меня посадили сзади между двумя матросами. Всё происходило безмолвно. Никто ничего не спрашивал и никто ничего не отвечал.

Мы поехали вдоль залива и причалов. Была чудесная погода, которая так редка в тундре. Грело солнце. Снег лежал высоко на сопках. Я дышал полной грудью. Мне было легко и хорошо. Я прощался с этой жизнью. Тяжело объяснить чувство, когда от тебя уже ничего не зависит. Ты знаешь, что через пару часов будешь сидеть в вонючей, холодной камере. А о том, что будет после, — думать не хотелось вообще. Понятно было — это последний путь. Документов не выдали, поэтому понимал, что меня везут в тюрьму. Только преследовала одна мысль: «Зачем Б-Богунадо было меня так мучить? Протаскивать через атомные лодки, реакторы, через уголовников... И, в конце, оставить в живых, чтобы вот так закончить?!» Тем не менее, мне было хорошо и легко. По крайней мере оттого, что всё теперь ясно и понятно.

Мы подъехали к последнему причалу. Дальше дорога разветвлялась: направо — на гауптвахту, налево — на причал с пароходом, увозящим «демобилизованных».

Джип повернул налево. Лейтенант приказал мне выйти из машины и вытащил какие-то документы из сумки: «Возьмите ваши документы и поднимайтесь на корабль».

… Я стоял на палубе судна. Вокруг меня толпилось много матросов. Все кричали и радовались. Я стоял, держась за поручни, и смотрел на эту проклятую Гремиху, плохо понимая, что произошло. Вдруг у меня полились слёзы. И не знал, что умею плакать. Я плакал. Это был первый раз в жизни, когда я плакал, будучи взрослым. Плакал, а потом смеялся. Жив. Выжил.

Впоследствии я часто задумывался, почему ненавидящий меня и тот народ, который я представлял, могущий одним пальцем стереть меня с лица земли, — освободил меня?

На самом деле — всё просто. Он действительно был патологическим антисемитом. Он действительно верил, что мы — евреи — владеем миром. Что мы действительно обладаем невидимой мистической силой, которая действует даже на расстоянии.

Спасибо «сионским мудрецам» за это...

Глава 13
Чудеса

В этой главе хотел бы поговорить о чудесах. Во время службы я повидал и пережил многое. Иногда со мной происходили вещи, которые до сегодняшнего дня не могу объяснить. Им нет рационального объяснения. Может быть, это была счастливая случайность, а может, и Божья милость.

Судите сами.

... Мы уже начали осваивать ремонт дизельных подводных лодок. В первые месяцы службы мне поручили проверить и отрегулировать клапан продувания цистерны. Во всех подводных лодках есть два корпуса — лёгкий и прочный. Прочный корпус — герметизированная сигара, выдерживающая давление под водой. Над ним укреплена тонкая оболочка с отверстиями, которая формирует верхнюю наружную палубу. Когда лодка находится на поверхности моря и подводники выстраиваются на наружной палубе, они стоят на лёгком корпусе.

Под этот лёгкий корпус мне и надо было забраться, чтобы дотянуться до клапана. Секция лёгкого корпуса в этом районе (примерно в 5 метров длиной) не была закреплена и лежала свободно. Я залез в щель между легким и прочным корпусом. Чувствую, что не могу там находиться. Вылез. Залез опять — не могу. Вылез, пошёл к старшине и объяснил, что не могу там работать. Он понёс на меня матом. Вернулся, опять залез. Вылез и сказал себе, что пусть хоть сажают на гауптвахту, туда не полезу. Сел в стороне и смотрю на эту секцию. В это время один из подводников пробежал по лодке и наступил на эту секцию. Она накренилась и быстро скатилась в воду, унося под собой всё, что под ней было. Если бы я остался там, то не написал бы эту книгу.

...Мы работали уже двое суток без перерыва. Нас было трое. Нугис, мой товарищ, эстонец, ещё один механик, имени которого не помню, и я. Наша задача — отремонтировать и испытать захлопку осушения цистерны. При погружении подводной лодки она набирает в себя, в свои цистерны, воду. Когда лодка всплывает, цистерна продувается сжатым воздухом, чтобы избавиться от набранной воды. Проход воды контролирует эта захлопка (клапан). Подводная лодка стояла на стапеле в сухом доке. Мы залезли в лодку снизу и работали в узком помещении, куда открывалась захлопка. Уже заканчивали работу. Осталось только испытать воздушным давлением в 300 килограммов. Это огромное давление. У Нугиса закончились сигареты. В то время я

еще не курил. Нугис хотел пойти и принести сигареты. Мы были очень уставшие. Мне стало его жалко. Я вызвался принести сигареты и вылез из лодки вниз на бетонный пол дока. В это время молодой лейтенант-подводник, отвечавший за испытания, решил ускорить процесс. Вместо постепенного уменьшения давления, он просто приоткрыл захлопку. Её вырвало — и огромное давление размазало ребят по стенам. Я был уже внизу, на бетонном полу дока. Меня тряхнуло, но не очень. Так доброе дело, которое я хотел сделать для друга, спасло мне жизнь.

... Ремонт подводной лодки был почти закончен. Она стояла в сухом доке, окруженная построенными лесами. Лодка, когда находится на суше, — очень высока, и леса построены в пять этажей. Матросы работали на всех этажах. Старший лейтенант, отвечавший за работы, был просто дурак.

Неожиданно, никого не предупредив, он отдал приказ своим людям рубить леса. Те стали рубить их в прямом смысле слова — подрубать нижние стойки. Леса накренились и стали падать вместе с людьми, на них работающими. Моряки спрыгивали со всех этажей, а тяжёлые доски лесов валились на них сверху. Я находился на четвёртом этаже и тоже, как и другие, прыгнул вниз на бетонный пол. Я не закрывал глаза от страха. Пролетая второй этаж, увидел отвалившуюся часть лесов, сколоченную в виде лежащего на плоскости ромба. Умудрившись оттолкнуться в воздухе, я свалился на него.

Деревянный ромб самортизировал под моей тяжестью и развалился, ослабив удар о бетон. От удара у меня пару дней болели ноги и спина. Я остался жив. Старшего лейтенанта судили за халатность, приведшую к человеческим жертвам.

...Это было в разгар зимы. Я — молодой матрос, недавно прибывший на ПМ-130. Работая в лодке, порезался. Порез был ерундовый, и я забыл о нём. Через сутки рука вспухла и поднялась температура. Как типичный молодой матрос, ещё не знал, толком, как всё работает. Показал руку старшине. Он отмахнулся. На третьи сутки я проснулся и почувствовал, что умираю. Как потом выяснилось, у меня была температура 41С небольшим. Я не мог двигать руками, лимфы под мышками вспухли. У меня было заражение крови, но я этого не знал. С трудом выполз на палубу. Мела пурга. Я пополз на четвереньках к каюте фельдшера. Дополз, стукнул в дверь и потерял сознание.

Очнулся я через сутки в амбулатории. Когда очнулся, он поздравил меня с днём рождения и сказал: «Тебе повезло трижды: во-первых, я случайно услышал твой стук в дверь; во-вторых, обычно медбратья на кораблях заканчивают курс санитаров в армии и ничего не понимают в медицине. Я закончил три курса

медицинского института и сразу понял; что у тебя заражение крови. В-третьих, у меня совершенно случайно оказалась последняя порция пенициллина. Базу занесло двухметровым снегом. В такую погоду нет передвижения по базе, да и не стали бы ничего делать для простого матроса. Я колол тебя всю ночь. Тебе оставалось жить буквально несколько часов».

Он оказался хорошим парнем, мы с ним подружились.

... Нас было триста. Вернулось около двадцати. Часть погибла в авариях, часть от радиации, часть сошла с ума, часть комиссовали по инвалидности, чтобы умерли уже дома. Из двадцати, что вернулись, кроме меня уже никого не осталось. Мне повезло — я выжил, заплатив за жизнь относительно невысокую цену. Она состояла из сломанного носа, выбитой челюсти, нескольких переломов и ножевой раны.

Это была плата за то, что я — еврей. Остатки набора: зубы, обмороженные ноги и ещё кое-что — заплачено за уроки жизни. Остальные заплатили за учёбу без того, чтобы получить диплом жизни. Кто спился и погиб. А кто и просто сгинул. Мои коллеги заплатили за свою учёбу и не выжили. Я же — выжил,

Я всегда боялся оглядываться в прошлое. Мне казалось, что, как только оглянусь, — моя удача закончится, везение прекратится, и я отстану, исчезну из поезда, как исчезли все мои друзья. Сегодня я уже, в принципе, всё прошёл и подошёл к возрасту, когда уже не жалко, мне захотелось оглянуться и посмотреть назад.

Я живой. Сумел выжить и пережить всех и всё, построить себе ещё одну новую жизнь. Жизнь в новом мире. В новом доме. С новыми соседями. И говорить на новом языке.

Может быть — это была цепь удач. Может быть — это была воля Божья. Может быть — это было и то, и другое.

Это чудо, что я сейчас здесь и могу описать пережитое. Это моё чудо. Спасибо тому, кто мне это чудо подарил.

Я вас всех помню, друзья мои и попутчики. Я не забыл никого. Вы все остались в моей памяти, живые и настоящие. У меня нет угрызений совести перед вами потому, что я не грешил, а так вышло, что мне повезло больше.

Четыре года я мечтал о том, как, вернувшись домой, расскажу родителям, через что я прошёл. Вернувшись, я начал свой рассказ об атомных подводных лодках, о реакторах, о штрафной роте.

Неожиданно передо мной возникла молчаливая стена. Родители были не в состоянии принять эту информацию и забрать её от меня. Они не были готовы меня слушать, а может быть, и не хотели. Они просто боялись моих рассказов. Я замкнулся в себе и запер в своей памяти на долгие годы всё то,

что мешало мне продолжать жить. Произошло очередное чудо. Я начисто забыл всё, что прошёл, и сбросил эту тяжесть с себя. Это дало мне возможность начать новую жизнь с нуля. Иногда, когда меня спрашивали о прошлом, я долго и мучительно вспоминал — где служил и что там делал.

Где-то лет пять тому назад картины прошлого стали возвращаться ко мне в цвете. Я стал просыпаться по ночам в холодном поту. Всё, что произошло, стало оживать в моём сознании. Как будто произошла авария, и я потерял память. Теперь она вернулась. Тогда я решил «выпустить джина из бутылки» и переложить этот груз на бумагу. Через месяц посмотрел на стопку лежащих передо мной отпечатанных листов и почувствовал облегчение. Всё то, что находилось глубоко внутри долгие годы, сейчас уже находилось не во мне, а на столе.

Это стало самым главным чудом моей жизни.

Закончив писать о самом страшном, я подумал, а почему бы не продолжить? Теперь уже во имя детей и внуков. Я всегда верил, что главное качество в человеке — это найти в себе силы продолжить движение вперёд и остаться продуктивным человеком и гражданином. Я жалею людей, живущих только воспоминаниями. Это значит — они закончили своё движение вперёд. Я знаком с одним только видом воспоминаний — воспоминаниями, облегчающими душу. Жизненный опыт, опыт борьбы должен помогать человеку в достижении следующей цели. Я не восторгаюсь людьми, попавшими в советскую тюрьму. Попасть в советскую тюрьму за неправильно сказанное слово или за мнение, не совпадающее с линией партии, в то время было очень просто. И я не вижу в этом героизма. Выжить в тюрьме или в лагере, остаться человеком, а потом всё же добиться своей цели — вот что ценно. Это и есть героизм!

Как сказал философ и математик Бертран Рассел: «В войне побеждает не тот, кто прав, а тот, кто остался в живых».

Часть вторая
Борьба за свободу
1969–1976
Ленинград

«Бодался телёнок с дубом».
Александр Солженицын

Глава 14
Возвращение к жизни

Четыре года я мечтал о кнопке звонка в квартире номер 4 дома номер 25, что на 6-й Линии Васильевского острова. Я позвонил. Вышла мама. Она охнула, заплакала и стала опускаться на пол. Я поддержал её. Мы постояли так несколько минут. Потом она пошла готовить папу к встрече со мной. Всё повторилось.

Стали приходить люди. Все поздравляли. Что-то говорили. Я плохо понимал, что они говорят. Потом отец сказал; что надо бы отметить моё возвращение и поставил на стол бутылку водки. Затем, по своему обыкновению, он пошутил, что я, наверное, привык пить стаканами и налил мне полный гранёный стакан.

Ответил, что пить-то особенно не хочу, но если пьём, то — пожалуйста! И залпом проглотил содержимое стакана. Выражение маминого лица изменилось. Она робко спросила, может быть надо закусить. Я ответил вполне серьёзно, что мы, обычно, после первой рюмки не закусываем. (У нас просто никогда не было достаточно закуски.) Папа, по инерции, продолжил шутить и налил ещё один стакан. Я выпил и его. На лице у них был написан ужас Мне даже не было понятно, что именно их смутило. Я вообще мало понимал, что происходило вокруг. Движущей силой всех моих действий служил только адреналин, который выделялся в моём ослабшем теле в огромных, несоизмеримых количествах.

Я был инопланетянином, свалившимся на неизвестную планету. Человеком, психически ненормальным по критериям того общества, в которое вернулся. Общество, в свою очередь, казалось мне тоже психически ненормальным. Мой взгляд на мир различал в нём только два цвета: чёрный и белый. В моём мире было разделение на врагов, на друзей и на нейтральных людей, которые не мешают и не вмешиваются. Врагов надо было остерегаться. С другом разделяют всё. Если друг стоял на кухне и мыл посуду, то следовало без пояснений встать рядом и делать дело, пока работа не будет завершена. Если друг звонил и говорил, что ты ему нужен, естественным было немедленно выехать к нему, не задавая вопросов. Никто не имел права вторгаться в твоё физическое и внутреннее душевное пространство. Святость и неприкосновенность личного пространства считалась обязательной, как по отношению к самому себе, так и по отношению к другим. Нельзя дёргать человека, когда он этого не хотел. Нельзя навязывать темы для

разговоров, о которых человек не хотел говорить. Нельзя было задавать человеку вопросы на личные темы, пока он сам их не поднимал. Мы, например, с моим другом могли просидеть в одной комнате целый вечер, не произнося ни слова. И нам было хорошо вместе. Каждый думал о своём. Понятия опасности, горя, радости толковались мною по-другому. Девушка, плачущая из-за потери брошки, потери денег, ссоры с любимым человеком и другой ерунды, была, в моём понимании, психически неполноценна. Из-за таких мелочей не плачут, так как это же не связано со смертью. У меня была ясность и однозначность во всём. Решения принимал всегда быстро и на месте.

Я не был пьяницей, как подумала мама, а просто был проспиртованным. Я не пьянел от выпитой бутылки водки. Алкоголики быстро пьянеют. Но это те нюансы, о которых мама не знала, а я объяснить ей не мог. Мы пили постоянно, чтобы согреться. Так было и на подводных лодках, и в штрафной роте.

Когда лодка в подводном положении, температура внутри всегда плюс 4 градуса. Из-за запаха тухлых яиц, выделяемого системой регенерации, принимать пищу невозможно. А вот пить было можно. И мы пили.

Я не мог поддерживать беседу, так как забыл русский язык. Но зато в совершенстве владел русским матом. Это был тот единственный язык, на котором мог общаться. Поэтому я молчал.

С точки зрения физического здоровья, ситуация обстояла ещё хуже. Я был дистрофик. Не мог есть. Меня тошнило. От цинги зубы продолжали выпадать. Кроме всего прочего, я чувствовал себя безразличным к окружающему миру человеком.

Мама быстро всё поняла. У неё был опыт общения с послеблокадным и послевоенным отцом.

Первый месяц большую часть времени я пролежал в кровати. Изредка вставал, топтал ногами свою военно-морскую форму и ложился снова в кровать.

Мама кормила меня куриным бульоном из ложечки. За первые полторы недели мы преодолели рвотную реакцию. Я начал вспоминать нормальный русский язык.

Через пять недель я встал, сказав самому себе, что хватит валяться, и принял новую стратегическую программу своего будущего. Она состояла из трёх пунктов:

1. Любой ценой завершить своё инженерное образование.

2. Восстановить свою профессиональную квалификацию.

3. После завершения первого и второго пунктов — уехать в Израиль любой ценой.

Первые два пункта я сообщил родителям, третий оставил при себе.

Поступление и учёба в Ленинградском Кораблестроительном Институте выглядели нереальными по моему состоянию на то время. За последние годы я забыл не только русский язык, но и элементарную школьную программу. Голова потеряла навыки обучения. Всё выветрилось.

Остался один флотский мат и умение выживать при любых обстоятельствах. Первое качество мне помочь явно не могло. Я сосредоточился на втором — на выживании. Первый мой вступительный экзамен состоялся через полтора месяца после возвращения домой. Это был письменный экзамен по математике.

Надо решить три задачи из пяти. Я мог поступить институт после армии вне конкурса с минимальным баллом. Достаточно получить три тройки, чтобы быть зачисленным. Мой лучший друг Слава Хаяк, отслужив три года, уже год был на свободе. Он успел подготовиться к поступлению. На экзамене я с большим трудом решил одну задачу из пяти. Слава решил себе три задачи и мне две. Так мы оба получили по тройке.

Устный экзамен по математике — проблема. Я ничего не знал, и шансов на сдачу у меня не было.

Когда я пришёл на экзамен, там сидели молоденькие мальчики и девочки, пришедшие туда сразу после школы. Они обсуждали в коридоре ответы на экзаменационные билеты, говоря на каком-то «китайском» языке. Я не понимал, о чём они говорят.

Все абитуриенты очень красиво одеты. Мне же нечего было одеть на экзамен. Новой одежды не было, а из старой я вырос. Поэтому пришёл в форме с отрезанными погонами. Среди этих детей я выглядел нескладным стариком со сломанным носом. Начался экзамен. Ответы на все вопросы в билете я мастерски списал из учебника, не всегда понимая, что там было написано.

Экзаменаторы ходили между столами и подсаживались к экзаменуемым. Ко мне подошла женщина-экзаменатор и подсела за стол. Посмотрев на нее, я понял — это не мой вариант. Сказав, что не готов, попросил ещё несколько минут. Буркнув, что это не принято, она недовольно поднялась. В ту же минуту я заметил аспиранта моего возраста, ходившего между столами, и подозвал его.

Женщина-экзаменатор, увидев это, что-то ему крикнула, но она была далеко, он уже подсел ко мне.

Аспирант-экзаменатор посмотрел на мои списанные ответы и приготовился задавать устные дополнительные вопросы, как полагалось по процедуре. Я ему тихо сказал: «Слушай парень! Я только что вернулся из армии. Я ничего не знаю и не смогу ответить ни на один вопрос. Знаю только одно, что очень хочу учиться и стану хорошим инженером.

Эти девочки и мальчики знают всё лучше меня, но инженером я буду лучше, чем они. Дай мне сейчас эту возможность, поставь мне три балла, и пусть совесть твоя будет чиста». Аспирант ошарашено посмотрел на меня и… поставил мне четыре балла.

Потом я встречал этого аспиранта в институте. Мы подружились. Аспирант стал доцентом и всегда при встрече, показывая на мой портрет, вывешенный на Доске почёта института, добавлял с гордостью, что именно тогда, экзаменуя меня, он принял одно из своих самых правильных профессиональных решений в качестве преподавателя.

Я стал студентом вечернего факультета ЛКИ, и началась моя новая студенческая жизнь. По истечении двух-трёх недель, пришёл к своему старшему брату Боре рассказать ему, что со мной происходят странные вещи. Все преподаватели говорят на «китайском» языке. Часами сидя на лекциях, я не понимаю ни слова. Боря успокоил, что, мол, никто и ничего не понимает на лекциях. Что это нормальный процесс учёбы. Что когда подходит сессия, студенты за три-четыре дня постигают премудрости науки и сдают экзамены. Я уверился в том, что так это, видимо, и произойдёт. Подошло время сессии. Мною было сделано всё, как у всех.

Но чуда не произошло. Я пришёл сдавать свою первую сессию без малейшего понятия о предметах, которые сдавал. Сдать мне её удалось, опять-таки, только благодаря «матросской смекалке». После сессии сказал себе, что такой позор не для меня, и это больше никогда со мной не произойдёт. Нужно было построить систему самообучения, скроенную для себя и под себя.

Я построил такую систему. Время жизни, работы и учёбы было регламентировано по минутам. Я спал по 5–6 часов в сутки. Всё своё свободное время посвящал учёбе. На «личное» время мне выделялось четыре часа в неделю, в воскресенье, с 8 часов вечера до 12 часов ночи. Все мои подруги знали, что это единственное время, отпущенное для них. Сегодня это выглядит абсурдом. Тогда — жизненным правилом. Второй курс я закончил с отличием. Однако на третьем курсе явилась неожиданная проблема. Видимо, в моей голове отказал какой-то невозвратно-запорный клапан. Я стал сообщать всем то, что о них думаю. Например, разговаривая с начальником, у меня проскальзывала безотчётная мысль в голове, что он — осёл. Эта фраза, к моему ужасу, вылезала изо рта вслух. Я побежал к невропатологу. Он, проверив меня, сказал, что это симптомы сильного переутомления. Что невозможно больше совмещать такую напряжённую работу с такой интенсивной учёбой в институте.

Мне предлагалось выбрать что-то одно — либо серьёзная работа, либо серьёзная учёба. Это была катастрофа. Рекомендации невропатолога казались неприемлемыми для меня. Я решил попробовать своё собственное лекарство. Между работой и учёбой оставалось 50 минут чистого времени. В это свободное время я начал посещать клуб штангистов. Нагружался в спортзале очень интенсивно, за короткое время мой жим лёжа постепенно дошёл до 160 кг. Через четыре месяца после начала лечения моим способом болезнь исчезла.

С поступлением в институт начались поиски работы. Позвонил на Адмиралтейский завод, объяснил, кто я и что я умею делать. Мне сказали: «Приезжайте немедленно, нам такие специалисты нужны». Я приехал. Отдал паспорт. Через минуту его вернули с ответом: «Место уже занято». Эта история повторилась на всех судостроительных заводах, куда я обращался. Единственная новая информация, которая могла быть получена из паспорта, пятый пункт. Национальность — еврей. Я пришёл к отцу. Он задумчиво посмотрел на меня и молча поднял трубку телефона. Разговор был коротким. «Ваня, мой сын вернулся из армии и не может найти себе работу».

«Натан, я знаю ситуацию. Скажи ему, пусть завтра зайдёт ко мне». На следующий день я пришёл на Невский Морской завод. Директором его был друг отца. Как выяснилось, они вместе работали в блокаду. Директор послал меня к начальнице отдела кадров. Передав ей документы, я вернулся обратно в его кабинет. Раздался звонок громкой связи: «Иван Иванович, этот Токарский не проходит по пятому пункту. Вы же знаете, что у нас инструкции». Глядя мне в глаза, он ответил ей: «Приказываю немедленно принять его на работу. Пока я здесь начальник, я даю инструкции». Отключив громкую связь, добавил: «Передай привет отцу. Можешь рассказать ему про всё это. Хорошо, что он мне позвонил».

Невский Морской завод был ничем не примечательным предприятием, занимающимся ремонтом маленьких пограничных катеров.

Единственное преимущество — его местонахождение. Он находился во дворе ЦМКБ (Центрального Морского Конструкторского Бюро) «Алмаз», который был самым серьёзным и секретным в СССР военно-морским конструкторским бюро, занимающимся малыми ракетными катерами и кораблями на новых принципах движения. Связи между заводом и ЦМКБ «Алмаз» не было никакой.

Я стал работать младшим инженером-технологом в технологическом бюро. Буквально через полгода было решено

передать наше предприятие в ведение ЦМКБ «Алмаз» в качестве опытного завода. А остальные четыре предприятия, специализирующиеся на выпуске малых кораблей, передавались в качестве серийных заводов для производства кораблей ЦМКБ «Алмаз». Это решение полностью изменило организацию и структуру существующего Невского Морского завода. Он стал экспериментальным, первым в СССР строящим военные корабли на воздушных подушках, на крыльях и экранопланы. Идея кораблей на воздушной подушке заключалась в следующем. Во время войны самые большие потери в боях при захвате береговых плацдармов всегда несли десантники в момент их высадки на берег. В этот момент десант медлителен, беспомощен и беззащитен. Корабль на воздушной подушке — это летящий с большой скоростью (100–120 км/час) десантный транспорт, выбрасывающийся как кит на береговые проволочные заграждения. Из него высаживаются танки, бронетранспортёры, десантники. Идея таких кораблей появилась в 50–60-х годах. Претворением этой идеи занимался «Алмаз».

Построением и отработкой первого опытного экземпляра корабля занимался наш завод. Над созданием новой технологии для судостроения и её отработкой трудились мы — мои коллегии и я. Конструкторы рисовали общие схемы систем, которые должны быть на корабле. Нужно было построить их, вдохнуть в них жизнь и сделать их работоспособными. Здесь требовался большой практический опыт и нестандартное мышление. Нас работало несколько ведущих инженеров. Каждый отвечал за определённые системы корабля. Это был тот самый редкий случай в жизни, когда от персональных способностей инженера напрямую зависел результат. Если опытная система, которую ты сделал, работала, то это было твоим персональным успехом. Мы создали три прототипа кораблей на воздушных подушках: «Скат», «Кальмар», «Джейран». И один на крыльях — «Тайфун». Были и другие опытные проекты. Корабли выходили на полигоны для испытаний примерно каждые полгода.

Отчеты по испытаниям возвращались вместе с ними. В документах представлялось количество отказов в каждой системе и общее техническое заключение о качестве её работы. Это и было результатом нашей персональной деятельности.

Сначала я отвечал за функционирование небольшой гидравлической системы. На следующем корабле отвечал уже за всю гидравлику. На третьем корабле мне передали механическую часть корабля. Каждый раз после получения результатов испытаний, меня вызывал Ткач Николай Иванович, новый директор, и расширял мои полномочия. В конечном итоге я был

назначен ответственным за все новые прототипы и получил должность начальника профилированного технологического бюро.

Должность требовала обязательного членства в партии, хотя таковым я не являлся. И не собирался им быть. Ткач рисковал; приняв решение о моём назначении, но риск был продуманным. Ему нужны были результаты. Ткач был талантливым человеком. Он являлся также образцом хорошего советского руководителя и преданным коммунистом. Это дополнялось тем, что он — классический и убеждённый антисемит. Как каждый настоящий антисемит, он имел своего любимого еврея. Этим евреем был я. Ткача избрали народным заседателем в суде по «ленинградскому делу» — судебному процессу по угону самолёта в Израиль группой евреев. Он любил провоцировать меня этим.

Приезжая из суда, запирал свой портфель с судебными документами в сейф в моём присутствии. При этом приговаривал, что понимает, сколько бы я дал за то, чтобы посмотреть его содержимое!

Однако Ткач очень верил в мои технические и организаторские способности и внушил эту веру мне. Иногда он требовал от меня найти технические решения задач, которые до нас никто не решал. Но и мне они казались просто неосуществимыми! Он, улыбаясь, подходил и говорил: «Леонид Натанович! Верю, что эту задачу решить сложно. Знаю, что её ещё никто до нас не решал. Но поэтому, уважаемый, я и обращаюсь к вам. Вот вы её и решите, Леонид Натанович. Если вам не хватает информации, идите в Публичную библиотеку. Между прочим, вы знаете, что те Ваши собратья, угонявшие самолёт, всю информацию получили в открытых источниках. В Публичной библиотеке. Решение нашего вопроса должно быть получено через две недели. Используйте любые заводские средства. Корабль должен выйти на полигон в конце месяца».

Я благодарен Ткачу, несмотря на то, что он был антисемитом, за то, что он научил меня правильно мыслить, эффективно задействовать людей, финансовые средства и технику. Но самое главное — вере в себя и в то, что нерешаемых технических задач не бывает.

Летающие корабли были новым направлением в судостроении и требовали нового и необычного подхода. Требовалось применение авиационного оборудования и авиационных технологий в судостроении. Это было производство, создаваемое на границе авиации и судостроения. Таких специалистов и институтов тогда ещё не существовало. Спрашивать было не у кого. Мы — первые, проблем — много.

Одной из главных технологических проблем для нас являлось применение и настройка систем авиационной гидроавтоматики в морских условиях. Системы эти — уязвимы и чувствительны. Они не были рассчитаны на длительную непрерывную работу, да ещё в условиях солёной воды. На самолёте; традиционно, все системы сосредотачивались в определённых, ограниченных пространствах, чистых отсеках, типа электрических шкафов. Корабль намного объёмнее, и системы его большей протяжённости. Проще говоря, нахождение неисправности при наладке системы на корабле — очень сложная и трудоёмкая задача. Требовался принципиально новый подход к решению технологических задач. Вот здесь-то и пригодился мне опыт работы с атомными реакторами. Проблематичность поиска неисправностей в системах атомных реакторов заключалась в том, что каждая минута поиска, то есть физического нахождения в реакторном отсеке, была чревата опасностью дополнительного заражения. Из-за инстинкта самосохранения и выживания у меня выработалась необычная зрительная память.

Проходя один раз по реакторному отсеку и проверяя показания приборов, состояние оборудования, насосов и механизмов, я моментально запоминал показания приборов. Через пару часов, сидя у себя в каюте, начинал анализировать ситуацию и искать неисправность. При этом мог мысленно вернуться в реактор и восстановить в памяти показания всех приборов, мимо которых проходил. Это давало возможность в спокойных условиях произвести анализ состояния систем и найти неисправность. На Невском Морском заводе, когда приходили мои инженеры и сообщали, что какая-то система не работает, я задавал им несколько вопросов, а потом начинал раздумывать, раскачиваясь на стуле. После раздумий говорил примерно так: «Идите в третий отсек. Найдите четвёртую гидравлическую панель. От неё отходит трубопровод, помеченный красной лентой. Идите по трубопроводу. Он присоединён к двум клапанам. В клапане № 36 золотник засорился. Замените его». Об этом ходили легенды, но на самом деле, всё было просто. Уроки прошлого: хочешь выжить — думай головой.

Учёба продолжалась. Теперь, по моей новой системе обучения, я использовал полагающийся отпуск на сдачу экзаменов в институте для отдыха.

Я не сидел и не зубрил перед экзаменами, как принято среди студентов, а отдыхал от работы и учёбы. На экзамен шёл, не читая конспектов, так как знал предметы, которые сдавал и любил их. Я очень ждал встречи с моими профессорами на экзаменах. Это было удачной возможностью поговорить с ними о

технических проблемах, возникающих у меня на работе, и получить профессиональный совет. Иногда преподаватели разочаровывали меня в этом. Обычно, перед сдачей профессор собирал студентов и объяснял свои правила приёма экзамена. Часто профессор сообщал, что хочет воспользоваться своим правом и поставить оценку одному студенту без экзамена. «Студент Токарский — Вашу зачётку». Мне завидовали, но я этого не любил, а объяснять сокурсникам не хотел. С моей стороны, это означало, что список вопросов, которые хотел задать во время экзамена, оставался без ответа. Теперь я должен был бегать за профессором, ловить его по коридорам, а испытания мои на заводе ждать ответов не могли.

Особой статьёй являлись всякие общественные дисциплины. Там я тоже не готовился. По вопросам марксистской философии я отвечал всё, что я думаю, только наоборот. То, что неправильно, жестоко, нелогично и нечеловечно, обеспечивало мне пять баллов. Меня всегда поражала эта «антилогика». Я издевался, а меня объявляли отличником.

Во время учёбы в институте приходилось сталкиваться с однокурсниками моего брата, которые уже преподавали в ЛКИ. Они знали меня по предыдущим «подвигам». Дело в том, что когда Боря был студентом, он брал меня иногда на свои студенческие сборы. Мне тогда было лет 13–14. На сборах они часто баловались и приставали к Боре, помериться силами или побороться. Брат всегда отказывался и предлагал вместо себя — меня. Победите, мол, сначала младшего брата, а потом поговорим. Я был физически сильным и с достоинством отстаивал честь семьи. Борин однокурсник, Саша Фёдоров, доктор наук и профессор, преподавал «Прочность корабельных конструкций». Он гонял меня на экзамене около часа. Саша делал это не для того, чтобы «завалить». Ему, просто было интересно, чего я стою и что знаю, чтобы потом рассказать друзьям про борькиного брата. (Он сам сказал мне об этом после экзамена). Оценки меня не интересовали, речь ведь шла не о получении стипендии. Предмет я знал и с удовольствием подыгрывал ему, не прося пощады. Саша поставил мне 5 баллов. Между прочим, в техникуме и в институте у меня была проблема и с преподавателями, знавшими моего отца. Но они специально не «гоняли» по предмету. Много расспрашивали об отце. Всегда вспоминали его с большим уважением. Спрашивали только — видел ли отец то, что я начертил или спроектировал.

Рассказывал им всегда правду что каждый чертёж отец заставлял переделывать по 10–12 раз. Они смотрели на представленную работу и, не проверяя, ставили 5 баллов. Отец не

разрешал мне пользоваться стирательной резинкой. Чертежи всегда были очень чистые и чёткие. Это бросалось в глаза.

Учёба в институте открыла передо мной широкие возможности. Я чувствовал нехватку теоретических знаний. Учился я запоем. Со второго курса стал отличником ЛКИ и оставался им до окончания института. На шестом году учёбы мне был вручен золотой знак отличника ЛКИ. На церемонии вручения золотого знака ректор института объявил, что я — единственный студент вечернего факультета, который этого удостоился. За время учёбы было опубликовано в журналах «Технология судостроения» и «Труды ЛКИ» несколько моих научных статей. От Ленинградского Совета изобретателей получил звание «Почётный изобретатель».

В ЛКИ было много хороших профессоров-теоретиков таких, как профессор Золотов, и я этим воспользовался. Я пришёл к декану и попросил, разрешения все мои курсовые работы выполнять по мною же выбранным темам. Подумав, он разрешил. Сложилась интересная система. Мне по работе требовалось найти решения необычных и сложных технологических задач, необходимых для функционирования кораблей на новых принципах движения. Ткач не ограничивал меня в средствах. Он практически разрешал делать на заводе все, что необходимо. Я ставил задачу для решения, затем строил лабораторные стенды для испытаний, покупал то оборудование, которое считал нужным. Инженеры завода и контрольные мастера работали по схемам, полученным от меня. Они проводили испытания и собирали статистику. Вечером я шёл в институт и решал вместе с моими преподавателями теоретическую сторону проблем. В каждом курсовом проекте я завершал и фиксировал часть одной общей большой задачи. Пять месяцев отпуска, выделенные мне на заводе для подготовки диплома, я использовал для систематизации и окончания исследований и разработок. На защите дипломного проекта выступил профессор Золотов и сказал: «Леонид Натанович сделал дипломную работу на уровне, превышающем обычные требования к дипломному проекту инженера. Я предлагаю рассматривать эту работу, как достойную присвоения научной степени кандидата технических наук». Мне предложили сдать кандидатские экзамены и перезащитить эту работу на степень кандидата наук.

Так и записали в протоколе Государственной комиссии. Мне повезло, учитывая, что такое решение имело силу только при наличии в составе Государственной комиссии не менее трёх докторов наук.

После получения диплома инженера, мне предложили

перейти в Ленинградский Кораблестроительный институт для продолжения научной и преподавательской деятельности (лекции в институте я читал уже с четвёртого курса).

Передо мной открывалась заманчивая научная карьера.

Глава 15
Подготовка к броску

Работа на Невском Морском заводе была очень интересной. Она требовала от меня много мозговой и физической энергии. Я жил полной жизнью и любил то, что делал. Ткач создал мне великолепные условия, в том числе двухкомнатный кабинет. Во второй комнате стоял диван-кровать. Я часто оставался ночевать на работе, особенно когда проходили испытания. У меня была хорошая секретарша — Наденька, милая девушка, совсем молоденькая и души во мне не чаявшая, Надя оберегала от всех напастей, заботилась обо мне и о моём желудке. Наденька была моей правой рукой.

В один из дней, когда я проводил совещание, Наденька зашла в кабинет и шепнула мне на ухо, что звонили из проходной. Там стоит какой-то пьяница и очень просит меня вызвать. Я вышел. У турникета стоял Витька Васильев. Он служил на ПМ-130 в соседней команде. Вид у него был явно небоевой — опухший, с чёрными кругами под глазами, в грязной одежде. Мы обнялись. Он рассказал, что вернулся со службы импотентом. Затем спился, стал алкоголиком. С работы везде выгоняли. Пробовал лечиться. Жена, зная, что ему нельзя пить, покупала ему бутылку водки и приводила любовника. Как только он выпьет и отключится, жена тут же тащила любовника в кровать. Сейчас Витька пришёл наниматься на работу. Я посмотрел его трудовую книжку. Он нигде не работал больше двух-трёх месяцев. Я зашёл в отдел кадров и попросил принять под мою ответственность. Его приняли. Через неделю позвонил начальник отдела кадров и сообщил, что Васильев исчез. Больше я его никогда не видел,

В ЦМКБ «Алмаз» работали два выдающихся еврея. Одного звали Моисей Ильич. Он был замечательный человек и великолепный инженер. Моисей Ильич учил меня мыслить и жить технологией. Он занимал должность главного технолога завода, а потом ЦМКБ, и был одним из тех, кто дал мне путёвку в профессию. Я встретил его несколько лет назад на Васильевском острове. Он шёл с кошелкой в магазин. Выглядел плохо. Мы сели на скамейке в сквере. Он долго расспрашивал меня об Израиле, о том, чем занимаюсь и чего достиг. Я рассказывал. Он сказал мне, что я был самым талантливым и любимым его учеником, что всегда мной гордился и был уверен, что преуспею в любом месте. Моисей Ильич рассказал, что через некоторое время после моего отъезда, их собрали, и они должны были меня осудить. Он

осудил, но не сильно. Потом сказал, что всегда завидовал моему бесстрашию; хотя и не знал всей моей военно-морской эпопеи. Ему неприятно было вспоминать о том, что он всегда боялся властей. Моисей Ильич рассказал, что государство его бросило с крохотной пенсией и сыном-инвалидом. Я пробовал предложить ему помощь, но он категорически и безапелляционно отказался.

Вторым таким евреем был Шперлинг, инженер и морской офицер, известный герой-катерник. Он являлся тем, кто заложил после войны концепцию использования ракетных быстроходных катеров вместо торпедных катеров. В ЦМКБ «Алмаз» была целая плеяда шперлинговцев, многие из них были евреями. Этих специалистов я знал хорошо, так как давал им технологические советы и визировал чертежи с точки зрения возможности их изготовления. Мы часто сидели и разговаривали, рассказывали анекдоты. Однажды они заставили одного конструктора, Мишу, рассказать свою «алиментную историю». Его жена работала секретаршей у какого-то партийного босса и на каком-то этапе стала его любовницей.

Однажды Миша поймал их у себя дома «с поличным» — в кровати. Недолго думая, он поехал к жене начальника своей жены и рассказал всю историю. По его словам, жена начальника выглядела намного моложе, чем Мишина, и очень аппетитно.

Миша предложил ей совместить приятное с полезным. Она окинула его оценивающим взглядом и, после некоторого раздумья, согласилась. «Народные мстители» залезли в кровать и стали развлекаться. Когда муж вернулся домой, то застал их в кровати в очень демонстративной позе. Скандал любовникам он устраивать побоялся из-за страха перед партийными последствиями: ведь он же первым изменил своей жене. Они развелись и поженились «крест-накрест». У каждой пары была дочка. У партийного босса зарплата — выше, и алименты — выше. Миша был доволен собой. Нашёл новую хорошую жену, дополнительный финансовый доход и отомстил бывшей жене-изменнице. Всё это, благодаря правильной политике КПСС в семейном вопросе.

Вскоре после того, как разгорелся скандал, связанный с полковником Пеньковским, который выдал американцам расположение стратегических ракет СССР, нас предупредили на заводе, что ожидается очень важный правительственный визит*.

---

*По официальным данным Пеньковский был арестован в 1962 году *(Д.Т.)*

Через некоторое время в ЦМКБ «Алмаз» приехал Главнокомандующий ВМФ Адмирал флота Советского Союза

Горшков. Выставили почётный караул. На каждом этаже ЦМКБ и у нас на заводе стояли матросы с автоматами в белых перчатках. Серия совещаний была окутана тайной. Мой начальник Ткач принимал во всём этом активное участие. Я, естественно, — нет. Ткач просил меня «Христом-Богом» не отлучаться и всё время находиться в своём кабинете. Время от времени, он прибегал ко мне, вытаскивал принесённый чертёж и расстилал его на столе. На всех чертежах был изображён наш корабль на воздушной подушке «Джейран», в разных его модификациях. Ткач задавал мне одни и те же вопросы: «Можно ли сделать такую модификацию? Сколько времени понадобится для изготовления? Кто может сделать комплектующие механизмы? Кто поставляет двигатели?» И так далее, и в том же духе. Я спросил — не собирается ли он открыть свою семейную лавочку по серийному изготовлению «Джейрана»? Он сердито посмотрел на меня, сказав, что ему не до моих идиотских шуток и убежал опять.

Несколько слов о нашем «женихе». «Джейран» — самый большой корабль на воздушной подушке того времени. Водоизмещение — около 300 тонн. Грузоподъёмность — 120 тонн. «Джейран» был недостроен. Он часто замораживался, как проект амбициозный, который слишком велик в качестве десантного транспорта. У нас были корабли лучше и меньше...

Вдруг возник совершенно непонятный ажиотаж вокруг «Джейрана». Ларчик, как оказалось потом, открывался просто. Когда Пеньковский выдал на Запад ракетный пояс СССР, страна осталась незащищённой. Чтобы создать новый ракетный пояс, требовалось много средств и времени. Ракетные шахты можно построить и спрятать относительно быстро. Главная трудность состояла в том что, дороги к шахтам засекались со спутников. Замаскировать их практически невозможно. В мозгах стратегов появилась идея создания серии огромных кораблей на воздушной подушке. Такие корабли не нуждаются в дорогах. Они могут быть одинаково использованы в море, в пустыне или в степи. Всё, что для них требуется, это ровная поверхность. В такой корабль можно положить ракету, которую он способен доставить в любую точку пустыни со скоростью 120 км/час.

После отъезда Горшкова начался ажиотаж. Мы стали в оперативном порядке завершать постройку «Джейрана». Ткач потребовал от меня срочно проехать по заводам-поставщикам и проверить, что и где из комплектующих изделий для «Джейрана» можно заказывать. После приезда я должен был оставить подробный письменный отчёт с конкретными рекомендациями. Перед командировкой меня вызвали в партком. Я очень удивился. Это последнее, чего можно было ожидать. Парторг меня принял

радушно и объяснил, что поскольку миссия очень важна, он даст сопроводительное письмо, хотя я и не член партии. Взяв в руки письмо, я чуть не расхохотался. Там было написано буквально следующее: «Ко всем секретарям районных и областных комитетов КПСС, советским и партийным органам. Прошу вас оказать всю необходимую помощь и содействие тов. Токарскому Л. Н., выполняющему задание особой государственной важности… С коммунистическим приветом! Секретарь райкома».

Честно говоря, до этого момента я был уверен, что такое бывает только в книжках о гражданской войне для младшего и среднего возраста.

Вооружившись необходимыми атрибутами, выехал в командировку на заводы в Горьком, Арзамасе и других городах. Должен сказать, что мой скептицизм был явно не оправдан. Это письмо действовало магически. Я предъявлял его с важным видом везде. На основании этого письма мне давали великолепные номера в гостиницах. Возили на персональной машине. Встречали везде с подобострастием, как свадебного генерала. Кормили бесплатно в лучших ресторанах. Явно чувствовалось, что на Руси не так уж и плохо, как мне всегда казалось, надо было лишь иметь такие письма. По возвращении в Ленинград, я написал отчёт о проделанной работе со своими рекомендациями.

Вернувшись, я активно включился в работу над «Джейраном». Мы работали и день, и ночь. Я жил на казарменном положении. В перерывах между испытаниями, пока техники исправляли указанные мной неисправности, спал у себя в кабинете. Надя меня кормила днём, а на ночь набивала холодильник.

Работа подошла к концу. Корабль был готов. Его окружили военизированной охраной. Нас всех на выходные отпустили домой. Торжественный спуск назначили на понедельник… Была зима. Стояли крутые морозы. Температура — минус 25–28 градусов. Корабль возвышался на стапеле. Высота стапеля была выше человеческого роста. Перед уходом домой, я подошёл ещё раз посмотреть на «Джейран».

Это было красивое зрелище.

Когда я пришёл в понедельник на завод, он был плотно окружён охраной. Мне с трудом удалось пробиться к «Джейрану». Его не было. Только ровное пепелище, на котором возились пожарники и военные. Корабль сгорел дотла. Стёкла рядом стоящего здания оплавились от жары. Говорили, что он горел всего сорок минут, хотя на нём и не было топлива. Людей на нём тоже не было. Да и взобраться на корабль было невозможно. Не было трапов. Детальной чертёжной документации на «Джейран»

приготовлено так же не было. Это — прототип, где все системы делались по месту. По программе сдачи корабля военным представителям заказчика (ВМФ), с него собирались скопировать чертежи уже после спуска.

«Джейран» сгорел, не оставив за собой и следа.

На мой взгляд, это была диверсия.

Глава 16
Бросок

Итак, всё складывалась как нельзя лучше.

Кораблестроительный институт закончен с отличием. Получение учёной степени — дело техники. Можно было идти дальше и преподавать. Или также продолжить дальнейшее движение в советские командиры производства. Я даже не рассматривал эти варианты. Мне было понятно, что надо ехать в Израиль. Я пришёл к отцу и сказал ему об этом. Отец спросил: «Ты готов спать под мостом? Ты готов взять в руки автомат?» Я ответил утвердительно. В этом у меня не было никаких сомнений. Папа добавил: «Ты никогда не жил с евреями. Ты не знаешь, что это такое. У тебя превосходное образование, в том числе, и домашнее. По психологии ты — человек прямой, храбрый, боец и солдат. Но ты не умеешь договариваться, а евреи всегда пытаются договориться. Евреи, обычно, действуют в обход. А ты идёшь прямо. Ты не идёшь на компромиссы, а евреи их любят. Честно говоря, я не завидую нашим братьям-евреям, которые столкнутся с тобой в Израиле и попробуют тебя обмануть. Можешь ехать в Израиль. Я уверен в том, что ты преуспеешь и сделаешь там прекрасную профессиональную карьеру».

Подумав, отец добавил: «У тебя будет очень много проблем, чтобы выехать отсюда. Я не знаю ни одного человека, находящегося в такой ситуации, как ты, который мог бы выехать из СССР. Но ты сумеешь».

Нужно было обдумать положение. Прежде всего, составить список проблем, которые предстояло решить. Существовала объективная потребность в сборе необходимой информации, её анализе и построении работающей схемы. Нужно было определить главное направление, а также альтернативное — на случай; если прямая схема не сработает.

Я решил взять отпуск, который давно не брал, и поехать в двухнедельную автобусную экскурсию по Прибалтике. Так и было сделано. Путешествуя в автобусе, составил себе список проблем и задач, которые необходимо решить для отъезда.

Я определил следующие проблемы:

1. У меня не было вызова-приглашения из Израиля. (В те годы отпускали только для объединения семей.)

2. У меня была вторая форма секретности на работе.

3. Была разведённая жена, которая должна согласиться подписать мне справку, что она не возражает против моего

выезда. (Новейшее изобретение советской власти.)

4. Был сын, которому я должен выплатить алименты на содержание до его совершеннолетия.

5. Надо суметь уволиться с завода и найти какие-то альтернативные средства к существованию, чтобы не умереть с голоду.

Тактические задачи и возможные пути их решения я сформулировал следующим образом:

1. Найти родственников в Израиле, от них получить формальное приглашение на постоянное жительство в страну.

2. Найти новое, нестандартное место работы, которое могло служить подходящим для заработка и плацдарма в борьбе за выезд.

3. Желательно найти какие-то рычаги давления на Советскую систему. В рамках этого нужно выучить разговорный иностранный язык и использовать его для налаживания связи с иностранцами. Нужно было наладить эту связь. Взять в расчёт, что иностранный язык нужен и для работы в Израиле.

4. Найти деньги на алименты, на отказ от гражданства и на оплату прочих расходов.

Прежде всего, принял концептуальное решение о том, что я — да, еду. И готов поставить свою жизнь на кон. Затем принял необходимые с моей точки зрения правила игры:

1. Не давать информацию окружающим о себе, кроме той, которая планировалась заранее, в соответствии с функцией этого человека в моей операции.

2. Быть максимально осторожным. Воздерживаться, насколько это возможно, от новых случайных знакомств.

3. Отработать общую идеологию маркетинга всей операции. Освоить её. Научиться говорить на все щекотливые темы свободно.

4. Разработать несколько однозначных легенд о моём образовании, о службе в армии, о семье, о работе и о причине выезда в Израиль. Легенды должны строиться на правдивых фактах и выдерживать любую проверку. (Я начал готовить фактическую базу для этого с момента возвращения из армии.)

5. Вести себя осторожно с точки зрения буквы закона. Знать и уважать Уголовный кодекс.

6. Понимать и внутренне смириться с тем, что вероятность сесть в тюрьму намного превышает вероятность отъезда в Израиль. Принять это как объективно возможную реальность и быть к ней готовым.

Мне нужно было найти своё тактическое оружие. Четко выработать идеологическую базу и одеть её в доспехи, которые я

могу носить на этой войне. Доспехи должны подходить моему характеру и личной концепции. Я нашёл их. Моё персональное идеологическое кредо формулировалась так:

Моя цель — это личная цель. Мне хочется уехать из этой страны в Израиль. Я не ставлю своей целью изменение здешней власти или освобождение русского народа от советской власти. Это не моё дело. Я хочу жить в своей стране среди евреев.

Воевать с властью — бессмысленно. Это не входит в круг моих интересов. Война с властью означает приношение себя в жертву большой политической игре — чужой игре. Я понимал, что формально, на каком-то этапе, мне видимо придётся играть в эту игру в качестве диссидента. Поиграть в неё «по потребности» я был готов. Моё тактическое оружие — это представители советской власти, представители этой системы, как личности, как индивидуумы. От них зависело — уеду я или нет. Они все коррумпированы, нахальны и считали, что им всё позволено и всё в этой стране им принадлежит. Они не осознавали собственной ранимости и уязвимости. Эти люди не понимали известного принципа, что чем выше человек сидит, тем больнее он падает. Если я сумею, пользуясь их же оружием, противостоять им на личной основе, у меня есть небольшой шанс на победу. Пользоваться этим оружием против представителей власти надо было цинично и беспощадно. Война должна быть без правил, как воюют с законченными подонками, которых нечего жалеть.

Внутренняя и международная политическая ситуация относительно выезда в Израиль складывалась тогда следующим образом. После неудачного суда над угонщиками самолёта, осуждение Советского Союза в мире достигло апогея. Была подписана Хельсинская Декларация Прав Человека, подтверждающая право человека выбирать страну проживания. Это, конечно, только на бумаге, но для евреев была пробита узкая формальная щель, позволяющая некоторым из них выехать в Израиль. Это стало реальностью, благодаря нашим братьям-евреям, героям «самолётного процесса». Власть не хотела и боялась повального выезда этих людей из СССР в Израиль. Евреи занимали важное место в науке и технике Советского государства. Массовый выезд евреев мог привести к катастрофе.

Правительство делало всё, чтобы разубедить или запугать евреев. Отпускали их только по одной формальной причине — объединение семей. В основном, отпускали людей с периферии России, из Грузии, из Прибалтики, из мусульманских республик СССР. У евреев Москвы и Ленинграда практически не было шансов выехать. Совсем не выпускали евреев, имевших какой-то доступ к тяжёлой и военной промышленности. Людям искусства,

культуры, личностям, хорошо известным как в Союзе, так и за рубежом, чинили особые препятствия. Власти приняли тактику запугивания евреев, состоящую в том, что выбранный ими человек, который имел влияние на определённый слой населения, подвергался гонениям и унижениям на глазах у всех. Такого человека и его семью лишали работы, лишали средств к существованию, делали его жизнь невыносимой. Очень часто этих людей ломали и превращали в стукачей. Когда человек обращался за визой на выезд из СССР, рассматривалось несколько возможностей. Прежде всего — нужно ли с ним возиться и что это может дать государству. Если человек был слабым, неопытным бойцом, или его семейное положение было сложным, его квалифицировали как достаточный потенциал для запугивания и использования. Если готов дать бой и принять на себя все его последствия, то

вопрос решался просто — выпускать, выгонять, сажать в тюрьму или убивать. Я должен был относиться ко второй категории.

Моя неудачная семейная жизнь навсегда оставила в душе незаживающий шрам. Я не хотел жениться после армии. Я вообще не хотел жениться.

Моя мама, увидев то, что она получила в моём лице после армии, очень испугалась. Она решила, что единственный способ вернуть меня к жизни — это женить. Мама устроила примитивный капкан, в который меня и занесло. Вина за всё ложится только на меня самого, и я единственный человек, которого надо за это винить. У меня были очень слабые понятия о женской психологии. С моей точки зрения это были странные нелогичные существа с неадекватной реакцией. В голове существовала искренняя вера в то, что, уживаясь в матросском кубрике с 35-ю мужиками, жить на свободе в одной комнате с одной девчонкой я и подавно смогу. Вот в этом-то и заключалась ошибка. Я свято верил, что если жену квалифицировать как друга, с которым всё делится поровну, включая домашнюю работу и обязанности, то можно прожить с кем угодно. Ведь уважение святости жизненного пространства друга всегда было первым и неоспоримым законом общежития, в который я верил. Взаимное уважение и взаимопомощь — второй необходимый закон совместной жизни. Женский мир казался мне загадкой. Опыта общения с женщинами у меня не было. Ещё в третьем классе, когда в нашу мужскую школу перевели девочек, меня это обстоятельство возмутило до глубины души. Я решил отстаивать наши законные права на мужской туалет, переданный в пользование женского пола. Во время перемены я

забаррикадировал дверь туалета снаружи и достойно держал оборону, пока не появился директор школы, Иона Алексеевич. Он торжественно, в очередной раз, препроводил меня «под глобус» в своём кабинете.

В одиннадцать лет, когда мы были на даче в «Солнечном», соседка Надя, старше меня на два года, позвала нас с другом в самодельный шалаш. Там, раздев обоих, она проявила огромный интерес к нашим мальчишеским «причиндалам», проведя геометрические сравнения между мной и Павликом. В знак благодарности на наше согласие выполнить её просьбу, она продемонстрировала свою интимную собственность. Она предложила попробовать всё по-взрослому, по-настоящему. Мы с удовольствием попробовали по очереди. Я ничего особенного не почувствовал, кроме чисто физического облегчения. Надя дрожала, как пьяная, и что-то нечленораздельно мямлила, не отпуская меня. Я даже испугался. Это была моя первая женщина.

Кроме нескольких случайных романов в 12,13,14 лет, которые, с моей точки зрения, были в большей степени уроками наглядной анатомии, в той бурной юности ничего серьёзного не происходило. В 15 лет я влюбился, но — неудачно. Мою королеву звали Наташа. Она жила на 5-й Линии и была ослепительно красива. К несчастью, её отец оказался генералом. Когда ему стало известно о нашем романе, он сказал своей дочери: «Только еврея нам и не хватало». На этом вся наша любовь закончилась.

После армии всё было проще и прозаичнее. Моё молчание и жёсткость характера притягивали женщин, как мух к липкой ленте. Женщины менялись постоянно, они появлялись и исчезали, а я оставался. Как-то раз заметил, что обои за кроватью на большом куске выглядели так, как будто разъедены молью.

Приблизившись, я очень удивился. Оказывается, мои боевые подруги переписывались друг с дружкой, лёжа в моей постели. Они даже назначали друг другу встречи и обменивались впечатлениями о моих способностях...

Мама догадывалась об этих подвигах и принимала все меры, чтобы мне «помочь». Шура Ратманская — очень красивая девушка и полный антипод друга в моём понимании. Единственный ребёнок в семье. Очень избалована. Могла сидеть на диване и поднимать ноги, чтобы позволить своей больной матери мыть полы в нашем доме. При этом она вслух упрекала свою мать за плохую уборку. У них была очень странная еврейская семья. Все её дяди — «торгаши». Они работали в государственных магазинах, там воровали, продавая на сторону дефицитные товары. Все были членами партии коммунистов. Вечерами они собирались у Шуриных родителей и хвастались друг перед

другом, кто и сколько украл. Я не любил советскую систему, но к поведению гражданина в государстве у меня всегда была и есть определённая точка зрения. Я воспитан на уважении к Уголовному кодексу. Кража у государства для меня всегда была преступлением, происходит ли это в СССР, в Израиле или в США. Дядья Шуры считали, что я неудачник и профессия инженера в Советском Союзе материально ничего серьёзного не даёт, а посему я должен бросить учёбу в институте. Один из дядьев во время войны сумел поменять документы, по которым из еврея превратился в русского. Он сумел получить должность директора большого гастронома. Я слышал, как он говорил своей сестре, матери Шуры: «Ты не приходи ко мне в магазин, не хочу разговоров, что ко мне ходят евреи». Так вот он-то и предложил мне бросить институт и переходить к нему — работать мясником.

Шуре и её родителям эта идея очень понравилась. «Долбили» меня этим несколько раз в день. Моё молчание продолжалось до тех пор, пока однажды они меня не «достали». Я тогда им сказал, что лучше пойду работать в ОБХСС (Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности), чтобы пересажать их всех за воровство. Они все тут же быстренько разбежались, и с тех пор я их никогда не видел. Был в этой семье один человек, с которым я всегда находил общий язык. Это дед Шуры с маминой стороны. Первый верующий еврей, которого я встретил в своей жизни. Дед был мудрым человеком и сумел сохранить веру и обычаи в самые тяжёлые времена после революции. Мы взаимно уважали друг друга. Я любил слушать его истории о Торе, о вере. Мы говорили об Израиле. Он первый и единственный в той семье, кто меня тайно благословил на отъезд в Израиль. Дед не любил своих сыновей за их страсть к деньгам и воровство. Сыновья его боялись. Они терпеть не могли наших длинных бесед. Когда дед умер, мы с Шурой пришли в его дом. Сыновья разрезали его обувь, в соответствии с еврейским обычаем. Им было жалко хорошей обуви покойного. Недовольно цокая, они вытащили из ботинок шнурки и поделили их между собой. По комнате летали пух и перья. Сыновья резали подушки и матрасы. Я не понял, какое это имеет отношение к иудаизму. Потом они объяснили, что ищут спрятанные деньги старика. Денег не нашли, выругавшись, что и здесь старик их обманул.

Относительно Шуры, дед как-то сказал мне, что женитьба — моя большая ошибка: его внучка слишком избалована, она никогда не будет мне другом, которого я заслуживаю. Мы прожили с Шурой два месяца и разошлись.

Спустя несколько месяцев, Шура появилась у меня дома и сообщила о своей беременности. Она спросила, что я собираюсь

по этому поводу делать. Я ответил — во имя ребёнка готов попытаться начать всё сначала. Так мы и сделали. Родился Максим. Это большая радость. Он — хороший и желанный мальчик.

Я работал и учился. Возвращаясь, находил гору грязных пелёнок, готовил еду и делал другую работу по дому. Спал по два часа в сутки. Засыпал на занятиях и в трамвае, часто просыпая свою остановку. Единственной радостью был Максим.

Шурины родители вместе с Шурой делали всё, чтобы заставить меня бросить учёбу и поменять работу. Они непрерывно «нудили» и учили меня — еще не поздно стать мясником, бросив институт. Всё это происходило поздно вечером, когда приходил после учёбы и стирал пелёнки в ванной. Через несколько месяцев я заболел. Шура просила меня дома не болеть, чтобы не заразить ребёнка. Я продолжал ходить на работу. Прошла неделя. На работе почувствовал себя плохо, и меня увезли в больницу. Это был первый раз за всю нашу семейную жизнь, когда я не ночевал дома. Шура появилась в палате только через две недели после моей госпитализации.

Я пролежал месяц в больнице, и после выписки к Шуре уже не вернулся. Через некоторое время подал в суд на развод, мы официально разошлись.

Глава 17
Мариинский театр

Стратегия, тактика и инструменты для выполнения задачи были определены. Во всяком случае — в теории. Пришло время начинать мой новый детективный роман. Наступил момент «прыжка в холодную воду». Прежде всего, надо было уволиться с Невского Морского завода. Задача казалось с первого взгляда немыслимой. В Союзе действовали такие трудовые законы, что работник мог уволиться «по собственному желанию». Но на самом деле — только с согласия руководства завода. При этом если человек занимал серьёзную позицию в системе, надо указать и серьёзную причину для увольнения. Мой начальник Ткач никогда не позволил бы уволиться. Однако мне подвезло — он ушёл в отпуск на месяц, и его заменил один партийный деятель. Этот тип ненавидел меня из-за моих привилегий, и очень ревновал к Ткачу. С самого начала я стал специально его раздражать, упрекая в некомпетентности и несостоятельности, что на самом деле было не далеко от истины. На одном из совещаний, после моего очередного выступления он попросил остаться с глазу на глаз. Разговор сразу пошел на повышенных тонах. В процессе разговора я запальчиво сказал, что готов хоть сейчас, здесь, написать заявление об уходе. Если он — мужчина, то он мне его подпишет. Я написал заявление, а он его подписал. Моё сердце ёкнуло от радости. Через несколько часов, завершив процесс увольнения, я уже был за воротами. Этот дурак, спохватившись только через два дня, обратился в отдел кадров, чтобы остановить процесс увольнения.

Ему ответили, что я уже рассчитался и ушел.

Я начал искать новую работу. В моей трудовой книжке не был зарегистрирован диплом инженера — только диплом техника, который я получил до армии. Отдел кадров Невского Морского завода постоянно требовал от меня принести и зарегистрировать инженерный диплом, но я уклонялся от этого до самого увольнения. Моя должность начальника бюро не была отмечена в трудовой книжке, так как для этого Ткачу требовалось получить соответствующие разрешения сверху. А уверенности в том, что он их получит, — у него, видимо, не было. Ткач как-то спросил, не мешает ли мне тот факт, что моя должность определена только внутренним приказом по заводу. Я ответил — мне это не мешает, даже наоборот — стимулирует мою работу. В ответе присутствовала доля иронии, но не было ни капли лжи. Я

испытывал чувство огромного облегчения из-за того, что Ткач не «наследил» в моих бумагах.

Начались поиски нового места работы. Сначала я зашёл в какое-то проектное бюро бытовой техники. Показал свои документы, включая диплом инженера с отличием. Начальником там сидел какой-то еврей.

Он посмотрел на мои документы, на меня и сказал: «Так ты, милок, в Израиль собираешься. Только этих проблем мне и не хватает». Он меня выгнал, правда, дал несколько адресов подобных бытовых организаций. Я обошёл их все. Нигде меня брать инженером не хотели. Было очевидно, что нужно менять тактику. Тогда начались поиски новой работы в качестве техника, ищущего должность по рабочей специальности. Я перестал предъявлять диплом.

Однажды, проходя мимо Мариинского театра, уже теряющий надежду найти какую-нибудь работу, я увидел объявление. Там было сказано, что Мариинскому театру требуются сантехники. В отделе кадров спросили, почему я хочу работать в театре.

Ответив в шутку, что как истинный любитель искусства, я готов принести в жертву на его алтарь свою профессиональную карьеру. Мне удалось случайно попасть в точку. Я был сразу принят на работу.

Мариинский театр (бывший Кировский) — это театр оперы и балета. Он — один из немногих культурных центров в Ленинграде, который посещали иностранцы. Они платили валютой. Купить билет в Мариинку обычному советскому гражданину было сложно. Контингент обслуживающего персонала в театре разделялся на две категории. Одна категория — бывшие и настоящие сотрудники КГБ. Их было подавляющее большинство. Они занимали все должности, имеющие контакты с иностранцами-зрителями, включая гардеробщиков. Они занимали также все управленческие должности, соприкасающиеся с артистами балета и оперы. Очень маленькую группку людей (рабочие сцены, сантехники, осветители и другие технические работники) составляли люди, готовые идти на «любые жертвы» во имя искусства. Они готовы были сделать всё, чтобы находиться рядом с театром!

Моя шутка в отделе кадров была воспринята, как пароль принадлежности ко второй группе, поэтому меня и взяли.

За несколько месяцев до увольнения с завода, я начал обдумывать, каким иностранным языком следовало бы овладеть. Язык нужен для общения с иностранцами, если бы потребовалось давление извне. С другой стороны, в случае удачи, мне надо было бы начать новую жизнь и работать на иностранном языке.

Вариантов было два. Английский язык или иврит. Английский я знал на уровне чтения и письма. Говорить и воспринимать его на слух я не мог.

Иврит я вообще «не видел и не слышал». Пришло время собирать информацию и взвешивать варианты. Прежде всего, удалось выйти на нелегальные курсы иврита. Я пришёл на урок. Меня приняли тепло. Там сидело человек пятнадцать. Из них двенадцать — гебисты разных уровней, среди которых тоже были евреи. Трое оставшихся студентов — наивные интеллигентные люди, верящие в таинство и чистоту группы по изучению иврита. Уровень учебы оставлял желать лучшего. С таким языком на работу в Израиле не пойдёшь. Учебной литературы практически не было. То, что лежало на столах, выглядело любительщиной.

В этом месте необходимо сделать паузу, чтобы объяснить ультимативность моих заявлений о принадлежности людей к органам. Жизнь научила меня отличать своих от чужих. Я квалифицировал людей по их взглядам, разговору и вопросам, которые они задавали, по манере себя вести и даже по спортивной выкладке (фигура, походка, осанка). Гебистов легко было отличить. Они работали! У них не было страха в глазах. Они уверены в себе, в своём завтрашнем дне. Сотрудники органов задают вопросы, которые чуть глубже, чем те, которые принято спрашивать у постороннего человека. Я всегда вызывал людей на разговор, поскольку сам молчал. Сотрудники пытались меня разговорить очень аккуратно, очень профессионально, но им не хватало терпения. Я продолжал молчать и переводить разговор на другие темы, а им требовались результаты, и как можно скорей. Более того, забрасывая «наживку», специально замолкал.

Поскольку мы не в камере и не на допросе, у этих «наседок» не было возможности грубого воздействия.

Фактически это являлось моим развлечением: заставлять чекистов попыхтеть. Борьба за выживание научила меня быть очень подозрительным и любопытство воспринимать с сомнением. В жизни я сам старался никогда и никого не спрашивать, если предмет не имел ко мне отношения. По принципу: «Захочет — расскажет сам». Отец учил: «Меньше знаешь — дольше живёшь». Мама говорила: «Язык твой — враг твой». Так меня воспитывали. Когда человек проявлял какой-то неоправданный личный интерес ко мне, я сразу настораживался, но на первый вопрос отвечал прямо. После второго вопроса начинал игру, а после третьего — ставил клеймо. Между прочим, я никогда не мог понять психологию узника, сидящего в камере с «наседкой» и добровольно передающего ему информацию, «закапывающего» самого себя. Для этого надо быть или

мазохистом, или человеком с неустойчивой психикой, или безгранично наивным.

Этим, к счастью, я никогда не страдал.

Евреи, мечтавшие об отъезде в Израиль, выглядели по-другому. Во-первых, они боялись всего. Во-вторых, гордились собой — тем, что пошли на этот смелый шаг. Обычно, это был первый раз в их жизни, когда они противостояли власти. Они не были профессиональными революционерами. За ними стояло лишь шаткое благополучие семьи, которой каждый случайный факт мог навредить. Эти люди не знали, что делать со своим неожиданным героизмом, понимая в глубине души, что завтра он может превратиться в несчастье. Работающих в системе КГБ людей нетрудно отличить от неопытных идеалистов-одиночек. Для этого нужен некоторый опыт тюремной камеры, допросов, общения с уголовниками и борьбы за свою жизнь.

Я посетил ещё несколько таких курсов. Везде похожая картина, которая привела меня к выводу; что вся эта система существует под контролем и поощрением КГБ. В системе этих «ульпанов» заложено, как я понял, две цели. Первая — держать под контролем еврейских активистов. Вторая — тренировать своих людей. Это давало им немного иврита и обучало работе с евреями. Посмотрев на такую картину, я пришёл к выводу, что изучение иврита в условиях СССР не рационально. Это была политическая демонстрация под контролем властей. Я решил, что надо учить английский язык. Для этого в Ленинграде существовали легальные возможности и соответствующая литература. Я решил, что иврит удобнее выучить в Израиле. У меня не было сомнений в том, что методика и средства обучения языка там будут намного эффективнее, чем в России.

Оказалось, что есть очень хорошие курсы английского, на которых обучались сотрудники «Интуриста», продавцы валютных магазинов — все те, кто соприкасался с иностранцами. Было понятно, что эти курсы находятся под опекой органов. Предназначались же они не для профессиональных гебистов, а для сопутствующих профессий. Поступление на эти курсы требовало рекомендаций с места работы, в которых подтверждалась необходимость знания английского языка для выполняемых рабочих функций. Мне сказали, что инженеров туда тоже берут при условии получения рекомендации отдела кадров. Я получил такую рекомендацию через Ткача, мотивировав это необходимостью проведения будущих переговоров о закупке нового оборудования за границей. Это было моей последней задачей перед увольнением. Меня приняли на курсы переводчиков английского языка, как инженера и начальника

профилированного технологического бюро Невского Морского завода.

Итак, начался новый этап в моей жизни, необычный и неожиданный. Я работал сантехником-кондиционерщиком в великолепном театре оперы и балета. Смена начиналась рано утром, заканчивалась около часа ночи, по окончании последнего спектакля.

Рабочие смены чередовались сутками отдыха. В мои обязанности входило рано утром включать кондиционеры в залах репетиций. Во время спектаклей мы поддерживали определённую температуру и влажность в зрительном зале. Кондиционеры были старинными, существовавшими здесь ещё до революции.

Высота такой машины — около четырёх метров, а длина — около семи. На самом деле, это огромные шахтные вентиляторы, со встроенной водяной завесой, фильтрующей и увлажняющей нагоняемый воздух. В них была также встроена секция подогрева воздуха с помощью водяного пара. Моя новая начальница, Вальта Николаевна, — молодая женщина лет тридцати с небольшим, очень красивая и богемная. Она занимала должность инженера смены. По образованию Вальта была техником, но в технике понимала мало. Я же пришёл на работу как неопытный механик, которого надо обучать новой профессии. Так, во всяком случае, думала Вальта. Обучение началось. Я с большим удовольствием играл в эту игру и задавал Вальте кучу очень глупых технических вопросов. Она отвечала на них совершенно серьёзно.

Своей тонкой женской интуицией она чувствовала, что я не простой малообразованный работяга, за которого себя выдаю. Ей нравилась эта игра. Уже потом выяснилось, что она сама из репрессированной эстонской семьи. Убежище она нашла, выйдя замуж, будучи очень молодой, за профессора. У них был сын и нормальная, внешне, семья. Вальта мне запомнилась на всю жизнь удивительно притягательной женщиной — блондинка с пышными волосами, великолепной фигурой и огромным, красивым бюстом. Самым приятным времяпрепровождением для меня с Вальтой было, когда мы оба сидели на корточках перед вентилятором, и она объясняла мне принцип работы подшипников. Я в упор смотрел на неё, не слушая объяснений, любуясь ею и её очень красивой грудью, видной в разрезе декольте. «Леонид, смотрите, пожалуйста, на подшипник, а не на меня», — говорила она, чуть краснея и мягко улыбаясь. Я ей отвечал: «Вальта Николаевна, ну помилуйте, глаз от вас не могу оторвать». Она в очередной раз рдела и делала вид, что не слышала моего ответа. В Америке сегодня меня уж точно обвинили бы в сексуальных домогательствах. Тогда, в то далёкое

время, мы оба получали массу удовольствия от этой игры. Однажды Вальта позвала меня проверить вместе с ней работу кондиционера главного зрительного зала.

Для проверки оборудования на кондиционере была установлена вертикальная лестница. Вместо того, чтобы загнать меня на эту лестницу, Вальта полезла на неё сама. В этот день она пришла на работу, одетая довольно необычно. На ней была широкая юбка вместо обычных брюк. В зале кондиционирования дефилировал сквознячок. Вальтина юбка неожиданно наполнилась воздухом. Я посмотрел наверх и обомлел. Надо мной возвышались две точёные, чуть полные, прекрасные женские ножки, во всей своей красе и наготе. Ножки завершались великолепным женским нижним бельём, которое было редкостью в СССР в те времена. Я потерял дар речи. Вальта стала пунцовой и начала мямлить: «Леонид! Не смотрите на меня так. Не смотрите же на меня так!»

При этом она продолжала стоять в том же положении, не делая никаких попыток слезть с лестницы или погасить юбку. К моему величайшему удовольствию, эта сцена продолжалась ещё три-четыре минуты. Потом Вальта спустилась с лестницы, и мы ещё долго стояли молча, глядя друг другу в глаза. Она была для меня королевой, неожиданно одарившей меня своей красотой. Я почти уверен, что Вальта всё сделала специально. Она хотела показать своё самое сокровенное, скрытое и вкусное. Она любила своё тело, гордилась им и хотела с гордостью предъявить его чужому мужчине. Чем я это заслужил — не знаю.

Через несколько дней, когда очередной спектакль закончился раньше обычного, Вальта подошла ко мне после смены. Чуть покраснев, она смущенно произнесла: «Леонид, вы же живёте один. Я знаю, что вы плохо питаетесь. Я хочу проведать вас, как Ваша начальница, и сама посмотреть, что можно сделать для улучшения качества Вашей жизни. Сегодня у меня есть немного времени, и я хочу зайти к вам домой». Кровь ударила мне в голову. Это было самое элегантное предложение, которое мне кто-нибудь и когда-нибудь делал. Сразу захотелось согласиться, а потом неожиданно появилась мысль: «Я живу в коммунальной квартире! У нас нет ни душа, ни тёплой воды. Пройти в туалет надо сквозь строй раздевающих взглядов соседа Порозинского. Провести через всё это мою королеву, жену профессора и мать маленького ребёнка — унизить её!» Я ответил ей, глядя прямо в глаза: «Вальта Николаевна, остаться с вами наедине — моя давняя мечта. Но я живу в коммунальной квартире, и это может причинить вам неожиданные неудобства». Вальта понимающе посмотрела на меня.

Больше мы к этому вопросу не возвращались. Она всегда оставалась моим главным защитником в театре, когда кто-либо на меня нападал.

Через много лет я приехал в Ленинград в составе израильской правительственной делегации вместе с вице-премьером Щаранским и Львом Леваевым на 300-летний юбилей города. Нас принимали в Мариинском театре. В антракте я проскочил за кулисы и знакомым мне путём зашёл в цех кондиционирования. Сменным инженером сидела Вальта Николаевна. Она состарилась и выглядела очень плохо. Оказалось, что она перенесла два инфаркта. Мы просидели за кулисами до конца спектакля. Прежде всего, ей очень важно было понять для себя, что я пришёл к ней не из жалости. Когда у неё исчезли сомнения в этом, она расплакалась и прошептала, что любила меня и всегда жалела, что между нами ничего не произошло. Мы расстались. Она гордо отказалась от всего, что я ей предложил, и взяла только шоколадку, смущённо улыбаясь.

Был у нас ещё один сменный инженер, пьяница и хулиган. Поначалу он невзлюбил меня и начал ко мне придираться. Предположительно это произошло из-за Вальты. Через некоторое время я «чуть прижал» его в тёмном углу и на хорошем военно-морском сленге объяснил ему свою позицию. Потом мы с ним выпили водки и стали лучшими друзьями.

Рабочие смены были очень удобными для занятий английским языком. Для учёбы оставалось, примерно, часов семь-восемь в смену. Иногда, возвращаясь после обеденного перерыва в театр, я встречал моих бывших коллег с Невского Морского завода. Они рассказывали о заводских делах.

Расспрашивали о том, как идёт моё преподавание в институте. Я с юмором рассказывал, как гоняю студентов на экзаменах и зачётах, как они меня боятся и прочую ерунду. После этого заходил в театр, переодевался в грязный комбинезон и шёл менять подшипники в очередном вентиляторе.

Как я уже упоминал, существовало только два законных основания для выезда гражданина из СССР.

Одно из них — воссоединение разрозненных семей. В этом случае родственники, проживающие в Израиле, должны были выслать официальный вызов-приглашение на воссоединение семьи. Приглашение, заверенное нотариусом, должно было содержать гарантии материального обеспечения прибывающего в Израиль родственника. Выходило, что советская власть очень беспокоилась о благополучии приезжающего в Израиль еврея! С оригиналом приглашения-вызова еврей, желающий воссоединиться со своими израильскими родственниками,

прибывал в ОВИР. — Отдел Виз и Регистрации, действовавший под контролем КГБ СССР. По предъявлении соответствующих доказательств родственности с людьми, приславшими приглашение, желающий воссоединиться регистрировался ОВИРом. После этого начинался практический процесс сбора и подачи документов для рассмотрения прошения о выезде.

Вторым теоретически законным способом являлся выезд за рубеж на основании Хельсинской Декларации Прав Человека, подтверждающей право каждого выбирать страну проживания. Это было законно с международной точки зрения, но неприемлемо с точки зрения советских властей.

СССР формально не признавал, что существуют советские граждане, желающие променять советское гражданство на гражданство другой страны. Через пропагандистские каналы заявлялось, что только умалишённый мог изъявить подобное желание! И отправлялись такие люди в психиатрические больницы. Сделать подобное заявление в те времена — означало переход в стан врагов советской власти. На основании Хельсинской Декларации советское правительство под различными предлогами не позволяло выезд из СССР. Причина такого сопротивления была понятна.

Они не могли санкционировать массовый побег своих граждан всех национальностей заграницу.

Я стал искать своих родственников в Израиле, И нашёл их. Удалось наладить связь с моей двоюродной сестрой, Батьей. Мы никогда не виделись и познакомились позже, уже в Израиле. Батья сосредоточила у себя все нити моих контактов со стороны Израиля. Батья послала мне вызов по почте. Я его не получил. Она послала второй вызов. Он тоже не дошёл. Потом — третий; четвёртый, пятый, шестой, седьмой. В результате, я не получил ни одного вызова по почте. Стало понятно, что мне просто не хотят передавать его. Дело начинало принимать другой оборот. Одна из опасностей, которая существовала в СССР, заключалась в том, что человек в таком положении терял минимальную защиту Западного мира. Когда гражданин-еврей подавал официальное заявление на выезд, его регистрировали официально. И отказывали ему в выезде тоже официально. Человек, прибывающий в «отказе», пользовался покровительством международных организаций.

Власти всегда принимали в расчёт возможную реакцию, поэтому и вели себя по отношению к отказникам в определённых «полузаконных» рамках. Если же они знали, что гражданин хочет уехать, но не давали ему возможность быть зарегистрированным, это уже опасно и равносильно объявлению его вне закона. Такого

человека могли спровоцировать и посадить в тюрьму за любое уголовное преступление. Могли подсунуть наркотики. Могли спровоцировать драку, поножовщину. Могли просто задавить машиной на перекрёстке. И никто ничего не доказал бы по этому поводу. Вот этого я и боялся — был опыт. Знал, как решались такие проблемы в армии. Это очень плохой знак. Я начал писать заказные письма Министру связи СССР, затем в Президиум Верховного Совета, потом в ЦК КПСС.

Я указывал номера заказных бандеролей, высланных мне из Израиля.

Категорически протестовал против произвола властей по отношению ко мне. Министр связи ответил, что номера бандеролей, указанные мной, границы СССР не пересекали. Из Верховного Совета ответили — обращайтесь на почту, мы не видим здесь никакой политической подоплёки. Из ЦК КПСС не ответили. Я почувствовал, что кольцо сжимается, и решился на рискованный шаг. На утро явился в ОВИР и подал заявление с просьбой о выдаче разрешения на выезд из СССР на основании Хельсинской Декларации Прав Человека и о моём отказе от советского гражданства. Дежурный офицер ОВИРа приняла заявление и ничего не сказала. На следующий день мне позвонили по телефону домой и женский голос сказал, что мне отказано. Так я стал уже не евреем, который хочет уехать в Израиль, а политическим оппонентом Советской власти — официальным политическим отказником и борцом за права человека.

Через 30 лет я получил от Кембриджского Биографического Центра диплом, включающий меня в число 2000 знаменитых интеллектуалов двадцатого века за мой выдающийся персональный вклад в борьбу за права человека. Я и не предполагал, что путь в герои был таким коротким!

Глава 18
Рекогносцировка

Быть диссидентом в Советском Союзе совсем неплохо. Это была лучшая роль, которую мне когда-либо приходилось играть в жизни. Становиться героем и купаться в море женских гормонов и флюидов было приятно. Женщины боготворили меня. На самом деле не меня — а то, что я для них символизировал. Но выигрывал-то я, а не символ! Диссидент был для них героем, борцом за свободу, настоящим мужчиной. Я этим с удовольствием пользовался. Женщины идеализировали ситуацию, не понимая, что за всем подобным героизмом могла потом стоять грязная, вонючая параша, вонь давно немытых тел в камере и каменная, бесчувственная, невидимая стена власти. Женщины были наивны, красивы и чисты, как вино. Я пил это вино, как гусар, заглушая мысли о грядущих последствиях. Можно даже сказать, что я чувствовал и вел себя, скорее, как кролик, попавший в клетку к крольчихам. Когда в театре пронеслась весть о том, что появился диссидент, моя жизнь изменилась. Все хотели со мной познакомиться, хватали за фалды в коридоре, как будто я был не простым сантехником, а известным артистом балета. Один знаменитый режиссер, схватив меня за край комбинезона в своём кабинете, закричал во весь голос, что я — предатель Родины, и Родина должна меня за это наказать. Потом, широко улыбнувшись и указав в дальний угол потолка, где, видимо, по его сведениям, располагался микрофон для прослушивания, поднял большой палец правой руки и стал усиленно им размахивать в знак того, что он меня поддерживает.

В первую же минуту моего заступления на смену танцовщицам кордебалета становилось жарко. Меня, как дежурного механика; тут же вызывали в гримерки. По внутренним театральным правилам, кроме дежурного механика и дежурного электрика, никому не разрешалось заходить в гримёрный зал.

Когда по вызову я заходил в это помещение, там находилось, примерно; 50 балерин, каждая из которых восседала перед своим трюмо. Прима-балерины сразу же открывали двери своих отдельных гримёрных комнат. Все они сидели полураздетые.

Эта демонстрация женских тел — скорее, дружественный показ своих красивых фигур. Ведь тела были их главной ценностью. Балерины с гордостью хотели продемонстрировать мне их, показать то, что они любили в себе больше всего.

Ведь это то, о чём, исходя из их жизненного опыта, тайно мечтали все мужчины. Девушки делали это элегантно, со вкусом и как бы случайно. Я лично никогда не любил тощих женщин. Мне их тела, как произведения искусства, да и со всех прочих точек зрения, были абсолютно безразличны. Не хотелось их обижать, и поэтому я подыгрывал им. Начиналось это невинное заигрывание, обычно, с какой-нибудь дежурной балерины. Всегда находилась такая балерина, которая заявляла, что именно над ней нет движения воздуха. Тут же выяснялось, что она сама закрыла заслонку поступления воздуха и про это забыла. Я приходил проверять вентиляцию. Начиналась тихая групповая беседа про жизнь, про Израиль. Я отвечал на вопросы; как мог. Всё происходило очень сердечно, по-дружески, с выражением глубокой обоюдной симпатии.

Вообще, время, проведённое после получения отказа в выезде за границу, было одним из самых приятных периодов в моей жизни. Я стал сильным и раскрепощённым человеком, чувствуя себя почитаемым борцом за свободу. Мне было просто «море по колено». Я — свободен, неженат. Отвечал только за себя. У меня не было обязательств ни перед кем. Я никому и ничего не должен. У меня появилось время и желание смотреть на небо и на облака. Я мог любить кого хочу; как хочу и сколько хочу. Однажды я увидел девушку на трамвайной остановке. Она была удивительно красива, такая русская красавица. Женщина-ребёнок, от одного взгляда на которую мужики теряют дар речи. Мне очень, очень её захотелось. Я сделал то, что ещё никогда в жизни не осмеливался сделать. Подошёл и сказал, что у меня сейчас есть только одно желание в жизни, для исполнения которого мне не жалко пожертвовать всем. Сказал ей, что очень хочу её. Я был готов к любой реакции, но она отреагировала неожиданно. По-доброму улыбнувшись, она сказала: «Ты хороший парень. Я верю в твою искренность Ты мне нравишься своей прямотой. Ничем не надо жертвовать. Пошли к тебе домой». Звали её Валя, и мы долго оставались хорошими друзьями и любовниками. В тяжёлые минуты именно она давала мне советы, оставаясь верным другом до самого отъезда.

Однажды мне повезло. Я приобрёл друга и соратника. Его звали Саша Скворцов.

Познакомились случайно, в ОВИРе. Это было самое неподходящее место для знакомства. Там как раз и «клеились штинкеры». Мы оба этого остерегались и воздерживались от знакомств в подобном месте. Тем не менее, между нами произошёл незримый контакт, и мы сразу «окунулись» друг в друга. Саша был классический диссидент. Хороший русский

парень. Человек Мира. Он был скрипач. Играл у Темирканова. Когда Саша ещё не был диссидентом, он ездил с симфоническим оркестром за рубеж. В Голландии познакомился с одной состоятельной девушкой. Они решили пожениться. Поначалу Саше готовили побег в период, когда он в составе оркестра находился за границей на гастролях. Но передумал, насколько я помню, из-за своей матери, которая оставалась в СССР. Он вернулся в Ленинград, и было решено, что свадьба состоится именно в нашем городе. Вся его новая голландская родня приехала в Ленинград.

Сыграли свадьбу. Из Голландии привезли много ценных подарков, изделий из золота, серебра и всякого другого. Всё это было зарегистрировано в таможне при въезде и вывезено тут же, по инициативе семьи, обратно за границу. Эта свадьба и то, что было с ней связано, наделали очень много шума в кругах интеллигенции. Властям это не понравилось. Такого рода события открывали легальную возможность для советской интеллигенции и людей искусства выезжать за пределы страны. Любая голландская, немецкая или американская девушка считала за честь помочь скрипачу или артисту балета выехать за границу с помощью брака. Брак мог быть также и фиктивным. Вся эта история находилась под бдительным оком органов.

После свадьбы Саша сразу подал заявление на выезд заграницу по причине объединения семей и получил отказ. Вся эта ситуация была очень неприятна властям. Во-первых, он — не еврей, а вся схема воссоединения семей была придумана, в основном, для евреев. Её создатели не предполагали, что русские и украинцы в массе своей начнут завтра «ломиться» за границу через эту щель, придуманную совсем для других целей. Во-вторых, это была Голландия, которая по консульским вопросам представляла эмиграцию евреев. Усугублял всё это тот факт, что в Ленинграде находился Голландский консул (Консульская служба посольства Нидерландов в СССР), с которым можно было встречаться легально, так как семья была наполовину голландской. Консул мог навещать Сашу дома, а здесь находились также «отказники» вроде меня. Всё это создавало очень сложную для органов проблему. Когда Сашина жена приезжала навестить его в Ленинграде, она, естественно, оставалась ночевать у него дома. Он жил на Васильевском острове в пяти минутах ходьбы от меня. Ночью сотрудники КГБ врывались к ним домой. Вытаскивали обоих из кровати и зачитывали его жене, как иностранке, постановление о нарушении паспортного режима. Она по советским законам должна была оставаться ночью в гостинице. Никакие объяснения

не помогали. Её выдворяли ночью на улицу и увозили в гостиницу. Так работала система в те далёкие времена.

Нас с Сашей через неделю было уже не разлить водой. Мы были похожи — примерно одного роста, одной комплекции. Мы думали одинаково и дополняли друг друга на словах и на деле. Если бы он прожил мою жизнь, а я — его, думаю, что мы с лёгкостью поменялись бы местами. У меня в жизни ещё не было человека, с которым было бы такое взаимопонимание, Сашу окружало много друзей в мире музыки и театра. Он быстро перезнакомил меня с ними. Я никогда до этого не встречал такого типа людей, кроме мамы, может быть. Сашины друзья были очень наивны, иногда, как дети. Они обладали огромным интеллектуальным багажом и истинно творческими способностями, Я наслаждался общением с новыми знакомыми, глубиной эмоций, которых никогда в своей жизни не испытывал. С Сашей я по-настоящему узнал классическую музыку. Благодаря ему я услышал самый лучший концерт в своей жизни. Как-то вечером мы ввалились в мастерскую скульптора Аникушина (члена ЦК КПСС). Его дочка была пианисткой, диссиденткой и подругой Саши. Они устроили дуэт-импровизацию. Саша играл на скрипке, она — на рояле. Они играли романсы барона Врангеля. Я даже не знал, что Врангель был ещё и композитором. Они играли для себя и для меня. Я сидел в большом кресле, закрыв глаза, и слушал восхитительную музыку двух замечательных музыкантов. Это была жизнь! Это было интеллектуальное наслаждение иного порядка! Это было счастье!

Однако в жизни Саша и его друзья очень витали в облаках. Мне пришлось многое взять в свои руки. Я должен сказать: всё, что я говорил — выслушивалось и выполнялось беспрекословно. Я был человеком другого, практического мира. Мне все очень верили. Они меня очень уважали. Впрочем, уважение было взаимным. Немецкие и голландские девочки привозили нам хорошую запрещённую литературу — Булгакова, Солженицына и других. Я сначала сопротивлялся такого рода акциям, потому что в мои планы не входило схлопотать три года за хранение антисоветской литературы. Потом сдался Саше. Более того — это стало доставлять мне истинное интеллектуальное удовольствие. Сидя у себя дома, я зачитывался «Мастером и Маргаритой».

Мы достали книгу, где курсивом цветом были выделены места, не пропущенные советским цензором к печати. Это делало роман ещё более сильным. Мы разработали систему доставки диссидентской литературы. Саша получал книгу и вскакивал на ходу в трамвай. Я заскакивал в тот же вагон с другой площадки. Он передавал мне книгу, и я выпрыгивал из вагона на ходу, не

доезжая до остановки. Саша ехал дальше. Встречались вечером у меня дома. Однажды он предложил мне довольно рискованную операцию. Дело в том, что Саше нужна была хорошая скрипка. Он справедливо считал, что, получив, в конце концов, разрешение на выезд, он должен будет играть на хорошем инструменте, которого у него нет. Один из известных скрипачей, уже старик, предложил ему в подарок свой инструмент. Он утверждал, что это скрипка Страдивари. Она переходила у него в семье по наследству и пережила блокаду. Старик не хотел оставлять свою скрипку властям, а наследников у него не была Он производил впечатление очень хорошего и надёжного человека. Саша его неплохо знал. Мы разработали план вывоза скрипки за пределы СССР. На первом этапе надо было определить — стоило ли рисковать вообще. Для этого нужно произвести экспертизу скрипки на Западе. Мы приехали к старику-музыканту и я отснял целую фотоплёнку этой скрипки. Мы заранее составили список элементов скрипки, которые надо фотографировать с увеличением и под разными углами. Подробные указания эксперта мы получили через жену Саши. Идея вывоза была следующей. Сашина жена, приехав к мужу в СССР, предъявит скрипку привезённую для Саши, и зарегистрирует её в таможне. При отъезде домой она заберёт её обратно. К скрипке всегда прилагался паспорт с фотографией. Сделать вывозимой скрипке необходимый грим — дело техники. Вот такие мы были проказники-диссиденты.

Наши деяния, видимо, очень не нравились властям. У меня всегда было впечатление, что особенно органам мешал мой союз с Сашей. Наши вечеринки с голландским консулом, с немецкими и голландскими девочками стали очень заметным событием. Когда это происходило, у Сашиного дома на Среднем проспекте появлялась милицейская машина и люди в штатском.

Впечатление такое, что ты проходишь «сквозь строй». В подъезде моего дома также начали появляться штатские с красными мордами. Мы как-то сидели у меня дома, и кто-то из девиц обратил внимание на торчащий из потолка в углу маленький, едва заметный цилиндр. Присмотревшись, мы увидели новый предмет, очень похожий на портативный микрофон. Саша предложил его сломать. Я категорически воспротивился, так как слышал о неприятных прецедентах. Это были приборы, за которые в органах кто-то отвечал и расписывался. Если такой прибор сломать, то существовала возможность личной мести со стороны этих людей. Я просто заткнул его маленькой бутылкой, чтобы микрофон оказался внутри закрытого объёма и не мог функционировать.

Были у слежки и положительные стороны. Например, вызов такси. В Ленинграде в те времена было практически невозможно вызвать такси. Люди сидели на телефонах по 3–4 часа, чтобы дозвониться. Вызов такси с моего телефона занимал меньше минуты. Всегда появлялся новый автомобиль с вежливым водителем, который никогда не брал чаевых. Все мои друзья и знакомые знали об этом и просили меня вызвать для них машину. Я с удовольствием это делал.

Однажды, случайно, я познакомился с девушкой. Её звали Таня. Она была очень красива и точно в моём вкусе. Выше меня на полголовы, чуть в теле, и всё-всё на месте. О таких можно только мечтать. В тот же вечер мы уже праздновали наше знакомство в моей кровати. Честно говоря, я не мог понять, что она во мне нашла. Но это её дело, а не моё. У меня же гормоны были на месте и функционировали круглые сутки. Я, конечно, тут же её проверил и рассказал ей историю о намечающейся встрече с американцами, заложив туда, как обычно, «ключик». Пару слов о «ключике». Ещё в детстве отец обучал меня правилам конспирации. Это из области техники выживания — как рассказывать, чтобы знать, кто именно на тебя доносит. Я следую этому правилу автоматически всю мою жизнь, включая Израиль. В разговоре с человеком один на один я всегда вкладываю незаметную деталь, без которой рассказ выглядит неполным. Например, один и тот же сюжет можно рассказать трём разным людям с разными «ключами». При этом смысл сюжета не меняется. (Например: это было в Москве, это было в Берлине или в Вашингтоне.) Такие детали обычно нужны при профессиональной передаче информации.

Всегда становилось понятно, кто именно выдал секрет. «Ключи» режут ухо, когда их слышишь.

На следующий день в театре подошла ко мне начальница отдела кадров (о ней ещё пойдёт особый разговор). Она с важным видом сказала, что мы-то знаем о Вашей будущей встрече с американцами, и выложила Танин «ключик», как на тарелочке. Я был счастлив. Во-первых, потому, что всё прояснилось — органы выдали мне бабу, да ещё какую. Во-вторых — понятно теперь, через кого передавать дезинформацию. Как мужик, я был очень доволен и, зная, что сегодня Танечка придёт ко мне, уже предвкушал сексуальный праздник. Не буду утомлять уважаемую публику разного возраста мелкими деталями, но скажу только, что это был самый качественный секс в моей жизни. Мне могли позавидовать даже арабские шейхи со своими гаремами. Я перепробовал с Таней всё, что знал, читал и слышал. Когда у Тани появлялись сомнения относительно её собственного

желания, ставились на кон наши отношения и предлагалось разойтись. Она, конечно, не была готова разойтись и клялась мне в вечной любви, и что во имя любви готова на всё. Я, со своей стороны, с огромным удовольствием вкушал плоды разврата с присланной ко мне сотрудницей.

Не я же лишал самого себя элементарного права человека жить в той стране, где он хочет! Я же не назначал себя диссидентом! Не я же нанимал эту девочку на такую работу! Я не присваивал ей воинские звания и не платил ей зарплату... У меня не было ни угрызений совести, ни чувства вины. Я наслаждался чудесным телом, выданным мне советскими властями по праву. Это было воспринято мной как вполне соответствующая плата за ожидавшие меня мучения в лагере

Выяснялось, что и в диссидентстве были свои незабываемые приятные моменты.

Так кто же говорил, что диссидентом быть плохо!

Глава 19
Объявление войны

Надо было переходить к следующему этапу движения вперёд. В начале процесса я дал себе слово, что каждый день что-то должно быть сделано для продвижения к конечной цели. Прежде всего, мне надо любой ценой получить вызов из Израиля и начать официальную борьбу за выезд. Совершенно очевидно — декларация; которую я сделал в ОВИРе, дала мне лишь временную передышку. Но не продвинула к цели даже на миллиметр. Я начал с вызова. Родственники нашли каких-то американцев в Израиле. Те, в свою очередь, нашли ещё кого-то в США. Короче говоря, семья американцев собиралась посетить Ленинград на один день. Они согласились передать мне мой вызов из рук в руки. Это были муж и жена, Морис и Айрис Призант. Мне сообщили в письме, что 22 числа в гостинице «Ленинград» остановится пожилая пара американцев.

У них на руках будет документ, который мне нужен. (Открыто писать в письмах боялись, говорили иносказательно.) Я ждал этого дня, как девочки ждут дня свадьбы. Этот день наступил. С самого утра начал звонить по указанному номеру телефона в гостиницу. Никто не отвечал. Я продолжал звонить до обеда. Никто не отвечал. Появилось предчувствие чего-то недоброго. Как потом выяснилось, чутьё меня не обмануло. Надо было что-то придумать. Время бежало. Анализируя номер телефона, который мне прислали, я подумал, что можно набрать тот же номер с одной изменённой цифрой в конце и попасть куда-нибудь рядом. Так и было сделано. Ответила женщина на русском языке.

Я стал говорить, добавив акцент с ударением на «О»! как говорят простые люди на Волге. Мол, приехал мой «кореш» и не отвечает, он в таком-то номере, можно ли его позвать. Женщина исчезла. Через две минуты она вновь возникла в телефонной трубке: «Так они же иностранцы!». Морис вырвал у неё из рук телефонную трубку и закричал по-английски: «Леонид, это вы!» Мы быстро договорились, что я приеду в гостиницу. Невозможно было объяснить американцам, что войти в гостиницу для иностранцев советскому гражданину — проблема. В те времена была очередная волны борьба с « фарцовщиками».

Фарцовщиками называли людей, скупающих одежду иностранцев и продающих её за рубли советским гражданам. Явление это было порождено банкротством экономической

советской системы, которая не в состоянии обеспечить своих собственных граждан нормальной одеждой. До того момента мне никогда не приходилось бывать в ленинградских гостиницах, тем более — в гостиницах для иностранцев. Сюда советские граждане без объяснения причин и предъявления документов не могли даже попасть. Других возможностей встретиться с американцами у меня не было. Пришлось понадеяться на свою матросскую смекалку.

Я долго крутился по городу, спрыгивая с трамвая на ходу, чтобы отделаться от «хвоста», если он был. Подойдя к гостинице, я начал незаметно изучать расстановку сил врага через окна снаружи. При входе стояло два швейцара. Это был первый фильтр. Через десять метров, напрямую от входа, находились лифты. Слева крутился ещё один деятель. Справа находилась администрация. Народу в фойе мало, шансов проскочить было не много. Я выжидал. Подъехал автобус с туристами. Они вышли из автобуса и кучкой двинулись к дверям. Я бросился в самую середину группы и успел затесаться в ней до того, как туристы вошли в фойе. При этом применил знакомую из флота тактику. Опускаешь голову и не встречаешься с инспектирующими тебя глазами — тогда ты исчезаешь в строю. Толпа вынесла меня к лифту. Я поднялся на шестой этаж. Вышел из кабины один. Тут меня ждала ещё одна напасть. С левой стороны от лифта за столом сидела коридорная. В советских гостиницах на каждом этаже всегда сидела дежурная, женщина; которая отвечала за этаж. Она наблюдала за поведением гостей и не допускала появления посторонних лиц на вверенном ей этаже. Эта функция тоже относилась к работе осведомителя органов. Тогда я ещё этого не знал и познакомился с этим явлением впервые. Увидев коридорную, резко повернул в противоположную сторону. Дежурная не успела отреагировать, была чем-то занята. Я постучал в дверь. Мне открыли. В номере находилась американская пара средних лет. Морис во весь голос потребовал у меня предъявить паспорт. Видимо так его проинструктировали в Америке. Я молча протянул ему паспорт, другой рукой показывая в верхний угол. Затем закрыл пальцем рот, объясняя, что всё надо делать молча. Потом также молча показал ему, что передача документов должна произойти на улице. Всё это не было моей паранойей. Дело в том, что передача официальных документов через иностранного туриста толковалась Уголовным кодексом, как незаконная. Передача документов из рук в руки являлась незаконной. Документы должны быть официально получены по почте. Более того, нам могли приписать ещё и политический, диссидентский аспект. Мы потом долго смеялись,

когда я объяснил Морису и Айрис, что проверка моего паспорта —это самая глупая мера предосторожности. Изготовление копии паспорта было легчайшим мероприятием для КГБ. Мы вышли на улицу и в толпе, по моему сигналу, он передал мне конверт. Вечером мы встретились опять. Я привёз их в гости к родителям, и мы полночи проговорили. Это была очень приятная еврейская пара из Ohio, Youngstown. Пара состоятельная, владевшая несколькими заводами в Америке. Как я и предполагал, им отключили телефон в номере. Они очень боялись этой миссии с моими документами.

Когда всё было уже позади и мы познакомились поближе, они очень возгордились своей смелостью. Я им рассказал о себе. Они меня сфотографировали. Потом, вернувшись в США, они подняли движение за моё освобождение. Призанты мне писали, что они устраивали демонстрации, расклеивали плакаты с моими портретами, выступали по телевидению, везде призывая к бойкоту гастролей Мариинского театра.

Словом, действовали так, как я их просил, нигде не забывая подчеркнуть, однако, свою персональную героическую роль в противостоянии КГБ. Это были хорошие люди, которым я очень признателен за помощь. Они, между прочим, действительно считали меня героем. Я же считаю и считал, что просто хотел выжить и жить там, где я хочу. Так я получил вызов.

Морис и Айрис Призант навестили меня в первый же год моего пребывания в Израиле. Была очень трогательная встреча. Они рассказали, что у них две замужние дочери. Мужья дочерей — люди вольных профессий. Морис сообщил, что хочет отдохнуть и постепенно отойти от своего бизнеса. Он совершенно неожиданно предложил переехать в США и постепенно принять у него руководство бизнесом. Айрис добавила, что это их совместное решение и, вообще, они хотят меня усыновить. Я смутился и спросил его: почему именно меня? Морис ответил; что на меня можно положиться с закрытыми глазами, что я не из тех людей, которые предают, и что в Америке таких людей мало. Было очень приятно, но я отказался. Я хотел жить в Израиле и работать там, где я уже начал работать — в Авиационной промышленности.

Мариинский театр контролировался и управлялся в его ежедневной работе двумя людьми. Эти два человека решали кто будет прима-балериной, кто поедет на гастроли, кто получит какую зарплату. Не было человека в театре, который не вздрагивал бы и не оглядывался при упоминании их имён. Это — начальница отдела кадров театра, назовём её Любой, и зам. директора по режиму, назовём его Иван Иванович. Люба, по её

словам, была подполковником КГБ, в прошлом начальницей женского лагеря. Насчёт Ивана Ивановича я не знаю, но предполагаю, что он был либо полковником, либо генералом.

Мариинский театр — один из лучших в мире и каждый год приносил государству из гастролей в Америку и в Европу огромные деньги. Оперный и балетный составы театра также любили эти мероприятия и поэтому с нетерпением ждали лета и гастрольных поездок. Персональные решения о том, кто поедет, а кто нет, принимали Люба и Иван Иванович. Люба, женщина средних лет, очень уверенная в себе особа, делала в театре что хотела и с кем хотела. Она, видимо, была нимфоманкой. В театре все знали, что Люба любила молодых мальчиков — балетных солистов. И пользовала их в собственное удовольствие где угодно, иногда даже на лестнице.

Не было человека, который мог бы ей отказать — ведь все хотели быть включены в труппу, выезжающую за границу. Насколько я знаю, это она издевалась над Пановым, когда он требовал отпустить его в Израиль. До Панова был Барышников. Но тот сам не вернулся из гастролей.

Следующим после Панова был я. Но я-то не известный танцор, а самый простой рабочий. Люба даже не предполагала, какую важную роль я приготовил ей сыграть в моём выезде из СССР.

При анализе ситуации с самого начала мною была принята в расчёт возможность найти человека, который мог бы сыграть ключевую роль союзника и вывести меня из России. Я не очень верил, что такой человек найдётся, пока не попал в театр и не познакомился с начальницей отдела кадров. Лично мы, конечно, знакомы не были, так как я являлся для неё маленьким и практически несуществующим звеном в театре. Я же знал о ней всё и был почти уверен, что именно она может стать союзником и поможет мне выехать.

Как только я получил вызов на руки, можно было начинать востребовать документы из театра. Пришло время начать фронтальную и очень хорошо обдуманную атаку. Прежде всего, я подал заявление в отдел кадров с просьбой о предоставлении мне документов для ОВИРа, связанных с выездом в Израиль. Заявление было передано через Вальту.

Между мной и начальницей отдела кадров пять промежуточных начальников. В течение следующей недели началось необычное движение. Меня принялись постоянно «искать». Меня стали обвинять в куче административных и технических нарушений, которые я и не совершал. Список нарушений был велик — от опозданий на работу в прошлом (я

вообще в жизни никогда не опаздывал на работу!), до неисправности оборудования, за которое отвечал другой человек. (За неисправность оборудования отвечал сменный инженер.) Когда я пришёл на очередную смену, меня уже ждали. Главный инженер вместе с начальником цеха и сменным инженером торжественно препроводили меня к начальнице отдела кадров. Она начала лобовую атаку: «Почему ты, негодяй и бездельник, опаздываешь на работу? Почему ты, преступник и сионист поганый, предатель советского народа, разрушаешь наше театральное оборудование?» ...На её лице было написано удовольствие и наслаждение. Ясно видно, что она хотела продемонстрировать этому интеллигенту, главному инженеру и всем остальным присутствующим, что она-то умеет ставить заключённых на колени. Она хотела показать, как человек от одного звука её голоса превращается в козявку. Люба орала на меня как уголовница, не выбирая выражений. Затем, продолжая орать, перешла на моё заявление: «Ты написал, что уезжаешь в Израиль. Может не в Израиль, а в Америку — продавать наши секреты?! В лагере я бы тебя давно к стенке поставила!» ...Кричала она долго. Я не перебивал и слушал молча, хотя и начинал уже закипать. Дверь в приёмную была открыта. Там сидела её секретарша и несколько балерин, заполнявших анкеты. Услышав крики, они повернулись и стали смотреть на нас. Люба бросила на них одобрительный взгляд, приглашая посмотреть спектакль. Я взял у неё моё заявление и тушью, через всю страницу, крупными буквами написал «ИЗРАИЛЬ». «Теперь понятно, куда я еду?» — Я выдержал паузу, а потом понёс на неё: «Ты, старая б..., которая вчера на лестнице заставила Иванова, молодого парня, сношаться с тобой, чтобы он мог выехать на гастроли... Где твоя коммунистическая партия... тебя же, как проститутку, высылать надо на 101-й километр. Ты — воровка, которая отбирает доллары и купленные вещи у балерин, ты ещё осмеливаешься поднимать на меня голос! Я тебе не Панов, я тебя сам скручу и отправлю на Соловки! Здесь тебе не лагерь, где ты могла издеваться над несчастными женщинами» ...Удар был неожиданным и смертельным. У Любы округлились глаза. Наступила пауза. Все стоящие вокруг улыбались. Это был самый подходящий контингент слушателей для меня и самый неподходящий для неё. Когда Люба опомнилась, она подскочила к двери кабинета и захлопнула её, грубо выпихнув всех наружу. Она потеряла дар речи и молча глядела на меня. За закрытыми дверями я сказал ей следующее: «Я выбрал лично тебя, чтобы ты меня отсюда вывезла. Это в твоих интересах. Я буду воевать не с Советской властью — это бесполезное занятие, а с тобой. Если

меня посадят — так буду сидеть, от тебя это не зависит. Ты же знаешь, что это решается в другом месте. Я буду опускать тебя лично и сделаю это с удовольствием, поверь мне. Каждый день буду писать письма на тебя, даже из лагеря. Натравлю на тебя американских сионистов. На каждом перекрёстке будет муссироваться твоё имя. Пока кому-то сверху не надоест, и тебя не уберут обратно в лагерь. Ты потеряешь Ленинград и работу в театре. Мне тебя не жалко, потому что ты «падла» и разменная монета для меня»... За весь мой диалог она не произнесла ни слова. В глазах её заблестели слёзы. Мне не было её жалко. Затем повернулся и ушёл. Так я вступил на «тропу войны».

На следующий день я уже стал национальным героем театра. Везде встречали улыбкой. Все прибегали к нам в цех посмотреть на меня. Балерины «умирали от жары» и только в мою смену. Непрерывно приглашали спасать их, как я уже описал в предыдущей главе. «Проснулись» и евреи в театре.

«Проснулись» также и антисемиты. У меня был друг в театре, Миша Воробьёв. Отец его — известный скульптор-анималист. Сам же Миша — хороший пианист-любитель и работал в театре специалистом теле- и радиооборудования. Он был тихим, интеллигентным парнем, никогда мухи не обидевшим. Миша пожаловался мне, что его обижает пара антисемитов из его цеха. Они всё время приставали к нему публично, особенно после того, как я открыто заявил о своём желании уехать в Израиль. Обычно это происходило в столовой за обедом, при всех. Работники Мариинского театра обедали в специальной закрытой столовой, куда посторонние не допускались. Я стал ходить на обед с Мишей.

Однажды эта пара антисемитов появилась во время обеда. Один из них подошёл к нашему столу и громко, так, чтобы все слышали, обратился к нам. Вокруг сидело человек 20–25 артистов и технических работников. Он сказал: «Так что повезло тебе, еврею, что в Израиль уезжаешь. Всегда вы умеете устраиваться. А вот мы — русский народ — страдаем из-за вас! Нам-то не дают уехать...» Я встал, повернулся к нему и громко ответил: «Ты что же, мне завидуешь?! Паршивый ты коммунист. Я — еврей и объединяюсь со своим дядей, которого я никогда не видел, но, тем не менее, очень люблю. Всё это в соответствии с нашим гуманным советским законом. А ты, предатель, завидуешь мне и хочешь бросить свою родную советскую родину! Ты же русский — это твоя родина. Вот здесь ты, русский, и должен помереть, да и помрёшь. Я лично, как еврей, возмущён твоим поведением и считаю, что ты недостоин быть советским коммунистом и тебя надо гнать из партии за пораженческие настроения!»

Люди, сидящие за столами, заулыбались и бесшумно зааплодировали. Слух об этом диалоге пронёсся по театру. Больше к Мише никто не приставал.

Вскоре после этих событий меня вызвал зам. директора театра по режиму на беседу. У нас состоялся один из самых интересных диалогов в моей жизни. Признаться честно, я всегда мечтал, чтобы кто-нибудь из представителей советской власти спросил меня о том, почему я, русский по воспитанию и образованию человек; хочу уехать в Израиль. Зачем мне присоединяться к народу, которого я никогда не видел? О котором практически ничего не знаю. К народу, с которым у меня на самом деле очень мало общего. Это был тот самый разговор, которого я так ждал. Разговор проходил в вежливой форме, был очень содержательным.

— Почему вы на своём заявлении написали Израиль такими крупными буквами? Что вы хотите этим сказать?

— Начальник отдела кадров не могла поверить, что я еду в Израиль, а ей, как сочувствующей сионистам, было важно убедиться в том, что я еду именно в Израиль, а не в Америку. Поэтому я и написал это крупными буквами.

Нет ответа...

— Вы ведь получили образование в Советском Союзе. Вы должны быть признательны Родине за это и должны отдать ей этот долг.

— Если *у* меня есть долги, я их с удовольствием отдам. Какие долги? Вы имеете в виду какое образование? Мой сломанный нос, мои сломанные пальцы, челюсть или, может быть, эту ножевую рану? Вы считаете, что я должен вернуть этот долг Родине, может кому-нибудь персонально?

Нет ответа...

— Почему вы — рабочий в Мариинском театре? Вы могли устроиться по специальности на Адмиралтейский или Балтийский заводы? Вы же пришли работать в театр специально, чтобы нам повредить! Зачем?

— После армии я пытался устроиться именно на эти заводы. По телефону мне сказали, что я подхожу. По предъявлении паспорта мне отказали. Что там было нового в моём паспорте, кроме моей еврейской национальности?

Нет ответа...

— Скажите, вы вдруг воспылали любовью к своему дяде. Вы его хоть раз видели?

— Я готов познакомиться с моим дядей, воссоединиться с ним и полюбить его, поскольку это единственная возможность отсюда уехать. Кроме того, это отвечает политике советского

государства в области воссоединения разрозненных семей.

Нет ответа...

— Выяснилось, что вы хорошо владеете английским. Зачем вам это нужно?

— Владение иностранным языком, в соответствии с постулатами Ленина, является одной из главных обязанностей советского гражданина. Ленин учил, что надо знать язык врага, чтобы разжигать мировую революцию, когда настанет время. Я серьёзно готовлю себя к этому событию.

Нет ответа...

— Вы встречаетесь с Голландским консулом. В Америке про вас говорят, устраивают демонстрации. Вы что не понимаете, что это вредит Советскому Союзу? Нам начали угрожать, что сорвут гастроли в Америке, а это может ударить по нашим артистам. Они-то уж точно ни в чём не виноваты.

— Вы же понимаете, что я поддерживаю отношения с голландцами и американцами, чтобы меня где-то случайно машина не задавила, пока я добиваюсь встречи с любимым дядей. Что же касается вреда артистам, то по театру ходят упорные слухи, что вы сами собираете дань за разрешение на участие в заграничном турне. Я, конечно, не хочу верить слухам, но говорят, что не только материальную, но и натурой. Насколько я помню из истории, железный Феликс говорил, что чекист должен быть кристально чистым. Мешать гастролям из-за нелюбви к Советской власти никто не будет, а вот защитить артистов от вашего произвола можно и через Америку. Я думаю, что выразился достаточно ясно.

Зам. директора по режиму посмотрел прямо на меня. В глазах у него была холодная и спокойная ненависть. Он задал последний вопрос:

— Почему Вы, Токарский, все же хотите уехать в Израиль? Вы же русский человек! Вы же берёзы любите больше, чем пальмы! Вас же кто-то надоумил! Вы же не сами это придумали?

— Да, есть такой человек.

— Вы можете назвать его фамилию?

— Николай Порозинский.

— Его адрес?

— Пожалуйста, Васильевский остров, 6-я Линия, дом 25, квартира 4.

— Так это же Ваш адрес!

— Да. Это мой сосед. Он каждое утро мне говорит: «Жидовская морда, убирайся в Израиль».

— Так вы же можете поменять квартиру.

— Вы что, мне квартиру даёте? Когда зайти за ордером? Я

готов прожить на новой квартире до отъезда...

На этом разговор закончился.

Во вражеском стане появилась брешь.

Начальница отдела кадров и зам. директора по режиму тщательно избегали меня на публике. Я же искал этих встреч. Мне было важно поддерживать «огонь террора». Раз или два в неделю мне удавалось поймать моих оппонентов в коридоре в присутствии людей и подбросить «дров в огонь». Это происходило примерно так: «Иван Иванович, извините, у меня есть вопрос. Говорят, что ваша дочка получила в подарок от балерины Петровой ночную рубашку. Говорят, что это требовалось для включения её в список кандидаток на приму. Я прекрасно понимаю, что это может быть злой навет, но я считаю, что нужно разобраться и наказать виновных за роспуск таких слухов. Я верю в вашу честность, как коммуниста и чекиста, поэтому такие слухи должны быть пресечены в корне».

Окружающие начинали улыбаться. В театре информация распространялась со скоростью звука. Я получал очередные «дрова» от балерин. Каждый день они приносили мне все последние сплетни и информацию. Уже через месяц, завидев меня в коридоре, оба начальника заскакивали в ближайшие кабинеты, чтобы не допустить такого диалога на людях. Всё это жестоко и некрасиво, но это была война. Война беспощадная. Я дрался за свою судьбу.

От моих оппонентов я не ждал жалости или милости. Передо мной возвышалась каменная стена политической и государственной системы, заслонявшая мне путь к свободе. У меня не было ни одного союзника, который мог бы помочь прорваться, но было много лютых врагов. Мне надо силой превратить своих врагов в союзников.

А посему — «на войне, как на войне»!

Глава 20
Война

Арена битвы моей была наполнена разными людьми, разными интересами, необычными событиями. На ней были отказники, чекисты, доносчики, мошенники, проходимцы, интеллигенты и много наивных людей.

Я играл в свою игру и по своим правилам. У меня было несколько игральных кругов. В каждом отдельном моём круге игра была другой. В театре не знали, что я учусь на полузакрытых курсах английского языка. На моей бывшей работе не знали, что я выступаю борцом за справедливость в Мариинском театре, В моей коммунальной квартире даже и предположить не могли, что я задумал уехать в Израиль. Всё вокруг меня было построено, как несообщающиеся сосуды. Я очень хорошо понимал, что опасность, огромная и неотвратимая, появится в тот момент, когда сосуды начнут сообщаться. А это должно произойти. Любая незапланированная утечка информации могла привести меня к катастрофе.

Например:

1. Если бы мои «союзники» из театра узнали бы, что я не простой работяга, а был ведущим инженером на секретной работе, то они избавились бы от меня с лёгкостью. Они, с лёгкостью же, уничтожили бы меня при помощи нескольких телефонных звонков своим друзьям по службе.

2. Война за мою комнату в коммунальной квартире между соседями должна была закончиться «бытовухой». Органы с радостью использовали бы новую ситуацию и посадили бы меня за драку или за поножовщину. (Об этом я расскажу позже.)

Таких примеров можно привести несколько.

Особое место на арене событий занимали «отказники» — люди, которым отказали в выезде, и они, волею случая, принимали на себя эту ношу. Они же являлись питательной средой для всех заинтересованных в выезде из СССР, а также для органов. Это естественно, поскольку отказники были носителями необходимой информации для всех, кто начинал процесс выезда.

Информация о порядке выезда из СССР, официальная и неофициальная, в газете «Правда» не публиковалась. Информация передавалась устно: от человека к человеку. Отказники являлись разношёрстной публикой. Были среди них осведомители-любители. Были осведомители от безвыходности ситуации, в которой они находились. Были и профессионалы-осведомители.

Были люди, которые делали деньги на помощи, поступающей с Запада. Было, также, среди них много искренних и честных евреев.

Играя в свою «рулетку», я очень осторожно относился к новым контактам, боясь засветить то, что не надо было засвечивать. Тем не менее, я тоже нуждался в информации. С другой стороны, мне нужно было создать впечатление, что веду себя открыто, нараспашку. Продемонстрировать тем, кто за мной следил, что мне нечего скрывать. Проявляя интерес к ивриту, я стал ощущать лёгкое, но навязчивое давление с разных сторон к курсам иврита и пропаганде сионизма. Природу этого давления иногда даже сложно было определить. Однажды меня привели к одному великому сионисту. У него на внешней стороне входной двери был нарисован огромный маген-давид. Внутри двухкомнатной квартиры стояли шкафы, заполненные сионисткой литературой и книгами на иврите. Сионистская литература приравнивалась властями к «махровой антисоветчине», и за её хранение давали несколько лет тюрьмы. Я «невинно» спросил: «А зачем тебе столько литературы — ведь за неё посадить могут. Любой сексот, зайдя сейчас в комнату, может нас обоих арестовать, и через две недели уже будем уголёк грузить. Непонятно, как это может помочь народу Израиля? И кому это вообще надо?!»

Я сказал ему, что если ты — уж такой борец, то раздай свою библиотеку людям, пусть читают, а не держи книги на полках! Он ответил мне, что он человек решительный, смелый и готов страдать во имя идеалов сионизма. Книги на полках — проявление политического протеста советской системе. Больше я с ним не общался.

Однажды пришёл близкий мне человек и спросил — могу ли я скопировать своим фотоаппаратом и размножить книгу Жаботинского?

Друг и начальник этого человека, очень хороший и надежный еврей, попросил его это сделать. Я был ошеломлён. За копирование и размножение антисоветской литературы полагалось, если я не ошибаюсь, десять лет лагерей. Это считалось одним из самых тяжёлых преступлений. Все копировальные машины зарегистрированы. Копирование бумаг осуществлялось особо доверенными лицами. Ещё со времен Сталина, пишущие машинки всегда хранились опечатанными в первом отделе вместе с образцами их «почерка».

Я спросил его: «Лагерей захотелось? Кому нужен сегодня, здесь, в Ленинграде, Жаботинский?! Ты что, не читая Жаботинского, в Израиль ехать не можешь? «Битиё» определяет

наше сознание, а не Жаботинский».

Так подгоняли наивных людей к пропасти.

Обучение на курсах английского языка было для меня громадным удовольствием. Я дышал полной грудью и ещё никогда не чувствовал себя таким удовлетворённым. Систематическое обучение английскому языку являлось моей давней мечтой; ещё из армии. Чувствовал, что встретил в языке что-то родное, близкое и давнее. Это был язык; помогавший мне ещё в кубрике на ПМ-130 советоваться с самим собой на страницах дневника.

На курсах учили нас хорошо. Всех объединяла любовь к английскому языку. Большинство студентов — девочки, работающие в валютных магазинах и в «Интуристе». Было там и несколько просочившихся умников, вроде меня. Не возникало сомнений; что наши преподаватели на курсах имели отношение к КГБ и, наверняка; были стукачами. Иногда это у них проскакивало спонтанно: «Составил доклад о группе иностранцев; написал характеристику отдельным иностранцам» и т. д. Они воспринимали это как свою естественную обязанность, связанную с работой в «Интуристе». Студентки, работающие в этой же системе, понимающе относились к замечаниям преподавателей, и чувствовалось, что знали эту терминологию.

Меня всё время сверлила одна мысль. Где достать справку из отдела кадров для получения разрешения учиться на курсах в следующем году? В своё время я получил с завода справку, разрешающую посещать первый курс. В театре не знали о моей учёбе и, конечно, никакой справки, разрешающей второй год учёбы, мне бы не дали. В конце концов, я выкрутился, познакомившись поближе с секретаршей курсов и проявив немного «матросской смекалки». Так я сумел успешно закончить и второй год.

Передо мной стояла очередная, очень серьёзная и больная проблема: уговорить мою бывшую жену увезти сына в Израиль. После нашего развода я продолжал навещать сына и помогал чем мог. Максим был смышленым мальчиком. Мы оба получали массу удовольствия от общения. Он был первым человеком, на котором я опробовал свою лекцию о следящих системах, объяснив ему всё на его детском языке. Он понял и пересказал мне по-своему. Можно было ему ставить зачёт. Я говорил с ним об Израиле и о моей давней мечте переехать туда всем вместе.

Объяснял ему, что хотел бы, чтобы он, когда вырастет, стал офицером Армии Обороны Израиля. Почему это важно для нас, евреев.

После увольнения с завода я серьёзно поговорил с Шурой,

объяснив мои планы относительно Израиля, предложив ей пожениться опять и уехать втроём в Израиль. Она посмеялась, сказав, что никто из её окружения никуда не едет, и ей там делать нечего. В течение двух лет до моего отъезда, мы вели бесконечные и безрезультатные разговоры на эту тему. Сразу после первого нашего разговора Шура запретила мне общаться с Максимом. Запрет объяснялся, по её словам тем, что в детском саду Максим объявил, что его папа — герой, он уезжает в Израиль, где будет солдатом. Шура разрешила мне приезжать исключительно по ночам, чтобы я мог видеть ребёнка только спящим. Это продолжалось два долгих года. Я очень боялся, что мальчик меня забудет.

Формально с Шурой мы договорились о следующей процедуре. Я достаю деньги и оплачиваю ей содержание Максима до 18 лет Шура, по получении денег, подписывает мне справку у нотариуса, как требует законодательство, что она не возражает против моего выезда из СССР.

У меня появилась новая сложная задача. Нужно было найти деньги. По тем временам — астрономическая сумма. У меня — ни копейки. Я существовал от зарплаты до зарплаты, перебиваясь с большим трудом. В театре платили мало. Сбережений у меня, конечно, не было. Я решил обратиться за помощью. Мои родственники в Израиле, которых я никогда не видел, собрали необходимую мне сумму на алименты для сына, на билет, на отказ от гражданства и другие расходы, связанные с отъездом. Мне следовало поехать в Кишинёв и там получить деньги в рублях. За пару недель до этого мне позвонила женщина и попросила встречи. Она объяснила мне, что по просьбе моих родственников она проверяет — действительно ли я тот человек; за которого себя выдаю. Убедившись в этом, она уехала. В Кишинёве меня встретил еврей среднего возраста, оказавшийся волею случая моим финансовым партнёром.

Проезжая по Кишиневу мимо небольшого мясного магазина, этот тип показал на него пальцем и сообщил, что состоял до последнего времени его директором. Выяснилось, что он со всей своей семьёй уезжал в Израиль. Денег у этого «махера» было несметное количество. Его официальная государственная зарплата меньше той, что была у меня в театре. Деньги он вывезти из СССР не мог, поэтому шёл натуральный обмен. Мои родственники передали его адвокату в Израиле доллары, он дал мне равнозначную сумму в рублях. Тип он был препротивный, ворюга. Это было написано у него на лице. Деньги свои он хранил в подполье в банках с солёными огурцами. Я сам это видел.

Вернувшись в Ленинград, я передал Шуре деньги, которые

обещал. Через несколько дней попросил Шуру подписать обещанную справку о том, что она не возражает против моего выезда и не имеет ко мне финансовых претензий. Шура категорически отказалась. В то время я уже находился в ожидании ареста со дня на день. Объяснив Шуре, что если произойдёт промедление со сбором документов для ОВИРа, власти не потерпят моего «зависания» на свободе и просто арестуют. Шура ответила, что её вполне устраивает ситуация, при которой я бы сидел в тюрьме. Тогда, по её словам, она сможет посещать меня раз в год. Если же уеду в Израиль, то она меня больше не увидит. Мои приходы к ней и просьбы повторялись несколько раз. Но все было безрезультатно.

Наступил последний срок подачи документов в ОВИР. Я пришёл к Шуре вечером для серьёзного разговора. Пришлось снова объяснить ей — надо решать, так как ситуация создалась критическая. Моё толкование и объяснение было следующим: «Ни один свободный человек не имеет права держать другого свободного человека в клетке. Советская власть дала тебе в руки клетку, чтобы держать и издеваться надо мной. Ты не имеешь никакого морального права — ни перед Максимом, ни передо мной — пользоваться этим незаконным инструментом. Я выполнил все твои требования. Сейчас ответ за тобой. У меня есть два выбора. Первый, это идти в тюрьму, как сионист и предатель. Второй, стоять перед тобой на коленях. Умолять тебя отпустить меня на свободу. Целовать тебе ноги и руки. Я всё это сделаю, но если мне это ничего не даст, то открою окно и выкину тебя с шестого этажа. Затем заберу Максима и уеду в Израиль. Шансы, что сяду в тюрьму по первому варианту 100%, по второму — 50%. Я уже выбрал. Завтра бумага должна быть подписана».

На следующий день Шура подписала бумагу у адвоката.

Оставался последний штрих. Советская бюрократия требовала созыва общего собрания по месту работы для публичного осуждения работника, осмелившегося просить разрешение на выезд. По окончании публичного «бичевания» выдавалась характеристика в ОВИР. Без характеристики не принималось прошение на выезд из СССР. Правда было неясно: требовалась хорошая характеристика отъезжающему или плохая. Это, конечно, шутка! Но на этот вопрос до сих пор не получен официальный ответ. Я пришёл к «моей подруге», начальнице отдела кадров, и попросил срочно приготовить мне характеристику. Она сказала, что ей надо собрать общее собрание для моего осуждения. Я ответил; пусть осуждают, только имеют в виду, что я открою свой рот и будет весело. Она стала буквально умолять меня молчать на собрании. Я отказался. Она опять стала

объяснять; что обязана по закону провести собрание. Ответив; что молчать не буду, я повернулся и ушёл. Собрание не состоялось. Характеристику начальница отдела кадров сама напечатала на машинке одним пальцем, сама запечатала её в конверт и отправила в ОВИР курьером.

Когда я пришёл в ОВИР со всеми документами; кроме характеристики, меня приняла женщина — старший лейтенант в милицейской форме. Она, прежде всего, попросила меня предъявить вызов. Я отдал. Старший лейтенант потребовала дать ей почтовый конверт, в котором пришел вызов. Я подал ей самый маленький конверт, который нашёл, размером в две почтовые марки, купленный в игрушечном магазине. Затем состоялся следующий разговор:

— Так вызов же Ваш сюда и влезть-то не может!

— Конечно, не может. Вы же знаете; что все мои вызовы лежат у вас. Вы же точно знаете, каким путём я получил вызов; так зачем спрашиваете?

— А где Ваша характеристика?

— Отправлена спецкурьером к вам в ОВИР.

— Нет такого. Вы, по положению, должны принести её сами.

— Есть такое, идите и поверьте.

Через десять минут она вернулась с бумагой в руке, улыбаясь. Я попросил прочитать характеристику на том основании, что она по положению должна выдаваться просителю на руки.

Мне отказали. Я сдал все требуемые документы.

Начался последний и самый тяжёлый этап борьбы за выезд, борьбы за свободу — этап пассивного ожидания.

Глава 21
Перед приговором

Ситуация вокруг меня быстро менялась к худшему. Несообщающиеся сосуды стали постепенно сообщаться. На работе меня отстранили от активных дежурств: придумали особую работу. В театре было пустое помещение, где стояло два больших пожарных насоса. Включение их и управление ими находились в других помещениях. В случае пожара задействовались насосы либо со сцены, либо с главного пульта управления. Насосы фактически представляли собой пустые огромные металлические болванки. В комнату поставили стол и стул. Дали мне пустой журнал дежурств для приёма и передачи смены. Инструктаж, который я получил, заключался в том, что из комнаты запрещалось выходить, в зрительном зале не появляться, по коридорам театра не шляться. Как я понимаю, уволить из театра меня боялись, чтобы не потерять гастроли в Америке. Моего контакта с работниками театра и со зрителями тоже допускать не хотели. (Конечно, никакие гастроли они потерять не могли, но, как выяснилось позже, они в эту «дребедень» верили!) Утром я приходил на работу. Записывал в журнал, что принял смену. Вечером, через 14 часов, записывал в журнал, что смену сдал. Мне не было скучно —появилась великолепная возможность для занятий английским языком, которую с удовольствием использовал. В перерывах между занятиями выходил из комнаты, устраивал очередной «бардак» и возвращался, чтобы заниматься. Походы эти на матросском сленге мною назывались — «Проверка и проворачивание механизмов». Мне надо было показать, что я ничего не боюсь и ко всему готов, хотя на деле это было уже совсем не так.

Ситуация ухудшалась с каждым днём. Встречи с голландским консулом прекратились. Домой к Саше уже невозможно зайти. Там постоянно крутились типы в штатском и просто не давали пройти в квартиру. Они останавливали меня в парадном и говорили: «Вам тут делать нечего. Вы здесь не живёте».

Возвращаясь домой поздно вечером, я должен был пройти около своих двух «амбалов», которые, иногда, говорили вслух для моего сведения: «Когда нам уже разрешат этой жидовской морде шею сломать?» Каждый раз решал для себя вопрос — идти или не идти домой? Деться было некуда. Родителей пугать не хотел и поэтому шёл домой. Тот факт, что им разрешали говорить в открытую, был плохим знаком.

В этот же период я познакомился с одним парнем. Звали его Аркадий. Он — из похожей среды, инженер, говорил, что знает два языка, английский и французский. Тоже заканчивал подобные курсы иностранных языков. У него отмечалась одна странность. Когда он оставался ночевать у какой-нибудь девицы, то приносил с собой в маленьком чемоданчике весь свой джентльменский набор, состоящий из вешалки для костюма, туалетных принадлежностей, будильника, спальной простыни и полотенца. Удивляла квартира родителей, где он жил. Такой роскоши я нигде и никогда не видел. Аркадий говорил, что его отец — известный адвокат, и этим всё объяснялось. Однажды, гуляя по Невскому, мы натолкнулись на двух девушек, туристок из Англии.

Аркадий начал с ними заигрывать и заговорил по-английски. Когда я услышал его язык, меня прошибло холодным потом. Такому английскому в Ленинграде могли учить только в КГБ. Это явно не были наши курсы для продавщиц «Берёзки». Я унаследовал от мамы хороший музыкальный слух и сам хорошо говорю по-английски, но это была спецшкола. Это был высокий полёт. Это был профессионал — уже не та девочка, которой я «навешивал лапшу на уши» и использовал, как хотел!

Я вернулся домой в плохом настроении. Ясно, что обложили со всех сторон. Если прикрепили уже такого профессионала, то дела мои совсем плохи.

Как выяснялось, у диссидентства были и чёрные стороны. Вот сейчас они и проявились. Стало тяжело и неуютно. Мне был 31 год. Я уже не тот матрос, который устал от жизни и искал смерти. Хотелось жить. Но жить не в этой стране. Я уже не мог смириться с тем, что можно стать инвалидом или, как неопытный идеалист, сидеть в тюрьме. Днём мне приходилось продолжать играть роль бесстрашного борца и выслушивать жалобы обиженных на власть музыкантов и артистов. Вечером я оставался один на один с собой в своей коммунальной квартире. В любую минуту меня могли арестовать избить или просто изуродовать.

Могли подсунуть наркотики или антисоветскую литературу, чтобы потом её торжественно извлечь при обыске. По ночам я плохо спал, иногда лежал, прислушиваясь к звукам останавливающихся у подъезда машин или к шуму шагов на лестнице. Мне было очень одиноко. Мне было страшно. Я «вычистил» комнату. Вынес и отдал друзьям всю литературу, которая могла быть истолкована как антисоветская. Возвращаясь с улицы домой, я переворачивал комнату в поисках наркотиков и тому подобных вещей, чтобы хоть как-то упредить события. Уходя из комнаты, везде оставлял «ключи», запоминая положение

каждого предмета. Это качество развилось у меня ещё в штрафной роте. На улицах я старался быть осторожным. Ходил по тротуару ближе к домам. Переходил улицы неожиданно и в разных местах. Было, конечно, понятно, что если захотят задавить машиной или подсунуть наркотики, чтобы арестовать, никакая осторожность мне не поможет. Но хотелось чего-то сделать для своей защиты. Как всегда, хотелось быть чистым перед собой и знать: сделано всё, что от меня зависело. Многие друзья боялись со мной общаться. У меня был старый и верный друг Слава, с которым я дружил с 14 лет. Мы были с ним как братья. Это тот самый Слава, который при поступлении в институт решил мне две задачки. Он женился. Семейная жизнь у них не «клеилась». Однажды его жена пригласила меня переспать с ней в то время, пока Слава сдавал зачёт в институте. Я, конечно, отказался от такого почёта, но Славе об этом ничего не сказал. Не хотел его травмировать. Через год, когда они развелись, я ему рассказал эту историю. Он на меня обиделся: почему не сообщил раньше. Это был единственный раз, когда мы поссорились. Так вот, в это тяжёлое время перед выездом Слава перестал со мной общаться. Он был категорически против моих взглядов на СССР.

Правда, за несколько дней до моего отъезда, он, всё-таки, заскочил ко мне домой. Побыл 10 минут. Пожелал мне счастья. Когда рухнул Союз, я пытался найти Славу, чтобы как-то помочь или вывести его оттуда. Мне удалось найти его семью через несколько дней после Славиной смерти. Я просто не успел. Он пил. Был очень одинок и утонул пьяным в Финском заливе, в то время, как его маленький сын сидел на берегу. Слава был замечательным парнем и хорошим другом. Он был талантливым скульптором-самоучкой.

Пусть будет благословенна его память!

Многие хорошие друзья называли меня предателем и искренне верили в то, что они говорили.

Потом, после развала СССР, они все, как один, извинялись передо мной. Я всех простил.

Был у меня один друг, Валера, который приехал и сказал: «Я не знаю, зачем тебе нужен этот Израиль, но вот, возьми ключи от моей дачи. Когда почувствуешь, что тебя хотят «замести» — езжай туда. Продукты я тебе привезу».

У меня существовал альтернативный план — бежать через Финляндию. Мы знали, что финны сдают беглецов из СССР. Но, тем не менее, это был хороший рабочий план. В своё время я познакомился и подружился с одним неплохим парнем, который служил пограничником в этом районе. Звали его Николаем. Николай составил мне подробную карту советско-финской

границы в месте, где он раньше служил и хорошо его знал. Николай обсудил со мной подробный план перехода границы. Мы считали, что было возможно пересечь всю Финляндию за один день, а затем перебраться через границу Швеции. В своё время он составил этот план для себя, но им не воспользовался. Всё это предусматривалось на крайний случай, хотя я абсолютно не был уверен в том, что у меня будет достаточно времени для реализации этой программы до ареста, если таковой состоится. На всякий случай готовый рюкзак лежал на полу за шкафом.

Я всегда очень скептически относился к геройству, выраженному в готовности идти в тюрьму. Выжить в тюрьме или в лагере и остаться человеком, это я считал геройством. Наговорить патетических глупостей, а потом за это сидеть в тюрьме, в моих глазах всегда было идиотизмом. Попасть в тюрьму за «политику» в те годы в Советском Союзе было очень просто, глупо и даже «не остроумно». Я знал очень немногих людей, которые сумели сохранить своё человеческое достоинство после тюрьмы или лагеря, чтобы вернуться домой нормальными людьми. Большинство узников ломалось очень быстро. Больше везло тем, кто сидел с политическими, а не с уголовниками. Многие из сидевших в тюрьмах и лагерях уже через несколько лет после освобождения выдавали себя за героев-сионистов. Особенно те, которые сидели за уголовные и экономические преступления. Я не любил вспоминать и рассказывать о моих «сионистских геройствах». Не любил рассказывать об этих делах, потому что в моих глазах это было не геройством, а большой глупостью, поступком мальчишки, не понимающего того, что он делает. А вот то, что я выжил среди уголовников, было моим персональным достижением и успехом. Это уже дело личное, которое вряд ли касается продвижения международного сионизма. Наша беда состоит в том, что мы любим творить себе кумиров. Это одна из проблем еврейского народа. До сих пор многие «отказники и узники» живут своим прошлым и за счёт своего прошлого. Столь странное явление очень свойственно Израилю. Немногие люди этой категории сумели оторваться от прошлых заслуг, построить новую жизнь и новую профессиональную карьеру, во имя которой они пытались выбраться из СССР. Из тех, кто построили новую карьеру, большинство создали её в политике. Совсем немногие, включая меня, построили настоящую, новую профессиональную карьеру. Я считаю, что сделал блестящую карьеру в Израиле, которую никогда не смог бы сделать в СССР. Для этого мне и хотелось вырваться из Советского Союза и доказать самому себе, что смогу это сделать. Я горжусь этим и никого, и ни за какие сионистские страдания не жалею.

...В один из дней Вальта пришла ко мне в насосную и попросила срочно подняться в кабинет заместителя директора по режиму. Она предупредила, что там сидят какие-то «крутые». Войдя в кабинет заместителя директора, я увидел четырёх человек. Кроме начальницы отдела кадров и зам. директора по режиму, сидело ещё двое в гражданской одежде. Они не представились, да это и не требовалось. Их прошлое и настоящее было написано у них на лице.

Вели беседу гебисты. Сначала вопросы и ответы звучали примерно также, как в беседе с зам. директора по режиму, которую я приводил ранее.

Потом состоялся следующий диалог:

— Как вы относитесь к Советской власти?

— Я её не люблю. Это одна из главных причин, из-за которой я хочу отсюда уехать.

— Так вы начнёте воевать против нашей страны из-за границы.

— Я — сионист. Я хочу строить свою страну и воевать за свою страну, которая называется Израиль. Мои враги сегодня — арабские экстремисты. Советская власть — это проблема русского народа, и мне до неё дела нет. Советская власть — враг русского народа, а не мой.

— Правда ли, что американские сионисты могут сорвать гастроли театра и какое им вообще дело до работника сцены?.

В этом месте начальница отдела кадров поправила сотрудника органов, уточнив, что я не работник сцены, а механик-сантехник. Затем она объяснила разницу между двумя должностями.

Я ответил:

— После всех историй, которые произошли с актёрами Мариинского театра в прошлом, у меня нет сомнений, что гастроли можно сорвать. Что же касается того, какую функцию я выполняю в театре, это не имеет никакого значения. У каждого человека есть право на свободную эмиграцию. На мой взгляд, вы должны взвесить только одну вещь. Стоит ли жизнь одного еврея-сиониста потери для СССР нескольких сотен тысяч долларов. Я свой выбор уже сделал и буду стоять до конца.

На этом разговор был закончен, и я ушёл. По дороге домой я ехал в трамвае. Вагон был полон людей. Я стоял на средней ступеньке. На верхней — женщина, видимо, еврейка с дочкой 10–11 лет. Подо мной, на нижней ступеньке, стоял какой-то пьяный мужик и ругался во весь голос. Я не прислушивался. Стоял и думал о прошедшем разговоре. Неожиданно услышал: «Жидовка, жидовка, я бы тебя трахнул вместе с твоей дочкой, мало вас

Гитлер убивал...» и так далее, Я очнулся от своих мыслей. Женщина стояла надо мной — вся красная, смущённая, со слезами на глазах. Девочка смотрела на меня умоляющим, несчастным взглядом и плакала. В трамвае все молчали, спокойно и безразлично наблюдали за происходящим. Я повернулся к мужику, схватил его за одежду на груди и произнёс: «Ты что, парень, сдурел!» Он мне стал объяснять: «Слушай, ты разве не видишь, что они — жиды. Ты что, не знаешь, что эти жиды пьют нашу кровь и разрушают страну. Пусть они убираются в свой Израиль». Я рывком открыл пневматические двери и со всей силы, ударом, выпихнул его наружу.

Трамвай шёл с большой скоростью, и парень грохнулся на мостовую, как мешок. Перед прыжком из вагона я взглянул на женщину с ребёнком. Обе смотрели на меня с облегчением и благодарностью. Женщина поняла, что я — еврей. Подержав двери ещё минуту, соскочил сам. Потом, не оглядываясь, пошёл дальше. Я никогда не оглядывался на дело своих рук.

Ситуация продолжала накаляться. Особенно тяжело было в последние два месяца. Чувствовалось, что решается вопрос обо мне — сажать или выгонять из страны. Тут ещё мой бывший тесть «проснулся» и стал проявлять свой коммунистический патриотизм. Эта сволочь написал донос на моего отца. Он, Ратманский, как верный коммунист и еврей, был глубоко возмущен сионистской пропагандой Леонида Токарского. Он, Ратманский, требует наказать Натана Токарского (моего отца), своего начальника, за неправильное воспитание и открытое одобрение враждебных сионистских действий Леонида, давнего врага Советской власти. У отца начались неприятности.

Через некоторое время Ратманский позвонил также Левиным. Семья моего брата жила вместе с родителями его жены Лены. Отец Лены, Владимир Лазаревич Левин, был членом Академии наук СССР, человеком глубоко интеллигентным и уважаемым. Я в детстве проводил с ним много времени. У нас было общее любимое занятие — фотография. Мы целыми днями запирались в его лаборатории и печатали снимки. Потом мы вместе возились с мотороллером Владимира Лазаревича. Ратманский, назвавшись чужим именем, сообщил, что к Левиным приехал родственник из Израиля, и сегодня вечером он придёт к ним в гости. Ситуация, в которую попала семья Левиных, была очень неприятной. С одной стороны, они, как люди интеллигентные, не могли отказать родственнику из Израиля в посещении. С другой стороны, поскольку времена были смутные, это могло повредить им всем на работе. Семья просидела целый вечер вокруг стола, ожидая визита либо родственника из Израиля, либо людей из КГБ. Никто

не пришёл. На следующий день мне позвонил мой брат и попросил срочной встречи на бульваре; напротив моего дома. Мы встретились. Он рассказал о том, что произошло вчера вечером, и потребовал, чтобы я прекратил эти издевательства. Брат был очень возбуждён и накричал на меня, что это не он женился на Шуре и ответственность за происходящее, в том числе и за её родителей, падает только на меня. Я не знал, что делать и поехал к Ратманским. Они были дома. Увидев меня, Ратманский спрятался за спину жены и оттуда кричал, что я — подлый сионист, предатель своей родины и прочее. Я предупредил, что его право думать всё, что ему заблагорассудится и считать меня кем угодно. Но я запрещаю ему трогать моих родителей и брата, иначе ответственность за последствия ляжет на него, и ушёл. Эти истории — совсем перебор. У меня уже не хватало нервов. Вечером отец сказал, что, видимо, мои дела совсем плохи, и вполне возможно, что это закончится уже не Израилем. Договорились — к родителям я буду приезжать только по ночам, так попросил отец.

Когда я узнал, что Ратманские иммигрировали в США, хотел сообщить об истории с доносом в ФБР, но только из-за моего сына воздержался от этого.

Кольцо вокруг меня совсем сжималось.

Глава 22
Коммуналка

Однако все эти напасти были ещё «цветочками», по сравнению с тем, что происходило в моей коммунальной квартире. Я жил один в той же комнате, в которой вырос. Родители получили квартиру от папиной работы в другом районе, а эту комнату оставили мне. Тот факт, что я жил один, да ещё в коммунальной квартире, сам по себе делал меня очень лёгкой добычей для провокаций. Спровоцировать драку в коммунальной квартире или подбросить компромат очень легко. Представить на суде в качестве свидетелей соседей по квартире было нетрудной задачей. Любое обвинение в сионизме или в антисоветчине вызвало бы у моих соседей много воодушевления. Моя комната была лучшей и самой просторной в квартире, поэтому на неё зарились все жильцы. Но самое неприятное явление в квартире — наличие Николая Порозинского, патологического антисемита, человека хитрого и недоверчивого. Николай — из бывших уголовников, за что он сидел, мне не известно. Он ненавидел меня лютой ненавистью и упорно подозревал в том, что я собираюсь в Израиль. Кроме ненависти, у него был чисто меркантильный интерес. Он хотел получить мою комнату. Николай часто ходил в домоуправление и имел какой-то доступ к информации о жильцах. Его конкурентка, моя соседка Нина, работала на табачной фабрике и тоже претендовала на мою комнату.

Точной информации о моих намерениях у них не было, но ходили слухи, что я куда-то собираюсь.

Кроме того, после подачи официального заявления, ожидался опрос соседей о моём поведении, сбор информации о человеке, подавшем заявление на выезд, для планирования дальнейших действий против него, с анализом проведения возможных провокаций, если потребуется. Так мне сообщили умудрённые опытом люди. Николай Порозинский каждый день напивался и орал на кухне, что набьёт морду этому жиду перед тем, как тот смоется в Израиль. Надо было что-то делать, чтобы не нарваться на бытовую провокацию. Драка, могла быть запросто подхвачена органами, и я получил бы годик за хулиганство.

Я договорился с Сашей Скворцовым разыграть спектакль у меня дома. Мы заранее распределили роли и текст. Идея спектакля заключалась в следующем. Мы играли двух курсантов, которые после окончания курсов КГБ получают распределение на

работу в другие города. Идея была абсолютно сумасбродная, но, как оказалось, рабочая. Я знал, что Нина, соседка, часто подслушивает мои разговоры. Более того, в квартире был тёмный тамбур перед выходом в коридор, тот самый, через который когда то летел Николай Гаврилович от папиного удара. Можно было с уверенностью сказать, что Нина за стенкой. Мы подловили момент, когда слышались шорохи за стенкой, и начали спектакль. Громко заспорили между собой: куда лучше распределиться. Говорили о девочках, о сокурсниках, о новых погонах, о будущих званиях и продвижении по службе. Говорили об изучении английского языка, возможности работы за границей и секретности, нас окружающей. Словом, вели себя достаточно естественно, хотя и наговорили много глупостей.

После этого вошли ко мне в комнату. На следующий день, когда я вернулся с работы из театра, Нина подошла ко мне и начала серьёзный разговор. Она сказала, что знает, о том, где я учусь и что собираюсь уезжать. Я, конечно, стал всё отрицать, но постепенно «сдался» и спросил, что она хочет. Нина сказала, что просит моего ходатайства и помощи в получении моей комнаты — в обмен на свою маленькую комнату с окнами, выходящими во двор. Я спросил, откуда она знает, что могу ей помочь. Она ответила, что знает мои возможности, если захочу. Согласившись ей помочь, попросил услугу за услугу. Я сказал ей, что, возможно, следующая моя работа будет за границей. При таких обстоятельствах, обычно, проверяют моральное поведение человека. Я объяснил ей, что, возможно, придут милиционеры или люди в штатском будут расспрашивать обо мне. Желательно дать хорошую характеристику. На сём разговор закончился.

Через три дня она зашла ко мне в комнату с таинственным лицом: «Вчера приходили двое. Один милиционер, второй в штатском. Очень подробно расспрашивали о тебе. Кто к тебе ходит? Какие женщины? Как ты проводишь своё время? Не видела ли я чего-нибудь подозрительного? Какие книжки ты читаешь? Я ответила всё, как надо. Уходя, просили ни в коем случае тебе ничего не сообщать об этом разговоре».

На следующий день я вышел на кухню вскипятить чайник. Там была Нина и неожиданно появился Порозинский. Он, с места в карьер, начал орать: «Ты, еврейчик, в Израиль собираешься и людям сказки рассказываешь!» Я заорал в ответ: «Ах ты, подонок, антисемит! Как ты смеешь говорить мне, патриоту своей Советской Родины такие подлости! Да я тебя лично отправлю в лагерь. Я сам с тебя шкуру снимать буду. Сейчас позвоню в милицию, чтобы тебя забрали». Нина стала меня успокаивать, что Николай просто выпил и не надо вызвать милицию. Николай

пробормотал, что он извиняется. Я подумал с облегчением, что на этот раз проскочило.

…Нина же получила мою комнату после того, как я уехал в Израиль. Будучи в Ленинграде, я зашёл к себе домой вместе с Рахелью, моей женой. Порозинский давно умер. Нина жила в моей комнате. Родительская мебель ещё осталась. Нина мялась, мялась, а потом спросила, не собираемся ли мы забрать мою комнату обратно. Я ответил вполне серьёзно, что нет, не собираемся. Нина вздохнула с облегчением. Я показал Рахели нашу коммунальную кухню, туалет и тот самый коридор, где состоялся наш с Сашей спектакль. Затем популярно объяснил Рахели, откуда у меня взялся «туалетный комплекс». Он выразился в том, что количество туалетов в нашем доме в Израиле соответствовало числу живущих в нём.

В добавление ко всем моим личным проблемам с выездом, нашу семью постигла настоящая большая беда. Позвонила мама и сказала: «Срочно приезжай, с папой что-то происходит». Я помчался к родителям. Когда приехал, мама отозвала меня в сторону и сказала, что с папой происходит что-то непонятное. Вроде всё нормально, но ведёт он себя как-то странно. Я стал разговаривать с отцом, а потом замолчал и перешёл в другой конец комнаты. Он продолжал отвечать мне, глядя на то место, где я находился минуту назад. Я воскликнул: «Папа, ты ослеп!» Он сначала отпирался. Потом признался, что он действительно не видит. Своё отрицание мотивировал тем, что не хотел волновать маму. Оказалось, что, проснувшись утром и почувствовав, что ничего не видит, он решил, прежде всего, не создавать панику и не волновать маму. Отец поставил перед собой бритвенные принадлежности, зеркало и стал бриться. Брился он, конечно, на ощупь, делая вид, что смотрится в зеркало, стоящее на столе. Мы побежали к врачу. Врач осмотрел отца и объявил нам, что отец ослеп в результате резкого повышения кровяного давления, то есть получил «удар».

Происшедшее объяснялось последними нервными передрягами. Мы все очень расстроились. Я чувствовал в этом свою вину. Отца я очень любил, и для меня всё это было невыносимо. Вернувшись домой, я неожиданно получил телефонный звонок из ОВИРа, что меня лишают гражданства и предлагают покинуть СССР.

Глава 23
Постичь невозможного

Несчастье, случившееся с отцом, застало меня неподготовленным. Я всё время готовил себя к функции главного пострадавшего. Уверив самого себя, что цена моего отъезда, если таковая появится, будет оплачена мной. Я поехал к родителям, рассказал о получении разрешения на выезд, заявив им, что принял решение остаться здесь. И что оставить их в таком положении не могу и не хочу.

Отец категорически возразил против этого решения и потребовал от меня немедленного оформления документов и отъезда. Отец мотивировал это жёстко и прямо. Он сказал: «Ты сегодня — наше слабое звено, а не я. То противостояние власти, которое ты создал, принесёт нам всем больше горя, чем моя слепота. Ты должен оставить Россию. Мы присоединимся к тебе через некоторое время. Подготовишь почву в Израиле. Чем ты можешь помочь нам здесь?! Ты же не врач. Уезжай!» С точки зрения логики, папа был прав.

Я начал оформлять документы. Мне надо было сдать паспорт, заплатить за лишение гражданства, уволиться с работы, сдать квартиру и прочее.

«Сосуды» стали сообщаться. Прибежал Порозинский из домоуправления, крича, что этот еврей нас обманул. Он скандалил каждый вечер, и я боялся, что из-за него, в последний момент, могу всё-таки попасть за «бытовуху». Он не был до конца уверен в своей правоте, немного ещё побаивался меня. И это его сдерживало. Я был абсолютно уверен, что в момент упаковки или распродажи вещей Порозинский со своими друзьями-уголовниками атакуют меня. Это было единственным, чего я ещё остерегался в России. Порозинский целыми днями сидел на кухне и наблюдал за моей дверью. Я принял решение вещей не распродавать и не забирать с собой. Во-первых, потому что у меня уже не было времени. Во-вторых, мне не хотелось драки, милиции и ареста в последний момент. В-третьих, я просто хотел начать новую жизнь с чистой страницы. Одно дело мне всё-таки удалось сделать. С другом Валерой, на его машине, мы отвезли на главпочтамт 100 посылок с моими книгами (пять килограммов каждая посылка). Это была самая большая ценность, находившаяся в моём владении. Мы отправили посылки к родственникам в Израиль.

Когда я проверял возможности отправки книг, приехал на

грузовую таможню. Вещи из Ленинграда отправлялись заранее — отдельно, поездом. В таможне творилось безобразие и беззаконие. Люди стояли там часами, целыми семьями с детьми. Таможенники издевались над отъезжающими, как могли. Они разбивали мебель, резали ножами одежду, подушки, постельное бельё, даже детские игрушки. Женщины наблюдали за этим со слезами на глазах, дети плакали. Я возмутился и решил воспользоваться своим законным правом на отправку багажа. На следующий день я появился на таможне с ящиком, в котором лежали две мои самодельные разборные гантели весом в 38 килограммов каждая. В своё время они были собственноручно выточены мной на токарном станке ещё на Невском Морском заводе. Гантели мне были не нужны. Хотелось оставить их дома, но таможенники меня возмутили. Я решил их проучить.

В процессе таможенной проверки надо было выгрузить гантели из ящика и положить на проверочный стол. Таможенник пробовал поднять гантели на стол, но не смог — они для него оказались тяжеловаты. Он попросил меня помочь ему. Я категорически отказался, показав на висящую на стене инструкцию, о том, что запрещается притрагиваться к предметам, находящимся в проверяемом ящике. Тогда таможенники объединили свои усилия и совместно подняли гантели на проверочный стол. Разозлившись на меня за отказ помочь, таможенник произнёс сакраментальную фразу, значение которой он и сам, поначалу, не понял: «А может быть гантели у вас из золота или серебра?» Я, с плохо скрываемой иронией, ответил: «Всё может быть». Стало ясно, что «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова он не читал. Таможенник продолжил движение по этому опасному пути и добавил: «Тогда гантели надо пилить». Таможенники по очереди стали пилить ножовочной ручной пилой мои гантели. Было очевидно, что служители закона хотели проучить меня теми же методами, которыми они издевались над другими отъезжающими людьми. Метод был один — разрушить дорогой тебе предмет. Вот они и старались. На самом деле положение таможенников было хуже, чем у героев Ильфа и Петрова, так как гантели — сборные. Они состояли из отдельных блинов, и надо пилить каждый блин. Только через два часа работы таможенники сообразили, что мне абсолютно всё равно, что будет с моими гантелями.

Они стояли уставшие, уже без мундиров, потные и злые. Отъезжающие евреи вокруг улыбались. Я всё время подбадривал таможенников и указывал им на очередной диск гантели, который они ещё не подпилили.

Это месть стала единственным развлечением в те последние

несколько недель. Исторические надпиленные гантели до сих пор лежат в подвале моего дома.

Сегодня я уже и сам не в состоянии их поднять.

Шли последние дни моего нахождения в СССР. Было много всяких организационных мероприятий, которые предстояло выполнить. Я уезжал навсегда из страны, в которой родился и вырос. Везде, где я был, мне приходилось только сдавать и подписывать, подписывать и сдавать. Делалось всё это в последний раз. Чувство расставания с прошлым невозможно передать или объяснить. Я был у Голландского посла в Москве. Он представлял интересы государства Израиль в СССР. Ему я передал в дипломатическую почту мои дипломы и документы, которые хотел вывести. Я вложил в пакет мои военно-морские награды.

Ко мне домой приходили люди, активные отказники и те, кто только встал на этот тяжкий путь. Было много кодов, много чужих личных секретов, много информации, которую надо было передать на ту сторону. Многие нуждались в финансовой помощи. Все входили в квартиру с опаской, но потом осваивались. Мне помогала молоденькая студентка Леночка. Очень хорошая девочка. В своё время я доставал ей контрамарки на спектакли в Мариинский театр. Она как-то пришла туда со своим новым другом, который позже стал её мужем. Глядя на эту пару, я предсказал, что здесь пахнет свадьбой. Леночка посмеялась, не поверив. Через много лет они приехали в Израиль.

Приходило несколько женщин, предлагавших фиктивные браки, которые гарантировали бы им отъезд из Советского Союза. Они готовы были платить большие суммы только за то, чтобы вывезти их из СССР. Мне было непонятно, кто они и что за ними стоит, поэтому я на это не соглашался. Пришёл мой приятель, Гриша Генусов. Он подал заявление на выезд вместе с женой и маленьким ребёнком. Я был уверен, что он получит разрешение быстро. У него же не было ни одной из таких веских причин, как у меня. Грише отказали из-за глупости и держали в отказе многие годы.

...Тяжело было прощаться с сыном, очень тяжело. Я обнимал и целовал его, тайком прослезившись. Ему тогда было шесть лет. Максим — такой хороший ребёнок. Он плохо понимал, что происходит, и не хотел меня отпускать.

Я уже сдал свой паспорт, лишившись гражданства. На руках у меня была маленькая бумажка с фотографией. Она давала мне право выезда из СССР без права въезда... В графе «гражданство» напечатано — «без гражданства».

У родителей дома устроили небольшой сабантуй. Саша

Скворцов играл на скрипке «колнидрей». Было человек двадцать. Мы крепко выпили и обнялись на прощанье.

Наступил последний день моего пребывания в СССР. Как запланировал заранее, утром сходил на тренировку в спортклуб и потягал штангу. Для меня это было важно: доказать самому себе, что даже в один из самых критических моментов моей жизни смогу функционировать по запланированному графику. Это не зависит от моих эмоций или препонов власти. Важно оставаться самим собой.

Я ещё раз окинул взглядом комнату, бывшую моим домом 31 год.

Всё, кроме книг, осталось на месте. Стоял наш огромный старинный деревянный шкаф, большой стол, за которым мы когда-то сидели всей семьёй. Стояла старая родительская кровать, на которой, как я предполагаю, меня зачали в 1944 году. Стоял мой холодильник, купленный по счастливому случаю и служивший предметом моей гордости. Стоял мой проигрыватель, на котором я часто слушал песни Высоцкого ещё на «костях», старых рентгеновских снимках.

Каким-то чудом уцелел детский ночной горшок, на котором я торжественно восседал на нашем балконе. Мама называла это «посадкой на трон». Всё, что я вынес из комнаты, — это была небольшая сумка через плечо, в которой находилась зубная щётка, пара нижнего белья, чистая рубашка и две бутылки водки, данные ребятами на прощанье. Денег у меня было девяносто долларов.

Это всё состояние, нажитое мною за всю жизнь. На выходе около дома меня ждал друг. Я не позволил ему подняться ко мне, так как хотел попрощаться с домом в одиночестве. Отдав ему ключи от комнаты, я предложил ему забрать и разделить между друзьями всё моё нехитрое имущество.

Мы поехали к родителям, а затем — в аэропорт. По дороге прощался с Ленинградом — я очень любил мой город. С каждой улицей, с каждым мостом, с каждой набережной были связаны воспоминания детства и юности. Я ведь островитянин, родился на Васильевском острове. Это самый большой из 101-го острова в Ленинграде. Царь Пётр намеревался построить вторую Венецию. Улицы Ленинграда прямые, как стрелы, должны были превратиться в каналы. Венецией город не стал. Лишь иногда Нева выходила из берегов и заливала улицы. Я был ещё школьником, когда случилось большое наводнение.

Наша 6-я Линия была залита водой. В парадном тоже стояла вода. Я наблюдал наводнение с балкона. Мама меня никуда не выпускала, да и выпускать было некуда. На улицах появились

лодки — совсем, как в Венеции.

У Поцелуева моста мы с Наташкой целовались. Позже была Таня, моя нерешительная подруга. У неё не хватило смелости пойти за мной, когда я её призвал. Потом она с горечью говорила, что я должен был её лучше убеждать. Подобная проблема была у меня со многими женщинами. Никто из них не хотел понять, что для того, чтобы кого-то убедить — нужно, чтобы убеждаемый слушал и хотел слышать. Это касается не только женщин.

У меня всегда было развито звериное чувство выживания и предвидения. Мой инстинкт подсказывал, что делать и как делать. Мне оставалось только следовать за своей интуицией. Я не держал это в себе, а пытался убедить окружающих, но они почему-то оставались сзади. Потом мои слушатели жалели, что не поверили, иногда обвиняя меня в некачественном объяснении. Уезжая из СССР, я говорил всем моим друзьям, что Союз рухнет, что будет война между республиками. По ночам я просыпался от этих видений. Я писал письма родителям из Израиля, что они должны немедленно уехать из-за хаоса будущего развала. Эти письма до сих пор хранятся у нас дома. Когда я говорил — друзья смотрели на меня, как на больного. Так это было.

...Мы приехали в аэропорт. Нас было несколько человек — родственники и друзья. Настроение — двойственное. Я предъявил свои документы и прошёл вовнутрь. Оглянувшись, заметил, что никого рядом не было. Оказалось, что по инерции входной контроль я уже миновал — тут же развернулся, чтобы вернуться и попрощаться с провожающими.

Появился офицер и заслонил путь назад, говоря, что туда нельзя. У меня всё внутри оборвалось. Я не попрощался с родителями! Грубо подвинув офицера рукой и сказав ему: «Да пошёл ты ... Можешь меня арестовать», прорвался обратно. Прощание было тяжёлым. Мы обнимались, папа и мама плакали. У меня тоже глаза застилало слезами. Мы не верили, что когда-нибудь встретимся. Я уезжал навсегда.

Оставлял за собой слепого отца; мать и всю свою прошлую жизнь.

...Через несколько часов взлетели. У меня неожиданно появилось совсем другое чувство — странное чувство летящей птицы. Я смотрел из окна самолёта на остающийся позади Ленинград. Мне было хорошо. Я парил, оставляя за собой своё прошлое. Меня уже никто не мог догнать. Когда-то, стоя на палубе подводной лодки и глядя на Северное сияние, у меня появилась на секунду в голове сумасбродная идея — улететь бы отсюда, как птица.

Тогда я испуганно отогнал эту мысль. А сейчас — улетал. И

не был первым. Передо мной это сделал булгаковский Мастер улетая из Москвы. Я испарялся, уходил в неизвестное. Мне было абсолютно всё равно, что меня ждёт.

Я наслаждался парением.

Глава 24
Хочу сказать…

Я хотел бы закончить эту часть книги анализом происшедших со мной событий на этом этапе моей жизни и понять, как это всё у меня получилось. Мне было важно дать отчёт об этом себе самому. Я часто задавался вопросом: как мне удалось разыграть игру с такими плохими начальными картами и выскочить из СССР? Согласно всем рациональным правилам известной мне игры, это не должно было случиться. Подумав и поразмыслив, я нашёл следующие объяснения:

1. Получение вызова объясняется моими полученными в армии навыками «выживать».

2. То, что Невский Морской завод, в лице Ткача, парторга и отдела кадров, дали мне уехать со второй формой секретности, можно объяснить лишь страхом перед наказанием, которое их всех ожидало. Они ведь предоставили мне полномочия, которые не имели права давать. По принципу: «Своя рубашка ближе к телу».

3. Тот факт, что служба на ПМ-130, связанная с атомными подводными лодками, не остановила моего выезда из СССР — я объясняю тем, что в моём армейском деле фигурировала только последняя воинская часть, то есть штрафная рота.

4. Рекомендация отдела кадров Мариинского театра выгнать меня из СССР объясняется правильно выбранной тактикой личной фронтальной атаки на совслужащих, у которых самих «рыльце в пушку».

5. Получение денег для необходимых выплат — это просто добрые сердца моих родственников в Израиле.

6. Подпись моей бывшей жены справки о моем выезде я отношу к страху перед Богом или перед сыном, или передо мной.

7. Решение компетентных органов избавиться от меня потихоньку и быстро, а не сажать в тюрьму, я объясняю тем, что они находились в плену своих ложных убеждений о силе и возможностях американского еврейства. Выбранная мною тактика была правильной. Это была удача, что я попал на работу в Мариинский театр.

А теперь, подумав и проанализировав всё, я прихожу к выводу, что мне здорово повезло.

Меня отправляли, почему-то через Германию (ГДР), а не через Румынию. Когда самолёт приземлился, меня вывели из самолета под охраной.

Привели в пустую комнату с кафельным полом и стенами. У двери, с наружной стороны, поставили охрану. Через час зашли несколько человек в форме и один в белом халате. Знаками приказали мне раздеться догола. Человек в белом халате долго смотрел мне в рот, а потом в задний проход. Что они там искали, я не знаю. Потом ушли, оставив меня раздетым. Через пару часов пришли опять. Повторили процедуру. Они держали меня там почти двое суток — без еды и в холоде. Я пробовал открыть двери. Там стоял немецкий солдат в форме ГДР с автоматом. Я попытался объясниться с ним по-английски, но он не понимал и не желал слушать.

Солдат грубо впихнул меня обратно в комнату. В конце концов, появился офицер, забрал меня, под конвоем отвёз и посадил на самолёт, улетающий в Вену. В Вене меня никто не встречал. Всё время крутились какие-то типы и уговаривали лететь в Америку. Я отказывался. Наконец, появился представитель Сохнута, извинился за опоздание и забрал меня в замок, где находились будущие израильтяне. Через два дня я уже был в Израиле.

...История с отцом закончилась неожиданно.

Произошло «обыкновенное чудо». Когда отца в очередной раз проверял глазной врач-профессор, он заметил, что «удар» произошёл только в одном глазу.

Второй глаз не функционировал до «удара». В нём застрял осколок снаряда. Выяснилось, что отец не видел одним глазом ещё с войны. Мама спросила у отца, почему он 34 года молчал о том, что ослеп на один глаз. Он ответил, что не хотел её волновать. Ответ был типичным для отца — человека с очень сильным характером. Он щадил мамины эмоции и не хотел её волновать. Профессор предложил отцу прооперировать глаз и вытащить осколок. Он высказал концепцию, что, возможно, из-за повреждения осколком, в момент повышения давления не функционировавший глаз был как бы заморожен и не подвергся влиянию повышенного кровяного давления. Получилось, что у отца был «запасной» глаз. Его прооперировали. Через несколько лет, когда отец приехал в Израиль, он был уже зрячим. Это был для меня самый лучший подарок.

Отец говорил мне, что, обычно еврейская интеллигенция — народ умный, но хлипкий. Что нам, еврейским интеллигентам, не хватает в нашей среде солдат, которые могли бы отстаивать и защищать нашу еврейскую честь и свободу с оружием в руках.

Папа говорил мне, что я один из немногих евреев-интеллигентов, рождённых быть солдатами. При этом он добавлял, что если бы я родился в Израиле, то обязательно стал

бы генералом. Не знаю, был ли он прав, но мне действительно пришлось служить в двух армиях, хотя и не стал генералом.

Мне всегда были ненавистны те, кто обижал слабых. Я ненавидел тех, кто вторгается и попирает личную свободу людей и их право на эту свободу. Это было то, что делала советская власть. Особенную ненависть у меня вызывали те, кто нёс эту сумасбродную доктрину.

В истории с моим выездом из СССР не было чудес. В ней — только холодный технический расчёт.

Я был беспощаден к моим врагам, не испытывая каких-то эмоций, ни угрызений совести.

Я честен, описывая свою жизнь. Ненавижу липкое чувство страха собственной неполноценности, когда какое-нибудь ничтожество ловит тебя на слове. Люблю дышать свободно и, не стесняясь, смотреть людям в глаза. В этом заключается, по-моему, человеческое счастье. Сегодня, наконец, я могу сказать, что счастлив.

Но, почему-то, я все еще хочу прочитать, что написала начальник отдела кадров Мариинского театра в моей характеристике...

Переломным моментом в моей жизни стал случай, рассказанный мне нашим соседом-милиционером. После войны в Ленинграде было большое количество инвалидов войны, лишённых обеих ног. Эти люди передвигались на маленьких деревянных тележках с подшипниками. Обычно они сидели на своих тележках в парках, на бульварах, толпились у пивных киосков.

Неожиданно они все исчезли.

Сосед как-то крепко выпил и на мой вопрос о судьбе этих инвалидов, он с горечью рассказал. Оказалось, что за одну неделю всех этих бедняг-инвалидов выловили, как бродячих собак, и отправили на остров Валаам. Сосед рассказал мне это под большим секретом. Он сам принимал в этом участие. Ему их тоже было жалко — сам фронтовик.

На мой вопрос, что было с ними дальше, он прослезился пьяными слезами и показал жестом, что их убили.

Я сначала не мог в это поверить, а потом услышал подтверждение ещё из нескольких источников. Говорят, что на это был приказ Сталина, что Сталин не хотел, чтобы такое свидетельство цены победы в Отечественной войне оставалось у всех на виду.

Потом вышел фильм по рассказу Ю. Нагибина, в котором была показана несколько иная версия. Но я поверил рассказу соседа, ибо это вписывалось в нравы эпохи.

Я постепенно возненавидел всех тех, кто олицетворял себя с этой системой, кто выполнял её приказы. Этим и объясняется моё необычное безжалостное отношение к представителям властей СССР. Я их не жалел, так как не видел в них людей. Видел, как безжалостно и жестоко они обращались с подобными себе. Всё это только потому, что они, прежде всего, любили себя в этой власти, относились с глубоким безразличием к чужим судьбам и, упивались чужими страданиями.

Не было, значит, ни у них, ни на них Б-га.

Часть третья
Страна обетованная
1976–2009

Землю, на которой ты лежишь,
тебе отдам ее и потомству твоему.
И будет потомство твое, как песок земной;
и распространишься на запад и на восток,
на север и на юг; и благословятся в тебе
и в потомстве твоем все племена земные.
И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде,
куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя
в землю эту, ибо Я не оставлю тебя,
доколе не сделаю того, что Я сказал тебе.
Брейшит, Ваеце. 14–16

Израиль — Это единственная страна, в которой уже взрывались иракские СКАДы, «катюши» из Ливана, самоубийцы из Газы, снаряды из Сирии, но все равно трехкомнатная квартира там стоит дороже, чем в Париже,

Это единственная страна, в которой порнозвезды спрашивают: «Ну, а что говорит по этому поводу твоя мама?»

Это единственная страна, в которой человек неряшливого вида, в растрепанной рубашке с пятном на рукаве — это министр, а сопровождающий его господин в элегантном костюме и галстуке — его шофер.

Это единственная страна, в которой дети покидают родительский дом в 18 лет, но в 28 по-прежнему живут там.

Это единственная страна, где можно узнать о

военном положении по тем песням, которые звучат по радио.

Это единственная страна, в которой без проблем можно раздобыть компьютерную программу управления космическим кораблем, но техника по вызову для ремонта стиральной машины надо ожидать неделю, и только тут существует единица измерения времени: «Я приду между одиннадцатью и шестью».

Это единственная страна, в которой на первом свидании парень спрашивает у девушки, в каких войсках она служила, и единственная страна, где выясняется, что ее боевой опыт богаче, чему него.

Это единственная страна, в которой с окончанием самого скорбного дня в году — Дня памяти павших — начинается самый радостный — День независимости.

Это единственная страна, в которой большинство ее жителей не в состоянии объяснить, почему они живут именно здесь, но у них есть тысяча объяснений, почему невозможно жить ни в одном другом месте.

Это единственная страна, в которой, если ты ненавидишь политиков, ненавидишь служащих, ненавидишь существующее положение, ненавидишь налоги, ненавидишь качество обслуживания и ненавидишь погоду — означает то, что ты любишь ее.

«Я другой такой страны не знаю, где...» никто не дает другому договорить фразу.

Автор неизвестен

Глава 25
Начало

Это — необычная страна. Много солнца. Очень тепло, несмотря на ноябрь. Люди разительно отличались от ленинградцев. Они были раскрепощённые, любопытные и доброжелательные. Задавали много вопросов, к которым я не привык, в том числе и довольно бесцеремонных. Разговаривая, размахивали руками, как будто им не хватало слов.

От непрекращающихся физических прикосновений, я чувствовал себя довольно неуютно. Однако это всё выглядело доброжелательно, хотя и странно. В первую очередь спросили, был ли у меня дома телевизор. Услышав мой ответ, что нет, они обрадовались и оживленно стали обсуждать эту тему на иврите. Потом, уже позднее, я понял, что таким образом израильтяне оценивали уровень существующей технологии в СССР. Я же не покупал телевизор, потому что не терпел пропаганды, кроме того, у меня не было свободного времени.

Меня поселили в Ашдодском Центре абсорбции «Канада». Ашдод ещё не был городом. Машины на улицах появлялись нечасто. Светофоров не было. Окружающее напоминало курортный городок. Средиземное море впечатляло. Девушки просто ошеломляли своей красотой. Такого количества женской красоты мне видеть ещё не приходилось. В каждом автобусе я видел не менее двух красавиц. С часу до пяти — «мёртвый час». Магазины закрыты. Людей на улицах не видно. В другое время, впрочем, город тоже казался наполовину спящим.

Центр абсорбции «Канада» являлся семейным общежитием. Мне выделили общий номер с лётчиком, выходцем из Румынии. Комната, примерно 6–7 квадратных метров, две койки и стол между ними. Общались мы с соседом по-английски.

Жили по-солдатски, уважая личное пространство друг друга. Через несколько дней после приезда мы с соседом решили посетить Хайфу. Много слышали об этом городе, но никогда не видели. Была пятница. Мы наскребли денег на автобусный билет туда и обратно. Планировали вернуться в тот же день.

Приехав в Хайфу днём, с удовольствием бродили по берегу около порта, вдыхая морской воздух. Стемнело. Народ стал исчезать с улиц, и мы отправились на автобусную станцию, чтобы вернуться домой. Автобусов не была Автостанция пуста. Встретив какого-то старика, стали спрашивать — а где автобусы? Он, с удивлением посмотрев на нас, сказал: «Шабат» — суббота. То, что

это суббота, знали и без него, а вот почему нет автобусов — не понимали. В конце концов, мы уразумели, что общественного транспорта нет и не будет ещё сутки до окончания субботы. Положение стало совершенно идиотским. Денег хватало только на обратный билет. И пошли мы бродить, голодные и уставшие, по улицам Хайфы. Стало совсем темно. На улицах уже никого не видно. Мы бродили одни.

Неожиданно увидели свет и открытую дверь.

Оказалось — полицейский участок. На наше счастье там сидел полицейский — грузин, говоривший по-русски.

Заметив, что тюремная камера для задержанных арестантов была пуста, я начал переговоры с полицейским на родном языке. Объяснив ему ситуацию, попросил впустить переночевать в камере для временно задержанных. Полицейский очень удивился просьбе, но, подумав, согласился. Мы завалились на тюремные койки. Полицейский по привычке стал задвигать решётчатую дверь. Мне пришлось ему напомнить, что мы добровольные узники. Он принял мои доводы и оставил дверь открытой. Утром этот же полицейский принёс нам по чашке хорошего кофе с булочкой. «За счёт израильской полиции», — сказал он.

Это был самый приятный и экзотический завтрак в моей жизни.

Так я узнал, что у евреев есть суббота, и транспорт по субботам не функционирует.

В первые месяцы жизнь моя в Израиле была очень интенсивной. Выполнение просьб друзей по борьбе занимало много времени.

МИД Израиля непрерывно приглашало меня на встречи с американскими сенаторами, политическими деятелями и журналистами. В то время я был один из первых и немногих «отказников», появившихся в Израиле.

Знание английского языка давало большие преимущества для этой работы. Кроме того, я никого и ничего не боялся, что позволяло говорить на любые «болезненные» темы. И делал всё, чтобы помочь моим друзьям и соратникам, оставшимся в СССР.

Американцы иногда казались очень наивными людьми, плохо понимающими, что происходит в Советском Союзе, хотя энтузиазма у них было много.

Мне организовали серию встреч с американскими сенаторами, на которых я дал им своё видение стратегии борьбы за советское еврейство. С моей точки зрения это было полезно. Практически каждый день интервьюировали для американского и европейского радио и телевидения. Надеюсь, что это было не зря. Народ в Центре абсорбции был очень разный и, я бы сказал,

довольно несчастный. В основном — это части разрозненных и разорванных семей.

Шестьдесят процентов из них — выходцы из СССР. Подавляющая часть этих людей позже уехала жить в США. Остальные, приехавшие из Западного мира, вернулись в страны исхода. Мой сосед через три месяца разочаровался в Израиле и вернулся в Румынию. У меня была подруга из Южной Африки, приехавшая в Израиль с мамой. Её звали Тина. Мы уже начали обсуждать вопросы совместного будущего. Но вскоре Тина с мамой, не сумев одолеть иврит, решили вернуться — обратно к семейному бизнесу. Я категорически отказался присоединиться.

Мы разошлись. Потом Тина несколько раз звонила из Южной Африки, уговаривая приехать, но я твёрдо решил остаться в Израиле.

Израильтяне, с которыми я столкнулся, были довольно странными, с моей точки зрения. С одной стороны — это мои герои Шестидневной войны, с другой — какие-то неустойчивые и алчные.

Директором Центра абсорбции поставили подполковника запаса. Жители Центра были в большинстве своём люди беспомощные: без языка, не имеющие средств к нормальному существованию и полностью зависящие от доброжелательности директора Центра абсорбции. В его функции входило кормить абсорбирующийся народ и в целом беспокоиться об этих несчастных людях. Подполковник-отставник был абсолютно чёрствым человеком, которого ничего в жизни не волновало, кроме своей любовницы-секретарши. Вёл себя высокомерно, считая свою новую должность оплатой за какие-то политические услуги оказанные им в прошлом.

Женщины просили меня с ним поговорить и объяснить директору их тяжёлое положение. Я несколько раз пытался это сделать, но натыкался на глухую стену. Директор считал, что мы в Центре абсорбции существуем для него, а не он для нас Я предупредил его, что приму меры. На что он продемонстрировал мне популярный израильский жест с выворачиванием ладони: «А ты кто такой!».

На этом и разошлись. На следующее утро мы с другом вынесли из кабинета его личные вещи и выставили их на крыльцо — за входную дверь. Я взял половую швабру и воткнул её в ручку двери, чтобы запереть вход в здание. На стекле повесил сообщение, что директору Центра здесь больше делать нечего, нам он не нужен — мы его увольняем, как не справившегося с обязанностями главного «абсорбщика» и пусть убирается восвояси. Через некоторое время появился наш герой. Прочитав

моё сообщение, он в ярости заорал, что сейчас вызовет полицию и арестует меня за хулиганство. Я ответил: «Вызывай полицию. А я приглашу журналистов и расскажу им, как ты целый день «трахаешь» свою секретаршу и вместе с ней поедаешь продукты, предназначенные для жителей Центра абсорбции. Несчастные новые репатрианты по твоей воле сидят голодными. Ничего полезного ты здесь не делаешь. И вообще — ты здесь никому не нужен... » Такой реакции даже я не ожидал. Подполковник израильской армии, ещё вчера с издевательством выворачивающий ладонь, провозглашая: «А ты кто такой!», повернулся и ушёл, не произнеся ни слова, без боя, как побитая собака. Я с ужасом поймал себя на мысли, что миф о героях израильтянах, создававшийся у меня годами, начал развеиваться.

Через две недели пришла женщина, ставшая новым директором Центра абсорбции. Наша жизнь стала входить в колею. Все несчастные и обманутые жители нашего общежития почему-то всегда выбирали меня в качестве защитника от «врагов». Однажды пришла ко мне в комнату пожилая женщина, учительница из Москвы. Сидя на стуле, расплакалась. Оказалось, что она заказала и заплатила последние деньги за холодильник и телевизор. Хозяин магазина, по причине банкротства (так он сказал), отказался доставить ей заказанный товар и денег не отдал.

Женщина осталась ни с чем. Она умоляла помочь. Я пошёл разбираться — кто прав, кто виноват. Придя в магазин, увидел разбитного мужчину средних лет с типичным израильским пузом. Полки и витрины буквально ломились от электротоваров.

Перед магазином стояла хозяйская машина — новый американский «бьюик». Хозяин принял меня радушно, как обычно принимают новых репатриантов перед тем, как их одурачить. Сидел он в коротких штанишках, из которых всё его «хозяйство» почти вываливалось из-под живота. Я спросил, каким образом, и на каких условиях можно приобрести холодильник и телевизор. Услышав это, хозяин магазина спел мне свою «лебединую песню» о любимых «олим хадашим» из России и особых для них условиях покупки. Я спросил относительно упорных слухов о его, якобы, банкротстве. Хозяин магазина с удовольствием объяснил всю свою технику объявления банкротства, чтобы избавиться от накопившихся налогов. Он добавил, что, мол, все так делают, записывая очередной бизнес на другого члена семьи. Хозяин объявил, что готов доставить мне требуемые предметы обихода — холодильник и телевизор. Я вытащил из кармана документы моей соседки и спросил: «А что же будет с этой женщиной?» Лицо хозяина магазина изменилось, и он, нахально посмотрев на меня,

сказал, что ничего ей не предоставит. Я ответил, что, в принципе, могу пойти и заявить на него властям, рассказав о его фальшивом банкротстве. Вот тут-то, впервые для меня, прозвучала сакраментальная израильская фраза: «Это будет твоё слово, против моего слова. Тебе всё равно никто не поверит». Я взял его за руку и «легонько» сжал. Он взвыл от боли. Тогда я сказал этому «выдающемуся юристу»: «А теперь послушай меня. Если до конца недели ты не привезёшь несчастной женщине холодильник и телевизор, я приду к тебе и сам лично отрежу ножом твои болтающиеся причиндалы. Потом дам их тебе в руки. Сможешь пойти с ними в суд, показать их судье и рассказать, что ты ограбил женщину, а я тебе за это отрезал яйца. Только имей в виду что там это тоже будет твоё слово против моего и там тебе тоже могут не поверить».

В конце недели моя соседка пришла с бутылкой вина поблагодарить за то, что я сумел убедить хозяина магазина. В подробности проведённой с ним «юридической» работы я её не посвятил.

Долгое время я не мог понять израильтян.

С одной стороны, больше мошенников и нахалов на душу населения, чем в Израиле, я нигде не наблюдал. С другой стороны, когда бывало плохо, когда нависала общая опасность, лучше и сплоченнее израильтян тоже не видел. Может быть, в этом и есть наша еврейская правда! Каждый приехал из другой страны, мы все разные, но нас объединяет эта Земля, желание выжить на этой Земле и построить свою жизнь именно здесь, в Израиле.

Первый раз я столкнулся с единством и величием Израиля, когда произошёл теракт с захватом автобуса на прибрежном шоссе Хайфа — Тель-Авив.

В это же время мы тоже ехали в автобусе по трассе и уже подъезжали к Тель-Авиву.

Я ещё плохо понимал иврит. Пассажиры приникли к портативным радиоприёмникам. Все они, как будто, породнились. Мне тут же растолковали, что происходит. Всем было важно, чтобы я тоже точно понял, что и в каком случае рекомендуется делать. Операция по ликвидации террористов ещё не была закончена. На улицах появилось много людей с оружием. И тут я увидел картину, которая навсегда осталась у меня в памяти. Посреди проезжей части дороги, на островке, разделяющем противоположные направления движения транспорта, сидел старик. Он сидел на стуле, принесённом из дома. На коленях у него лежал карабин. Его лицо меня поразило. Оно было спокойно и отражало полное согласие с самим собой.

Видно было, что старика никто не заставлял.

Он сидел посреди шоссе и охранял свой дом, свою землю, свою страну. Вокруг него с двух сторон проносились машины, а он спокойно сидел и никуда не спешил. На лице его было написано, что он точно знал, зачем это делает. Так его учили сначала в «Пальмахе» — подпольной еврейской армии — до провозглашения государства Израиль, а потом в израильской армии. Старик сам принял решение и был абсолютно уверен в необходимости своих действий.

Такого в другом конце мира даже произойти не могло.

Именно тогда я в первый раз по-настоящему понял, что не ошибся в своём решении приехать в Израиль и что Израиль — мой единственный Дом.

Глава 26
Первые шаги

Жизнь начала входить в нормальное русло.

Изучение иврита в ульпане отнимало много энергии. Как и в прошлом, я учился с удовольствием, понимая насколько это важно для меня. Денег было мало. Мне их особенно не хватало, так как я много тратил на «фотопропаганду». Каждую неделю посылал свои фотоснимки в Ленинград родителям и друзьям. Мне важно было убедить родителей выехать в Израиль как можно скорее. Израильская бюрократия — нелогична и несоизмерима с советской. Месячное пособие в те времена в банк не перечислялось. Мы неделями ждали, пока сотрудница Центра абсорбции поедет в Тель-Авив забрать месячный чек для каждого из нас. Чиновники министерства не перерабатывали. Точнее, они просто не работали. Приходили утром, отбивали учетную карточку прихода на работу и уходили на целый день по магазинам. В принципе, они не были плохими людьми, просто в Израиле в те времена, понятие «работа» для государственного служащего было понятием абстрактным. Однажды, после недельных обещаний привезти мне чек, голодный из-за отсутствия денег, я подошёл к нашей социальной работнице. Она была очень приятная и симпатичная женщина, правда, плохо понимающая, в какой ситуации мы находимся. Я ей вежливо сказал: «Вы очень приятный человек и мне нравитесь. Но вы меня морите голодом уже неделю. В моих карманах несколько дней нет ни копейки. Мне не на что покупать еду. Я хочу сегодня позвонить вашему мужу и напроситься к вам на обед. Знаю, что он хороший человек, мне не откажет». Она покраснела и извинилась. В тот же день я получил свой чек. На этом проволочки с чеками закончились.

Крутились около нас разные люди. Посещали странные политические деятели, убеждавшие в торжестве дела социализма и с пеной у рта доказывающие величие деяний Сталина для человечества. Все почему-то считали, что приехавшие из СССР только и мечтают о построении социализма и коммунизма в Израиле. Мне совали в руки красную книжицу и уговаривали вступить в партию, не понимая, что меня тошнит от одного только слова «партия». Я им всем вежливо предлагал уехать в Советский Союз, заняв моё место, вполне серьёзно объясняя, что СССР нуждается в атомной энергии. А добывать уран некому. Политических заключённых не хватает. Я объяснял, что им с

лёгкостью найдут место на урановых копях. Там теория настоящего социализма будет очень актуальна, да и настоящие борцы за социальную справедливость, в большинстве своём, находятся в этих местах. Моих предложений они не приняли, но отстали. Однажды приехали в наш Центр абсорбции киббуцники и пригласили на разговор. Очень заинтересовавшись моим образованием и опытом работы, они предложили пожить в киббуце пару недель. Я с благодарностью согласился.

Киббуц был огромным, одним из самых крупных в Израиле. При нём — большая фабрика по переработке древесины. Вот на ней и хотели меня задействовать. Я с удовольствием согласился. Проблема киббуца заключалась в отсутствии квалифицированных инженеров. Главным инженером фабрики назначили молодого киббуцника, который учился на втором курсе института. Я стал ему помогать во всём, в том числе и в выполнении его курсовых работ. Конечно, юноша был слабоват для занимаемой должности; но зато он был свой — киббуцный. На фабрике работало много наёмных работников, которые трудились намного больше и интенсивнее.

Жизнь в киббуце была похожа на сказку. Прежде всего, меня познакомили с очень красивой русскоязычной девушкой, назначенной моим «апотропусом» (куратором). Звали её Софья, она играла на скрипке в межкиббуцном оркестре. Девушка с удовольствием согласилась быть моим добрым ангелом и в тот же вечер переехала ко мне жить, чтобы более детально ознакомить со всеми преимуществами киббуца. Жизнь здесь полностью отвечала коммунистическому принципу: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Каждый штатный член киббуца (а были и нештатные — так называемые «кандидаты») занимался тем, чем хотел. Если человек любил фотодело, то занимался фотографией для киббуца. Если любил машины — работал в гараже. Если любил фабрику, то работал на фабрике и выполнял ту работу, которую любил. Были те, которые профессионально любили женщин — эти качества тоже находили себе применение. Я вставал утром, часов в восемь. Шёл на фабрику. Поработав часик, возвращался на завтрак. После завтрака, отработав ещё часик, посещал парикмахерскую. (Очередь была заказана заранее). В два часа заканчивался рабочий день, и я отправлялся в горячий соляной бассейн. Уставший после соляного бассейна, тут же заваливался спать в комнате отдыха.

Вечером появлялась Софья. В полной темноте, при свете раскалённой печки, Софья играла на скрипке Паганини. Она стояла нагая, освещаемая красным бегающим светом, исходящим

от нашей печки, и вдохновенно двигала смычком. Признаюсь честно, что меня на этот сюрреализм хватало ненадолго. Звук скрипки обрывался, и мы переходили в другой мир, наполненный другими эмоциями.

Таковы мои киббуцные воспоминания. Бытовых проблем не существовало. Утром я складывал грязную одежду около моего вагончика в корзинку, вечером в корзинке лежало чистое бельё. В магазине можно было приобрести рубашку и записать этот факт на свой счёт. Денег для покупки не требовалось. Деньги вдруг стали понятием абстрактным и ненужным.

Можно было запастись продуктами из столовой, чтобы вечером не ходить ужинать со всеми. Короче говоря, это было то, о чём мечтали коммунисты-идеалисты.

Я любил разговаривать со стариками-киббуцниками. Многие из них говорили по-русски происходили из наших краёв. Они рассказывали о становлении киббуцов, о своей жизни и борьбе.

Оглядываясь по сторонам, не слышит ли кто, они вполголоса рассказывали о половой жизни в киббуце. По их словам, не всегда было ясно, у кого и от кого чей ребёнок. Да это и не имело прикладного значения, так как дети находились на иждивении киббуца со дня рождения. Сексуальная жизнь была создана Богом для удовольствия, чем киббуцники и пользовались в меру своих физиологических возможностей. Короче говоря, развлекались, почти как кролики.

Через пару недель я оставил киббуц и вернулся обратно в Ашдод. Причин, по которым не остался в киббуце, несмотря на уговоры, было несколько:

Киббуцный образ жизни противоречил моей натуре. Всё было на виду, о тебе всё знали. Почти всегда интимная информация становилась известна окружающим. Это однозначно указывало на слежку «старшего брата». Когда я делал замечания, передо мной извинялись, но потом опять принимались за свое

При обсуждении моей будущей возможной работы на фабрике должность главного инженера для меня была отвергнута сразу. Мне объяснили, что юноша, которого я готовил, получит эту должность, как имеющий корни в киббуце. Мне, по их же признанию, хоть и более подходящему, это не «светило». Я образно объяснил киббуцникам, что в другом мире это называется дискриминацией.

Скрипачка Софья проговорилась, что её приставили ко мне с целью склонить меня к вступлению в киббуц. Это было условием для ее принятия. Оказалось, что около пятнадцати женщин-одиночек состояли кандидатками для приёма в киббуц. Одиноких женщин принимать не хотели.

После отъезда из киббуца я сформулировал для себя, что жизнь там похожа на «жизнь в тюрьме с цветочками на окнах».

Вернувшись в Ашдод узнал, что жить стало негде, так как кому-то срочно потребовалась моя комната. Поэтому мне выделили маленькую «амигуровскую» квартиру. Как было сказано, в знак уважения к моим сионистским страданиям. В те времена это было несложно. Целые кварталы в городе стояли незаселёнными — не было «алии», массового приезда новых репатриантов...

Я начал искать работу. Прежде всего, назначил встречу и поехал в Хайфу на «Маспинот Исраэль» — «Израильские верфи». Это было первое и самое естественное место работы, куда я мог обратиться.

По приезде туда показал свои дипломы и рассказал немного о себе. Меня выслушали, попросив сначала составить мнение о заводе. Для этой цели повели знакомиться с ним. Завод произвёл на меня тяжёлое впечатление. Судостроение в Израиле отставало лет на 30–35 от ленинградских верфей. Всё примитивно, грязно и нетехнологично — прошлый век. С другой стороны, мне стало приятно — именно здесь могу быть полезен родине. У меня не оставалось никаких сомнений, что я попал именно «в нужное место и в нужное время!», туда, где необходим. За несколько лет этот завод можно было поднять до современного уровня. Я очень соскучился по верфи и кораблям. Во время осмотра в голове зрел план по восстановлению и развитию этого завода.

Почувствовал себя как рыба в воде. Всю свою жизнь я жил и дышал кораблями, и вот, наконец, моя мечта сбывалась. В своей еврейской стране можно будет строить свои еврейские корабли, лучшие в мире. После осмотра верфи меня пригласили в кабинет, где попросили изложить моё профессиональное мнение. Я сделал подробный анализ того, что видел. Подчеркнул слабые и сильные стороны завода. Это были, в основном, слабые стороны. Сильной стороной являлся израильский климат, с полным отсутствием суровой зимы и снега, что давало возможность работать на верфи круглый год. Мой доклад включал подробную программу действий. Уверенный, что завтра выхожу на работу, я даже не стал спрашивать о зарплате. Честно говоря, был готов работать даже бесплатно.

Их было трое — главный инженер, директор и ещё кто-то.

По мере того, как я говорил, лица их почему-то серели. По окончании моего доклада директор сказал, что такого профессионала в судостроении, как я, они ещё не встречали. Я тут же заметил, что, несмотря на директорские комплименты относительно моего профессионализма, не требую особой

зарплаты и готов довольствоваться минимумом. Они ещё больше посерели, а потом директор сказал, что они меня, к сожалению, взять не смогут по причине слишком высокой квалификации. (Overqualified). Я потерял дар речи. В жизни мне приходилось видеть и слышать много, но такой глупости даже в СССР ещё никто не придумал.

По дороге я заехал в Ашдодский порт, где попросился работать грузчиком. Надо же было как-то зарабатывать на хлеб. Там мне тоже отказали по причине, что инженера, члена профсоюза инженеров, не имеют права использовать не по специальности. То есть, опять отказали по причине слишком высокой квалификации. Я «взорвался». Приехав домой, написал письмо единственному человеку, чей адрес не надо было выяснять — Президенту. Я написал его по-русски, чтобы избежать так любимых здесь, в Израиле, еврейских толкований. Сначала изложил историю с Хайфскими верфями и Ашдодским портом, а потом закончил так: «Если такой человек, как я, Леонид Токарский, 32-х лет, с прекрасным образованием и здоровьем, готовый жить в любом месте Израиля, не находит себе места, то ваше государство построено не так, как надо! Если я, Леонид Токарский, не могу устроиться на работу по причине слишком высокой для Израиля квалификации, и ваши идиоты заявляют мне это в глаза, то кому вы все тут нужны? Кому нужен ваш Израиль? Кому нужны вы, господин Президент? Может быть, мы с ребятами соберёмся и создадим своё еврейское государство, если Вы не сумели это сделать так, как надо?!»

Я тут же отправил письмо. Настроение было препротивным. Денег нет. Кушать нечего. Зайдя в банк проверить свой счёт, я встал в очередь. Стояло человек шесть. Впереди меня была молодая женщина на последних месяцах беременности. Перед ней находились ещё какие-то женщины. Я стоял и думал о том, что же мне дальше делать. Насколько мне известно, в Израиле было лишь одно место, где можно найти работу по специальности. Туда меня брать не хотели. Неожиданно я почувствовал удар в спину. Какой-то молодой парень, распихивая всех, лез вперёд к кассе. Беременную женщину он двинул в живот, и она вскрикнула. Я схватил его за ворот, потянул на себя и спросил, что ему надо. Он начал кричать «Марокко — нож, нож — Марокко» и ещё чего-то, чего я не понял. Женщины стали шарахаться в испуге. Я опять развернул его к себе, ещё раз спросив, что ему, собственно, надо. Он стал делать движения и жесты, которые, по его мнению, должны были меня напутать. Я довольно грубо выкинул его из очереди. Он бросился ко мне, размахивая руками и пытаясь ударить. Я уклонился, подставив

вместо правый кулак. Парень напоролся на него с такой силой, что упал, потеряв сознание и прикусив язык. Он лежал секунды четыре. Потом встали, пошатываясь, молча пошёл к выходу. Стоявшие вокруг неожиданно стали хлопать в ладоши. Я шутовски раскланялся. Ко мне подошла пожилая женщина и растроганно на ломанном русском языке сказала: «Вот вас, русских, мы и ждали здесь в Израиле». Женщина была похожа на мою маму. Мы разговорились, я рассказал ей, что безуспешно ищу работу. Женщина дала мне свой телефон и попросила позвонить на следующей неделе. Когда я позвонил ей через неделю, она дала мне номер телефона в администрации Концерна Авиационной Промышленности и сказала, что там сейчас ищут хороших инженеров. Я позвонил по указанному номеру, мне назначили встречу. Принял человек среднего возраста в очках. Я объяснил, что умею делать, и показал свои дипломы. Он спросил: «Вы шпангоуты на прочность рассчитывать умеете?» Мой ответ: «Вообще-то я — механик, это другая специальность, но шпангоуты на прочность рассчитать могу. У меня приличное общетехническое образование». — «Вы, в самом деле, умеете рассчитывать шпангоуты?» — «Да, умею».

Он выскочил из кабинета. Принёс эскиз, сказав: «Считайте!»

Я посчитал. Он очень удивлённо посмотрел на меня и попросил немедленно выходить на работу.

Так я начал трудиться в Авиационной Промышленности Израиля.

Через пару месяцев после этого я получил официальное правительственное письмо с приглашением на встречу. Было абсолютно неясно, что это такое и чего от меня хотят. На письме стояла пометка, что встреча эта — государственной важности; и я обязан приехать любой ценой. Получив день отпуска на новой работе, я поехал. Место находилось недалеко от Хайфы. Приехав, я увидел высокие заборы с колючей проволокой, двойные ворота и много охраны. После долгого процесса выяснения личности меня пригласили в кабинет.

Напротив сидело три человека. Они начали спрашивать доброжелательно, но строго. Поначалу я пытался понять: что они от меня хотят? Но ответа не получил. Мне устроили экзамен по теоретической механике, затем по прочности, потом автоматике и, наконец, по гидравлике. Попросили вывести формулу Бернулли — это была «лебединая песня» любого гидравлика. Я эту песню с удовольствием спел, даже в собственном исполнении. У меня были выведены свои вариации этой формулы. В голове всё время мельтешили мысли, что может меня хотят пристроить куда-нибудь для выполнения особых правительственных заданий

по гидравлике? Может в Мосаде понадобились гидравлики?! Я закончил выводить формулы. Лица моих экзаменаторов просветлели. Наконец, они заговорили. Они сразу предложили мне стать начальником отдела гидравлики Израильской Военной Промышленности. Предоставляли мне квартиру в Хайфе. Готовы были перевезти мои вещи из Ашдода. Обещали «золотые горы». Отказов не принимали. Я долго объяснял им, что уже работаю в Авиационной Промышленности. Хотя это и не мой профессиональный профиль, но мне нравится. И вообще, у меня есть квартира в Ашдоде, есть друзья и я не намерен сейчас переезжать в Хайфу. Отказы не воспринимались. Тут один из них случайно двинул локтем, и на пол упало... моё письмо Президенту Израиля. К письму был приколот перевод на иврит моих проклятий. Теперь всё стало на свои места. Я рассмеялся и сказал, что хватит дурака валять. Никуда, мол, не поеду и — спасибо за внимание. Они ещё пытались меня убедить. Пригласили на обед. Жаловались, что попали в дурацкое положение с Президентом Израиля и долго ещё не хотели меня отпускать.

А я, друзья мои, сделал для себя важный вывод, что государство Израиль — великолепная страна, только надо уметь писать откровенные письма Президенту!

Глава 27
Авиация: начало

Государственный концерн «Израильская Авиационная Промышленность», переименованный позже в Концерн «Израильская Аэрокосмическая Промышленность», был основан в 1953 году, как небольшой авиационно-ремонтный ангар. В середине 80-х годов он представлял собой уже 16 разнопрофильных заводов находящихся в Израиле и нескольких за рубежом. Были годы, когда в нем работало свыше 23 000 человек. Концерн является самым большим экспортёром Израиля. Его продукция включает в себя: боевые и гражданские самолёты, корабли, космические спутники, ракеты, беспилотные самолёты и многочисленные виды авиационного оборудования и многое другое. Всего более тысячи наименований и видов промышленных изделий производит ныне Концерн, так я буду именовать его далее.

А в начале 70-х годов авиационное КБ было небольшим, ориентированным в двух направлениях.

По военным самолётам это — «Кфир», «внебрачный» сын французского «Миража». В направлении гражданских самолётов — «законнорожденный» сын «Джеткомандер», ставший позже «Вествиндом».

Израиль прошёл процесс становления и развития промышленности, в том числе и авиационной, своим, необычным путём. Два главных фактора сыграли решающую роль в превращении пустыни в высокотехнологичное государство. Оба эти фактора — человеческие. Во-первых, в Израиле вовремя появлялись умные и дальновидные лидеры, умевшие предвидеть и направлять в нужное русло развитие государства. Во-вторых, в «волнах алии» (новых репатриантах), очень патриотичной, но в большинстве своей, технически неграмотной, находились достаточно образованные и талантливые люди. Они появлялись в нужный момент и брали на себя функции практического руководства строительством и управлением необходимых новому государству промышленных систем.

Историческая картина представляется следующим образом:

Ещё 120 лет тому назад в Палестине проживала небольшая религиозная община, не сыгравшая практической роли в индустриализации Израиля. Первые волны «алии» появились из маленьких еврейских местечек с высокой мотивацией, но без фундаментального образования. Техническое образование не

было их целью. Основной задачей перед собой они ставили освоение пустынных земель и развитие сельского хозяйства.

В начале Второй мировой войны появилась интеллектуальная волна беженцев из фашистской Германии. Они опередили время. Государства Израиль ещё не было. Вопрос о создании промышленности ещё не стоял. Их появление было «холостым выстрелом», с точки зрения создания тяжёлой промышленности. Поток беженцев, переживших нацистские концлагеря, привёл в Израиль сотни тысяч молодых людей — очень патриотичных и становившихся хорошими бойцами. Но среди них практически не было технически образованных людей. Нацисты уничтожали еврейскую интеллигенцию в первую очередь. Выжили только физически сильные дети и подростки, у многих из которых не было даже элементарного образования. Да это и понятно. В нацистских концлагерях они боролись за свою жизнь и в школы не ходили. Первые годы становления Израиля наполнены борьбой за физическое выживание государства. Надо было создать боеспособную армию и выжить в борьбе за новое поднимающееся государство.

В конце 60-х—начале 70-х годов началось построение индустриального фундамента страны. Важнейшей инженерной движущей силой явились новые репатрианты из СССР начала 70-х годов. Именно эта волна привела в Израиль большинство профессиональных промышленных инженеров.

Я горжусь тем, что мне посчастливилось быть одним из создателей Авиационной Промышленности Израиля. Говорят, что авиаконструктору редко удаётся принять участие и завершить полностью один проект. Мне повезло. Я принял участие в создании и проектировании нескольких израильских самолётов: «Кфир», «WW1124», «WW1124A», «Астра» — позднее, получившего название «Gulfstream G150». Были и ещё проекты, о которых пока не пришло время упоминать. Моим главным личным достижением считаю руководство группой проектирования самолёта «Лави», первого израильского истребителя, полностью спроектированного и построенного израильскими инженерами. Создание его доказало всему миру, что мы — израильтяне — с нашими мизерными средствами и ограниченными возможностями способны создать лучший в мире истребитель, не обладая авиационными традициями и не имея таких школ, как КБ Туполева, Яковлева, Микояна, Гуревича, Сухого, не говоря уже о западных школах.

Лично для меня это было очень важной вехой на жизненном пути, пройденным мной. От Николая Гавриловича, ломавшего нашу дверь, «чтоб жидовке глаза выколоть». Затем, через

Гремиху, через атомные реакторы, через штрафную роту, через Мариинский театр и до создания истребителя «Лави».

С гордостью хочу отметить, что мои товарищи и друзья из военной, кораблестроительной, двигательной, электрической и других отраслей израильской промышленности, также не посрамили нашу общую страну исхода и наш израильский народ.

В начале 70-х годов генеральный директор зарождавшейся Авиационной Промышленности Израиля Аль Швимер выкупил по дешёвке у фирмы «Роквел», спроектированный ею самолёт типа «Джеткомандер». Это был небольшой самолёт для частного пользования, рассчитанный на 5–6 пассажиров и двух лётчиков. Вместе с документацией Аль Швимер привёз с собой большое количество запчастей, готовых секций самолёта и агрегатов. Идея заключалась в том, чтобы научиться по этой модели серийно производить самолёты. Затем, путём постепенного модифицирования, положить начало созданию самолётостроительной промышленности Израиля. Это было гениальное решение. В те времена идеология продажи и модификации самолётов в мире работала по следующей схеме.

Компания, проектирующая и серийно производящая самолёт, продавала его заказчику в серийной «зелёной» конфигурации. Заказчик затем перегонял машину на более мелкую специализированную фирму, где делали интерьер по выбору, меняли системы и проектировали различные модификации по его просьбе. Это устраивало обе стороны. Компания, серийно производящая самолёты, могла безбоязненно «клепать» их на конвейере. Не было сложной логистики. Не создавалась путаница на конвейере. Работа была спокойная, не требующая вмешательства «человеческого фактора». Правда, рынок требовал каждые несколько лет выходить с самолётами улучшенной или, хотя бы изменённой, по отношению к прошлым моделям, конфигурацией. Было принято, что компания-производитель самолёта финансировала эти изменения из своего кармана.

Нам — израильтянам — надо было решить две специфические и принципиальные проблемы. Во-первых, найти способ успешной конкуренции на западном рынке, изобрести свой, приемлемый только для нас, путь. Во-вторых, изыскать возможность финансирования модификаций самолёта для его рыночного обновления.

Проблемы со сложной логистикой и «человеческим фактором» у израильтян практически нет. Одной из специфических особенностей, характеризующих моих собратьев, является превосходное качество функционирования в нестандартных условиях, под давлением факторов времени,

неопределённости и сложной логистики.

Взяв это в расчёт, было решено объединить серийное производство самолётов с переоборудованием их по требованиям заказчиков (customizing). Покупатель заказывал изготовление и технические изменения своего самолёта в одном месте. Финансирование требуемой модификации производилось заказчиком одновременно с покупкой стандартного самолёта.

Заказчик получал его уже со всеми изменениями. Через некоторое время после передачи самолёта покупателю, сделанное изменение входило уже в стандартный комплект оборудования, устанавливаемого на самолёте следующей модели.

Например, заказчик заказал специальное багажное отделение для перевозки своих личных лыж или оплатил проектирование и установку дополнительного топливного бака для увеличения дальности полёта. Эти задачи выполнялись в рамках личной модификации, а затем, по согласованию с хозяином самолёта, становились собственностью нашего Концерна.

В процессе работы выяснялось, что заказчик, путём удовлетворения своих личных потребностей, выводил нас на уровень наиболее насущных потребностей рынка. Конкурентоспособность самолёта стала непрерывно улучшаться с увеличением его продаж. Техническим выполнением этих задач занимался специальный проектировочный отдел — «кастомайзинг», куда я и попал.

Еще одна национальная черта — принимать на себя ответственность за выполнение работ, когда этого требует ситуация и предписывается государственной необходимостью, вне зависимости от собственной квалификации.

Явление это, безусловно, положительное и очень израильское. Как я уже упоминал, человеческие профессиональные ресурсы в государстве были ограничены. Профессионалов в новой, только-только создающейся промышленности было недостаточно. Люди брались за дело без соответствующей профессиональной подготовки только потому, что это было надо и что других людей в этот момент нет.

Механик по обслуживанию самолётов становился начальником производства. Техник — главным инженером. В период становления промышленности это было положительным явлением. Но потом, постепенно, переросло в тормоз прогресса. Люди, выполняющие определённые производственные функции, в силу того, что появились на заводе раньше и оказались там первыми, зачастую не давали появившимся позже профессионалам себя заменить.

Концерн «Израильская Авиационная Промышленность» во

время моего поступления на работу переживал период, названный «румынским». В конструкторском бюро работников было мало и 90% из них составляли евреи из Румынии, приехавшие в 60-х годах. Их называли «корабельными инженерами»: они заявляли, что потеряли свои дипломы на корабле, когда ехали в Израиль. Большинство из них инженерами не были, в лучшем случае — техниками. Но все они подписывали друг другу свидетельские справки об окончании институтов. Один мой приятель, как-то сидя в заводской столовой, задумчиво сказал мне: «Я-то Илану справку подписал, но по моим расчётам, когда он окончил институт, ему, получается, было 17 лет». Те из них, которые и были инженерами, не заканчивали серьёзных, подходящих по профилю, институтов. Большинство приехавших из Румынии евреев поколения тех лет английского языка не знали, ивритом владели плохо, поэтому всю техническую документацию писали по-румынски.

Профессиональная справочная литература, лежавшая на столах у специалистов была, в основном, на русском языке. Наибольшей популярностью пользовались учебники Киевского и Рижского институтов гражданской авиации.

На первых порах меня прикрепили к молодому чертёжнику по фамилии Беркович. В его функции входило ввести меня курс дела. Беркович сам занимался элементарной чертёжной работой и часть её давал мне. Со мной говорил скороговоркой. Я плохо знал иврит, с трудом понимал отдельные слова, зачастую только догадываясь, что он хотел мне сказать. Игнорируя мои просьбы говорить медленнее и повторять. Он всячески демонстрировал, свое превосходство и открытую неприязнь. До сих пор непонятно, почему Беркович считал себя крупным специалистом в авиации, хотя его формальное образование — чертёжник — соответствовало восьми классам советской школы.

В конструкторском отделе было принято проверять чертежи друг у друга перед выпуском в производство. Однажды мне дали его чертёж на проверку. Я проверил его, пометил несколько типовых ошибок и вернул ему на исправление. Это было обычной практикой. Конструктор, работая над чертежом, привыкает к нему и перестаёт замечать свои ошибки. Неожиданно появился Беркович и без предисловия набросился на меня с проклятиями. Речь шла о том, как я осмелился поправлять его! Наш общий сосед объяснил Берковичу по-румынски, в чём состоят его ошибки. На этом инцидент, как мне казалось, был исчерпан.

Я считал, что скоро эта стадия моей чертёжной «абсорбции» закончится, и начнётся настоящая работа. Прошло два месяца. Неожиданно меня вызвал наш начальник Вольф. Во время войны

он служил несколько лет в Советской армии механиком на самолётах и говорил по-русски. Он встретил меня словами:

— Леонид, ты хороший парень, но что с тобой делать?

Я с удивлением спросил его:

— А что со мной надо делать?

— Тебя надо увольнять. Ты абсолютно ничего не знаешь. У тебя, наверное, подделанный диплом.

— Кто сказал?

— Беркович! Он приходит ко мне почти каждый день уже два месяца и говорит, что тебя надо выгонять за неграмотность! Я хочу ставить вопрос о твоём увольнении! Что можешь сказать по этому поводу?

Я почувствовал, что объяснять что-нибудь бесполезно. Видимо это и была та «корабельная мафиям, о которой все шепчутся, и которой я, очевидно, попал «на зуб». У меня пронеслось в голове: «Что Вольф, дурак, что ли! Он отдаёт меня в руки чертёжника с незаконченным средним образованием для оценки моей технической грамотности и образования! Вольф-то должен знать особенности характера своего соотечественника! Для чего нужно было ждать два месяца! Можно вызвать меня и через два дня, чтобы разобраться. Есть в этой истории какие-то неизвестные, которых я не знаю. Надо что-то делать. Оправдываться бесполезно. Ситуация абсурдная. Только этого мне и не хватало в моём сегодняшнем положении!» Подумав, я сделал «ход конём» и сказал Вольфу, что моя единственная проблема — это незнание иврита. (По этой причине, насколько я знал, не увольняют!) Сообщив Вольфу, (к его полной неожиданности!), что владею английским языком, попросил перевести меня в группу англичан, формально находящихся в его подчинении. Вольф не мог отказать. Причина была логичная, и он перевёл меня в другую группу.

Прошло всего несколько лет. Колесо истории развернулось, и многие из тех, кто были моими начальниками, работали уже под моим руководством, в том числе и этот Беркович. Однажды он записался ко мне на приём по личному делу. Я принял его, но сразу сказал: «Хоть ты, Беркович, — подлец, но мстить тебе не буду. Тем не менее, видеть тебя в моём кабинете больше не хочу». Это был мой последний разговор с ним.

Группа англичан-проектировщиков работала в отдельном помещении. Их было человек двадцать. Возглавлял группу американец Чак Воткинс, один из самых серьёзных инженеров, которых мне приходилось встречать.

Чак был женат на израильтянке и любил Израиль. На некоторое время он выезжал в США по приглашению с NASA

участвовать в проектировании лунохода. Все англичане, составляющие группу, были авиационными специалистами с большим опытом. Они-то и занимались «кастомайзингом», то есть «перекраиванием» самолёта по требованиям заказчиков. Израильских профессионалов такого масштаба тогда не было, поэтому задействовали иностранных специалистов. Им платили за работу большие деньги в валюте. Среди них были Норманн Саммерфильд, специалист международного класса, ставший вскоре моим личным другом. Норманн работал со мной, позже и на «Лави». Чак и Норманн стали моими новыми советниками и учителями. В группе было несколько молодых израильтян, в основном техников, знающих английский. Они были «на подхвате». Когда я появился, англичане сбежались посмотреть на меня. Они говорили, что первый раз в жизни видят «живого русского инженера». Мы быстро подружились. Потом начались расспросы об СССР, о жизни и о советской технике. Работая с англичанами, я постепенно понимал разницу инженерных концепций «Запада» и «Востока».

Однажды я заметил, что Чак занервничал. Он начал усиленно дымить своей знаменитой трубкой. Наши столы находились напротив, мне хорошо было видно выражение его лица. Чак начал вытаскивать из шкафа каталоги, один за другим, и раздражённо бросать их на стол. Я сочувственно спросил его, что случилось. Чак ответил — ему нужен болт определённой прочности, которого нет в стандартных каталогах. Уточнив, что мне непонятна его проблема, я предложил ему рассчитать болт на требуемую нагрузку. Он удивлённо спросил меня: «А что, ты болты считать умеешь? ». Я не понял его удивления. Рассчитывать болт на прочность в Советском Союзе мог каждый студент четвёртого курса. Что в этом было необычного?

Первая базовая концепция обучения в Союзе состояла в том, что инженер должен знать «понемногу обо всём, и всё — о чём-то». После приобретения общетехнических знаний, студент сосредотачивался на собственной специализации в определённой области. Это похоже с системой обучения врачей на Западе. Она дороже, но позволяла подготовить инженера широкого профиля. После получения базовой основы знаний, студент мог с легкостью специализироваться в любом выбранном им направлении. Это вызвано не любовью и заботой о будущем самого индивидуума, а объективной необходимостью.

Детальной специализации производства на российских заводах не существовало. Только специализация по общему профилю. Заводы разделялись по главным видам продукции: станочные, кораблестроительные, самолётостроительные и так

далее. Внутри каждого предприятия организовывались большие станочные цехи, изготовляющие стандартные изделия, включающие крепёж, литьё и прочее.

Существовали стандарты на эти изделия, ГОСТы и ОСТы. Они содержали в себе чертежи и требуемые технические характеристики элементов, а также всю необходимую информацию для их изготовления. Каждый завод изготавливал стандартный крепёж автономно, для себя.

Возможность заказать требуемые стандартные болты по стандартному каталогу, как это принято на Западе, не существовала. Для изготовления стандартного болта в СССР выпускался внутризаводской чертёж, сделанный в соответствии с существующим государственным стандартом.

Работать в такой системе могли инженеры, умеющие делать практически всё. Мы все и были такими. Подготовка советского инженера была долгой и разнообразной. Во-первых, каждый инженер и техник получали навыки работы на всех видах металлообрабатывающих станков. На следующем этапе, мы, например, как инженеры по корабельным двигателям, учились работать на каждом из имеющихся на советских кораблях двигателях и механизмах. Для этого в Кораблестроительном институте имелись огромные лаборатории, похожие скорее на заводы. Студенты сдавали зачёты по практической работе на каждом станке, механизме и двигателе. Инженер, окончивший Кораблестроительный институт, мог с одинаковым успехом стать и учёным, и руководителем производства, и проектировщиком, и моряком.

Вторая базовая концепция обучения в Советском Союзе строилась на идее, что нет необходимости создавать всё самим. Пусть этот наивный «Запад» ломает голову и тратит денежные средства. Бытовал принцип: «Всё можно достать и скопировать». Считалось, что ни к чему тратить свои собственные средства на исследования, которые уже кто-то проводит» Этот принцип породил своеобразный метод обучения инженеров и техников в СССР. Советский метод заключался в умении копировать добытое оборудование и создавать его работающий дубликат. Иногда он оказывался лучше оригинала, но при профессиональном творческом копировании. На самом деле скопировать прибор или механизм так, чтобы он работал, это техническое искусство и довольно непростое. В качестве дипломного проекта в техникуме мне предложили сделать «reverse engineering» — обратное проектирование гидротормоза, используемого немецкими подводными лодками на испытаниях во время Второй мировой войны. Это было талантливое изобретение немецких инженеров

для проведения ходовых испытаний подводной лодки, не выходя в море. Такой механизм позволял проводить испытания работающих на полную мощность двигателей лодки пришвартованной к пирсу, избежав эффекта размывания береговой дамбы. Мне положили эту огромную штуковину на стол. Для выполнения полного цикла «reverse engineering» надо было разобрать гидротормоз; снять точные размеры всех его элементов. Потом выполнить рабочие чертежи. В конце процесса — восстановить прочностные расчёты и получить исходные нагрузки.

Конечно, в Советском Союзе были разные институты и разного уровня. Существовали профильные вузы, создаваемые, например, в текстильных городках. Там уровень обучения приближался к техникуму и даже сроки обучения намного короче. Дипломы же в СССР имели одинаковую форму и напечатаны были на одном и том же картоне. Разницу в качестве образования определяли по названию института, месту его расположения и сроку обучения.

Западная система обучения построена на принципе «минимум затрат — максимум эффективности на затраченный доллар». Там инженеры являются, по моим понятиям, скорее интеграторами. Они знают, где получить информацию, по какому каталогу выбрать и по какому телефону заказать стандартные изделия. Существуют фирмы, специализирующиеся в одном направлении. В них работают узкие специалисты. Например, есть всего несколько профессионалов в мире, специализирующихся по проектированию, изготовлению и сертификации авиационных болтов.

Проектировщики общего направления работают по принципу «Лего», как в детской игре. Даже конструкторские решения стандартизированы и изложены в соответствующих каталогах и инструкциях. Конечно, есть случаи, требующие нестандартного решения, но таковых несравненно меньше. Не обижая моих коллег, моих друзей и самого себя, сегодня я могу сказать, что наши «западные» трудности не шли ни в какое сравнение с техническими трудностями, стоявшими перед советским инженером, который из «ничего» должен был спроектировать работающий механизм.

Очевидно, что механизм, состоящий из доведённых до совершенства стандартных изделий, был намного дешевле, качественнее и конкурентоспособнее. Поэтому, «западный» результат всегда был лучше и дешевле. Всё это не являлось следствием преобладающего качества инженеров, это результат более эффективной организации труда.

Между прочим, профессиональные секреты некоторых западных специалистов, зачастую сводились только к знанию номеров каталогов, где находилась требуемая информация. Первое, что я в своё время сделал, став руководителем, это «рассекретил» такого рода информацию. Я сделал её обязательной и открытой для всех конструкторов и руководителей конструкторских групп, то есть, «Public domain» — общественное достояние. Это, во-первых, намного облегчило работу моих конструкторов. Во-вторых, разделило иностранных специалистов на две группы: истинных профессионалов и коллекционеров информации.

В целом, исходя из моего последующего опыта работы и знакомства с инженерами, получившими образование на Западе, я с полной уверенностью могу сказать сегодня, что советское инженерное образование было качественнее и солиднее. На Западе инженера «учили учиться» и давали общее направление поисков необходимой для достижения цели информации. С другой стороны, ориентация западного инженера всегда была направлена в сторону экономическую. То есть — «business oriented» — прежде всего брать в расчёт финансовую эффективность того направления, в котором он работает. Это, без сомнения, является важнейшим фактором успеха компании, для которой инженер работает. У советских инженеров даже понятия об этом не было. Вот настоящая причина развала советской техники и свидетельство несостоятельности советской индустриальной продукции на международных рынках. Результат труда грамотных советских инженеров не выдерживал конкуренции! Советские инженеры умели рассчитывать конструкции, но не умели «считать деньги».

Глава 28
Авиация: становление

Авиационная Промышленность была просто сказочным местом работы — «страна победившего социализма». Социальные условия — на самом высоком уровне. На работу возили на автобусе бесплатно. Каждое утро, в 6:05, недалеко от моего дома останавливался арендованный концерном автобус. Он доставлял нас всех на место за десять минут до начала работы. На заводе кормили хорошим обедом и тоже бесплатно. Когда мы оставались на сверхурочные задания, предоставлялся ужин. На заводе работали свои магазины, где можно было купить всё — от продуктов питания до промтоваров по сниженным ценам. Больше всего меня поразило, что внутри завода продавалась водка, но никто пьяным не ходил. Был даже зал для занятий штангой, где я и тренировался. Профсоюзы очень сильные. Никто не мог человека уволить, если у него «квиют» — постоянство. Увольнение без согласия профсоюзов было возможно только в том случае, если работник совершал уголовное преступление. Поэтому главная задача человека, устроившегося на работу, максимально оперативно закончить испытательный срок и получить «квиют».

В те времена в Авиационной Промышленности русскоязычных специалистов, приехавших из СССР, было очень мало. Среди рабочих их не существовало вообще. В самом начале работы я познакомился с хорошим парнем по имени Алексей. Он представлял собой редчайший случай нового вида израильского рабочего. Алексей вырвался из Москвы, бросив институт после четвёртого курса. Сионист по убеждению, он посчитал, что институт может подождать, а вот строительство Израиля — нет. Здесь годы обучения в вузе Алексею не засчитали, не подтвердив ему даже среднетехнического образования. Он начал трудиться на участке герметизации самолётных топливных баков. Работа тяжёлая и вредная, но за неё хорошо платили. Алексей на участке был «белой вороной» и часто приходил ко мне «излить» душу. Все работающие на участке герметизации — малограмотные выходцы из арабских стран. Они донимали Алексея и издевались над ним каждый день. Причина этого, как я понимаю, их патологическая ненависть к «ашкенази» и боязнь, что он со временем станет их начальником. Возглавлял эту травлю начальник участка, который, видимо, лично ощущал угрозу своей замены. Он был человеком без всякого образования, с болезненным самолюбием,

ненавидящим любого, имеющего малейшее преимущество по отношению к себе. Цель всех работников участка — добиться увольнения Алексея. Ситуация его была очень тяжёлой. Алексей — одинок, без семьи и корней в Израиле. Идти ему некуда и жить негде. Несколько раз он пытался побеседовать со своими коллегами по работе и объяснить им, что он не собирается быть их начальником. Убеждал в том, что его единственная цель — это получение зарплаты в конце месяца. Ничего не помогало. Они продолжали своё дело. Зная, что уволить Алексея нельзя из-за «квиюта», его коллеги «состряпали» уголовное дело, обвинив Алексея в драке и избиении коллеги на работе. В таких случаях, чтобы «не выносить сор из избы», уголовное дело в полиции не открывают, а создают паритетную комиссию для решения проблемы.

Комиссия состоит из руководства и представителей профсоюза. После выслушивания обеих сторон и свидетелей, комиссия постановляет об увольнении виновников. Алексей пришёл ко мне за несколько дней до комиссии, рассказал мне всё и расплакался.

«Зачем нам нужно было ехать в эту страну! Зачем мы бросили все, что нам дорого! В этой стране нет элементарной справедливости!» Я выслушал его и сказал: «То, что мы прошли в жизни и в борьбе, им всем ещё и не снилось. Мы умеем драться и дадим им такой урок, что они нас долго не забудут!» Я предложил оперативный план. Алексей его принял. Мы сбросились деньгами и сделали необходимые закупки. На следующий день, когда Алексей пришёл на работу, он обратился к бригадиру и при всех попросил его ещё раз закончить всё миром, напомнив, что он же никого не бил. Начальник участка ответил ему так: «Я знаю, что ты не бил, но все мои люди подтвердят, что ты бил. Это будет их слово против твоего, и они засвидетельствуют всё, что я им прикажу засвидетельствовать. Я вообще терпеть не могу вас, вонючих «ашкенази». Жаль, что Гитлер не доделал свою работу и всех вас не сжёг. А теперь иди отсюда, вонючая свинья!». На этом разговор был окончен. Алексей вскипел, но сдержался. Через несколько дней собралась паритетная комиссия.

Спектакль был разыгран в полным соответствием со сценарием. Свидетели выступали, подробно описывая, как Алексей бил ногами несчастного коллегу, а они по разным причинам не могли помочь избиваемому. Начальник участка свидетельствовал о том, что он пытался убедить Алексея изменить своё поведение. Он рассказывал о своём трогательном отношении к «олим» из России и его любви к «ашкенази», и так

далее, и тому подобное. Председатель комиссии выразился, что дело тут ясное. Перед выносом вердикта, он с сожалением посмотрел на Алексея и спросил, может ли он что-то добавить. Алексей спокойно сказал, что всё это задуманная заранее клевета, и он просит уволить начальника участка за враньё и раздувание национальной розни. Кроме того, он попросил назначить его самого на место снимаемого начальника участка. Все засмеялись. Алексей опустил руку в карман комбинезона и вытащил маленький портативный магнитофон, который мы вместе купили несколько дней назад. Алексей включил магнитофонную запись. На ней прозвучал весь разговор с начальником участка в присутствии рабочих, который я цитировал ранее. Слышны были даже одобрительные комментарии людей, находившихся в цехе. Запись произвела эффект разорвавшейся бомбы. После прослушивания, Алексей добавил, что если решение комиссии его не удовлетворит, то он обратится в суд и в прессу.

Вся эта история закончилась очень хорошо. Через некоторое время Алексей был назначен начальником участка. Он, конечно, ошибался, что не надо было ехать в Израиль. Именно нас здесь и не хватало! В Израиле можно и нужно добиться справедливости, да и намного проще, чем в России.

Проработав несколько лет, Алексей уволился и перешёл в другое место. Когда прощались, мы посидели вместе, за столом. Малость выпили. С юмором вспомнили наши «магнитофонные похождения». Алексей уже не был таким наивным сионистом, как раньше.

Вскоре после начала моей работы, было принято решение уволить всех англичан. Чак оставался ещё некоторое время руководителем, но потом ушёл и он. Причина этих изменений — высокая себестоимость иностранных специалистов. Нас собрали и объяснили причины и суть решения. Требовалось теперь построить свою собственную систему работы. Мы должны были научиться самостоятельно решать задачи, которые раньше выполняли англичане.

Учитывая, что ни у кого из нас до этого не было опыта самостоятельной работы в авиации, мы начали действовать по системе «мозгового штурма», то есть когда технические решения принимались после взаимного обсуждения и согласия. Такая организация была диаметрально противоположна системе англичан, где каждый функционировал сам по себе.

Мы учились работать, обмениваясь накопленными знаниями Друг с другом. Это были прекрасные годы. В это время нами сделано много интересных проектов. Заказчики Концерна выдвигали иногда совсем сумасбродные идеи. Но поскольку они

готовы были платить за проектирование, мы выполняли их волю.

Один из покупателей категорически возражал против пользования пилотами самолётным туалетом. Сам факт передвижения по салону лётчиков хозяина раздражал. Мы вынуждены были спроектировать и разместить в пилотской кабине переносные писсуары. Среди специальных заказов фигурировали золотые пепельницы, хитрые пивные бары, особые багажные помещения для альпийских лыж, дополнительные топливные баки и многое другое. Несколько серьёзных базовых изменений, в конечном итоге, привели к новым модификациям самолёта.

В «Вествинде» приходилось передвигаться, согнувшись из-за низкого потолка. Такова его конструкция. Один из заказчиков, был высокого роста. Особенно его возмущало, что он должен совершать свои малые естественные надобности в сидячем положении. Он считал это унижением своего мужского достоинства и потребовал опустить пол в районе туалета на 27 см. Работа очень сложная. Мы не были уверены, что это технически возможно, так как именно в этом месте проходили по самолёту важные жизненные системы.

Заказчик требовал выполнения этого изменения, поставив даже ультиматум, что откажется от покупки самолёта, если эта работа не будет выполнена. Изменение было оплачена Мы начали проектировать. К нашему собственному удивлению, модификация удалась — все сдвинутые по сторонам системы, работали, и было получено разрешение авиационных властей. Создалась интересная ситуация. В среднем участке пассажирской кабины удалось опустить участок пола так, что пассажир мог стоять, не пригибая головы. Возникла идея раздвинуть по бортам системы по такому же принципу по всей длине кабины. В этом случае, можно будет ходить в самолёте, не сгибаясь. Так появилась на рынке новая уникальная модификация самолёта «WW-1124A». Это был единственный в своём классе самолёт, где пассажиры могли ходить по кабине не пригибая головы, что очень способствовало его маркетингу.

Была ещё одна модификация, открывшая перед нашим самолётом необычные возможности использования. Всё началось с очень неприятного для нас курьёза. Один американец, хозяин завода по производству самолётных антенн, решил купить самолёт такого класса. Он планировал использовать свою будущую машину для двойного действия. Во-первых, в качестве частного летательного аппарата. Во-вторых, как испытательный самолет, для опробования в полёте антенн, производившихся его фирмой. Проблема заключалась в том, что для установки

испытываемой антенны требовалось в нижней части корпуса самолёта вырезать сквозное отверстие размером полметра на полметра. В этом месте должна была устанавливаться испытываемая антенна.

По определению, в полёте антенна торчала из нижней обшивки самолёта. На боковой части обшивки, напротив этого отверстия, требовался люк для доступа к монтируемой антенне. Теоретически, такая констелляция в самолёте существовала, это было в районе багажного отделения, где имелась боковая дверь. Проблема состояла только в том, чтобы вырезать «дырку». Теперь попробуем посмотреть на всё глазами авиаконструктора. Это — самое напряженное с точки зрения прочности место самолётной конструкции, располагающееся между крыльями и хвостом. Сечение самолёта в этом сочетании состояло из половины конструкции. То есть, если мысленно разрезать самолёт в месте расположения «дырки» и люка багажного отделения, сечение из эллиптического цельного обруча превращается в полу-обруч с маленьким перешейком между двумя пустотами. Обеспечить такой конструкции требуемую прочность просто невозможно, во всяком случае, подобных примеров известно не было. Существовала реальная опасность катастрофы. Самолёт мог переломиться в опасном сечении. Наш новый заказчик был не дурак и действовал не из сионистских симпатий, когда обратился к нам. Как выяснилось, со своей сумасбродной идеей он объездил весь мир в поисках проектной организации, готовой взяться за подобный проект, но желающих не нашлось. В нашей фирме был такой специалист по маркетингу, который по своей технической неграмотности верил, что строить что-то новое — сложно, а вот вырезать «дырку» — это ерунда. В назначении этого человека на должность специалиста по маркетингу однозначно прослеживается бытующий в Израиле протекционизм, с которым я сталкивался потом многие годы. Получение должности с «выездом за границу» всегда определялось уровнем связей, а не знаниями и умением. По известной пословице «Что страшнее дурака? — Дурак с инициативой!», этот специалист по маркетингу «подмахнул» договор, обязывающий нас выполнить такой проект. Затем он, довольный собой, явился в Концерн за бонусом. Заказчик, как потом выяснилось, оказался ещё умнее и дальновиднее. Он предвидел, что после подписи договора, может последовать отказ в выполнении. Будущий хозяин машины добавил пункт, что в случае нарушения договора или срыва сроков, он получает самолёт в качестве компенсаций, почти бесплатно. В это время руководителем нашей проектировочной группы был назначен Меир, работавший некоторое время в

авиационной промышленности США. Меир — великолепный инженер, он также был моим другом. После получения технического задания на проектирование, мы все оказались в шоковом состоянии. Вызвали директора завода. Тот побледнел, когда объяснили ему ситуацию. Наша группа категорически отказалась решать эту техническую задачу. Три дня вокруг нас ходили и уговаривали взяться за выполнение этой работы. Обещали нам золотые горы. Обещали разогнать маркетинг и наказать виновных. Выступил перед нами адвокат Концерна и объяснил сложность ситуации. Мы сдались.

Мы с Меиром начали организовывать работу. Технически было решено в районе оставшейся перемычки (между двумя отверстиями) построить балку, компенсирующую потерянный момент инерции. Для симметрии надо спроектировать параллельную ей правую балку с другой стороны. В добавление к нашим структурально-прочностным, у нас возникла проблема и с самолётными системами, проходившими в районе «дырки». Их надо было куда-то перемещать. Решили разместить все системы внутри новой балки. Техническое решение — очень смелое и попахивало авантюрой. Сегодня я не уверен, взялся ли бы я руководить таким проектом, но тогда, по принципу «Сионисты не сдаются», мы начали работать. Времени — очень мало. Общий вид разделили на четыре больших листа. Каждый из них выполнялся отдельным конструктором. Согласование интерфейсов и интеграцию между нами осуществлял Меир, непрерывно крутившийся между чертёжными досками. Он кричал: «Леонид! Иоси изменил секцию «АА», у него не проходит труба. Меняй у себя тоже». Мы были молодыми, задорными и хотели победить. Работали по 14 часов. Я иногда оставался ночевать на работе, чтобы не тратить время на переезды. Спал на стульях. Бывало, что друзья-конструкторы, жившие поближе, брали меня ночевать к себе домой. Иногда работа не клеилась. Мы ходили злые. Однажды, во время такого кризиса надо было разрядить обстановку. В этот момент случайно подвернулась наша боевая секретарша, не отличавшаяся большими знаниями. На своё несчастье она спросила, чем мы озабочены, чем мы, вообще, тут занимаемся, и может ли она лично нам помочь. Я объяснил ей задачу нашего проекта следующим образом: «Жена заказчика самолёта не любит пользоваться стандартным самолётным туалетом. Учитывая это, она потребовала от нас, проектировщиков, вырезать для неё в полу дырку, чтобы она получила возможность оправляться, сидя над этой дыркой в полу, дыша свежим наружным воздухом. Так, сидя в самолёте над открытым люком на высоте в 10 000 метров, она совместит

приятное с полезным. «Яфа, ты же видишь, что мы все тут переругались и, действительно, нужна твоя помощь. Видишь ли, женщина эта — твоей комплекции, и мы ну никак не можем решить, подходит ли размер этой дырки её заднему месту. Я вырежу в куске ватмана эту дырку, ты над ней присядешь и скажешь, достаточно ли удобна эта дырка». Ребята, едва сдерживая хохот, столпились вокруг расстеленного ватмана. Яфа насторожилась, подозревая подвох, но, не услышав ничего нелогичного, желая вложить свой вклад в развитие израильской авиации, приняла моё предложение. Она присела перед нами на корточки на лист ватмана, с вырезанным в нём отверстием, а мы, едва сдерживая коллективные рыдания, её обмеряли. Намного позже мы объяснили Яфе, что вся эта ситуация нереальна. Во-первых, на такой высоте воздух разряжён, а это значит, что произойдёт явление, обыгрываемое в голливудских фильмах. Через открытое отверстие в обшивке будут с большой скоростью высасываться наружу незакреплённые предметы. Во-вторых, наружная температура -60 градусов. Она обиделась на меня, но ненадолго. Я извинился. Тогда это разрядило обстановку, кризис был преодолен, и работа продолжилась. Через несколько месяцев мы завершили работу и получили очередной сертификат лётной годности.

Трудно было предположить, что наша «дырка» в самолёте будет иметь столь далеко идущие позитивные последствия. Оказалось, что такого типа конструкция самолёта востребована для определённых и очень специфичных целей. Во-первых, к нам сразу обратились из нашей армии. В те далёкие времена ещё не существовало беспилотных самолётов, и нам предложили установить в нашей «дырке» следящую камеру. Самолёт на бреющем полёте выпускал через люк камеру и мог следить за террористами. Сегодня — это стало музейной редкостью, тогда это было последним словом техники. Во-вторых, слух о нашем успехе пронёсся в зарубежном самолётном мире. Оказалось, что тактико-технические данные нашего самолёта совпадают с тактико-техническими данными, требующимися для буксировки тренировочных баллонов зенитной артиллерии бундесвера ФРГ.

Теперь в нашем багажном отсеке размещался баллон, служащий летающей целью для зениток. В нужный момент баллон опускался через нашу знаменитую дырку и тащился на длиннющем канате за самолётом. В баллон стреляли с земли и тренировались в своё удовольствие. Наш же Концерн считал деньги от вырастающих продаж. Мы ходили гордые. Годовой выпуск самолётов рос.

Мы уже выпускали с конвейера по пять самолётов в месяц.

Это был серьёзный результат нашей работы.

Глава 29
Армия обороны Израиля

Когда я приехал в Израиль, моя голова была полна всякими техническими идеями. Мои друзья-инженеры, мой брат и я сам много думали о средствах борьбы с терроризмом. После долгих обсуждений, наконец, откристаллизовалось несколько конкретных идей и изобретений, которые могли бы быть полезными. Эти разработки я безвозмездно передал государству, и некоторые из них были немедленно претворены в жизнь. Вскоре после начала моей работы в Авиационной Промышленности, ко мне на работу приехал представитель Государственной безопасности и вызвал для разговора. Он сообщил, что по имеющимся данным, КГБ занес меня в какой-то «чёрный список». Что это означает, по его словам, он точно не знает, но надо принять соответствующие меры. Меры, которые мне предложили, были следующими: во-первых, получить оружие и пройти курс боевой стрельбы, во-вторых, исчезнуть из дома. Лучшим способом для этого рекомендовался немедленный и досрочный призыв в армию. Ночевать в отпусках из армии мне предлагалось в деревне Кфар-Йехошуа, в которой жили мои родственники.

Всё это меня застало врасплох. Я даже не знал, как реагировать и что сказать. У меня в голове пронеслось: «Только этого мне сейчас и не хватало! Едва начал становиться на ноги и вот тебе — подарочек!» Постепенно первый шок прошёл. Мне стало понятно; что никакой пистолет мне не поможет, да и армия тоже. Было ясно, что если занесли в какие-то списки, то жизнь моя висит на волоске.

Оставалось надеяться только на Б-га, да и на то, что информация могла быть частично искажена.

Поразмыслив ,я решил положиться на судьбу. Но, как обычно, выполнить всё, что предписано. Другого выбора не было. Решив, что проживу, сколько Бог даст, я быстренько получил пистолет «Баретта» и прошёл соответствующий курс боевой стрельбы. Потом явился на призывной пункт. С этого момента началась моя новая военная карьера. Я был одинок и жил один, меня никто нигде не ждал, и поэтому мне присвоили «почётную» категорию «Хаялъ бодед» — одинокий солдат. Мне было 32 года. Прежде всего, меня отправили в военный ульпан «Стела Марис» — учить иврит. Там я пробыл почти месяц. Очень интересное время! Самое главное — там были молодые и красивые девушки-учителя. Я сразу завел себе подругу. Отношения с ней развивались

стремительно. В выходные мне уезжать было некуда. Моя подружка тоже оставалась. Я залезал по задней стене здания на второй этаж прямо к ней в комнату. И мы забирались в кровать на весь вечер. Иногда начинали стучать в дверь её менее удачливые поклонники из офицерского состава и приглашали поехать с ними в Хайфу, развлечься. Моя подруга высовывала голову из-под одеяла и, не вставая с постели, кричала, что у неё болит голова и она никуда не пойдёт. А после в столовой я с удовольствием слышал о недоступности моей подруги. Кроме этих удовольствий, я изучал военную терминологию, военную историю, понимание приказов и даже чтение израильских газет.

После окончания военного ульпана нас отправили проходить «курс молодого бойца». Курс этот физически довольно тяжёл. Но я особой тяжести не чувствовал, так как был в хорошей физической форме. Одно неудобство — неумение сидеть на голой земле. Мне просто никогда не приходилось этого делать. Никогда не предполагал, что сие может стать настоящей проблемой. Но и это было преодолено. На курсе нас учили владеть всеми видами стрелкового оружия, включая советские, американские и израильские автоматы, и стрелять из них. Израильская армия меня поразила. Сначала я не понимал, как такая армия воюет. В ней совмещались самые несовместимые вещи, которых в советской армии не было. Во-первых, мы расстреливали огромное количество патронов, так что наше владение оружием становилось автоматическим. Во-вторых, вся идеология армии была противоположна советской. Солдата учили не как умереть, «убив сто врагов», а как самому выжить и победить. Солдату внушали, что его жизнь нужна стране, его близким людям и ему самому. Нас учили, как выжить на поле боя, что делать, когда автомат отказал в бою. Солдата тренировали тому, как выживать и поступать, когда он остался один, в каком направлении двигаться и как искать воду в пустыне. Каждый знал, где находится противник, а где — свои войска. Он имел достаточную информацию о месте, в котором находился. Перед боем у солдата проверяли «Записную книжку пленного», где была изложена вся информация о его здоровье и о нём самом. Учили, что надо на допросах говорить всё, что знаешь, но знать надо поменьше. В израильской армии все носили одинаковую форму — солдаты и офицеры, не было орденов и медалей и даже не отдавали воинскую честь. Ходить строевым шагом никто не умел, да и не было времени на это. Я постепенно приходил к выводу, что израильская армия — самая профессиональная и сильная армия в мире. Хотя у неё были и свои проблемы. В учебном подразделении всех выходцев из СССР очень раздражала форма

обращения сержантов учебного отряда к новобранцам. В нашей роте почти все были русскоязычными и поголовно все отслужили, в прошлом, в «той» армии. Когда сержанты стояли перед строем, они почему-то непрерывно «крыли матом». Нас это возмущало и мы потребовали немедленно прекратить такое безобразие. «Мат» не прекращался, и мы устроили забастовку протеста, выстроившись напротив штаба с оружием. Меня вызвал из строя командир учебного отряда — подполковник. Он объяснил, что мы все пойдём под суд за протест. Я, со своей стороны, потребовал прекратить словесные оскорбления, объяснив нашу позицию — никто не имеет права оскорблять достоинство человека. Если солдат виноват, то его нужно судить и наказать, но не оскорблять.

Подполковник начал объяснять, что он, в принципе согласен, но это традиции, перешедшие из английской армии, что он не в состоянии воспитать 18-ти летних сержантов и не знает, как это сделать. Я ему сказал, что если он не в состоянии воспитать своих сержантов, то пусть поменяет профессию. Кроме этого, пришлось напомнить ему, что мы все уже прошли одну армию и хотим служить в израильской. Но если он не заставит своих сержантов держать язык за зубами, то порядок наведём мы. После этого разговора всё наладилось. Нам заменили сержантов, и ничего подобного уже никогда не повторялось. Но произошла другая история. Одна из тренировок, которую проходят все солдаты израильской армии, это марш-бросок ночью на расстояние в 5–10 километров. Он производится в темноте, в полном обмундировании с оружием, боеприпасами и носилками, на которых несут «раненых» солдат. Обычно, этот марш-бросок завершает «курс молодого бойца». Такой кросс совершали и мы. Я бежал за командиром с рацией на спине, в свою очередь, подменяя несущих первые носилки. Среди нас подавляющее большинство было русскоговорящих, один голландец и два американца. В темноте кто-то наступил на голландца, он за это ударил кого-то прикладом, тот дал сдачи и стволом автомата выбил голландцу два зуба. Ничего страшного не произошло. Нервное напряжение было на пределе. Такие вещи случаются. Никто ни к кому претензий на личном уровне не имел. Голландец потребовал от армии вставить зубной протез за армейский счёт. Поскольку это финансовая претензия, по правилам, существовавшим в армии, следовало произвести расследование и взыскать деньги с виновного. Некоторые из нас знали, кто это сделал. Большинство не знало. Но молчали все. Мы были люди ещё неустроенные, безденежные. В массе своей плохо знающие иврит, законы Израиля, и полагали, что вся эта история утрясётся

сама собой.

Военная полиция считала по другому. Расследование продолжалось уже после того, как мы закончили «курс молодого бойца», и нас послали на первый профессиональный курс самоходной артиллерии. Один из наших ребят, Борис, живший в Иерусалиме, находился в отпуске по болезни. Это был тихий интеллигентный парень и очень больной. Через год после этих событий он скончался от своей болезни. Борису прислали повестку из военной прокуратуры. Он, ничего дурного не подозревая, пришёл в прокуратуру с беременной на последних месяцах женой и пятилетней дочкой.

Следователь обрадовался, что может одним махом закончить это дело, арестовал Бориса и стал в наручниках водить его по коридору, каждый раз проводя его мимо жены и дочки. Жена забилась в истерике. Дочка плакала и хватала отца за руки. Борис тоже плакал, не понимая, что от него хотят. Ко всему прочему, они вообще плохо знали иврит. Когда жена Бориса, рыдая по телефону, рассказала нам эту историю, я попросил ребят распустить слух, что мне известно, кто выбил зубы голландцу. В самом разгаре учений к нашему танку подъехал джип военной полиции и меня забрали в военную комендатуру.

Прихватили и моего напарника Федю Свирского. Нас привезли в Иерусалим. В комендатуре сказали, чтобы сидели и ждали. Мы оба были грязные и уставшие. На учениях всегда очень тяжёлые условия. Вообще для нас, спавших под танком, не раздеваясь уже несколько недель, питавшихся консервами, попасть снова в цивилизацию — было подарком. Мы сидели на скамейке, ожидая развития событий. До нас, сидящих в коридоре, очевидно, никому не было дела.

Подождав и видя, что никто не появляется, мы вышли на улицу и в ближайшем киоске купили пару банок холодного пива и нормальной еды. Вернувшись в комендатуру, выпили пива, перекусили и посудачили немного на тему о сегодняшнем везении. После этого очень захотелось спать. Найдя пустую тюремную камеру с несколькими койками, сразу завалились и захрапели. Храпели мы недолго. В камеру заскочил молодой лейтенант со знаками различия военной полиции и заорал: «Что вы тут делаете?!» Я ему вежливо объяснил, что мы устали и отдыхаем. Оказалось, что, во-первых, лейтенант и был тем самым следователем. Во-вторых, он абсолютно серьёзно предполагал оказать на нас с Федей психологическое давление ожиданием в коридоре. Мы его намерений не знали и не поняли, поэтому и пошли покупать пиво. Я ему сказал прямо и честно, что нам, людям с приличным жизненным опытом, надо заранее

разъяснять, где ожидается психологическое давление военной полиции, в чём оно состоит, а то мы его можем случайно не заметить и пропустить. Офицер забрал Федю первым. Через пятнадцать минут они оба появились на пороге кабинета. У Феди на лице была огромная и добрая швейковская улыбка. Федя и внешне был похож на Швейка — такой же добрый и толстый. По своей профессии он был водителем грузовика. Лейтенант выглядел растерянным и все время повторял: «Он же ни слова на иврите не знает!» Попробовав использовать меня как переводчика и ничего не добившись, он отпустил Федю и всерьёз занялся мной, Федя, довольный, пошёл спать. Начался мой допрос. Первым делом лейтенант вытащил наручники и, поиграв ими, положил на стол, спросив предварительно, известно ли мне, что это такое.

Чистосердечно ответил, что никогда не видел израильских наручников и интересно их потрогать, что и сделал. Затем лейтенант предложил выложить всё, что есть у меня в карманах. Я спросил его, имеет ли он право делать мне личный обыск. Он ответил, что у него есть все необходимые права. Я выложил всё, что у меня было в карманах, в том числе и пару писем моей южноафриканской подруги. Он внимательно перебрал и рассмотрел все и принялся читать письма. Я спросил, есть ли у него полномочия читать мои личные письма. Он ответил, что, да. Я спросил, в чём собственно, меня обвиняют. Лейтенант ответил, что меня он, персонально, ни в чём не обвиняет. По его словам, я владею информацией, которую он хочет получить и получит её от меня любой ценой. Тут начались бесконечные вопросы о выбитых зубах и известно ли мне, кто это сделал. Я отвечал, улыбаясь, что «не знаю», «не видел», «не помню». Лейтенант уже раскалился, как чайник на плите, а я всё подбрасывал и подбрасывал «дров ». Наконец, он вскипел и сказал, что сейчас наденет на меня наручники и отправит в камеру до утра. Я привстал со стула и тихо сказал: «Мальчик, я с удовольствием пойду сейчас в камеру, где отосплюсь. Утром оттуда выйду, напишу на тебя жалобу о служебном нарушении, как это предписывает устав израильской армии, и вечером ты уже сам будешь сидеть в этой камере». Он удивлённо спросил меня: «Где же я нарушил закон?» Я разъяснил ему: «Ты меня персонально ни в каком преступлении не обвиняешь, так? На каком основании ты устраиваешь мне личный обыск? По какому праву ты читаешь мои письма, несмотря на мой запрет? Какую информацию ты ищешь в письмах, написанных до инцидента? На каком основании ты надеваешь наручники, что является мерой пресечения, на человека, который ничего не совершил и никому не угрожает? Ты почему, подлец, Бориса

водил в наручниках перед беременной женой и дочкой? Только за это я бы тебя посадил! Вызывай своего начальника! Будем разбираться». Появился майор, начальник военной полиции. Лейтенант объяснил ему ситуацию. Я объяснил свою позицию. Майор, сначала удивился, потом рассмеялся и пригласил нас с Федей выпить с ним пива. Там за пивом он начал дружескую беседу:

— Скажи мне, Леонид, ты что, в самом деле, не боишься военной полиции?

— Нет, чего мне вас бояться, вы же свои.

— Скажи, ты, в самом деле, не знаешь, кто выбил зубы?

— Конечно, знаю. Но не собираюсь вам в этом вопросе помогать. Если бы это дело касалось безопасности государства, терроризма, я сам бы к вам пришёл. Но это дело касается несчастного стечения обстоятельств, денег и вашей бюрократии. У человека, который это сделал, двое детей, жена не работает, и он только что взял в долг деньга на квартиру. Армия, по моему мнению, должна безоговорочно взять на себя все расходы на лечение. Я считаю, что для всех нас это глупая трата времени, за которую вас же и надо наказывать.

— Между прочим, откуда ты знаешь уголовные законы, ты же здесь, в Израиле, без году неделя?

— Израильского уголовного права я не знаю, но уголовное право придумано не Израилем. Логика его похожа во всех кодексах законов мира.

— Откуда вы такие упрямые взялись! Хорошо, что вы приехали в Израиль! Вас здесь как раз и не хватало! Леонид, может, ты всё-таки скажешь мне по-дружески, на прощанье, кто зубы выбил?!

— Да пошёл ты!

На этом дело о зубах было закрыто и прекращено. Никого из нас уже никогда больше в военную полицию не вызывали.

Мы с Федей вернулись на учения. Это была ещё одна поразительная вещь в израильской армии.

Наш полк — полк самоходной артиллерии. Каждый экипаж САУ (самоходной артиллерийской установки) состоял из 12 человек и размещался на двух машинах. Прежде всего, это самоходка с двенадцатиметровым орудием, мы называли ее танком, и бронетранспортёр («альфа»), где находились снаряды. Учения всегда проводились ночью, в полной темноте, с одним лишь ручным фонариком, который держал командир танка и давал световой сигнал следующему позади танку. В кромешной тьме ревели и двигались боевые машины, меняя свои позиции, время от времени стреляя из орудий. Спрыгнуть с брони было

невозможно, и мы сидели, привязанные ремнями. Естественные потребности справляли, не слезая с танка, так как боялись попасть под гусеницы следующей за нами машины.

Я был уверен, что за ночь будут человеческие жертвы. Утром оказалось, что все живы и здоровы. Это была очень тяжёлая, с точки зрения её обслуживания, военная техника, используемая американцами ещё во Вьетнаме. Сегодня она уже списана. Мы оказались последними, кто ею пользовался и на ней воевал.

После учений полк был объявлен сформированным, и мы стали солдатами Армии Обороны Израиля в резерве. Федя и я отличились и единственные в учебном подразделении получили сержантские лычки.

Во время отпусков из армии я часто приезжал в Кфар-Йехошуа, где жили мои двоюродные братья и жена моего дяди — Фани. Фани была удивительной женщиной. В 18 лет она оставила Москву и переехала осушать палестинские болота. Это — двадцатые годы прошлого века. Её отец был крупнейшим книгоиздателем России. Фани искренне обрадовалась, когда я появился в её доме и начала, немного стесняясь, говорить со мной по-русски. Она постоянно напоминала, что уже пятьдесят лет не разговаривала по-русски. Такого красивого и отточенного русского языка, как у Фани, я давно не слышал. Мы с ней получали удовольствие от постоянных бесед. Слушал её рассказы о становлении Израиля, о его лидерах и деятелях. В устах Фани это звучало, как рассказ о соседях и близких родственниках. Для меня же это были герои и отцы-основатели.

Иногда она читала стихи русских поэтов, а я отвечал ей тем же. Когда возвращался из армии, она сама стирала мне одежду. Потом кормила, сидя рядом за столом. После этого, подперев голову рукой, расспрашивала, внимательно слушая ответы.

Её очень интересовало всё обо мне и о нашей жизни при советской власти. Меня же интересовало всё о ней, о нашей израильской семейной ветви и об Израиле. Нам вместе никогда не бывало скучно. Оказалось, что у неё есть небольшая библиотека на русском языке, где был даже Солженицын! Этими книгами она снабжала меня в дорогу, когда возвращался в армию.

У Фани и Ицхака росли шестеро детей. Три мальчика и три девочки. Старший, Менахем Бар, жил рядом с Фаней. Менахем — один из первых, родившихся в Израиле, военных лётчиков. В Шестидневную войну он был заместителем командующего ВВС. Я слышал о нём очень много из уст людей, работающих в Концерне. Многих удивляла близость нашего родства. Говорили о том, каким замечательным лётчиком и командиром он был. О вкладе Менахема в историю развития ВВС Израиля написана книга. Как

выяснилось, он — первый, кто перевёл всё служебное функционирование ВВС с английского языка на иврит. Менахем был очень одарённым человеком. После увольнения из армии, летал капитаном «Боинга» в авиакомпании «ЭЛЬАЛЬ». Много времени занимался постройкой планеров и летал на них. В деревне он построил своими руками одномоторный самолёт. В мою бытность в Кфар-Иехошуа, я часто помогал в его мастерской.

Мой второй двоюродный брат, Арон, был тяжело ранен в одной из армейских операций. В результате ранения, он полностью ослеп и потерял руку. Несмотря на ранение, сумел получить хорошее образование в США, знает в совершенстве несколько языков. Сам пишет стихи и переводит с других языков. Арон, видимо, пошёл по стопам своего деда, сумев поднять и организовать собственное книгоиздательство. Я очень люблю Арона и преклоняюсь перед его моральной стойкостью и внутренней силой. После моего приезда в Израиль, мы с Ароном проводили много времени вместе, и он ввёл меня в тонкости израильской действительности.

Третий мой двоюродный брат, Уди, всегда занимался сельским хозяйством и своими изобретениями. Уди . —добрая душа. Находясь в Кфар-Иехошуа, я помогал ему немного в строительстве дома.

Мои двоюродные сестры Яэль, Сара и Зива живут в разных деревнях-мошавах. Все они — очень добрые и деловые женщины. Зивина дочка, Нира, живет тоже в Кфар-Йешуа.

Семья Фани была вегетарианской. Когда я начинал умирать с голоду без мяса, Нира всегда спасала меня, забирая к себе домой для подкормки.

По женской части я тоже не терялся. Мы с моим другом, учителем математики из Ашдода, ещё до армии организовали первое общество холостяков в Израиле. Дело в том, что статус одиноких женщин в Израиле был неудобным. Государство было маленькое. Все друг друга знали. Развлечений в Ашдоде в ту пору особых не было. Семейные пары проводили вечера дома в семье, и женщины не очень жаловали своих незамужних подруг. Когда одна из женщин мне это рассказала, мы с другом выдвинули идею организации клуба вакантных женщин и мужчин в Ашдоде. Идея имела колоссальный успех: в течение месяца нас было уже тридцать три человека.

Мы собирались по субботам, по очереди у каждого на квартире. Веселились, праздновали субботу, танцевали и вели длинные разговоры. Состав всегда один и тот же. Мужчин было трое. Мой друг, я и ещё один парень, который сразу заявлял, что он — импотент, и на него можно рассчитывать только с точки

зрения интеллектуальной. Остальные, конечно, — женщины. Они любили, холили и берегли нас как общинную собственность. Однажды наши дамы гордо заявили, что в Беер-Шеве организовался подобный клуб. Они пригласили беер-шевцев к нам.

Женщины прямо светились, ожидая этой встречи и появления новых для них возможностей. Нас с другом, на всякий случай, успокаивали, чтобы мы не огорчались и не боялись возможной конкуренции.

Приехало тридцать пять человек. Среди них было... двое мужчин. Мы быстро подружились. Иногда, вместо Кфар-Йехошуа, я оставался ночевать у какой-нибудь «членши» нашего клуба. Это было уже удовольствие другого порядка.

...Первый армейский этап закончился, и мы вернулись домой к гражданской жизни и работе. Через некоторое время приехал ко мне опять тот же офицер безопасности и сообщил, что история с «чёрными списками» закончена — могу про это забыть. Что я с удовольствием и сделал.

Через два года после моей репатриации в Израиль приехали мои родители и брат с семьёй. Отца с матерью я поселил у себя, брат с семьёй жили в Центре абсорбции. К отцу вернулось зрение, и он целыми днями занимался ивритом. Мама много играла на пианино и быстро «заразила» весь наш район игрой на фортепьяно. Вскоре я помог им получить освободившуюся квартиру в том же доме на втором этаже. Жизнь понемногу входила в нормальное русло.

Моя служба в армии продолжалась, теперь уже в качестве резервиста. Я проводил в войсках примерно два месяца в году. Три недели были профессиональные учения, а остальное время — обычная служба. Израильская армия продолжала поражать своей нестандартностью и эффективностью. В соответствии с израильской логикой, все призывники начинают рядовыми в восемнадцатилетнем возрасте и в процессе службы растут в званиях, становясь сначала сержантами, потом офицерами и генералами. Таким образом, здесь не существовало училищ, создающих офицерскую касту, минуя срочную службу. Чтобы стать генералом, надо сначала состояться простым солдатом, а потом простым сержантом. Это поистине народная армия, где офицер был не старшим, а лучшим из равных. В те времена на слуху «ходил» популярный анекдот об израильской армии. «Стоит генерал и разговаривает с гостем. Проходит мимо солдат, не обращая на генерала ни малейшего внимания и не здороваясь. Гость говорит генералу: «Видишь, какие у тебя солдаты, даже не здоровается с тобой». Генерал потребовал от солдата ,что бы тот

подошёл. Когда тот приблизился, генерал тихо сказал: «Хаим, ты что, на меня сердишься, даже здороваться не хочешь?!» Этот анекдот я рассказывал в России много раз. Его никто не мог понять, потому что принципы, заложенные в основе израильской армии, не существуют ни в одной армии мира.

Во время боя командиры, включая старших офицеров, всегда стояли в танковых башнях, чтобы все их видели в бою. Это не было законом, это было традицией. Советской команды «вперёд» не было, была израильская команда «за мной». Я был поражён, когда во время сложной боевой ситуации в период войны в Ливане, мой водитель испугался, командир батальона соскочил со своего бронетранспортера и пешком сам повёл танк за собой — тоже, как в кино. Я спросил его, зачем он это сделал. Он объяснил, что это неписанная обязанность каждого офицера и командира.

Когда мы стояли лагерем в боевой обстановке, караульную службу ночью несли вместе солдаты и офицеры. Освобождались от неё только механики-водители танков и бронетранспортеров. Вся система военной подготовки, в который боевая единица организуется с призывом группы военнослужащих и существует до выхода этих ребят в отставку по-возрасту, имеет очень важный психологический аспект. Затем этот полк расформировывался или полностью заменялся другим призывом. Когда молодой человек призывается, растёт и мужает, проходя через войны вместе со своими друзьями, они становятся его второй семьёй. Этим и объясняется, что мультимиллионер из Нью-Йорка прилетает на собственном самолёте, чтобы воевать наводчиком в своём танке. Это не парадокс, а очень правильное построение системы. В нашем полку и в нашем экипаже служили люди разных социальных групп и возможностей — состоятельные и бедные. Служили вместе обладатели нескольких академических степеней и солдаты, у которых их не было. Это не имело значения для нас, так как мы были боевым братством, объединенным другими принципами. Нам никогда не было скучно Друг с другом.

Призыв всегда осуществлялся одинаково — и на войну, и на учения. После телефонного звонка или повестки, каждый вытаскивал из кладовки вещевой мешок с обмундированием, переодевался, прощался с семьёй. Мы сразу отправлялись на свою базу, где уже стояли заправленные танки. Каждый получал личное оружие, затем командиры расписывались за приём танков и другой боевой техники. Тягачи загружались, и мы ехали воевать. По дороге уже ждали члены экипажей, которые жили около границы с Ливаном. Они находились в условленных местах

на обочинах дороги. Так было обычно во время войны. Разница между гражданской и военной жизнью чувствовалась только в первые сутки после призыва, которые, обычно, переносились тяжело.

После тёплой и мягкой домашней кровати и костюма с галстуком, привыкнуть к брезентовому несгораемому комбинезону на голое тело и спать под танком довольно тяжело. В один момент жизнь переворачивалась. Адаптация занимала примерно сутки. Система обучения и тренировок была своеобразной и интенсивной. Логику этой системы начинаешь понимать позже. Первые полутора суток тебя непрерывно обучали и тренировали на различных курсах. После «набора нагрузки », бессонницы и усталости, когда мы начинали засыпать на ходу, отдавался приказ: «Занять боевые места на танках!»

Начинались манёвры. Вторая часть призыва — несение рутинной армейской службы: охрана границ, военных лагерей, выполнение различных функций военной полиции. Это давало полное представление о происходящем в государстве. Наше гражданское мнение складывалось независимо и самостоятельно.

Так создавалась одна из важнейших ценностей Израиля — неподверженность постороннего влияния на формирование гражданской позиции члена израильского общества по всем гражданским и военным вопросам. Гражданин нашей страны, решая для себя вопрос о необходимости начала войны, в отличие от американского или российского гражданина, посылает на войну самого себя или своего ребёнка. Это практически исключает эффективность «промывки мозгов» средствами массовой информации, повышает гражданскую сознательность и объективность суждения. Гражданин Израиля является действительно неотъемлемой частью своей страны. Он знает всё, что происходит в государстве и в армии, и формирует свою, самостоятельную, точку зрения по всем государственным проблемам. В этом, на мой взгляд, и состоит уникальность демократии и силы государства Израиль.

Глава 30
Первый израильский Истребитель — «Лави»

Я —авиаконструктор! Теплое израильское солнце, свое, еврейское государство, дружеские и неформальные отношениями между людьми... От всего этого я получал истинное удовольствие.

Тот факт, что здесь не было признанных авиационных авторитетов, имело, наряду с недостатками, свои большие преимущества. Это вынуждало принимать технические решения самостоятельно и учиться, используя для этого любую возможность. По правде говоря, мой образовательный статус тоже был непростым. Я ведь по образованию инженер-технолог, то есть инженер, отвечающий на вопрос «как делать» машину. Инженер-конструктор отвечает на вопрос «что делать». При всём при том, корабль отличается от самолёта так же, как гидродинамика отличается от аэродинамики. Существовала острая потребность в получении новых знаний. Надо было доучиваться, и Концерн всячески это поощрял. Внутри Концерна действовал свой университет, куда приглашались лучшие лекторы из израильских высших учебных заведений, да и не только израильских. Часть предметов преподавалась на английском языке, а часть на иврите. Применялось и самообучение, то есть мы учили друг друга. Позднее я сам читал лекции по разным техническим и маркетинговым дисциплинам. Работник выбирал циклы обучения самостоятельно, хотя, иногда, для продвижения по службе, он обязан был пройти нужный курс обучения и сдать экзамен проверки. Я учился с удовольствием. Мне пришлось сдать экзамены по большому количеству технических предметов, чтобы получить право подписывать чертежи и расчёты, а также, выдавать разрешения на начало лётных испытаний (это особая статья).

Обычно мы учились в рабочее время, после обеда, иногда — до поздней ночи. В сумме знания, полученные в Кораблестроительном институте и в Концерне, дали результат, о котором я мог лишь мечтать. Безусловно, такого образования в СССР я бы получить никогда не смог. В конечном итоге эти профессиональные знания позволили мне получить личное право подписи технической самолётной документации от имени западных авиационных гигантов: «ROHR USA», «McDonnell DOUGLAS» и, позже, «BOEING».

Израильская Авиационная Промышленность была

совершенно уникальным, с точки зрения её человеческих возможностей, Концерном. Я не верю, что в Америке или в России могли бы даже подумать о таких сочетаниях. Например, такой гигант, как «Боинг», в сущности, является очень большим самолётно-сборочным концерном. Он ведь только собирает самолёты. На него работает огромное количество заводов в мире, в том числе и мы. Если посчитать количество законченных изделий, выпускаемых им, — это, может быть, пятьдесят наименований, то есть те самолёты, которые выходят с конвейера. Мы производили более тысячи независимых друг от друга изделий, сходящих с наших конвейеров одновременно, в том числе, предназначенных и для «Боинга». На нашем Концерне, несмотря на несравненно меньшие размеры, логистика всегда была намного сложнее. Например, цеха Авиационной Промышленности работали по разным чертёжным системам. Чертежи выпускались по-английски, французски, на иврите и ещё в разных вариантах. Системы измерения и инструменты в цехах были разные: метрические и дюймовые. Самое интересное, что это никогда не являлось причиной сбоя производства. Никто заранее не планировал работу по такой сложной системе, но так сложились обстоятельства.

История военной части Концерна началась необычно. Создание производства было вынужденной мерой, средством выживания государства. Начало этому положило восстановление французских истребителей типа «Мираж». Как известно, до Шестидневной войны на вооружении ВВС Израиля находились «Миражи».

После эмбарго Де Голля Франция прекратила поставку самолётов и запчастей Израилю. Израиль был «прижат к стенке». Ему пришлось творчески переработать «Мираж» и создать свою интерпретацию этого истребителя под названием «Кфир». В начале профессиональной карьеры мне ещё приходилось работать по оригиналам старых изорванных французских чертежей. Легенда гласила, что они попали к нам через Швейцарию, где находился один из филиалов «Дассо», производителя «Миража». Там работал еврей, отвечающий за уничтожение старых использованных чертежей. Вместо того, что бы сжечь, он складывал их в ящики и отправлял в Израиль. По этим чертежам здесь восстанавливали конструкцию самолёта в её оригинальном французском исполнении. Это одна из причин, приведших к тому, что одновременно на одном и том же предприятии соседствовали разные системы измерений и ведения чертежного хозяйства.

От «Миража» осталась французская система, от «Вествинда» — американская, а в израильских проектах пользовались нашей.

Мне неизвестен ни один завод или конструкторское бюро в мире, которые были бы в состоянии нормально функционировать в такой ситуации. Все системы ведения чертёжного хозяйства отличались друг от друга. Они требовали знания иностранных языков и понимания идеологии различных технических культур. Французская чертёжная система являлась самой неразборчивой. Французы прорисовывали все детали изображённых элементов. Чертёж являлся нагромождением ненужных мелочей, в которых сложно разобраться. Американские чертежи — очень просты и легко читаемы. Например, крепёжные изделия во французской системе вырисовывались полностью, включая даже фаски на болтах. По-американски они показывались крестиками со сносками-пояснениями. Прототипом советской системы была, предположительно, французская.

Интересно, что я ни разу не слышал, чтобы кладовщик в инструментальной кладовой цеха что-то перепутал, В результате этого слесарь, якобы, нарезал вместо дюймовой резьбы, метрическую резьбу. Очень помогало этому наличие инженеров, приехавших из разных стран и получивших, соответственно, образование в странах исхода. Нам не нужны были переводчики. Каждый работник владел минимум двумя или тремя языками. Знание английского и иврита были обязательными для всех инженеров и других работников Концерна. Кроме того, почти у каждого из нас был ещё один, свой язык, из дома. Со временем выработалась даже особая «национальная» специализация по странам исхода. Ведущими специалистами по прочности и металлургами работали выходцы из России, частично из Англии, авионики и электрики — из Америки, Южной Африки, «французы», — зачастую, аэродинамиками и так далее. Это было невероятным сосредоточением инженерных мозгов всего мира, причем все говорили на общем языке — иврите.

Иногда я оглядывал сидящих за столом во время заседаний и в душе поражался органичному сочетанию различных инженерных школ, находящихся вокруг моего стола. Кембридж, Сорбонна, Технион, Ленинградский Кораблестроительный, Технологический Казанский и прочее В этом была истинная сила еврейского народа. Это и наша Израильская гордость.

Не обошлось и без приятного курьёза. Я много лет работал с израильтянином, доктором наук, металлургом из Англии. Мы были хорошие приятели, часто работали вместе. Он постоянно, в течение многих лет, повторял, что моя фамилия ему почему-то очень знакома. Однажды мы всё же решили проанализировать, и, в конце концов, установили источник его сомнений. Оказалось, что он учился в Англии по книге моего отца, переведённой и

напечатанной там без его ведома. Отец в своё время изобрёл процесс жидкой штамповки металлов под давлением и написал об этом книгу. Мне было очень приятно слышать это от английского доктора наук. Как будто отец снова коснулся меня своей доброй и сильной рукой.

Никому из нас не приходилось создавать истребитель «с нуля». Опыт, который имелся, заключался в частичной модернизации боевых самолётов, а также разработке и установке их отдельных элементов. Мы никогда и не думали о новом проектировании. В Израиле просто не было таких огромных денег. У нас нет ни нефти, ни газа. Говорили, что Моисей специально водил евреев по пустыне 40 лет, чтобы угодить в такое место. Государство бедное, хотя граждане — относительно обеспеченные. Тем не менее, мы должны всегда поддерживать нашу армию и ВВС на высоком уровне боеготовности. У арабов и у нас состоял на вооружении один и тот же тип истребителя — «Ф16». Единственная разница заключалась в том, что арабы платили нефтедолларами, а нам давали те же самолёты бесплатно, чтобы мы не «брыкались».

Делали это не из любви к нам, а ради сохранения военного равновесия. Тем не менее, как можно получить преимущество в воздухе, если воюют две одинаковые машины, исключая, конечно, качественное преимущество наших израильских лётчиков? Все новые самолёты, после их доставки в Израиль, проходили переоборудование и вооружение нашими радарами, защитой и прочими элементами. На разработке и установке этих элементов мы до сих пор и специализировались. Американцы любили финансировать нам проектирование и отработку различных новых изобретений и технологий, зная, что потом это перейдет к ним. Так, в принципе, появилась идея нового самолёта-истребителя «Лави». Американцы перевели деньги, и мы приступили к работе. Как потом выяснилось, американцы вообще не верили в то, что мы сможем спроектировать и поднять в воздух новый истребитель. А что он окажется лучшим в мире, даже не брали в расчёт. Они считали, что вся наша игра с самолётом закончится разработкой нескольких интересных технологий, которые после внедрения перейдут к ним. Зачем иначе было давать деньги на самолёт, который опередит американский «Ф16» на пару поколений и задавит в конкурентной борьбе их собственный самолёт? Наши авионики, специалисты по радарам и оружейники уже годами трудились и разрабатывали собственные направления. Они только и ждали появления такой возможности, поэтому с воодушевлением встретили сообщение о рождении новой желанной платформы.

Как я уже говорил, опыт создания нового истребителя у нас был нулевой. Стали изучать нечто подобное в других странах. Во всём мире, включая СССР, существовала одна и та же схема. Прежде всего — выбирался самолёт, взятый в качестве базовой машины для изменений. Советниками были генералы с большим военным опытом, полученным ещё во время Второй мировой войны. Они-то и диктовали требуемые характеристики будущего самолёта. Нам, израильтянам, всё это не подходила И мы сделали это своим нестандартным еврейским способом. Посадили сто лучших действующих лётчиков (в званиях капитанов и майоров) за парты и попросили описать самолёт, на котором они хотели бы летать. На базе этого опроса составили перечень требуемых характеристик будущей машины. Когда мы, как авиаконструкторы, это прочитали, то поняли — никто из нас и не знал, каким должен быть самолёт будущего. Вот несколько примеров: когда лётчик пилотирует самолёт, почему он должен видеть перед собой огромное количество светящихся и мигающих приборов? Это ему просто мешает. Для решения данной задачи лётчикам установили телевизионные мониторы, показывающие главное «Т» (навигация и координация самолёта в полёте). Остальные приборы можно было вызвать на экране монитора по требованию. Наши лётчики отметили, что опускать голову для считывания показаний приборов — тоже неудобно. По их требованию, сделали отражение приборов на лобовом стекле. Вместо традиционного ручного прицеливания, наведение на цель производилось шлемофоном лётчика, поворотом головы. (До сих пор существуют разногласия, кто в мире это сделал первым, но мы то знаем, кто!).

В мире авиации испокон веков было принято, что при катапультировании, сначала отбрасывался фонарь — стеклянная крыша кабины. Механизм фонаря весил много, иногда заедал, при этом тратилось время. Лётчики логично объяснили: нет надобности в сохранении фонаря, если самолёт всё равно разбивается. Было найдено элементарное решение. На «Лави» лётчик вышибал фонарь своим креслом и проходил сквозь него. Таким образом, экономилось драгоценное время и вес. Можно ещё долго описывать различные новые элементы, примененные нами. Технологии проектирования и производства, применённые на нашем самолёте, также отличались нестандартностью и революционной новизной. Сегодня наши нововведения уже не являются секретами, применяются во всех развитых странах мира.

Я считаю, что «Лави» — был переходным этапом к другому, более современному образу мышления авиаконструкторов.

Моё участие в проектировании самолёта «Лави» началось с

крыла. Я должен был просчитать и прочертить центральную балку крыла с тем, чтобы аппроксимировать вес остальных балок и крыла в целом. Это большая работа, позволяющая дать довольно точную оценку веса будущего крыла самолёта и разобраться с его центровкой. После этого я перешёл в группу центральной часта самолёта и вскоре принял руководство ею. Затем меня перевели руководить проектированием задней части самолёта, где находился двигатель. Так я и передвигался по самолёту в качестве конструктора-руководителя, пока не изучил его полностью), самолёт был разделён административно на три части плюс крыло).

Мой начальник — Йоханан. Он был Генеральным Авиаконструктором Концерна. Под его руководством в то время находилось около 800 человек. Йоханану подчинялись всё, что касалось проектирования самолётов, а именно, проекты: «Лави», «Бествинд», «Астра», «Арава», «Кфир», начавшиеся в то время первые беспилотные самолёты. И несколько других проектов. Он — хороший человек и умный руководитель; всегда поддерживающий свою команду Общаться с ним было легко и просто, тем более что мы ровесники.

С продвижением проекта «Аави», потребность в конструкторах начала катастрофически увеличиваться. В поисках специалистов, мы стали обращаться в центры абсорбции, на курсы изучения иврита. Мы «снимали» людей прямо с трапа самолёта, приземлявшегося в Израиле. Большая часть инженеров-проектировщиков были из бывших граждан СССР. Часть из них, попадая к нам, не знали ни иврита, ни английского, и мне приходилось объяснять им работу по-русски. Мы объявили набор иностранных специалистов. В западном авиационном мире существует группа кочующих специалистов-проектировщиков. Эти люди называются «Job shoppers». Они имеют свой союз и работают в разных местах мира по найму. Их услуги требуются тогда, когда проектируется новый самолёт и в период пиковой нагрузки не хватает постоянных работников. Я интервьюировал многих из них перед принятием на работу. Среди них встречал конструкторов, знакомых мне ещё по работе на «Вествинде». Набрали около ста таких специалистов. Когда закончилось проектирование самолёта, наша инженерная группа уже состояла из 3000 инженеров и техников. Были расширены технические лаборатории. Полным ходом работала аэродинамическая труба. Созданы испытательные стенды для проверки самолётных систем, для усталостных испытаний корпуса самолёта и его крыла. Было чем гордиться нашему Концерну!

Одним из важнейших административных введений —

создание категорий оплаты, так называемый «мехкар» (исследователь-учёный). Существовало несколько ступеней «мехкара», и идея его состояла в решении проблемы оплаты хороших специалистов, которые не могут или не хотят быть «начальниками». Кандидат на степень исследователя, специализирующийся в определённой области, представлял свою практическую работу на рассмотрение комиссии (это равносильно внутризаводской защите диссертации на кандидатскую или докторскую научную степень). Работа должна быть выполнена в рамках Концерна и представлять собой научную или техническую ценность. В случае присвоения такой степени, работнику назначалась персональная зарплата и дополнительные социальные условия. Всё это сохранялась за ним до пенсии, независимо от занимаемой должности.

Отпадала необходимость становиться «начальником» и двигаться по служебной лестнице для повышения своей зарплаты. Эта система позволила задействовать на рабочих местах крупнейших и уникальных специалистов.

Работа на «Лави» наложила на нас особые требования секретности. Несомненно, что друзья-американцы проявляли большой интерес к тому, что творится у нас за закрытыми дверьми. Бывшая родина, СССР, также проявляла особый интерес к нам и к нашему творению. Ходило много разных слухов по миру и все хотели знать, что же «эти евреи там творят». Насколько я знаю, во время проектирования самолёта информация особо не просачивалась.

Промелькнула газетная статья о задержании двух наших соотечественников за шпионаж, но они работали довольно далеко от центра нахождения информации.

Многие, принятые в то время на работу русскоязычные инженеры, ещё не имели допуска. Они сидели в отдельной комнате, а я выносил им туда работу, ставил задачу и объяснял, как это нужно сделать. Всё это делалось осторожно, не касаясь тематики и данных, которые они не должны знать до получения допуска. Помещения — всегда с кодовыми замками, и только некоторые конструкторы имели право посещения всех кабинетов. Ввелись строгие правила безопасности. Нам запрещалось иметь двойное гражданство, посещать посольства иностранных государств, встречаться с советскими гражданами. Запрещалось разговаривать с иностранными гражданами на профессиональные темы. Существовала ещё куча ограничений, связанных с личной безопасностью. Нам всё это было понятно, мы имели соответствующий опыт работы в СССР и эти ограничения соблюдали.

Не обходилось и без курьёзов. У нас работал конструктором Алексей. Инженером он был хорошим, но каких-то «винтиков» в голове у него всё же не хватало. Однажды он с женой поехал в Париж отдохнуть. Приехав в Париж, чета наших туристов захотела посетить Лувр. Поскольку английский язык они знали плохо, Алексей позвонил в советское посольство и спросил по-русски, не ожидается ли у них организованная экскурсия в Лувр. Из посольства ответили, что да, мол, намечена экскурсия на завтра. По всей видимости, в посольстве подумали, что какой-то советский гражданин оказался в Париже и хочет приобщиться к французской культуре. Дальше Алексей рассказал так: «Утречком мы присоединились к группе. Нас приняли с большим уважением. Кроме нас, супружеских пар не было. Мы заходили в магазины и покупали всякие сувениры. Советские туристы ничего не покупали. Они всё время пересчитывали деньги, боясь их тратить. Каждый раз, когда моя жена чего-нибудь покупала, все смотрели на неё с большим уважением и завистью. Я, случайно, наступил женщине на ногу, перепутал языки, и сказал: «Слиха», — на иврите это «извините». Она очень подобострастно ответила мне: «Слегка, слегка», и закивала головой».

Как известно, в Советском Союзе никому, кроме очень крупных чинов, не разрешалось выезжать парами за границу. Советским людям, выезжающим за рубеж, обменивали очень маленькие суммы в долларах. Туристы сувениров, конечно, не покупали, так как им жалко было денег. Каждый цент ещё заранее, в Москве, был рассчитан и предназначен для покупки одежды или радиотоваров. А тут человек приезжает с женой, да ещё деньгами повсюду «сорит». Так что, приняли нашего Лёшу, видимо, за генерала КГБ. Эта история имела своё продолжение и в Израиле. Как только Алексей приземлился, его тут же арестовали. Я полагаю, что за ним следили ещё в Париже. Через пару дней нам позвонили из службы безопасности и сказали: «Скажите, где вы такого идиота откопали? Таких глупцов к нам ещё не попадало!.. Пусть продолжает работать! Только смотрите, чтобы он вам двигатель в самолёте задом наперёд не поставил!» Алексей ещё длительное время пересказывал нам свою историю. Каждый раз он заканчивал её тем, что так и не понял, зачем его всё-таки допрашивали в службе безопасности, а потом так неожиданно отпустили.

Начали мы проектирование с обычных ватманов, кульманов и карандашей. Потом на смену карандашам пришли рапидографы. Затем появились первые личные компьютеры с чертёжными программами. Когда мы закончили проектирование самолёта, в наших конструкторских отделах стояло самое современное

компьютерное оборудование.

Получив под своё начало первую группу, я начал организовываться. Почти сразу проявились две основные проблемы, требующие немедленного решения. Каждый ведущий конструктор получал своё помещение на самолёте для размещения систем и установки агрегатов. Он конструировал в выделенном ему пространстве, не принимая в расчёт соседа за стенкой. Сосед за стенкой делал то же самое, также рассчитывая, что партнер подстроится к нему. Результатом стали постоянные нестыковки систем, трубопроводов или кабелей, хотя координаты соединений были определены заранее. Возникла проблема интерфейсов, интеграции конструкторской работы.

Вторая проблема заключалась в том, что каждый конструктор проектировал и прорисовывал для себя собственные узлы крепления и у каждого они, естественно, были разные. В то время не существовало стандартных узлов крепления. Каждый проектировал для себя, а это приводило к существенным потерям конструкторского времени и удорожанию разработок и производства. Я назначил самого свирепого англичанина, Джона Крейга, осуществлять контроль чертежей, В его функции включил также стандартизацию узлов. Надо было заставить конструкторов использовать одинаковые, уже спроектированные узлы.

Англичанин долгое время осуществлял настоящий «террор» в группе, пока конструкторы не привыкли к новым требованиям. Итальянца Джованни Аверса я назначил интегратором и «хозяином» самолёта, так что каждый ведущий конструктор при постановке задачи получал у Джованни координаты пересечения отсеков системами, трубопроводами и кабелями и сдавал ему работу после окончания. Такие же правила я ввел и в других, подчиненных мне, группах.

Иногда нам очень не хватало практического опыта проектирования подобного вида машин. Важно было посмотреть и пощупать самолётные системы и понять, как решали подобные проблемы другие конструкторы. Израильские ВВС очень помогали. Я брал ребят, и мы ехали на военно-воздушную базу. Самолёт уже дожидался. Вооружившись гаечными ключами и измерительными инструментами, мы часами лазали по самолёту жадно впитывая информацию и рисуя эскизы. Вот где пригодилась советская школа творческого «передирания»! Как сказал великий русский писатель: «Зачем придумывать придуманное? Бери, что сделано, и иди дальше — в этом сила человечества».

Одним из моих персональных вкладов в авиацию, которым я очень горжусь, было внедрение полномасштабной электронной

модели. Обычная схема доводки самолёта до первого летающего образца, традиционно включала в себя изготовление и сборку полномасштабной металлической модели.

Все элементы её изготавливались по чертежам самолёта и собирались так же, как обычный самолёт, с единственным исключением — модель была нелетающей. Этот образец нелетающей машины предназначался для установки агрегатов, подгонки труб и кабелей. Так было всегда. В ту пору компьютеры всё ещё использовались, как простые чертёжные машины. Внешние обводы самолёта снимались с единственной объёмной полой компьютерной модели. Я предложил отказаться от создания металлической модели и сделать такую же электронную. Тогда каждый начерченный на компьютере плоский элемент следовало превратить в объёмную деталь и установить его в трёхмерную компьютерную модель. После того, как все детали корпуса приобретали объём и установлены внутри модели, можно было установить в ней коробки и механизмы. Затем, в этой же модели, по месту можно провести трубы и кабели.

Проблем обозначилось три. Во-первых, нужно было создать единый файл, обладающий огромной памятью, который становился электронной моделью. Во-вторых, — доработать несколько программ для придания объёма элементам. В-третьих — обеспечить правильное поддержание этого огромного файла.

Любая ошибка или небрежность в работе с моделью могли привести к необратимым последствиям. Когда я первый раз заикнулся об этом Йоханану, он и слушать не хотел. Но я настаивал. Мы несколько раз обсуждали создавшееся положение. Наконец, разрешили провести эксперимент. В тот момент я возглавлял проектирование задней части самолёта с двигателем. Вот эту часть мне и разрешили делать электронной. Много энергии потребовалось, чтобы убедить программистов взяться за работу. В конце концов, они сами воодушевились больше меня и взялись за дело. Началось совместное творчество по созданию модели. Это был тот самый уникальный случай, когда программисты работали рука об руку с проектировщиками самолёта. Наконец, программы и модель были готовы. Я поручил Джованни быть ответственным за электронный файл. По завершению подготовительной работы, спроектировали и изготовили трубы уже по электронной модели.

Результаты произвели переворот в нашем сознании. По статистике, каждая труба, сделанная внутри конвенциональной металлической модели самолёта, переделывалась в среднем 12 раз, до получения окончательного разрешения на установку в

«живом» самолёте. В электронной модели, где полученный компьютерный файл с трубой следовал напрямую на гибочный электронный станок, труба переделывалась всего 0,1 раза. Эффективность проектирования выросла в 120 раз! Результат был невиданным. В принципе, получалось, что измерения зазоров между прокладываемой трубой и элементами самолёта, осуществлялись в электронном поле, а не физическом. Поэтому отклонения размеров были практически нулевыми. По факту это означало, что только одна на каждые десять труб менялась. Такого результата даже я не ожидал. За это я получил свой первый «мехкар» — категорию, равносильную внутризаводской кандидатской степени. Чуть позже мне присвоили звание лучшего изобретателя и рационализатора в Авиационной Промышленности 1987 года.

Приближался день первого испытательного полёта нашего нового истребителя. Мы все работали на износ, чтобы успеть закончить документацию перед первым подскоком самолёта (первый раз самолёт только разгоняется и подскакивает на лётном поле). Уже принесли «бегунок» — разрешение на начало испытаний, которое я должен подписать.

Прошло не так много времени после взрыва американского «Челенжера». У него была, как известно, проблема в топливной системе. Мы много раз обсуждали и анализировали это неприятное событие, пытались провести какие-то параллели к нашему проектированию, хотя прямого сравнения быть не могло. Я сотни раз перебирал у себя в голове нашу топливную схему, и вроде у нас ничего неожиданного не должно было случиться. Самолёт-истребитель представляет собой реактивный двигатель, «верхом» на котором, сидит человек.

Двигатель закреплён в корпусе самолёта при помощи двух массивных конических штифтов, внешне похожих на бутылки. В верхней части шахты двигателя расположен направляющий профиль, координирующий двигатель при установке. Основная нагрузка в полёте воспринималась «бутылками». Представьте себе, что при разгоне самолёта эти бутылки прогибались на 12 миллиметров вперёд по отношению к корпусу самолёта. Это означало что все системы, присоединявшиеся непосредственно к двигателю и обслуживающие его, должны быть шарнирными, чтобы воспринимать движение двигателя по отношению к корпусу. Особое место занимала топливная система. Разработанный специальный шарнирный элемент присоединения топливной системы к двигателю выполнял одновременно функции топливного фильтра. Для разработки этого фильтра создана специальная расчетная модель, дающая возможность

проверить поведение гибкого элемента в разных вариантах и условиях. Затрачено много финансовых средств и времени на американском предприятии, где заказывалась эта работа. Примерно за три недели до первого вылета я проснулся ночью и стал в уме перебирать топливную систему. Дойдя до фильтра, стал опять пересчитывать степени свободы механизма присоединения к двигателю. Каждый раз мне не хватало одной «степени свободы». Грубо говоря, двигатель, по моим расчётам, должен был сломать соединительные фланцы топливной системы, керосин выплеснулся бы на двигатель и самолёт бы взорвался. Меня прошиб холодный пот.

Я сам не занимался топливной системой, над ней трудилась одна из моих групп. Это был первый раз, когда я случайно задумался над этим. Рано утром помчался на работу и сразу пошёл в топливную группу. Мы просидели всё утро, пересчитывая и моделируя степени свободы. Результат был одним и тем же. Мы пришли к выводу что самолёт не мог взлетать! Ещё сутки потратили, дозваниваясь в Америку и пытаясь задействовать компанию-изготовителя топливного фильтра, но реального решения не было. Решили действовать своими силами. Я позвал Сашу Штайнберга, руководителя одной из групп, и предложил ему взять на себя решение этой необычной задачи. Действовать надо быстро, осторожно и не поднимая паники. Очень многое зависело от первого полёта, и никто даже не мыслил о его срыве. Вместе с Сашей сидели за эскизами, искали оптимальное решение проблемы. Нашли. Можно добавить всего одну недостающую степень свободы, надев на существующий фильтр внешний хомутик и прикрепив его через подшипник к балке самолёта. Конструкция была необычная, очень русская, очень простая, но могла функционировать.

Саша со своими ребятами работал несколько дней, не выходя из конструкторского бюро, пока чертежи не были закончены. Затем в том же темпе изготовлены все детали и установлены на самолёте.

Когда, впоследствии, посетители осматривали самолёт, они всегда задавали один и тот же вопрос: «А что это за странная и симпатичная конструкция, непохожая на все остальные?» Я всегда отвечал: «Это наше очень секретное приспособление, выручающее самолёт и лётчика в нужный момент. Точных объяснений, к сожалению, дать не могу». Все понимающе улыбались.

Один из этих фитингов (установочный структуральный элемент) до сих пор стоит у меня на письменном столе как память о боевой молодости.

Глава 31
Авиация — после «Лави»

Настал день первого полёта нашего истребителя. Все крыши зданий Концерна были, буквально, забиты людьми. Наш самолёт в сопровождении «Кфира» и «Вествинда» гордо продефилировал над головами.

Это была победа — наша общая победа! Все чувствовали большой душевный подъём, некоторые прослезились. Разве мы мечтали когда-нибудь о том, что сумеем создать свою боевую машину, которая будет не хуже «Сухого» или «МИГа» в нашей стране, нашими еврейскими руками!

Потом сразу началась «пляска ведьм».

Наше Правительство, под давлением американцев, стало искать причины: почему этот самолёт нельзя производить серийно. И вообще, почему его надо срочно стереть с лица земли, чтобы даже духу его не осталось?! Это было уже не «еврейское местечко»! Это была большая политика и конкурентная борьба. С «той стороны» работали профессионалы, наша сторона была представлена убого и непрофессионально. Газеты наполнились ложью и дезинформацией. Нам, работникам Авиационной Промышленности, было категорически запрещено говорить. И мы молчали. Во всей этой раздутой кампании не было логики, то есть, она была, но — другой. И не нашей. Никто даже не заикался о плохом качестве самолёта. Все говорили, что нет смысла его производить серийно. Такой вопрос должен решаться по-другому — с помощью предварительного маркетинга. Если оказалось бы, что нет фактического спроса на самолёт, его можно было бы не производить. До этого этапа даже не допустили. Не надо быть крупным специалистом в бизнесе для понимания того, что сборка самолёта в Израиле стоит дешевле, чем в Америке. Но нужно быть превосходным специалистом в бизнесе, что бы суметь перекрыть кислород конкуренту. Такие специалисты у американцев были, и они свою работу сделали.

Наступили тяжелые времена. Проект закрыли практически мгновенно. Американцы оплатили огромные неустойки поставщикам. Они финансировали также компенсации тысячам увольняемых из Концерна. Нам, оставшимся, они оплатили работу, которой не было, за год вперёд.

Первое, что сделало руководство Авиационной Промышленности, это составило списки «золотого фонда» Концерна. Всех руководителей — от ведущих конструкторов до

начальников КБ попросили составить списки своих работников по их профессиональной ценности, безотносительно к зарплате и должности. Самый лучший и квалифицированный специалист — первым в списке, самый плохой — последним. Поскольку имена повторялись на разных уровнях оценщиков (руководитель звена, группы, отдела), списки сгруппировали, создав единый по объединённому конструкторскому бюро. Первых сто человек объявили «золотым фондом, не подлежащим увольнению, и первыми кандидатами на любое продвижение внутри Концерна. Списки эти засекретили и закрыли в сейфе. Через две недели в Тель-Авиве появились представители ведущих американских авиакорпораций и все мы, «золотой фонд», получили приглашение на встречу в Тель-Авиве.

Мне предложили получение гринкарты и американское гражданство, огромная по тем временам зарплата, помощь в обзаведении квартирой и машиной. Американцы брали на себя также организацию нашего переезда в США. Как было сказано, это только начальные условия переговоров. Должен сказать честно, что эффективность работы американцев вызвала у меня огромное уважение. Мы с женой уезжать отказались.

С этим временем совпало наше семейное несчастье. Мама стала жаловаться, что у неё першит в горле и что-то мешает ей есть... После проверки; врач внимательно посмотрел на родителей и сказал, что всё в порядке. Меня он попросил пройти к нему, чтобы оформить документы. В кабинете он сразу сообщил мне, что у мамы рак пищевода. Ей оставалось жить несколько месяцев... Я вёз родителей домой. Мама с папой сидели на заднем сидении. Они вслух обсуждали дальнейшие планы и были счастливы. Был уже поздний вечер. На улицах стало темно. Сидя за рулём, я перебирал в голове, что же можно сделать, и не находил решения. Мама, сидя на заднем сидении щебетала, что, слава Богу, всё обошлось и что, именно теперь и именно теперь, у них начнётся новая прекрасная жизнь. Я сидел молча. Неожиданно у меня потекли слёзы. Я плакал второй раз в жизни.

Встал вопрос — оперировать или нет. Отец сказал, что он не может взять на себя решение. Что он уже стар и у него уже нет сил. Он попросил меня решить. Операция ожидалась очень страшной, но самое главное, выигранное для мамы время жизни должно было быть оплачено дополнительными страданиями. Я сказал, что, по моему мнению, надо не мучить маму, а дать ей возможность уйти из жизни, как можно безболезненнее. Папа согласился, поставив условие, что он и только он сам, лично, будет ухаживать за мамой...

Мама ушла. Папа бродил, как неприкаянный. Мы с братом

настояли на том, чтобы половину времени он жил у Бори, половину — у меня. Я уже упоминал, отец как-то задумчиво сказал мне, что он вот приведёт все дела после мамы в порядок, а потом уйдёт за ней. Я не принял его всерьёз. Через пару месяцев отец попросил меня забрать его не из Бориного дома в Иерусалиме, а из своей квартиры в Ашдоде, куда он должен был заехать на одни сутки. Звонил туда целый день — никто не отвечал. Появилось нехорошее предчувствие, Я поехал в Ашдод. В родительской квартире горел свет, хотя было ещё светло. На мои звонки никто не отвечал.

Я высадил дверь. Отец лежал на полу раскинув руки. Он был мёртв... Я вызвал полицию, а потом позвонил родным. Первая мысль, которая у меня промелькнула, что надо вывезти тело отца до того, как приедет Рахель и Борис с женой. Им будет тяжело когда они увидят тело отца — они ещё не видели мёртвых, Я сел около папы на пол. В голове мельтешили разные мысли. Прикоснулся к его руке. Она была холодной. Жизнь ушла. Приехала полиция. Попросил разрешение вывезти отца и открыть окна, чтобы проветрить квартиру до прихода родных. Полицейский следователь разрешил после того, как я ответил на все вопросы об отце и принял на себя ответственность за естественность его смерти. Я также упросил полицейского не производить вскрытие и поверить мне, что это был инфаркт.

Видимо, следователь был опытным. Он не спорил и согласился. Я подписал все бумаги. Отца унесли. Приехали Рахель и Боря с Леной...

...Родители похоронены в Ашдоде. Отец купил место около мамы. Это было частью дел, которые он планировал сделать после смерти мамы и сделал.

Они лежат рядом...

Когда я вернулся на работу после "шива" и похорон, конструкторские залы уже опустели. Я бродил по пустым помещениям с тяжёлым сердцем.

Девяносто процентов моих ребят были уволены. Те, кто остались, чувствовали себя обманутыми и брошенными. Всех их можно было разместить в одном или двух залах. Так я и сделал. В один из дней пришёл к нам Иоханан и показал маленький беспилотный самолёт, спроектированный уже давно. Начал эпоху беспилотных самолётов в Израиле лётчик, любивший запускать модели самолётов и однажды прикрепивший к одному из них фотоаппарат. До «Лави» существовал маленький беспилотный самолёт, который и показал нам Иохнан. Я был знаком с ним, так как когда-то работал в этой группе, помогая выпустить этот беспилотник, под названием «Пионер». Двигатель, который

установлен там, был от... сенокосилки. Йоханан предложил нам всей нашей накопленной мощью и знаниями наброситься и спроектировать настоящий большой беспилотный самолёт. Говорил, что никто ещё никогда всерьёз не воспринимал эти машины, что он в этот проект верит. Кроме того, время-то наше всё равно уже оплачено. Так одна из групп положила начало новой эре беспилотных самолётов. Со временем мы заняли одно из ведущих мест в мире в этой области. Загрузки беспилотными самолётами было, конечно, мало, и нужно биться за получение международных контрактов. У меня и у других сослуживцев — полное отсутствие коммерческо-технического опыта добывания гражданских контрактов. А выхода не было. «Американский дядюшка» исчез. Надо выживать, искать работу; за которую платили живые деньги. Эти усилия увенчались успехом в трёх направлениях.

У меня работало три группы. С первой группой выиграли большой контракт на двигатель PW300. На основании наших разработок была построена поточная линия изготовления и монтажа капота двигателя PW300. Со второй группой удалось выиграть большой контракт стоимостью 250 миллионов долларов для элементов двигателя CFM56. Здесь тоже, на основании наших разработок, была построена в Концерне поточная линия, которая работает до сих пор. Каждый раз, когда я поднимаюсь по трапу в самолёт А340 и смотрю на двигатель, меня приветствует моё «боевое инженерное прошлое».

Третий проект, который я начал с третьей группой, привел к прорыву на мировом рынке грузовых самолётов. До того, как мы, израильтяне, вошли в рынок переоборудования пассажирских самолётов в грузовые, ситуация там была полностью монополизирована крупными производителями самолётов, такими, как «Боинг» и «Макдонел Дуглас». Учитывая законы в США, теоретически, монополии быть не могло. В соответствии с этими законами, концерн «Боинг» имеет права только на продажу своего самолёта и на техническую документацию, которая была им разработана. Эти права он получает после предъявления самолёта в FAA (Авиационные власти США) и получения сертификата лётной годности. Теоретически, любая организация имеет право перестроить тот же самолёт и получить на перестроенный ею самолёт права продажи. Всё это при условии, что FAA выдадут ему сертификат лётной годности на новую модернизацию. Чтобы получить такой сертификат надо выкупить у Боинга» базовую документацию по ценам, которые он запросит. По закону он обязан продать документацию, а вот по какой цене, это уже его коммерческое дело. Затем надо подготовить свою

документацию на переоборудование и со всем этим придти в FAA для прохождения процесса сертификации. Ещё никто и никогда не пробовал изменить и модернизировать самолёт «Боинг», вопреки желанию компании. Это было нереально. За каждый пояснительный инженерный факс «Боинг» требовал один миллион долларов.

В то время проглядывался кризис нехватки грузовых самолётов. Новые «воздушные грузовики» должны стоить, примерно, в пять раз дороже переоборудованных и очередь на них — на пять лет вперед. Переоборудование из пассажирского в грузовой требовало, по теоретическим выкладкам, простоя самолёта от трёх до шести месяцев. Таковы исходные данные для начала проекта. Острый кризис разразился сразу после теракта 11-го сентября, когда резко сократилось количество летающих пассажирских самолётов. Ведь каждый из них перевозил в своих трюмах ещё и груз. Рынок неожиданно потребовал большое количество грузовых самолётов, которых не хватало. К тому времени мы были уже готовы. В своё время Концерн принял стратегическое решение войти в рынок переоборудования пассажирских самолётов в грузовые. Для этой цели купили старый «Боинг B747-100 », названный «Электра». На мою группу легла техническая задача по проектированию, переоборудованию и сертификации этого самолёта.

Задача очень сложная и, с первого взгляда, невыполнимая. Надо было взять старый, двадцатилетней давности самолёт, разобрать его, укрепить его главную палубу, превратив её в грузовую. Затем спроектировать и врезать большую грузовую дверь на левом борту самолёта. Одна из проблем заключалась в том, что «Боинг» категорически возражал против нашей реконструкции его машины и отказался с нами сотрудничать. Для получения сертификата лётной годности FAA требовали от нас технических доказательств по прочности и целостности конструкции модифицированного самолёта. Для этого мы должны были положить на стол расчёты «Боинга» и приложить к ним наши добавочные расчёты на усиление конструкции. Официальные расчёты базового самолёта у нас отсутствовали. «Боинг» запрашивал за каждый кусок технической информации огромные деньги, которые мы заплатить не могли. Тогда прошлось идти нестандартным путём, строя доказательства на относительных данных.

Например, если в паспорте самолёта, разрешённая нагрузка в определённой точке допускалась 70 килограммов; а надо было увеличить её до 120, мы предоставляли доказательства на дополнительные 50. Опасность такого доказательства

заключалась в том, что существующие дополнительные, уже заложенные в конструкцию запасы прочности не использовались, и конструкция утяжелялась. Можно очень быстро скатиться к катастрофическому увеличению веса переоборудованного самолёта. Количество разрешаемого груза уменьшалось. Экономическая целесообразность использования такой грузовой машины снижалась и могла исчезнуть вообще. Тогда мы внесли второе революционное изменение. Палубные балки было принято усиливать прямо на самолёте. Проще говоря, на балку наклёпывались дополнительные листовые элементы для увеличения её момента инерции. Мы пошли другим путём. Стали полностью снимать существующие балки из самолёта и заменять их новыми, усиленными, рассчитанными на новую силовую нагрузку.

Однако демонтаж палубных балок мог привести к скручиванию корпуса самолёта, как скручивается полая труба. Этот вопрос мы решили технологически, меняя балки через одну, по очереди. В районе крыла нас ожидала ещё одна проблема. Центр корпуса самолёта, находящийся между крыльями, должен быть соединён гибкими связями, так как концы крыльев прогибаются вверх и вниз с амплитудой до полутора метров. Эту проблему мы решили конструктивно. Вырезка обшивки со шпангоутами в районе новой грузовой двери и образование огромной дыры, также могли привести к скручиванию корпуса самолёта. И эту проблему мы решили технологическим путём, зажав корпус самолёта огромной струбциной. (Зажима, похожего на тот, которым пользуется водопроводчик при откручивании гладкой трубы).

Через 10 лет после этого, когда я водил Генриха Новожилова, «отца российской авиации», по нашему самолёту, он не переставал удивляться нашему «революционному» подходу к решению технических задач. Особенно «патриарха» поразило наше «нахальство» и смелость в выполнении такого сложного проектирования без содействия «Боинга», несмотря на его сопротивление. Мы с Генрихом Васильевичем долго говорили о нестандартном подходе израильтян к решению вопросов.

«Закончились проектирование и расчёты модификации самолёта «B747-100». Теперь предстояло изготовить набор необходимых структуральных элементов и грузовую дверь. Это очень объёмная работа. Когда её завершили, начался монтаж на самолёте. Мои конструкторы поставили рабочие столы в самолёте и работали сутками с пересменкой. Проект закончен. Надо сдавать его в FAA. Не смотря на то, что проект прошёл все необходимые конструкторские и расчётные проверки, FAA

неожиданно потребовало полномасштабное испытание самолёта на «флаттер».

Это означало обеспечение свободного падения машины с высоты 10 000 метров. Такое испытание проводилось самим «Боингом» на первом новом самолёте всего один раз. Это очень тяжёлое испытание. Самолёт падает с огромной скоростью и вибрацией. Мы не боялись за наши балки и двери.

Боялись, что весь этот наш «авиаветеран» развалится на куски. Поскольку FAA поставило это последним условием получения сертификата, мы согласились.

На испытание приехало много народу, даже представители «Боинга». Самолёт не развалился, и мы получили первый сертификат FAA. Никто в мире не хотел в это верить, но это стало фактом. За переоборудование «B747-100 » я получил свой второй «мехкар».

Как позже выяснилось, с точки зрения инженерной, — это действительно был переворот. А с коммерческой точки зрения — провал. Оказывается, мы переделывали самолёт, который не имел спроса на рынке. Пришлось срочно проектировать переоборудование самолёта, «B747-200», более вместительного. Технически этот вариант был простым, и делался он уже по проторенной дороге. Мы получили и этот сертификат, за ним последовали самолёты «B737», «B767», «B747-400», и даже «B757», сделанный вместе с «Боингом». На сегодняшний день Авиационная Промышленность Израиля — единственный Концерн в мире, имеющий право переоборудовать все типы «Боингов» из пассажирских самолётов в грузовые.

Нестандартный подход — это одно из качеств, которое я сам очень уважаю в нас, израильтянах. О подобном я услышал также от моего друга Цви. Он рассказал о том, что произошло с ним во время войны Судного дня. Будучи молодым лейтенантом, только что окончившим Технион, он был назначен инженером, ответственным в ВВС за безопасность полётов. В это время египтяне, неожиданно для нас, задействовали в массовом масштабе тепловые советские ракеты. Такие ракеты автоматически наводились и шли на самое горячее место в самолёте — на его турбину. Самолёты стали падать один за другим. В течение нескольких часов было сбито большое количество машин. Ситуация становилась катастрофичной. Требовалось быстрое инженерное решение, хотя бы на первое время. Цви его нашёл. Он дал указание привязывать к задней части самолёта кусок рельсы на канате. Рельс, тянущийся буксиром за самолётом, накалялся от выхлопных газов, и тепловая ракета попадала в него, как в самое горячее место.

Когда самолёт взлетал, рельс тащился за ним по лётному полю, издавая неимоверный звон. Время было выиграно, человеческие жизни спасены. Уже потом, стали удлинять выхлопную трубу самолёта, чтобы тепловые ракеты сбивали её. Теперь средством борьбы с тепловыми ракетами во всех армиях мира, являются тепловые свечи, выстреливающиеся самолётом и уводящие тепловые ракеты противника в сторону.

Это ли не достойный пример нестандартного мышления? Хотя, впрочем, есть и недостойные примеры нестандартного мышления.

Один из близких мне людей, доктор наук по прочности, работал в соседней группе на «Лави». В этом коллективе трудились человек 15 «прочнистов», среди которых было 13 молодых людей с первой степенью Техниона и только два доктора (с третьей степенью). Оба доктора —высококвалифицированные специалисты, но плохо знавшие иврит. В Концерне существовала в те годы особая система оценки качества работников. Каждые несколько месяцев руководители группы заполняли анкету оценки деятельности своих подчинённых. Анкета затем обсуждалась с сотрудником, который должен ознакомиться с оценкой своей работы и дать своё письменное согласие на итоговый балл. От него зависела скорость продвижения работника по службе и его зарплата.

Однажды я сидел в своём кабинете и проверял анкеты, заполненные руководителями групп, составляя одновременно анкеты на них самих. Мой доктор заскочил ко мне по какому-то вопросу и спросил, чем занимаюсь. Я объяснил ему правила игры с этими анкетами и добавил, что не имеет значения, что тебе говорят, важно какой балл присвоят. У чертёжников баллы колебались от 10 до 40, у техников — от 30 до 60, у инженеров — от 50 до 80, у докторов — от 70 до 90. Знание иврита значения не имело, оценивались только профессиональные знания и умение работать. Мой доктор меня особенно и слушать не хотел, но я всё-таки его предупредил, что если ему дадут меньше 80 баллов, он не должен подписывать. Через несколько дней мой доктор смущённо говорит: «Ты знаешь, сказали; что всё нормально и хорошо, но поставили 30 баллов, и я не подписал». Оказалось, что произошло невероятное. Руководителем группы «прочнистов» был молодой нахальный парень. Его, как потом выяснилось, очень «грызло», что в первую очередь надо продвигать «докторов». Более того, это мешало ему уже много лет. Он придумал свою систему. Для того, чтобы лишить докторов права повышения зарплаты и «мехкара», он должен ставить им балл ниже инженера и непрерывно показывать регрессию. Его начальник, прекрасно

понимая это, подписывал анкеты без лишних вопросов. (Они оба принадлежали к остаткам «корабельной мафии»). Это было грубое нарушение правил Концерна, так как снижение оценки по анкете сказывалось на сумме профессиональных баллов. То есть, в анкете фактически отмечалось, что профессиональные возможности доктора наук ниже рядового техника. Если это так, то надо немедленно забрать у доктора право подписи на чертежах и расчётах. Я сказал своему близкому человеку: «Теперь ты можешь получить в Авиационной Промышленности такую должность, которая тебе нравится. Например, ты можешь стать руководителем группы прочности и заменить своего начальника. Для этого ты требуешь собрать паритетную профессиональную комиссию с независимыми членами, чтобы решить спор между тобой и твоим начальником. Там вам обоим должны быть поставлены одинаковые прогрессирующие задачи по прочности. Если окажется, что твоя профессиональная квалификация выше оппонента — значит он тебя оклеветал, и ты требуешь занять его место. Всё просто!» ... Когда «разошёлся туман», поняли, что произошло — как все забегали! Начальник доктора понял, откуда «ноги растут», и его начальник тоже. Они стали ходить ко мне по нескольку раз в день и просили уговорить доктора и его друга снять свои претензии. У них появился вполне обоснованный страх тяжёлых персональных последствий этого дела. Я отвечал им, чтобы «шли землю копать», а не людьми руководить и выгонял из кабинета.

К сожалению, всё вышло не так, как я хотел. Доктор всерьёз обиделся и не хотел больше работать на проекте «Лави», попросив перевода на проект нашего космического спутника. Смена места работы замораживала вопрос с представлением анкеты. Его с большим почётом и нескрываемой радостью проводили, представив наилучшие характеристики. Там он проработал до пенсии, создав уникальную серию расчётов на прочность, позволившую запустить израильские спутники. Не так давно была опубликована статья о его вкладе в развитии технологии и конструкции израильских космических спутников.

...Моим новым начальником вместо Иоханана назначили доктора Унгера. Он был руководителем другого типа — интеллигент и сибарит. Однажды Унгер вызвал меня и попросил о личном одолжении. Дело в том, что наши военные инженеры спроектировали и построили на базе трофейного советского танка новую израильскую самоходку. Это обычное дело. Каждая война в Израиле заканчивалась захватом огромного количества трофейных советских танков и вооружения. Часть шла на продажу, часть использовалась и переоборудовалась для наших

целей. У советских танков хороший металл, которым мы пользовались.

Новая созданная самоходка оказалась настолько тяжела, что не могла сдвинуться с места. Унгер попросил меня поехать и посмотреть, что можно сделать и чем им помочь. Я спросил его, почему он посылает именно меня? Он ответил, что скажет по возвращении. Я поехал в армию. Меня встретили с большим уважением, как встречают специалиста с мировым именем (потом оказалось, что Унгер попросил хорошие деньги за консультацию). Показали чертежи, строящийся конвейер и опытные образцы машины. Предстояло отделаться от полутора тонн веса, чтобы задействовать самоходку. Я внимательно осмотрел всю конструкцию, которую наращивали на базовый советский танк. Конечно, можно сбавить несколько сотен килограмм, но этого явно не достаточно и потребовало бы больших переделок.

Я перешёл к осмотру того, что осталось от танка. Это — огромная стальная ванна со стенами толщиной в сорок сантиметров. Я спросил: «А разве у Вас нет своей боковой защиты?» Ответ был: «Конечно, есть. Нам не нужна дополнительная защита». Я взял кусок мела и начал рисовать полуметровые круги на стенках танка. Затем сказал, что всё это можно вырезать и сдать в металлолом.

Офицеры стали неуверенно возражать, что, мол, сам танк сломается. Я им объяснил, что в конструкции любой балки момент инерции в её середине равен нулю, и балка в этом районе не работает. На самолётах, где вес имеет решающее значение, в середине стенки несущей балки вырезают отверстия для облегчения конструкции. Я тут же прикинул и сказал им, что здесь, не глядя, можно снять около пяти тонн металла. Они недоверчиво смотрели на меня, как на инопланетянина. Я решил, что ребята молодые, только что после окончания Техниона, опыта у них было мало, но сообразят, когда подумают. Через два часа, когда я доехал до работы, Унгер вышел меня встречать. На лице его была широкая улыбка, он буквально таял от удовольствия.

Оказывается, эта история уже дошла до командующего бронетанковыми войсками. Все уже звонили Унгеру и спрашивали, что это за сумасшедший, которого он послал. Ему уже рассказали про мои крути мелом. Звонили так же в Технион.

Через месяц, когда я получил благодарность от армии за персональные заслуги в развитии бронетанковой техники, я зашёл к Унгеру: «Унгер, почему ты послал именно меня?» Он ответил: «Ты ещё не понял? Ты —единственный среди нас, имеющий двойной опыт работы — корабел и авиатор. Поэтому ты и обратил внимание на то, на что никто из нас не обратил бы».

Иногда я вижу в последних известиях мою «крестницу», воюющую на наших границах. Однажды сказал своим домочадцам: «Ведь это я вдохнул жизнь в эту самоходку». Они скептически посмотрели, не понимая какое отношение авиаконструктор может иметь к самоходке. Теперь об этом будут знать и мои близкие.

Приказом Президента Концерна меня перевели в группу заводов «Бедек» на время освоения ею технологии и конструкции переоборудования пассажирских самолётов «B747» в грузовые. Затем назначили Генеральным Представителем Концерна в Военной Промышленности и полномочным Председателем комиссии MRB (Material Review Board). Это комиссия, которая наблюдает за производством субподрядчика и уполномочена принимать необходимые технические решения на месте. Я взял с собой несколько специалистов для помощи. Нам пришлось приложить много усилий и времени, чтобы поднять производство в Военной Промышленности до авиационного уровня.

Это была моя последняя инженерная должность. Моя техническая и инженерная карьера продолжалась двадцать восемь лет.

Наступала новая жизнь и начало новой карьеры.

Глава 32
Хоть мы, евреи, и не распинали Иисуса Христа…

После закрытия проекта «Лави» началась самая некрасивая пора нашего Концерна, когда его руководство показало всю свою нелицеприятность, неумение и нежелание решать проблемы законным путём, отсутствие человеческого и гуманного подхода к людям. Нужно было уволить более пяти тысяч человек! В соответствии с существующими трудовыми договорами, увольнять следовало с конца, то есть первыми должны быть уволены те, кто пришёл последним. Условия для увольняемых сотрудников были хорошими. Им выплачивалась компенсация в размере 2,5 месячных зарплаты за каждый отработанный год. Руководство Концерна хотело уволить не тех, кто пришёл последним, а тех, кого оно считало нужным. Что само по себе понятно и объяснимо. Для того, что бы так сделать, необходимо получить согласие профсоюзов на изменение критериев увольнения. Но это требовало от обеих сторон профессионального умения вести переговоры и желания идти на компромиссы.

Поскольку и руководство Концерна, и члены правления профсоюза воспитывались на одной и той же «местечковой» культуре, не принимающей во внимание понятие «права человека», компромисс был сделан именно в этой области. Профсоюзы согласились с тем, что если работник увольняется добровольно, то они, профсоюзы, претензий иметь не будут. Работник-то не хочет уходить — как его заставишь подписать бумагу добровольно?! Отделы кадров подготовили переговорные группы, которые прошли ускоренные курсы психологов. Они получили необходимые навыки воздействия на людей путём унижения, оскорбления и давления на психику. Вся «операция» начиналась с того, что человека оповещали — он находится в «расстрельных» списках и должен сам себе подписать приговор. Затем руководство кандидата на увольнение предупреждалось, что сотрудника запрещается загружать какой-либо работой. Обычно сажали такого несчастного еврея в пустую комнату и заставляли сидеть целый день, не давая работы, запрещая даже читать техническую литературу.

Некоторых из увольняемых сажали на стул около двери отдела кадров, не разрешая куда-либо отлучаться в «рабочее время». Через определённые интервалы времени работника

вызывали и, в течение нескольких часов, популярно объясняли, что это он «угробил» «Лави», Авиационную Промышленность, да и государство Израиль. При этом непрерывно оскорбляли, заставляя подписать бумагу о добровольном отречении, одновременно обвиняя во всех смертных грехах. Я не знал о подобной вакханалии до тех пор, пока не столкнулся с этим лицом к лицу. В одной из групп работал пожилой инженер, выходец из Литвы — Ицхак. Я знал, что он прошёл немецкие концлагеря, а затем воевал в партизанах. Конструктор он был слабенький, но свою часть работы выполнял исправно. Меня предупредили, что часть людей увольняется по взаимному согласию и с ними проводятся переговоры. Более того, все эти люди находятся в ведении отдела кадров, и отдел кадров сам загружает их работой. Нас предупредили, что часть из этих людей, с которыми проводят переговоры, могут находиться в состоянии некоторого стресса, но мы, как руководители, не должны вмешиваться — мол, не наше дело. Этим будут заниматься специально подготовленные люди. Как-то, проходя мимо, я увидел, что Ицхак сидит за своим столом и плачет.

Я присел к нему и начал дружескую беседу. Сначала он не хотел говорить, побаиваясь меня, а потом «раскололся». После его рассказа у меня волосы дыбом встали. Я неожиданно осознал, что происходит вокруг. Стало стыдно за себя, за своё руководство, за Президента Концерна, за профсоюзы, за государство Израиль. Прежде всего, пошёл разговаривать по инстанции. Это была стена.

Говорить не с кем. Официально предупредили, что мне категорически запрещается вмешиваться в «кадровые» дела. Всё это находится вне моей компетенции. Моё официальное вмешательство будет рассматриваться как грубое нарушение своих обязанностей. Всё стало ясно. Я вернулся и подумал, что если не могу вмешаться официально, как начальник, то «войду» неофициально, как в добрые старые времена.

Вернувшись к Ицхаку, успокоил его и стал обучать, как себя вести в такой ситуации. Это был урок практической борьбы с властью. Я объяснил Ицхаку следующее: «Никто не имеет права, особенно официальный государственный служащий при исполнении обязанностей, оскорблять другого человека, обвинять его в грехах, которые тот не совершил. Вообще, категорически запрещено осуществлять психологическое давление на человека, чтобы заставить его поставить подпись на документе. Есть один верный способ, которым можно защититься в этом случае. Это ответное, встречное давление.

Сотрудник, сидящий напротив тебя, знает, что он поступает

некрасиво. Возможно, что он и не знает о личной ответственности должностного лица государственного предприятия перед законом. Может быть, он — просто нахал или дурак. Твоя задача объяснить ему, что, во-первых, ты его не боишься. Во-вторых, что ты знаешь свои права. В-третьих, ты обвиняешь его в личном оскорблении и подашь на него в суд. После этого попроси его написать на бумаге то, в чём он тебя обвиняет, или попроси разрешения записать вашу беседу на магнитофон. Конечно, ты такого разрешения не получишь, но этот служащий начнёт тебя остерегаться».

Я сформулировал ему ситуацию, так как её понимал. Преступления перед законом, которые руководство Концерна и сотрудник, действующий от его имени, совершают, следующие:

— подписание документа о согласии на увольнение насильно, с применением психологического давления — уголовное преступление.

— использование личных угроз, оскорблений, необоснованных обвинений в несостоятельности, включая возложение вины за судьбу Концерна, клеветы и других незаконных форм давления как средства убеждения — уголовное преступление.

— наказание государственного служащего сидением в пустой комнате — уголовное преступление.

— оплата государственными деньгами искусственно создаваемой безработицы, используемой как наказание — уголовное преступление.

Ицхак успокоился. Он задал мне несколько вопросов о том, как будет то или иное понятие на иврите, и пошёл в отдел кадров... Вернулся Ицхак другим человеком — свободным и сильным гражданином, живущим в своей стране.

Услышав историю Ицхака, ко мне пришли другие ребята, и я организовал «подпольный кружок выживания». Те из моих учеников, кто хотели остаться работать, остались.

Все эти незаконные методы воздействия и наказания использовались и в других случаях. Когда мой бывший начальник Йоханан, Генеральный Конструктор самолётов, поругался с Президентом Концерна, его тоже наказали, посадив в отдельную комнату и лишив работы. Это называли «холодильником». Так он сидел там полтора года до тех пор, пока ему, в конце концов, разрешили уволиться. Я часто заходил к нему, несмотря на запреты. Мы вели с ним длинные разговоры. Я поделился с ним опытом выживания и борьбы, объяснив всю незаконность обращения с ним. Человеку платили зарплату, а он лишен права работать. Это являлось грубым нарушением закона. Прежде всего,

сам человек разрушался от такого обращения. Он терял уверенность в себе. Это разрушительно действовало на всех членов его семьи.

Принцип трудовых отношений простой: если работник не выполняет возложенных на него обязанностей — уволь его по закону. Появился реальный шанс ударить по всей этой незаконной системе и разрушить её. У Йоханана были все возможности, собрав соответствующие доказательства, судиться с персоной, отдавшей приказ на применение такого типа наказания. Была реальная возможность смыть это позорное пятно с государства, создав прецедент, и примерно наказать самодуров.

Но Йоханан отказался, сказав, что не может себе позволить выступить против своего руководства.

Рабская, необъяснимая преданность начальнику, превалирующая даже над преданностью и заботой о собственном государстве и его законах. Я уж не говорю о нарушении элементарных прав гражданина демократической страны.

Всё, что описано, «было ещё ягодками» по сравнению со следующим изобретением руководства Концерна, переросшим затем в «народное достояние» всего государства. Это изобретение можно назвать обновлённой версией рабства.

Вскоре после «увольнения "Лави"», начался подъём деловой активности Концерна.

Авиационная Промышленность вышла на гражданский рынок и сумела получить много новых заказов. Появились новые проекты, для выполнения которых срочно требовалась квалифицированная рабочая сила, инженеры-проектировщики с опытом работы в авиации. Такие инженеры в Израиле были. Мы даже знали их адреса и телефоны. Они также выразили готовность придти к нам работать, но было одно препятствие. Эти люди уже были однажды уволены из Концерна по причине закрытия проекта «Лави». Взять их на работу обратно сложно. Конечно, это не моральные причины. Проблема — не в самих уволенных, а в израильском законе. При повторном приёме на работу уволенные должны вернуть предприятию полученные компенсации. Это важное условие, оговорённое Трудовым законодательством. Конечно, с точки зрения уволенных людей, требование совершенно абсурдное Таких денег они уже никогда бы не заработали. Отдать их обратно государству было бы поступком нерациональным и глупым. Итак, налицо существовало обоюдное согласие, но мешал закон. Что делают израильтяне? Вместо того, чтобы внести изменение в закон, они его просто обошли. Это стоило больших денег, но деньги же берутся не из личного кармана! Всё было организовано по

старому местечковому правилу: «Хаим! Хочешь заработать? Откроешь компанию по найму рабочей силы. Я дам тебе список людей с телефонами, которых ты наберёшь на работу. Я скажу тебе какие им платить зарплаты. Добавишь к этому свои расходы и прибыль. Выставишь эти счета на оплату в Концерн».

Так был обойден Закон о выплаченных компенсациях, и началась эпоха «рабства» в Израиле.

Первым принятым на работу еще повезло: они остались с компенсациями и получили зарплату.

Своё истинное развитие рабовладельческая идея получила позже, вскоре после этого, с появлением большой алии 90-х годов. Давайте вспомним, что тогда произошло. Израиль в то время находился в состоянии почти безнадёжном. Арабы скупали квартиры в еврейских городах, в Нацерете, в Лоде, даже в Тель-Авиве.

Строительство было монополизировано арабами. В больницах персонал говорил по-арабски.

В промышленности катастрофически не хватало инженеров. В школах не хватало профессиональных учителей. В армии не хватало солдат. Экономика — в застое. Как раз в это самое время «свалилась» на нас, как с неба, «алия» наших братьев из стран бывшего СССР.

По логике, должна была произойти революция в хозяйстве. Приехали десятки тысяч дипломированных инженеров, врачей, учёных, учителей. Мы стояли перед эпохой культурного и промышленного расцвета страны. Была срочно организована комиссия, определявшая ценность приехавших профессионалов для государства. Мне посчастливилось работать одним из её экспертов.

Интервьюируя приехавших людей, я находился в эйфории от их профессиональных качеств, возможностей и образования. Всё это занесено в компьютер, зарегистрировано. На этом всё и закончилось. Вопрос использования этих людей по специальности даже не поднимался.

Вот тут-то «израильское местечко» показало себя во всей красе. Идея создания «рабовладельческих компаний», как средство быстрого обогащения, распространилась по Израилю со скоростью звука. Профсоюзы, израильские «правдолюбцы и борцы за свободу», юристы, политики ,государственные деятели — все лицемерно и мгновенно приняли эту доктрину, освободив себя от ответственности за судьбу миллиона человек.

Очень быстро еврейское население страны разделилось на две группы. В одной группе образовательный статус и учёные степени уважаются, в другой — нет. Инженеров, таких как я, не

могут послать работать грузчиками.

А принадлежащего к другой группе можно и нужно использовать на черных работах. В одной группе — преподающие учителя без высшего образования, во второй — доктора педагогических наук, ухаживающие за стариками...

Когда-то в советских СМИ была модна рубрика «если бы кем-то был я...»

Так вот, если бы премьер-министром Израиля был я, то решил бы эту искуственно созданную проблему простым указом:

«В соответствии с законами Израиля... о соблюдении прав человека и гражданина, во всех государственных учреждениях и предприятиях категорически запрещается нанимать на работу и задействовать из любых посторонних источников израильских граждан с разными условиями оплаты за выполнение той же работы и на разных социальных условиях. Условия найма в государственные учреждения и предприятия должны осуществляться только прямыми договорами, без посредников. Виновные за нарушение этого указания будут привлечены к уголовной ответственности за нарушение прав человека и уволены по статье... Особая персональная ответственность возлагается на начальников отделов кадров предприятий и учреждений».

Сделать так — элементарная и прямая обязанность любого государственного деятеля, уважающего и любящего свой народ.

Ведь именно, это — понятие справедливости и равенства, всегда лежали в основе борьбы евреев с самодержавием и антисемитизмом. Здесь в Израиле, в нашем собственном государстве эти понятия игнорировались и затмились персональными интересами, алчностью и пренебрежением к чести и достоинству своих братьев по крови.

Хоть мы, евреи и не распинали Иисуса Христа, но душу из него могли вывернуть, безусловно...

Глава 33
Воинское братство

Жизнь продолжалась. Теперь она, как у всех израильтян, делилась на две неравные части — гражданскую и военную.

В личной жизни у меня ничего не менялось. Я, честно говоря, не очень хотел жениться. Да мне было не так уж и плохо. Наша семейная легенда говорит, что с моей будущей женой, Рахелью, я познакомился случайно. Однажды мне понадобилась дрель. Попросил своего приятеля одолжить мне её. Он дал дрель, с условием, что я заеду познакомиться с девушкой.

Девушку звали Рахель. Она жила рядом с местом моей работы в Лоде, что мне, как человеку рассудительному, и приглянулось. Однако вскоре мы поженились. Это было сделано тихо — в синагоге, в присутствии близких друзей и родственников.

Рахель стала моим другом по жизни и моим счастьем. Отличительная её черта заключается в том, что она очень надежный человек. Рахель служила в израильской армии, в артиллерии, куда попала после долгих усилий, вопреки желаниям родителей, будучи единственным ребёнком в семье. Она тонко чувствует партнёра и друга. В нужную минуту умеет мобилизовываться, не задавая лишних вопросов. Это очень ценная в жизни черта, свойственная израильтянкам.

Однажды мы ехали в машине и заблудились, попав в какую-то арабскую деревню. Вокруг крутились странные личности и обстановка становилась нервной. Я не успел сказать Рахели ни слова, как она вытащила пистолет, взвела курок и быстро, но спокойно произнесла: «Скажешь, когда стрелять». Мне очень понравилось, как она реагировала на опасность, появилось чувство гордости за свою жену.

Через год у нас родилась дочка Фани. Когда Фани исполнился год и Рахель была на последних месяцах беременности Яэлью, началась Первая ливанская война. Меня призвали ночью. Вторая беременность Рахели была тяжёлой. Она была ограничена в передвижении, что особенно неудобно при наличии годовалого ребёнка. Помогали все, кто мог. Рахель вела себя необыкновенно стойко и мужественно.

Ливанская война продолжалась три года. Это была моя первая полномасштабная война и первое путешествие за границу. Бейрут также стал первой столицей иностранного государства, которую я видел. Наша служба была периодической. Мы воевали,

потом нас сменяли, и мы возвращались домой на работу и к семье. Виды армейской деятельности тоже менялись. Служба на боевых машинах сменялась сторожевой. После долгого перерыва я снова увидел снег. Для ребят, родившихся в Израиле, снег был явлением новым и непонятным. Когда я показал им, как натирать уши снегом, чтобы не мёрзли, они побежали к врачу спрашивать, не сошёл ли я с ума.

Когда Фани было лет пять, она спросила меня: «Что такое снег?» Я подошёл к морозильнику, открыл его и показал ей иней. Она потрогала его, покрутилась, покрутилась, а потом осторожно спросила: «Сколько же в России холодильников?»

Одним из самых интересных моментов службы в Ливане была охрана лагеря военнопленных «Ансар». Там находились террористы всех мастей. Их делили на две группы. В коричневые комбинезоны были одеты боевики, захваченные «с кровью на руках», в синих комбинезонах — те, кто ещё не убивал. В лагере я в первый раз увидел наших врагов вблизи. Многие говорили по-русски.

Оказалось, что часть из них учились в Москве и Ленинграде. Были такие, которые считали себя идейными коммунистами. Я очень удивился гуманности, с которой наши военные власти относились к пленным. Около лагеря крутились молодые шведки и голландки, представительницы Красного Креста. Мне приходилось каждый день сопровождать их с нашими солдатами вовнутрь лагеря. Они скрупулезно проверяли доставку газет арестованным и предъявляли нам претензии, если газеты были старые.

Раз в неделю мы проводили свидание заключённых с жёнами и детьми. Это целая военная операция. Надо было отделить заключённых «свидающихся» от «несвидающихся». Затем мы препровождали «свидающихся», каждого в отдельное помещение, где они несколько часов оставались наедине со своей семьёй. Своим поведением заключённые напоминали не бойцов армии сопротивления, а отпетых убийц и уголовников. Гомосексуализм среди них был явлением обычным. Часто наблюдалась такая картина. В зоне из палатки выскакивал молодой мальчишка, полностью раздетый. За ним гнался здоровый мужик с чёрной мусульманской бородой, размахивая трусами. Хватал мальчишку за руки и втаскивал опять в палатку. Через час весь лагерь начинал скандировать: «Роцим доктор, акчав, акчав!». В переводе с ломаного иврита это означало: «Хотим немедленно доктора!» В свободное время я с доктором Мишей играл в шахматы. Каждый раз, услышав эти крики, тут же прекращали игру. Миша готовил инструменты и медицинскую сумку, бормоча под нос: «Кого же

сейчас пойдём зашивать?» Мы подходили к транзитной части ограждения. Наши солдаты передавали носилки в зону. Мы заходили вовнутрь. Миша вдевал нитку в иголку и принимался зашивать очередного «героя мусульманской революции». Однажды Миша сказал мне по-русски: «Вот подонки, я ведь этого паренька уже пятый раз зашиваю!». На следующий день мой «земляк», учившийся в Ленинградском университете, поклонник коммунизма и мусульманской революции, начал со мной очередной разговор по-русски. Он стоял в зоне в окружении своих друзей и спорил со мной о великой мусульманской религии. Я спросил, как связать великую мусульманскую культуру с гомосексуализмом и насилием. Вчерашний мальчик был одет в коричневый комбинезон — это означало, что он был убийцей и, по их понятиям, героем. Нисколько не смущаясь, под громкое одобрение присутствующих, мой арабский «земляк» ответил, что гомосексуализм — это часть арабских традиций. Женщина существует для рождения детей, а мужчина используется для удовольствия. Это была очень впечатляющая трактовка ислама.

Война — очень тяжёлое и грязное дело. Мы повидали всё, что может увидеть солдат на войне. В бою приходилось легче, чем ожидание во время обороны захваченных территорий. Бой короче, работают адреналин, солдатское братство и профессионализм. В обороне ты находишься в постоянном напряжении, что мобилизует нервную систему. Профессионализм, построенный на владении техникой, в обороне не помогает. Выручает только солдатское братство. С другой стороны — в обороне ты видишь страну и людей.

Как-то раз нашу группу бросили на охрану важного перекрёстка дорог в центре Ливана. Мы поставили несколько палаток, бульдозеры насыпали высокие брустверы и сапёры построили пулемётные точки. Перекрыли дороги заслонами. Останавливали и проверяли проезжающие машины. Нагрузка была большая. По вечерам я читал лекции свободным от дежурства студентам. Иногда занимался с ними индивидуально. Главной проблемой русскоязычных студентов был английский язык. Для студентов, рождённых в Израиле, главные проблемы — математика, теоретическая механика и сопромат.

Мы стояли там уже неделю. Всё шло своим чередом. Все спали, не раздеваясь, с заряжёнными автоматами под рукой. Однажды ночью, неожиданно, послышались за палатками короткие автоматные очереди. Мы выскочили и увидели необычную картину. Один из наших солдат сидел за внешней стеной бруствера на корточках, со спущенными штанами и стрелял короткими очередями в сторону леса. Оказалось, что он

вышел по нужде за бруствер и заметил подползающих террористов перед тем, как их заметил наш пост. Не успев натянуть штаны, он открыл стрельбу. Картина, конечно, была незабываемой и дала повод для шуток на долгие месяцы.

Через несколько дней после этого случая, недалеко от нас произошёл первый террористический акт с использованием грузовика, начинённого взрывчаткой. Он въехал прямо в здание, где находились наши солдаты. Было много жертв.

Военные санитарные машины сновали по дороге. По израильскому радио уже передали об этом событии. Я очень беспокоился за Рахель. Наши израильские жёны всегда знали, где, примерно, мы находимся. У них был опыт своей военной службы. Зная, что Рахель нервничает, не получая известий обо мне, попытался связаться по военной связи. Личные сообщения относительно этого взрыва были запрещены. Тогда я связался с нашим штабом и попросил поздравить мою жену с днём рождения.

Телефонистка с удовольствием это сделала, и Рахель поняла намёк. День рождения у неё был совсем в другое время...

...Друзья уже давно сообщили мне, что моя бывшая жена с сыном оставили пределы СССР и переехали на постоянное жительство в США. После получения этого известия, мы с Рахелью стали искать Максима, но безрезультатно. Неожиданно усилия увенчались успехом, мы нашли моего сына Макса в Америке. Это была большая радость. Вскоре он приехал сюда по билету, который мы ему послали из Израиля. Связь возобновилась. Из моей жизни исчезло последнее «белое пятно» неизвестности.

Судьба Максима сложилась необычно. Он закончил ортодоксальную ешиву. Сейчас мой сын, раввин Мордехай Токарский, возглавляет религиозный центр в Нью-Йорке (Бруклин). Я же с гордостью ношу почётное звание отца известного американского раввина.

Самая «удобная» для меня война — иракская, когда Саддам Хусейн забросал Израиль ракетами. Мы в первый раз находились вместе, всей семьёй, во время военных действий. Всеобщей мобилизации не было. Ночью спали вчетвером в одной кровати. По вечерам смотрели в спальне телевизор, иногда с одетыми противогазами, если обстреливали. Я очень любил моих маленьких девочек, и это было замечательным временем для общения. На работе производственные совещания тоже проводили с противогазами, но это практически не мешало функционированию. Однажды, во время совещания один из наших деятелей демонстративно снял противогаз, показывая, что

он лично ничего не боится. Я популярно постарался объяснить ему, что это не храбрость, а глупость, и затем попросил его освободить нас от его присутствия. Такие решения принимаются совместно, иначе он просто ставит других людей в неловкое положение.

Мне предложили съездить в срочную командировку. Требовался грамотный инженер и хороший фотограф. Я согласился. Нужно было подъехать в одну из европейских столиц. Сотрудники нашего посольства приняли меня очень хорошо и сняли номер люкс из трёх комнат. Ближе к вечеру мы поехали к самолёту, где надо было фотографировать.

Ещё в Тель-Авиве предупредили, что у меня будет пропуск французской авиакомпании. На что я ответил, что французского не знаю. В ответ объяснили, что в этом государстве по-французски не говорят, говорить надо только по-английски.

Я работал часов восемь, иногда снимая в полной темноте. Было отснято около полутора тысяч фотоснимков. От предложенного мне фотоаппарата я отказался и снимал своим собственным. Приехав обратно в гостиницу, позвонил домой. Рахель сказала мне, что они в данный момент сидят в противогазах.

Я же, в свою очередь, рассказал ей про свои шикарные апартаменты. До сих пор Рахель иногда напоминает мне, как я во время войны отдыхал в хорошей гостинице, а она и девочки сидели в противогазах.

После списания из боевых частей по возрасту (42 года), я подписывал еще несколько лет добровольное согласие на продолжение резервистской военной службы. За кончил свою армейскую карьеру в качестве командира, отвечающего за мобилизацию Центрального военного округа. И в 50 лет окончательно завершил свою активную службу в Армии Обороны Израиля.

Подводя итог, могу сказать, что моя военная карьера проходила в двух враждебных друг другу и противоположных идеологически армиях и в двух крайних климатических зонах с колебанием температур от -45 градусов до +45 градусов.

Глава 34
Новый путь

Вскоре после распада Советского Союза, меня вызвали в отдел кадров и предложили пройти тест на должность, связанную с маркетингом в странах бывшего СССР. Я удивился, но принял предложение.

Пришлось решать всякие психологические задачки, делать упражнения в группе и отдельно, несколько раз беседовать с психологами.

Через две недели пригласил к себе директор завода «Шахам» (Самолётный завод) Шапиро. До этого я с ним общался, только по инженерным вопросам переоборудования самолётов «Боинг». Шапиро открыл какую-то папку на столе, странно посмотрел и сказал: «Леонид, у нас тут получается неувязка. По результатам теста получается, что ты прирождённый бизнесмен. У тебя результаты в полтора раза выше обычных. Сдавай свои обязанности заместителю и начинай делать бизнес в России». Я спросил: «А что делать?» Шапиро ответил: «Откуда я знаю, это же у тебя выявились способности, а не у меня. Вот ты и думай!» Так я вступил в новую жизненную фазу и стал государственным бизнесменом.

Прежде всего, стал расспрашивать опытных в бизнесе людей, что они знают и могут посоветовать: с чего начать. Никто ничего не знал. Все только скептически пожимали плечами. Тогда я пошёл в библиотеку, нашёл международный телефонный справочник и стал искать знакомые имена: Туполев, Ильюшин, Антонов, Яковлев. На каждое КБ было указано по одному телефону. Стал названивать по имевшимся там номерам и знакомиться с людьми по телефону. Меня воспринимали с осторожностью и с интересом. Стали налаживаться первые контакты.

Через несколько недель я сделал свои первые шаги в Киеве — у Антонова. И в Москве — у Ильюшина. Так начался мой путь назад, на свою бывшую родину.

То, что увидел, повергло в состояние шока. Страна растерзана. Граждане этой страны, мои бывшие соотечественники, брошены на произвол судьбы и медленно погибали. Моральные ценности, которые всегда были у этого народа, растаяли и исчезли. Больно всё это видеть. Они не были моими противниками, не отвечали за советскую власть. Максимум, в чём я мог их обвинить, это в безразличии или в

инерции. Но ни то, ни другое не оправдывало их теперешнего унижения и уничтожения в них людей.

В одну из моих поездок, я взял с собой жену Рахель — посмотреть Ленинград. Мы зашли перекусить в кафе «Север». Рядом с нами стояла пожилая интеллигентная женщина, как выяснилось потом, учительница средней школы. Она внимательно наблюдала за тем, как мы едим, и чего-то ждала. Я сначала подумал, что она просто хочет пообщаться. Когда мы закончили трапезу, она спросила, закончили ли мы есть. Получив утвердительный ответ, потянула тарелку к себе, затем очень быстро, но интеллигентно, с ножом и вилкой, доела остатки в тарелке. Я растерялся и не успел её остановить. У меня кровь прилила к лицу от стыда. Мы разговорились, и я заказал ей еду. Оказалось, что пенсия учительницы исчезла в «дымке перемен». Её привычный мир рухнул. Она осталась без всего. Я ненавязчиво предложил ей немного денег. Сначала она не хотела брать, но потом быстро согласилась и взяла. У меня промелькнула мысль, что, может быть, та политическая система, с которой я когда-то боролся, была всё же лучше для народа

Я стал много ездить по странам бывшего СССР, чтобы понять, как и в каких направлениях можно работать в стране нашего исхода. В то время там крутилось много разного рода мошенников и авантюристов, слетевшихся туда, как мухи на мёд. Большинство — люди, когда-то жившие в СССР и говорящие по-русски. Они все обладали западной ментальностью в худшем смысле этого слова. Походили они на чёрных воронов, вьющихся над мертвечиной. Это был период разгара цинизма, безысходности и человеческого несчастья. Вчерашний день уже ушёл, а завтрашнего ещё не было видно на горизонте. То, что называли бизнесом; на самом деле больше напоминало грабёж. Поскольку Ельцин разогнал КГБ, появилась другая сила на улицах России.

У меня нет особых положительных эмоций к КГБ, но, как известно, у него, кроме политических репрессий и борьбы с инакомыслящими гражданами, была ещё одна функция — это борьба с организованной преступностью. В тот момент, когда в России прекратилась борьба с организованной преступностью, и уголовные тюрьмы и лагеря открылись, власть захватили две новые силы. Во главе встали уголовники «первого стола», то есть заключённые, которые сидели в лагерной столовой за первым столом. Это были преступники, сидевшие за экономические преступления, хорошо разбиравшиеся в валютных операциях и знавшие, что такое доллар. Поскольку им нужны были «солдаты», они объединились с уголовниками, которых хорошо знали по

лагерям. Бандиты стали второй силой —исполнительной. Вся эта страшная и беспощадная братия выплеснулась на улицы России и начала грабить. Я видел всё это глазами бывшего россиянина, но с правами и возможностями государственного человека, иностранца.

Власти не было. Границ государства не было! На границах творилось что-то невероятное. Я как раз в это время переезжал на поезде границу Латвии. Была зима. Очень холодно. Поезд остановился на новой, только что объявленной границе. Это была снежная пустыня. Я ехал в одном купе с двумя девушками «мешочницами». Перед тем, как появилась пограничная проверка, мы разговорились. Девушки меня предупредили, что сейчас начнётся грабёж, и не следует ни в коем случае показывать, что я иностранец. Паспорта пограничники не проверяли, а вот чемодан мог меня выдать. Девушки обещали помочь. Они объяснили, в чём состояла настоящая опасность. Узнав, что я иностранный гражданин и еду один, солдаты могли вытащить меня из поезда и прикончить где-нибудь в ближайшем леске. Это решило бы их проблему. С их точки зрения существовала реальная опасность, что по приезде на первую же станцию, я пожалуюсь в посольство, и через него властям о пограничном грабеже. Мы положили мой чемодан под нижнюю полку, которая являлась нижней кроватью и сели на неё. В купе ворвались два солдата-латыша — красные с мороза и пьяные вдрызг. У девушек было много мешков с товаром, которые они везли на продажу.

Девушки начали торговаться с солдатами. Затем стороны договорились о компромиссе. Солдаты не трогают товар, но девушки отдают себя солдатам. Это было достигнуто к полному обоюдному согласию. Пограничники тут же «оприходовали» девушек на двух нижних полках. Я стоял у двери. Выходить из купе было запрещено. Потом солдаты встали и ушли.

Мы с девушками всю оставшуюся дорогу пили водку. Они нисколько не сожалели о происшедшем, объясняя, что предпочитают платить телом, а не деньгами. Девушки посвятили меня во все нюансы и опасности путешествия на поезде в те времена. Потом научили закрывать купе изнутри кочергой, выдаваемой вполне официально проводницей вагона. Оказалось, что поезда частенько останавливали и грабили бандиты, а кочерга была единственной реальной мерой предосторожности. Ею запирали двери купе изнутри. Я ведь поначалу и не понял, зачем проводница выдаёт пассажирам кочергу. Вообще девушки посоветовали не ездить на поезде, а летать на самолёте.

В следующий раз я был уже умнее. Купил всё необходимое для поездок в российских магазинах и приобрёл билет по тому же

маршруту, но уже на самолёт. Самолёт был АН-32. Рейс считался международным. В полёте — очень холодно, отопление не работало. На обед дали старый чёрствый кекс и кока-колу в чёрном пластмассовом стакане. Всё это выдавалось в руки и ставилось на колени. Выдвижных столов не было. После приземления стало тихо. Машина с трапом не появлялась. Два лётчика и стюардесса вылезли через аварийный трап в кабине пилотов и исчезли в снежном тумане. Мы одни сидели более шести часов в холодном самолёте и ждали пока нас вызволят.

...Один из самых неприятных моментов деловых перемещений — казахская таможня. Таможенники считали иностранцев добавочным и легальным источником доходов. При въезде требовалось декларировать валюту, а это значит, что было точно известно, сколько денег ты выносишь из аэровокзала. Таможенники сообщали приметы своим друзьям-бандитам, а те грабили иностранцев на выходе. Это было первой проблемой. Мне пришлось организовать эскорт и охрану для себя. Вторая проблема — постоянное прямое домогательство таможенников. Они говорили прямо: «Не дашь денег — не дадим выйти». Тут нужна была своя «охранная версия». Я объявлял во всеуслышание: «Как государственный служащий, я не имею права давать взятки. Кроме того, мы осуществляем ремонт самолёта вашего Президента. Не советую вам меня зря задерживать». Такие «рубленные» фразы «срабатывали» всегда.

Это лишь несколько примеров из моего первого опыта перемещения в пределах бывших республик СССР.

Перед моей первой сделкой, заместитель директора завода по финансам долго объяснял, как договариваться об оплате контрактов. Утверждалось, что надо обязательно получить аванс, хотя бы 10 процентов, и «letter of Credit» — аккредитив. Усвоив уроки, поехал на место и начал вести переговоры с моим первым «олигархом», желающим переделать себе самолёт. Им оказался молодой парень. Он был одиозной фигурой с толстой золотой цепью на шее. На коленях постоянно держал молодую девицу, которую непрерывно щупал везде, где было можно и где нельзя. Когда дошло дело до денег, я попросил его дать нам аванс и аккредитив.

Он странно посмотрел на меня и спросил: «А что такое аккредитив?» Я стушевался. Он подвинул мне ногой чемоданчик и сказал: «Там вся сумма». Через минуту, опомнившись, я ответил, что боюсь везти наличные, пусть даст чек. На заводе меня встретил заместитель директора по финансам и попросил дать ему аккредитив для проверки. Я ответил, что аккредитива у меня нет, и протянул ему чек на всю сумму. Произошла немая

сцена по «Ревизору» Гоголя. Как выяснилось, это был первый раз, когда заказчик выплачивал всю сумму до начала работ по его проекту.

Так началась моя маркетинговая карьера.

Заместитель директора завода «Шахам» Эли Хатем поспорил со мной, что если когда-нибудь на наш завод придёт «русский» самолёт, то он съест свою шапку. Я пригнал уже через полгода сразу два самолёта Ту 134 на переоборудование. Шапку я ему простил.

Моя первая сложная сделка состоялась в Эфиопии. Однажды пригласили к заместителю Генерального директора Концерна по маркетингу. Состоялся очень странный разговор. Вместе с ним находился в кабинете руководитель африканского направления в Концерне Амрам Бен Давид. Заместитель по маркетингу объяснил, что я должен срочно выехать в Эфиопию. Оказалось, что Концерн хотел получить заказ на переоборудование эфиопских «МИГов», и требовалась моя помощь в получении этого заказа. Я не мог понять из неразборчивых объяснений нашего «африканца», чего он от меня хотел. Но мы вылетели в Аддис-Абебу.

В городе была только одна гостиница для европейцев. Она выглядела как крепость за высокой стеной. Вокруг каждого дерева за пределами гостиницы были слеплены глиняные избушки. В них жили люди. От гостиницы в Министерство обороны нас везли по улицам города. Город этот был очень грязным, напоминавшим лагерь беженцев в Газе. На улицах стоял невыносимый смрад от сточных канав, проложенных посреди улицы. С двух сторон тянулись бесконечные крохотные лачуги, сделанные из старого ржавого железа. Каждая лачуга была размером в 4–5 квадратных метров. Внутри виднелись чернокожие женщины, дети, мужчины. Почти перед каждой лачугой стоял небольшой шест, на большинстве из которых висели старые пустые консервные банки. Я долго допытывался у нашего проводника, что означают шесты и банки. Он отнекивался, но потом всё же объяснил. Оказалось, что все замужние женщины подрабатывают проституцией. Шест означает, что такая женщина в доме имеется. Если банки на шесте нет, это означает, что женщина в данный момент занята или не может принять гостя. Проводник просил меня не фотографировать эти шесты.

Министерство обороны оказалось старым облупленным двухэтажным зданием. Вокруг него сновало много мужчин, разношёрстно одетых и без знаков различия. Замминистра обороны оказался молодым красивым чернокожим парнем. Шкафы, стоящие в его кабинете, были набиты трудами Ленина и

Сталина на русском языке. Начались переговоры. Замминистра обороны настаивал на том, что до того, как начать с нами переговоры о «МИГах», он должен продлить ресурсы своих грузовых самолётов «АН-12». Их у него было двенадцать штук, а ресурс у каждого остался всего на 20 часов полёта. Для объяснения происходящего следует пояснить, что означает термин «ресурс самолёта». В мире существуют две принципиальные концепции системы поддержания лётной годности. Западная система считает, что самолёт не стареет и может летать неограниченное количество часов. Это при условии, что на нём выполняется цикл ремонтов и технических проверок (регламентные работы). Если самолёт прошёл весь цикл текущих и капитальных ремонтов, то он становится опять новым и может повторить весь ремонтный цикл сначала. В принципе, по этой концепции, на машине можно заменить абсолютно всё, оставив только бортовой номер. По этой теории самолёт стареет только «морально», то есть, становится со временем неудобным для пассажиров с точки зрения его внутренней архитектуры, комфортности и обслуживающих пассажиров систем. Тогда подходит время превратить его в грузовой. По такой системе работают «Боинг» и «Аэробус».

В Советском Союзе система была другой. Советские авиаконструкторы считали, что нельзя предсказать, сколько часов самолёт пролетает, поэтому ресурс определялся по первым 30-ти выпущенным машинам. По этой концепции, конструкторские бюро продлевали ресурсы лётному парку авиакомпаний в соответствии с состоянием головной партии и накопленным на ней опытом (если головная серия отлетала 15 000 часов, значит, обычный самолёт мог получить продление с 5000 часов до 10 000 часов). Антоновское КБ держало папку на каждый выпущенный ими самолёт, и только оно имело право продлить лётный ресурс по его окончании. Это предоставляло возможность конструкторским бюро «доить» авиакомпанию. Давало монополию, которой не было на Западе.

Система малых, средних и капитальных ремонтов работала своим чередом и к самолётным ресурсам отношения не имела. Проблема эфиопских самолётов, по определению замминистра обороны, состояла в том, что все его двенадцать «АН-12» закончили разрешённые ресурсы и им оставалось летать всего 20 часов. Все эти вопросы не касались нашего Концерна. Нам нужно было получить большой контракт по модернизации «МИГов», и для этого мои начальники готовы были пойти на всё. Эфиопы поставили категорическое условие, что будут разговаривать только после продления ресурсов самолётов «АН-12». Как

объяснил замминистра обороны, у него была проблема с Эритреей, и надо перебрасывать туда грузы.

Положение у меня сложилось идиотское, так как наш ремонтный завод не имел права даже касаться антоновских самолётов. Начальство продолжало требовать от меня какого-нибудь реального решения этой задачи. Главная проблема эфиопов состояла в том, что с разрушением СССР все старые связи были разорваны. Раньше сервис такого типа предоставлялся через советский «Авиаэкспорт», который уже больше не существовал. Украина уже стала независимым государством, но не знала, как это применить на практике и что делать со своей неожиданной свободой. У Антоновского бюро ещё не было налажено своих собственных коммерческих связей с заграницей.

Я начал переговоры с того, что вышел в коридор и позвонил Луговому, Главному конструктору самолётов «АН-12», с которым познакомился незадолго до этого. Прежде всего, стал выяснять, что такое ресурс, о котором слышал в первый раз, и как вся эта система работала при Советской власти. Честно и прямо я объяснил ему, что нахожусь в Эфиопии, и вопрос стоит о продлении ресурса 12-ти самолётам. Луговой поблагодарил меня за откровенность и сообщил, что знает эти машины и что им можно продлить ресурс с 3000 часов до 5000 часов. В коммерческих делах он не мог мне помочь, так как был не в курсе, это была монополия «Авиаэкспорта». Вернувшись в кабинет, я согласился продлить ресурс на 2000 часов. Замминистра обрадовался и спросил, сколько это будет стоить. Я поразмыслил. «АН-12» — это самолёт, творчески скопированный с американского «С-130», цены на обслуживание которого я знал. Я предложил 550 тысяч долларов на самолёт (цифры — условные!). Он сказал, что это многовато и 50 тысяч надо снять.

Я согласился. Выйдя в коридор, я опять связался с Луговым и получил его принципиальное согласие приехать в Эфиопию. Он с воодушевлением воспринял эту идею. Я спросил, сколько это мне будет стоить. Он ответил, что за все самолёты КБ Антонова возьмёт всего 30 тысяч долларов. Сколько брал «Авиаэкспорт» с заказчика, он не знал. На одном дыхании он сказал мне: «Леонид Натанович, но ведь нам же тоже надо заплатить!» Я спросил, какая у них зарплата в месяц. Он ответил, что 15 долларов, да и то платят с задержкой. Мы стали вместе искать способы легальной оплаты. Оказалось, что командировочные при Советской власти им платили в размере 65 долларов в день. Я сказал, что возьму его команду и буду возить её по миру, в том числе и в Израиль, в течение двух месяцев. Платить буду по 65 долларов в день. От радости Луговой поведал мне секрет о том,

что на самом деле разрешение на 2000 часов можно было дать и факсом, так как «Авиаэкспорт» давал иностранным самолётам вместо 5000 разрешённых часов, только 3000 часов. Советские самолёты получали 5000 часов, а с иностранцев хотели «содрать» ещё немного денег. Вернувшись опять в кабинет, стал искать причину привести украинцев в Эфиопию. Всё это потому, что наша израильская подпись на самом деле не имела никакой юридической силы. Я специально затеял с замминистра длинный разговор о техническом обслуживании самолётов, пока он хитро улыбаясь, не подставил мне «капкан». «Как я могу быть уверен, что Вы — израильтяне — действительно умеете продлевать ресурсы?» У меня внутри всё ёкнуло от радости, и я ответил: «Чтобы развеять Ваши сомнения, мы вам привезём сюда за наш счёт украинцев-антоновцев. Они проверят и поставят свои подписи рядом с нашими. Давайте так и запишем в договоре». Документ был подписан. У этой сделки были последствия: меня выругали, но тут же простили за огромную прибыль. Оказалось, что максимальный процент прибыли государственных компаний регламентируется израильским законом.

Генеральным Директором Авиационной Промышленности была получена благодарность на моё имя от Украинского Правительства за первую международную сделку между Украиной и Израилем.

Через пару недель позвонил заместитель Генерального Конструктора КБ Антонова и сказал: «Ты что же это, Леонид Натанович, друзей забываешь! Не только Луговой умеет продлевать ресурсы, но и я ещё не забыл, как это делается».

Я понял, что дела на «Антонове» с зарплатой — совсем плохи.

Через несколько лет после этого мне позвонил Шрага Бар Нисан, получивший должность Генерального Директора завода военных самолётов. Я хорошо его знал ещё со времени совместной работы на «Лави». Шрага объяснил, что ему предстоят сложнейшие переговоры в Эфиопии, он туда улетает с несколькими украинскими генералами.

С ним летел также мой старый знакомый по Эфиопии Амрам Бен Давид. Шрага очень попросил меня, как старого приятеля, присоединиться и помочь с переговорами. Он объяснил, что в нашем Концерне нет человека, имеющего опыт переговоров с украинцами и эфиопами. Кроме того, нужен был человек, владеющий английским и русским языками одновременно. Шрага также сообщил, что все формальности уже согласованы с Президентом Концерна. Честно говоря, у меня не было никаких причин отказаться, кроме какого-то необъяснимого внутреннего отрицательного чувства. Я пришёл домой, поговорил с женой,

пытаясь отделаться от этого ощущения, а наутро — категорически отказался.

Шрага звонил мне несколько раз, пытаясь убедить, обещая разные материальные привилегии. Я не смог «наступить» на себя. Самолёт, на котором летели все наши сотрудники, был захвачен террористами. Они вынудили лётчиков кружить в воздухе, пока не закончился керосин. Пилоты пытались совершить посадку самолёта «Ditching» на воду — но не смогли. Самолёт разбился. Все погибли.

Вернувшись вечером домой после сообщения, я налил себе стакан коньяка. По старому матросскому обычаю налил ещё два стакана и покрыл ломтиками хлеба.

Потом выпил и помянул Шрагу и Амрама добрым словом.

А я почему-то был уверен, что эпоха моего «выживания» уже закончилась, и это звериное чутье мне уже не пригодится.

Глава 35
Начало карьеры в бизнесе

С началом новой карьеры в бизнесе мне опять потребовались знания. Пришлось пройти годовой курс маркетинга. Обучали нас серьёзно и профессионально: как одеваться, как вести переговоры, как вести себя за столом. Проводились особые тренировки ведения переговоров перед кинокамерами. Затем обсуждались все нюансы поведения. Потом пошли дополнительные курсы, такие, как работа с прессой, особенности культуры разных народов, язык тела, нормы поведения, искусство убеждения и представления предмета.

Много времени уделялось правильному составлению контрактов, международному и юридическому праву. В продолжение своей карьеры бизнесмена от государства, я получил персональное право подписи контрактов стоимостью до 10 миллионов долларов. Мне приходилось подписывать контракты и на большие суммы, но уже по телефонному разрешению или по доверенности. Время было очень интересное и сложное. Моя задача состояла в том, чтобы принести работу трём заводам, тысячам людей. Такую работу может получить человек, который либо родился в семье «ротшильдов», либо работает на государственном предприятии на моей должности. Говорят, инженер не может стать хорошим бизнесменом. Я считаю, что это не так, всё зависит от характера человека. Мне инженерное образование и опыт всегда помогали. Один из недостатков, который очень мешал, — это неумение торговаться. У меня существовал психологический барьер. Таков был результат воспитания. Родители считали, что те, кто торгуются, — недостойные спекулянты. Эта психология передалась и мне. Надо было учиться торговаться.

Пришлось сделать это частью своего хобби. Я люблю собирать безделушки, сделанные руками умельцев. Обычно такие вещи продаются на рынках. Я начал торговаться на рынках и, надо сказать, достиг хороших результатов. Однажды, покупая на рынке у автора красивейшую безделушку из дерева, я сбил ему цену наполовину и заплатил 30 долларов. Судя по изделию, мужчина был настоящим художником своего дела — самородком. Но внешне выглядел не лучшим образом. Печально посмотрев мне в глаза, он сказал: «Ну что для вас доллар! А ведь мне жить надо на эти деньги!» Я посмотрел на него и подумал, что он прав. Поскольку миссия моя — потренироваться в торгах — была уже

выполнена, совесть моя была чиста. Я добавил к тридцати уплаченным долларам ещё 50 и сказал ему: «А это вам премия за прямоту от израильтянина».

Когда я вошёл в самолётный бизнес, в странах постсоветского пространства было много начинающих деловых людей, пытавшихся основать авиакомпании. Это были талантливые и упорные люди, верящие в перспективы авиации, которым зачастую не хватало элементарных знаний или средств. А иногда и атмосфера в стране была слишком враждебной. Мне по долгу службы приходилось знакомиться со многими из них. Старался помочь им, чем мог, в основном, техническими консультациями. Немногие сумели достичь желанного успеха. Те же, кто достиг цели, сегодня считаются «олигархами», и их большая часть осталась моими личными друзьями.

С одним из них я встречался в Тель-Авиве много лет назад. Он буквально плакал, рассказывая о своих долгах и падении бизнеса. Это был замечательный человек. И глубоко несчастный. Я посоветовал ему не брать деньги в долг, а просто выписать месячные чеки на полтора года вперёд. Он совершенно не был знаком с банковской системой и стал расспрашивать меня, как это делается. Прошло много лет. Сегодня этот человек — владелец нескольких авиационных компаний и ему уже не нужны мои советы. Но при встрече он всегда с чувством признательности вспоминает, как я его успокоил и дал ему нужный в тот момент совет. Иногда встречаюсь с ним в России, и мы всегда выбираемся вместе поужинать и поговорить. Когда мне была нужна работа для наших заводов, он вызывал своего Генерального Директора и говорил ему: «Леониду Натановичу нужна работа. Передай ему наши двигатели в ремонт и без конкурса. Леонид Натанович нас не обманет».

В самом начале распада СССР я близко познакомился с «илюшинцами». Особенно сблизился с Игорем Яковлевичем Катыревым, Главным конструктором самолёта Ил-96. Советские авиаконструкторы — великолепные инженеры, но не умели считать деньги, не знали, как калькулировать инженерную работу, как заинтересовать частных западных заказчиков. Мы вели долгие разговоры о разнице в подходе к авиации Запада и Востока. С советским подходом я знаком не был, так как авиаконструктором стал уже в Израиле. Я возил им программы PC на дисках и объяснял, как определяют стоимость конструкторской работы. Авиаконструкторов очень интересовала система организации работы на Западе. Катырев часто говорил мне: «Видишь, Лёня, мы ведь для того и послали тебя на Запад, чтобы теперь ты нас научил». Я отвечал ему: «Так ведь вы же меня

выгнали и гражданства лишили!» — «Лёня, на Родину-мать не обижаются!»

Через них познакомился с нужными мне авиакомпаниями. В результате мы получили доступ ко многим авиационным корпорациям и авиакомпаниям, начинающим свой путь. На более позднем этапе меня просили читать лекции по технике управления и руководству больших корпораций и заводов. Очень популярными были темы: «Техника принятия решений», «Ящик инструментов руководителя», «Ведение бизнеса», «Техника науки побеждать на конкурсах», «Маркетинг, понимание западной ментальности».

В командировках я переезжал из города в город, с завода на завод, из одной авиакомпании в другую. Руководители предприятий и корпораций сами между собой регулировали время, когда и у кого я выступаю. Условие было всегда одно и тоже — получение работы для Концерна. Мне никогда даже не приходилось «продавать» возможности своего Концерна. Всё это слушатели и партнёры знали и так. Я спрашивал: что потенциальные заказчики хотят знать и иметь, чего им не хватает? Они всегда советовались о своих проблемах и из этого рождались новые проекты и контракты. Авиаторы посвящали в свои сокровенные и не дающие им покоя коммерческие проблемы и тайны. Мне, смущаясь, говорили, например, что невозможно объяснить западному человеку, что главный бич в России — это не технические проблемы, а воровство. Добавляли, что я это могу понять, а американцы — нет. Ты, мол, свой, а они — чужие. Мои коллеги органически не могли принять тот факт, что я был представителем иностранной компании. Всё это только потому, что говорил по-русски и относился к ним с уважением и пониманием. Были случаи, когда я приезжал уже после подписания контракта с нашими западными конкурентами. Мне приносили этот подписанный документ, и когда я соглашался принять условия этого уже подписанного контракта, работа переходила к нам в Израиль. Перед нашим конкурентом извинялись, придумывали какие-то несуществующие причины и прерывали контракт.

Несколько моих друзей стали министрами в разных странах. Наша дружба никогда не прерывалась. Я всегда помогал моим друзьям, чем мог. Хотя бывало и по-другому. Были такой человек, с которым я сам прервал личные отношения. Однажды, сидел у меня дома в Израиле один еврей из Белоруссии, сделавший состояние на нефти. Он просил, чтобы я ему по дружбе сделал что-то, чего не мог сделать по этическим соображениям. Разозлившись за отказ, он сказал: «Ты что, не знаешь, с кем ты

имеешь дело! Если я захочу, то могу купить твой дом и всё, что тебе принадлежит!» Я ему ответил: «Ты не можешь купить мой дом». — «Почему же?» Я ему ответил: «Потому что я его тебе не продам!»

Русские люди больше всего ценят дружбу и слово. Со мной одно время работал Рабинович — очень одарённая личность, человек с хорошими аналитическими и языковыми способностями. У него была проблема с раздутым до бесконечности эго. Кроме этого, он ненавидел Россию и русский народ. Однажды на праздновании пятилетней годовщины одной из известных авиакомпаний, он полез приветствовать Президента компании по-английски. Президент взял у него микрофон и сказал: «Ты что же, русский язык забыл, Рабинович? Ты же знаешь, что я не говорю по-английски. Ты хочешь меня унизить? Как ты смеешь!»... Нас было только двое из Израиля. Ощущение неприятное. Потом, будучи моим гостем, в Израиле, Президент этой компании всегда напоминал о Рабиновиче, который повел себя как местечковый еврей из плохих анекдотов. Хотел подчеркнуть своё превосходство тем, что он знает английский и что он — иностранец. Россияне же всегда приглашали меня на их переговоры помочь с английским языком и ведением переговоров с иностранцами. Общей проблемой для всех русскоязычных стран было незнание английского языка. Иногда я участвовал в переговорах на стороне моих заказчиков с моими же западными конкурентами. Россияне приглашали меня как своего друга, будучи уверенными, что я их не продам. Это помогало мне знать о каждом движении конкурентов.

Пришло время объяснить отношение к моей исторической родине. Мне не нравилась советская власть за то, что она попирала права своих граждан, но я уважал русский народ и его культуру. Ментально я был, наверное, больше русским, чем евреем. Моё воспитание включало в себя хорошее знание русской и европейской литературы. История еврейского народа мне стала известна из Фейхтвангера, а не из Торы. О странной жизни галутных евреев узнал из «Тевье-молочника» и «Мальчика Мотла» Шолом-Алейхема, которые «подсовывала» мама в качестве дополнительной литературы для чтения. Дома воспитывали быть гордым евреем и уметь постоять за себя, не стесняясь этого. Я и признал в себе еврея, из-за дискриминации, которую почувствовал на собственной шкуре, возложив на себя эту ношу с гордостью, но по необходимости. По своему образованию и психологии я всегда оставался русским интеллигентом. Так меня воспитывали родители. Не стесняюсь этого, а наоборот, горжусь. Я живу в согласии со своей совестью.

С другой стороны, мне очень неприятен образ израильского еврея, который почему-то решил, что два слова, которые он знает по-английски и магазинчик в Лоде, дают ему неоспоримые преимущества и ставит его выше «гоев».

Я жил в гостинице «Пулковская». В вестибюле мне бросилась в глаза большая группа израильтян, сидящих с вещами. Они галдели, как гуси в мошаве. Около стойки администратора стояли несколько горничных.

Одна из них плакала. Администратор громко звала кого-нибудь, кто может перевести с иврита. Никто не подходил, включая гида. Я подошёл.

Оказалось, что в нескольких номерах пропали полотенца. Женщина плакала, поскольку должна оплатить за это из своего кармана. Для неё это было целое состояние. Стало понятно, что кто-то забрал эти полотенца с собой при выезде. Решил громко объявить на иврите, что в таких-то комнатах пропали полотенца. Просьба вернуть. Находилось в этой группе человек 50 израильтян. Я был уверен, что это простое недоразумение, которое тут же разрешится.

Подошёл сопровождающий группы, потом столпилась вокруг нас все туристы. Они стали возмущаться, что это клевета, и никто полотенец не брал. Я сказал, что это, вероятно, недоразумение, затем добавил: «Предлагаю, помочь несчастным уборщицам. Давайте мы все сбросимся, включая меня, и покроем эту сумму. Деньги очень небольшие и каждый из нас в состоянии такие расходы принять на себя». Открыв свой кошелёк, я считал по доброте душевной, что сейчас смогу продолжить свой путь в город на переговоры. Но не тут то было! Все пятьдесят начали кричать одновременно, что уборщицы-воровки, что они из принципа не дадут денег, что все «гои» сволочи, что это проделки КГБ и их, как евреев ненавидят. Я буквально вскипел внутри и попросил подойти туристов, заселявших пять комнат, в которых пропали полотенца. Они вышли вперёд, крича на иврите о «гоях», о ворах, о своих принципах и чести. Сказал им так: «Я — представитель одной из израильских секретных правительственных организаций. Вы все вместе, включая ваших кричащих товарищей, наносите в данный момент непоправимый вред имиджу государства Израиль. Если в течение пяти минут полотенца не будут возвращены, вызываю местную милицию, и вам устроят личный обыск. Если полотенца найдут, то пять виновных в воровстве пар, отправятся в тюрьму. Я лично свяжусь с Министерством Иностранных Дел России и попрошу лишить остальных 40 человек виз на пребывание на территории России за хулиганство и укрывательство преступников. На этом ваше

путешествие по России закончится, и вы вернётесь в Израиль. Доклад о ваших проделках лично отправлю в Израиль». Наступила полная тишина. Чувствовалось, что все присутствующие точно знали, о чём идёт речь. Эти десять подонков залезли в свои чемоданы и вытащили пропавшие полотенца. При этом они даже не покраснели и не извинились перед уборщицами. А теперь скажите мне: как нас можно уважать?!

Одной из самых интересных стран, где пришлось строить бизнес, был Туркменистан. Из-за накала внутренних проблем в Концерне, мне требовалось любой ценой войти на местный авиарынок… Ситуация в Туркменистане со всех позиций была тяжёлой, а с израильской точки зрения, вообще безысходной. Нашего посольства там не было. Ни одна государственная компания там не работала. Из частных израильских фирм присутствовала только одна. Туркменистан очень близок к Ирану и Турции. Правил этой страной единолично Сапармурат Ниязов, Туркменбаши. Его правление осуществлялось в стиле Сталина. Но, на мой взгляд, рука Туркменбаши была ещё крепче. На каждом здании в Ашхабаде вывешены его портреты. На каждой площади огромные памятники «Вождю всех туркмен».

Система власти построена в форме пирамиды, во главе которой стоял один «вождь». Просто посетить Туркменистан и, даже, получить визу на въезд было невозможно. Для меня же, получение работы из Туркменистана — профессиональная необходимость, вопрос принципа и отстаивания своего места под израильским солнцем. Я знал, что Туркменбаши очень хотел наладить неформальные связи с США. Мне удалось окольным путём вмешаться в этот процесс и через него получить прямое согласие Туркменбаши на работу с Концерном.

Один из близких помощников Туркменбаши стал моим секретным куратором. Он обеспечивал с помощью своих людей мой приезд и готовил почву для переговоров. Мы встречались абсолютно конфиденциально. Обычно я выходил из гостиницы, проходил за угол, где уже ждал чёрный «Мерседес» с открытой задней дверью. Я садился в машину и она везла на встречу с Довлетом (назовём его так).

Мы встречались в самых разных и экзотических местах. Там обсуждались проблемы и разрабатывалась тактика. Официальные переговоры проводились министром авиации. За эти годы они менялись пять раз.

После подписания моего первого договора в Туркменистане, вернулся в гостиницу чтобы собрать вещи и улететь домой. В гостинице подошли три человека и с сильным грузинским

акцентом на русском языке потребовали от меня деньги за «крышу». Они уже знали, что подписан договор с туркменами и считали, что я получил какие-то наличные деньги. Один из них вытащил нож и приставил его мне в области живота. Стало ясно, что у них не было никакого понятия, как работает государственная компания: наличных денег в таких договорах не бывает. Однако данная ситуация — не слишком удобный момент для объяснений. Ответил интуитивно: «Никакого договора я не подписал и очень разочарован неудачей. Всё ушло к моим соперникам, туркам. Не понимаю, что вы от меня хотите?» Видимо, такого ответа не ожидали, а должно быть, и сами были не уверены в источнике своей информации. Каким-то образом мне удалось от них отделаться. Поднявшись наверх в номер, тут же позвонил по секретному мобильному телефону Довлету и рассказал о происшедшем. Он извинился и пообещал лично этим заняться.

По приезде в следующий раз в Ашхабад, я нашёл у себя в номере на письменном столе папку с газетными вырезками. Там была обширная подборка местных газет на русском языке о расстрелянных членах грузинской мафии в Ашхабаде.

Иногда по вечерам мы сидели с Довлетом у него дома, и он рассказывал мне о своём Великом Туркмене, показывая полученные награды. Это были туркменские ордена, усыпанные бриллиантами и золотые часы, также с бриллиантами. Однажды мы смотрели вместе по телевизору вручение подарков Туркменбаши в честь его дня рождения. От каждой области Туркменистана пять красивых девушек вручали ему подарки. В Туркменистане пять областей, девушек было двадцать пять. Я посмотрел на девушек и прокомментировал, что от такой красоты очень тяжело отказаться. Довлет побледнел и закричал на меня: «Чтобы я этого больше не слышал!» Стало понятно, что я случайно попал в точку.

За годы нашей работы с авиацией Туркменистана создался статус-кво. Министр работал со мной по самолётам «Боинг-B757», замминистра — с турками по самолётам «Боинг-B737». Всё это, конечно, было связано со своим «бакшишем». У замминистра дочка с мужем жили в Турции и, естественно, были свои связи в Правительстве Туркменистана. Всё текло по двум отдельным руслам, не перемешиваясь. Однажды я приехал в Ашхабад по своим делам, связанным с самолётами «B757», которые мы ремонтировали.

Мне было известно; что один из самолётов «B737» должен был срочно улетать к туркам на ремонт. Знал также, что на другом самолёте «B737» произошла авария, называемая «FOD»

(«Foreign Object Damage») — попадание постороннего предмета в двигатель. Обычно такое явление вызывается попаданием птицы в двигатель. Попадание постороннего предмета вызывает полное разрушение двигателя. Для авиакомпании это большие затраты. А двигательному заводу — подарок в полтора миллиона долларов. На этот раз подарок должен был достаться туркам.

Существовал в деле только один нюанс, который давал мне слабую надежду. Разрушение произошло по причине попадания обычного болта в двигатель. Это явление было очень странным, так как болты в воздухе не летают, а на взлётной полосе им тоже делать нечего.

У меня появилось внутреннее охотничье чутьё, говорившее, что в этом заложена база для сделки. Однако сформулировать и придать ему аргументированную форму было невозможно. Мне явно не хватало информации. Я сначала посидел у министра, потом зашёл к его заместителю. Заместитель принял радушно, но видно было, что его что-то очень беспокоит. Он начал сам, объяснив, что у двигателя произошло «FOD». Я спросил его, кто отвечает за лётное поле. Он ответил, что он, замминистра. Затем долго и напряжённо объяснял, что не хочет заявлять вслух об аварии с двигателем, боится гнева Туркменбаши. В голове у меня просветлело и созрел первоначальный план.

Предложил ему следующее решение: наш Концерн готов подписать с ним договор о текущем ремонте самолёта, включив в документ, в качестве дополнения, ремонт двигателя, как относящегося к этому же самолёту. Так никто не узнает, что двигатель ремонтируется из-за аварии с болтом. Идея заместителю понравилась, и он побежал в соседнюю комнату звонить туркам, чтобы они переняли мою идею и так составили договор. Вернувшись, он отметил: «Так у меня же всё равно два самолёта будут на земле». Я предложил ему пути решения и этого вопроса тоже. Можно отправить к нам в Тель-Авив два самолёта: один, подлежащий ремонту, а второй — грузовой Ил-76, в котором будет доставлен неисправный двигатель. Мы разгрузим неисправный двигатель и поставим его на ремонт. Один из двух исправных на ремонтируемом самолёте мы демонтируем и отправим в тот же день, на том же Ил-76, обратно в Ашхабад. Его можно будет за день установить на самолёт, с которого был снят повреждённый двигатель. Заместитель опять убежал в другую комнату «продавать» мою идею туркам. Вернувшись, он почти закричал: «Где я могу взять специалистов, которые смогут демонтировать и смонтировать обратно двигатель на самолёте?» Я ответил, что можно сделать добавление в том же договоре, а ему пришлю свою команду из Израиля для выполнения этих

работ. Тогда заместитель спросил о том, где он возьмёт особые приспособления для съёма двигателей. Это была очень большая неразъёмная станина. Тут я объяснил ему уже открытым текстом: «Здесь вам уже турки не помогут. Из Стамбула летает самолёт B757. В него станина не влезет. Мы отправляем груз через Франкфурт на самолёте A340, куда станина помещается свободно».

Уехав в гостиницу, позвонил Довлету и спросил его, подчиняется ли ему КГБ Туркменистана. Он ответил, что да. Тогда я попросил его только об одном одолжении: «Пошли завтра генерала к заместителю министра авиации и прикажи ему спросить, почему у того болты валяются на лётном поле. Больше ничего не спрашивать. Только это. Весь разговор на две минуты, иначе твой генерал запутается». На следующий день около 11 часов утра у меня в номере зазвонил телефон и раздался истошный крик помощника замминистра: «Леонид Натанович! Просят срочно, в течение получаса, прибыть в Министерство. «Мерседес» замминистра уже выехал к гостинице». По прибытии в министерство, мне рассказали, что час назад приезжал генерал КГБ, зашёл к заместителю. Пробыл там пару минут. Затем замминистра, весь бледный, как бумага, проводил генерала к выходу. Вернувшись, заорал на помощника: «Токарского немедленно ко мне!»

Замминистра потребовал срочно представить ему договор. Проработав с документом всю ночь, я утром отнёс его в Министерство. Он был, естественно, на английском языке. Замминистра потребовал двуязычный договор. Один я уже справиться не мог. Пришлось искать переводчицу в помощь. Оказалось, что в Ашхабаде была одна единственная приличная переводчица. Мы вместе работали всю ночь на двух компьютерах, разделив документ на две части. Утром были проведены ускоренные переговоры и подписан договор. Стоимость вышла очень приличной. Мне удалось включить туда ещё и ремонт самолётных агрегатов, которые везли в том же самолёте. Вернувшись в гостиницу, почувствовал себя очень плохо, высоко поднялась температура и начались непрерывные поносы. По моему подсчёту, не спал почти трое суток. Мой самолёт должен был улетать через двое суток, и я молил Б-га, чтобы как-то оклематься и доползти до него.

Девушки из обслуживающего персонала отпаивали меня зелёным чаем. Через три дня приземлился в аэропорту Бен Гурион. Я назвал этот договор «контрактом страха». Через неделю после возвращения меня срочно вызвал к себе Генеральный Директор группы заводов «Бедек», мой начальник. Я поднялся к

нему в кабинет. Там сидело трое: директора самолётного ;двигательного и агрегатного заводов.

Генеральный спросил: «Что ты там такое подписал? Прилетели два самолёта из Туркменистана. Один улетел обратно. Наша команда слетала в Ашхабад. Каждый завод получил свое. Работа была доставлена в нужный момент, но мы ничего не понимаем. Расскажи!» Я подробно рассказал, что там произошло. Все долго смеялись. Через три недели мне принесли чек в благодарность за хорошую работу в Туркменистане.

Но на этом история не закончилась. Через два месяца случайно обнаружилось, что деньги, которые Концерн перевел нашему агенту в Туркменистане, не дошли по назначению.

Речь шла примерно о трёхстах тысячах долларов. По ложному письму об изменении номера счёта в банке, деньги попали на счёт другого человека. Это был туркменский еврей, с которым мы одно время работали. Михаил имел двойное гражданство — израильское и туркменское и бы зол на Концерн за какие-то прошлые дела. Он подбросил одному из своих знакомых, служащему управления Концерна, письмо об изменении финансового адреса нашего агента. Служащий отнёс в бухгалтерию новое письмо, и деньги ушли на туркменский счёт Михаила в Ашхабаде. Бухгалтерия, перед изменением счёта в банке, должна была проверить достоверность письма, чего она не сделала. Это — однозначная ошибка нашего Концерна. Официально взыскать с Михаила деньги было невозможно. Он воспринял все очень злорадно и с нескрываемым удовольствием. Для нас это было неприятное событие. Некоторые из ответственных финансовых работников могли пострадать. Руководство не хотело выносить «мусор» и не передавать дело на расследование в полицию. Боялись, что денег вернуть не смогут, а скандал мог быть большой. Стояла задача — любой ценой получить добровольный отказ Михаила от денег, которые ему не полагались и вернуть сумму обратно.

Для этой цели организовали приезд Михаила в Концерн, и сформировали переговорную группу. В неё входили множество ответственных работников и я, в качестве переводчика.

Мы сидели вместе уже пять часов. Наши переговорщики взывали к совести Михаила. На что он, улыбаясь, отвечал, а где была ваша совесть, когда вы меня обманули. Пытались его пугать израильской полицией, но он спокойно отвечал, что денег-то не воровал. Чувствовалось, что Михаил консультировался с местным юристом и точно знал, что с ним ничего сделать нельзя. Ситуация складывалась безнадёжная. Все сидели потные, злые и беспомощно смотрели друг на друга.

Представитель Управления Концерна повернулся ко мне и сказал: «Может быть, ты, Леонид, можешь нам чем-нибудь помочь? Это же ты у нас специалист по русской ментальности». При этом он снисходительно и довольно хамски улыбнулся. Я попросил дать мне пару минут поговорить по-русски с Михаилом. Говорил я около двух минут.

Михаил неожиданно для всех присутствующих схватил приготовленную нотариусом заранее бумагу и подписал своё отречение от денег. После этого, не говоря ни слова, вышел из комнаты и уехал домой.

Все уставились на меня и стали наперебой допытываться, что же я ему сказал. Мне не хотелось говорить это своим коллегам, но сейчас, для истории могу сообщить. Я сказал: «Авиационная Промышленность — это государственная компания. Мы — государство. Как государство Израиль, мы обратимся лично к Туркменбаши и объясним ему, что ты, его гражданин, присвоил обманом наши государственные деньги. При этом мы объясним ему, что формально не можем этого доказать в нашем суде из-за нашей сложной демократической системы. Мы попросим его, Туркменбаши, личного содействия в возврате государственных денег. Через неделю, когда ты вернёшься домой в Ашхабад, на границе тебя арестуют, а там уж Туркменбаши знает, как из тебя вытряхнуть и душу и деньги. Подумай, что с тобой потом будет!».

Всё тут было правильно, кроме одного. Михаил не знал, что до Туркменбаши очень тяжело дойти, а по этому вопросу — просто невозможно.

Глава 36
Секреты успеха

В начале 90-х годов появился у нас в Концерне молодой парнишка. Он первым захотел ввезти в Москву «Боинг». Фамилия его была Плешаков. Авиакомпания называлась «Трансаэро».

Идея появления двух самолётов типа «B737» в России казалась поначалу нереальной. Вполне очевидно, что работать по обычной схеме такая авиакомпания не могла. В Москве не было запасных частей, летчиков, техников и соответствующей технической поддержки. Нам же этот договор нужен.

Мы видели в нём новую и необычную возможность войти в рынок СНГ. Концерн выступил с идеей применить нашу военную схему обслуживания. У нас, в отличие от наших врагов, мало самолётов и много лётчиков. Во время войны наши боевые самолёты летают круглые сутки с короткими перерывами на техническое обслуживание и смену лётчика. Вот такую-то систему и решили применить.

Для этого, прежде всего, надо изменить коммерческую схему сделки. Обычно авиакомпании платят ремонтным заводам и центрам по факту ремонта. Это означает, что чем дольше самолёт ремонтируется, тем больше ремонтная база зарабатывает. На самом деле это не совсем так, потому что простаивающий самолёт не зарабатывает денег. Если же самолёт не может, летая, окупить себя, авиакомпания банкротится и ей нечем платить за ремонт. Это то, что на самом деле происходило в России.

Мы предложили систему оплаты за каждый час полёта, а не ремонта. Чем больше самолёт летает, тем больше зарабатываем мы и авиакомпания. Так и договорились. Но как этого достичь? Западные машины обслуживаются по утверждённой программе, которая предписывает выполнение работ через определённый промежуток времени. Например, через каждые триста часов эксплуатации нужно снять и заменить три насоса. Это означало, что через триста часов нужно приземлить самолёт и держать его на земле 12 часов, пока один за другим насосы не будут заменены. Такая схема не эффективна. Нам пришлось, не нарушая законов FAA, изменить программу так, что первый насос менялся через 100 часов, второй — через 200, третий — через 300 часов.

Сначала это звучит нецелесообразно — заменять насос после 100 часов работы, а не через 300. Получается напрасная трата денег, так как первый насос может продолжать работать ещё 200

часов. Однако именно эта идея и позволила рассредоточить работу по техобслуживанию по оси времени и уменьшить интервалы простоя на земле. Теперь каждый насос менялся при перезагрузке пассажиров за четыре часа обычной стоянки. Эта программа называлась «bridging» — «построение моста». Когда самолёт приземлялся и выгружал пассажиров, к нему направлялись наши механики и меняли оборудование, которое по плану надо заменить за время данной стоянки. В конечном счёте, это привело к революции в техническом обслуживании самолётов, позволяя перераспределить общее время технического обслуживания, разделяя его на маленькие интервалы во время обязательной стоянки самолёта.

Статистически, советские авиалайнеры летали в среднем 70–80 часов в месяц, западные — до 150 часов в месяц. Авиакомпания «Трансаэро» с нашим обслуживанием и шестью имеющимися машинами налетала в среднем на один самолёт 430 часов в месяц. В 1995 году мы получили первую премию на авиасалоне в Ла-Бурже, а я получил грамоту за успешное внедрение западных методов работы в странах бывшего СССР. Сегодня по этой системе работает весь цивилизованный мир.

Точно так же мы стали первыми в переоборудовании самолётов Ту 154 в президентские, в которых стояли сертифицированные душевые кабины. Проблема сертифицированных душевых кабин для самолёта заключалась в наличии открытых резервуаров-сливов в летающем воздушном судне. Авиационные власти потребовали проведения особых лабораторных испытаний для доказательства безопасности открытых водяных систем. По окончании испытаний были представлены требуемые доказательства надёжности систем. Мы сделали самолёт для Президента Азербайджана и Президента Словакии. Договоры эти я подписал совместно с Самарским заводом «Авиакор». Это — тоже новая идея работать совместно с Россией на её территории и для обоюдной выгоды сторон. Мы выполняли только те работы, которые российский завод был не в состоянии выполнить сам. Заводу же, передали те виды работ, к которым он готов и у него они стоили дешевле.

В начале 90-х годов к нам в Концерн приезжало много представителей из США изучающих вопросы работы с постсоветскими странами. Я делал обзоры и анализы положения и давал свои рекомендации по возможным направлениям развития бизнеса. Однажды, после моего очередного доклада, представитель «Боинга» обратился при мне к Генеральному Директору с просьбой направить к нему «50 Леонидов». Он готов оплатить всё, что требуется. Генеральный Директор отказался,

сказав, что «Леониды» ему самому нужны и что главная ценность Израиля — это люди. В тот момент я не понял, в чём проблема Запада. После проверки оказалось, что создалась интересная ситуация. У нас в Израиле трудилось уже много авиационных русскоязычных инженеров, работающих в Авиационной Промышленности. В США не было выходцев из СССР ни в одной авиационной фирме. Их просто не брали туда на работу из соображений безопасности. Когда огромной корпорации «Боинг» потребовалось найти у себя русскоязычных инженеров — работников «Боинга» — они с трудом наскребли около десятка. Все эти люди работали в сборочных цехах на самых низких должностях. Их сразу повысили и направили в маркетинг. Для людей это было счастье, свалившееся с небес, но для «Боинга», это было плохо, так как авиационного практического и теоретического опыта у его русскоязычных сотрудников не было. Я знаком со многими из них и с удовольствием помогал, разъясняя нюансы авиастроения и технического обслуживания. Это дало мне возможность одновременно завязать качественные и полезные деловые связи на «Боинге» и других заводах.

Меня много раз спрашивали, почему в нашей военной промышленности и в других областях авиационной промышленности государственные служащие не смогли поднять и развить бизнес в странах СНГ. Точнее, почему, кроме меня, никто не преуспел в этом бизнесе. Могу ответить следующим образом: корень этой проблемы «зарыт» только в неправильном подборе кадров. Это, в свою очередь, происходит от протекционизма и, как следствие, в отсутствии у кандидатов необходимых профессиональных качеств, непонимание требований рынка стран-партнеров и пренебрежение к культуре и психологии живущих там народов. Те, кто занимался бизнесом в СНГ от имени государственных компаний, были либо бывшие сотрудники безопасности, либо те, кто работали до этого в посольствах. Первые обычно даже не знали русского языка. Вторые, если и знали язык, то видели в развитии бизнеса знакомое дело, то есть, писали доклады о ситуации на рынке и о расстановке сил. Это были доклады в стиле партийных доносов (кто сильнее, кто слабее, кто с кем знаком, кто с кем спит и так далее). Из этой информации, по определению, никогда не мог появиться бизнес, а появлялись только архивы. Я лично вообще никогда не держал архивов, видя в сообщениях такого рода лишь, дополнительный материал, необходимый только на короткие дистанции. В бизнесе всё меняется динамично — то, что ещё важно вчера, через два месяца уже забыто и не нужно. Кроме самих договоров и договорных писем, нечего держать в архивах!

Бизнес требует наличия творческих способностей, нестандартного мышления и желания брать на себя персональный риск, а это противоречит характеру обычного государственного служащего.

Бот наглядный пример: однажды позвонил хозяин российской авиакомпании и с чувством глубокого беспокойства попросил меня помочь.

Оказалось, что его самолёт должен быть готов и улететь к концу недели из Израиля. Всё это должно произойти в соответствии с договором, который я же и подписал. Самолёт сделали вовремя. Он был готов вылететь в четверг. Но счёт на оплату выставили тоже в четверг. Выставление счёта на оплату в конце недели — вопиющее безобразие со стороны нашей финансовой системы. Это означало, что деньги в банке можно увидеть только через четыре дня. (Сначала наступал конец недели в Израиле — банки закрыты, потом — в Европе).

Директор самолётного завода, в чью функцию входил расчёт с заказчиком, не хотел рисковать и выпустить самолёт в четверг без получения подтверждения об оплате выполненной работы. Все государственные служащие работали по системе: «Своя рубашка ближе к телу». Для хозяина авиалайнера это были большие финансовые потери, так как билеты на самолёт уже проданы на пятничный рейс! Я увидел в этом полный идиотизм и пошёл к директору завода. Он сочувственно посмотрел и сказал, что если я дам свою персональную гарантию, он разрешит вылет. Гарантия должна базироваться на готовности пожертвовать своей зарплатой и пенсией в случае неуплаты. Это означало, что он был готов переложить свою финансовую ответственность на меня. Директор подвинул мне лист бумаги, считая разговор законченным. Видимо это его обычный прием — отфутболить такого рода проблемы.

До визита к директору завода я ещё раз переговорил с хозяином самолёта, которого хорошо знал. Попросил его доказать мне, что он действительно дал невозвратное указание заплатить за ремонт. Мы связались с его представителем в Англии и с банком. Я получил доказательства оплаты трёх миллионов долларов. Это достаточно для меня, но недостаточно для нашей официальной бюрократической системы. Вероятность того, что Концерн или меня могут обмануть, была близка к нулю. Я взял лист бумаги и написал расписку. Директор завода в замешательстве поднял голову. Он тихо промолвил: «Это первый случай за всю историю на нашем Концерне, что кто-то из работников государственного предприятия добровольно принял на себя такое финансовое обязательство». Самолёт ушёл в тот же

день. Его владелец позвонил мне и сердечно поблагодарил за помощь. Он знал, что я принял на себя личный риск. Хозяин авиакомпании всегда это помнил. Он, впоследствии, очень много помогал мне в работе, сообщая информацию о конкурентах, присылая копии нужных мне договоров, но, самое главное, давал мне работу на своих самолётах вне конкурса. Нормальные люди всегда помнят добрые дела, которые для них сделаны.

С годами у меня сформировался свой кодекс поведения в бизнесе, состоящий в следующем:

1. Важно иметь дело с людьми, которым можно верить. Бизнес строится на доверии людей и между людьми, а не организациями.

2. Надо стараться всегда говорить только правду.

3. Очень важно уметь противостоять любым авторитетам, деньгам или власти. Это ведь целая наука — как сохранять достоинство своё, Концерна или государства на переговорах, когда твоим партнёрам кажется, что они могут купить всё, что захотят, в том числе и тебя.

4. Важно всегда точно оговаривать рамки своих полномочий и не завышать их. Иначе потеряешь свой авторитет. Это одна из главных человеческих слабостей. Можно чувствовать себя Президентом, а когда подходит время подписать обязательство, оказывается, что он даже разговаривать на эту тему не уполномочен.

5. Важно вести себя со всеми людьми одинаково, будь то уборщик или премьер-министр. Это умение называется: «Быть человеком».

6. Надо любить, уважать и понимать людей той страны, с которой ты работаешь, их ментальность.

С другой стороны — очень важно уметь оценить реальность конкретного бизнеса, чтобы не тратить время на пустые разговоры и не «сотрясать» воздух.

Чтобы произвести такую оценку, требуется, прежде всего, получить несколько предварительных ответов на вопросы:

1. Есть ли реальные и «живые» деньги за этой идеей?

2. Есть ли у идеи право на жизнь, и может ли она «работать» ?

3. Есть ли в Ваших руках все необходимые звенья цепочки, необходимые для выполнения задачи?

4. Всю цепочку сделки надо разбить на отдельные звенья, проанализировать их и ответить на вопрос: почему каждое звено выполнит предназначенную ему работу? Какая у него в этом есть личная заинтересованность?

Я всегда задавал себе самому ещё один вопрос: «Если бы эти деньги были мои, вложил бы я их в этот бизнес или нет?» Если

ответ был положительным, то начинал действовать.

Работа в бизнесе была одним из самых интересных периодов в моей жизни. В этой деятельности много адреналина — и положительного, и отрицательного. С одной стороны — я официально представлял огромную компанию, известную всему миру, политические и технические возможности которой практически неограничены. С другой стороны — чувствовал себя часто как одинокий волк на промысле. Иногда решения требовалось принимать быстро и на месте. Государственная система надёжна, но очень инертна и бюрократична. Она не создана для рисков. А бизнес, зачастую, требует нестандартных решений и риска, в том числе и личного.

Важно было понять: как и чем живут люди? Я всегда старался встречаться и разговаривать с людьми в их нормальной среде, не приглашая в гостиницу, когда этого не предписывал обязательный протокол. Это давало возможность оценить партнёра и выбрать правильный подход к нему. Для того, чтобы стать незаметным на улице, покупал одежду только в местных магазинах. В чемодане же у меня всегда лежал нормальный «джентльменский» набор одежды для официальных встреч.

Традиционно у меня генерировалось своё независимое мнение по поводу того, какие методы личной защиты следует применять. Убежден — люди, непонимающие ментальность и язык народа страны пребывания, не могут правильно оценить и проблемы личной безопасности. Иногда по просьбе сотрудников службы безопасности, объяснял им нюансы социальной и экономической ситуации в России или Украины так, как это понимал. Во многих случаях я не соглашался с ними и доказывал, что принятая оценка ситуации неправильная и может привести к обратным последствиям.

Например, когда в начале 90-х годов тринадцать семей сотрудников нашего Концерна находились в Москве для обслуживания авиакомпании «Трансаэро», их раскидали по Москве из-за угрозы терроризма. Побывав у наших работников дома и посмотрев, как они живут, я порекомендовал изменить тактику. По моему мнению, совместное размещение семей было бы правильнее, так как опасность пострадать от терроризма в Москве в то время, была гораздо меньше, чем опасность обычного бандитизма. Всем вместе работникам нашего Концерна гораздо спокойнее перемещаться по городу, доставлять детей в школу и обеспечивать сохранность квартир. Мой совет приняли. Я сам никогда не работал в службе безопасности, никогда не состоял частью её и никогда не изучал эту науку.

У меня просто инженерное чувство логики, самостоятельное

мышление и своё независимое мнение по всем вопросам, касающимся «выживания».

Случались моменты в путешествиях, когда меня неожиданно охватывало чувство страха.

Это произошло, например, когда я, в первый раз после моего отъезда в Израиль, попал к себе на Васильевский Остров. Оказавшись около родного дома, почувствовал сильный прилив непривычного мне страха. Казалось, что сейчас из-за угла выскочит милицейская машина, и меня опять потащат куда-то. Пришлось сделать два круга быстрым шагом вокруг квартала. Страх исчез, и я вошёл в парадную дверь своего дома.

Иногда личные отношения и дружба всё-таки превалировали в моём поведении. Эта история была странной. Однажды я находился в одном крупном городе. Меня пригласил туда на неофициальную встречу один из сильнейших председателей муниципалитетов и бизнесменов. Его интересовало моё мнение по поводу развития комплексов крупнейшего аэропорта, гостиничного комплекса, заводов и авиакомпании. Это был огромный дорогой проект. На стене висела большая карта, где обозначались все элементы этого комплекса. Мы долго разговаривали. Мэр города задавал массу профессиональных вопросов, связанных с авиацией. Я отвечал. Всё это время, не отрываясь, смотрел на карту. Меня мучил один вопрос, на который не находилось ответа. Наконец, когда в разговоре наступила пауза, попросил мэра города пояснить сущность небольшого белого квадрата, выделявшегося на карте в районе строительства. Вся карта была раскрашена и обозначена, и только этот квадрат был неопределённым. Мэр с удовольствием пояснил, что в этом белом квадратике находится завод, принадлежащий нескольким частным предпринимателям. Далее он сказал, что собирается, воспользовавшись административными ресурсами, отобрать этот завод и присоединить к своему комплексу. Я спросил, как же можно отобрать собственность, принадлежащую кому-то другому на законных основаниях? Он ответил, что официальной причиной будет неуплата муниципальных налогов.

Я высказал предположение, что собственность наверняка приобретена на начальном этапе приватизации, когда ещё не существовало подобных налогов. Мэр, улыбаясь и похвалив меня за осведомлённость и понимание экономических процессов, проходящих в стране, сказал, что вопрос неуплаченных налогов — это вопрос техники. Далее он подробно объяснил, что вверенная ему муниципальная служба, когда потребуется, создаст «папку» неуплаченных муниципальных налогов. В нужный момент хозяевам завода предъявят «папку» с добавленными процентами.

У них не будет никакого выхода, кроме передачи бесплатно, за долги, своего завода городу. Хозяева должны будут ещё сказать спасибо, что избежали уголовного преследования и тюрьмы. Мэр был очень доволен собой и своей изобретательностью. Одного он не знал, и знать не мог. Завод этот принадлежал моим друзьям, которые честно купили его на свои заработанные деньги в начале приватизации.

Я вылетел в Германию. Из Франкфурта позвонил одному из этих друзей и рассказал ему эту историю. Сначала он долго молчал по телефону: просто не верил, что такие вещи возможны. Потом, как истинный бизнесмен, умело развернул ситуацию. Он направил своих людей в муниципалитет, познакомился с начальницей налогового отдела и оплатил все изобретённые налоги. Через два года его пригласили в инициативную группу, возглавляемую мэром города, на переговоры по продаже завода. Начались обвинения в неуплате городских налогов.

К всеобщему поражению присутствующих, мой друг выложил свою «папку» с квитанциями об уплате городских налогов, включая даже будущие.

Городской проект уже находился в критической стадии. Времени для построения новой провокации уже не оставалось. Моим друзьям выплатили полную стоимость их завода.

Незадолго до смерти Туркменбаши я приехал в Ашхабад в последний раз. Пятилетний договор о сотрудничестве заканчивался, и предстояло выяснить, что делать дальше. Ситуация в Туркменистане значительно ухудшилась. Душа не лежала к этой поездке, но ехать надо. Обсуждался даже вопрос о том, чтобы взять с собой охранника из системы безопасности Концерна. Но как только я представил себе израильского паренька, не говорящего по-русски, с наушником в ухе, без оружия (личное оружие ввозить не разрешалось), охраняющим меня в Ашхабаде, становилось смешно. Это мне пришлось бы охранять его, а не ему меня!

Я решил ехать один. В Ашхабаде выяснилось, что Довлет, человек из администрации Президента, уже не может со мной встретиться Даже не хотел говорить по телефону.

В Туркменистане создалась уже совсем неприятная ситуация. Влияние Ирана стало доминирующим. Граница с Ираном, находящаяся в нескольких километрах от Ашхабада, была практически открыта. Гостиница для иностранцев, на которую я получил разрешение, и в которой мы обычно находились, по субботам заполнялась иранскими туристами. Все годы работы в Туркменистане мне всегда помогал языковый барьер, существовавший между иранцами и местными жителями, которые

говорили по-русски. Однажды я неожиданно для себя обнаружил, что иранцы прибывают в Туркменистан со своим русскоязычным переводчиком. Это означало, что любая девушка, сидящая при входе в администрацию гостиницы могла проговориться о том, что здесь есть израильтянин. Девушки эти, в основном, были русскими и не говорили ни по-туркменски, ни по-арабски.

Я был уверен, что иранцы готовы с радостью выкрасть меня из гостиницы, если бы знали о моём существовании. Это не сложно. Вообще, Запад присутствовал в то время в Туркменистане очень ограничено. Американское посольство было единственным функционирующим, да и то — только наполовину. Семьи и дети работников уже давно эвакуированы домой. Вход — забаррикадирован бетонными глыбами. Несколько американских морских пехотинцев из посольства являлись единственными гостями в гостинице, в которой я находился. А посольство Ирана в Ашхабаде — огромно. Иранцам также принадлежало много магазинов в столице. Даже сдачу в магазинах иногда давали иранскими деньгами. «Люфтганза» была единственной западной авиакомпанией, которая летала в Ашхабад через Баку. Самолёт в Ашхабаде, после промежуточной стоянки в Баку, садился уже пустой. В гостиничном ресторане, когда я завтракал в последний раз, находилось несколько иранских и пакистанских генералов и старших офицеров.

Учитывая это, пришлось перестать ходить на завтрак в гостиничный ресторан, ограничить выходы на улицу, кроме тех случаев, когда за мной в номер заходил водитель, и мы ехали на переговоры. На второй день моего пребывания в Ашхабаде, натолкнулся на какого-то иранского министра. Он был человеком маленького роста, жгучий брюнет. Я вошёл в ресторан позавтракать, он выходил из зала. Его сопровождали примерно 12 человек. Увидев меня, он заговорил со мной по-русски.

Я ответил чем-то не обязывающим. Меня обычно принимали за русского профессора из Питера. Правду знали только девушки из администрации, которые видели мой паспорт. У меня появились очень плохие предчувствия, и я решил для себя, что больше ни на какие переговоры сегодня не пойду. Уже сформировалось решение в эту же ночь улететь на «Люфтганзе» и больше в Ашхабаде не появляться.

Я заперся у себя в комнате. Около часу дня раздался стук в дверь. Передо мной стояла молодая девушка лет восемнадцати. Как только открыл дверь, она бросилась ко мне и стала отчаянно упрашивать переспать с ней прямо сейчас. Ей срочно нужны были деньги. В принципе, это обычное явление для Туркменистана, где одна из немногих возможностей для женщины заработать, была

проституция. По ночам в гостинице постоянно бродили женщины или их сутенёры, звонили в номера по телефону и стучали в дверь. Но эта девушка вела себя необычно — она искренне умоляла и плакала. Оказалось, что живёт в соседнем городе и прорвалась через кордон при въезде в Ашхабад. Как выяснилось, на выезд и въезд в Ашхабад ввели пропуска. Пропуска требовались и иностранцам, в добавление к двум имеющимся визам. Одна виза — для въезда в страну, вторая —для гостиницы. У девушки болен отец и нужны деньги на операцию. Сумма, по нашим меркам, ей требовалась небольшая. (Зарплата туркменского министра — около ста долларов в месяц). Я спросил девушку, почему она пришла именно ко мне, а не к американским морским пехотинцам. Выяснилось, что в этот момент, я — единственный европеец в гостинице. Это ещё больше настораживало. Подарив девушке пятьдесят долларов, я пожелал ей удачи и попросил исчезнуть. Запершись на крючок, решил никому больше не открывать. С крючком тоже произошла неразбериха. Въехав в гостиницу, обнаружил, что в номере нет дверного внутреннего запора, и попросил поменять мне комнату.

Администратор категорически отказалась это сделать, несмотря на то, что гостиница почти пуста. Более того, отреагировала с каким-то странным испугом. Закончилось тем, что она, на свои деньги, купила мне крючок и поставила на дверь.

Единственным логичным объяснением было то, что приборы подслушивания, видимо, уже установлены, налажены и их операторы не хотели менять дислокацию. Я с нетерпением стал ждать одиннадцати часов вечера, чтобы уехать в аэропорт.

Примерно в шестнадцать часов раздался телефонный звонок. Незнакомый голос сообщил, что говорят из Министерства Иностранных Дел Туркменистана. Мне предлагалось через двадцать минут быть готовым, за мной придёт машина. На мои проверочные вопросы голос перечислил моих партнёров по переговорам, доказав, что он в курсе всех дел и предложил безоговорочно следовать указаниям. Мне не приходилось работать с Министерством Иностранных Дел. Я не имел к нему никакого отношения, работая только с Министерством Гражданской Авиации. Всё это выглядело нелогичным и пугающим. Было понятно, что сделать ничего нельзя. Я, практически, в их руках. Мне пришлось сделать единственную вещь, которую всегда избегал. Позвонил жене и сказал: «Рахель, я не понимаю, что здесь происходит. Меня куда-то вызывают. Если я тебе не перезвоню в течение двух часов, позвони моему начальнику и начинай бить тревогу». Не хотелось беспокоить ее, но другого выхода я в тот момент не видел. Рахель немного

испугалась, но прореагировала нормально. Она прошла хорошую армейскую школу в израильской армии и реагировала адекватно ситуации. Я стал припоминать аналогичные случаи, но ничего подобного со мной в прошлом не случалось.

Как-то, возвращаясь из Эфиопии мы с адвокатом приземлились в Джеде (Саудовская Аравия). Адвокат, американец по происхождению, сидевший в противоположном ряду, помахал мне своим американским паспортом. Потом, сорвал свою кипу и, спрятав её в карман, жестикулировал губами на иврите: «Пикуах нефеш» — действие, необходимое для спасения жизни. Мне ответить было нечем, у меня на руках только израильский паспорт. Приземлиться в Саудовской Аравии израильтянину — всё равно, что попроситься добровольно в качестве барана на шашлыки. В конечном итоге тогда всё закончилось благополучно.

Здесь же всё складывалось по-другому. В дверь постучали. Я, в сопровождении водителя, спустился к машине. Мы поехали и потом долго крутились по городу, пока не попали на аэродром.

Въехали через охрану аэропорта прямо к лайнеру авиакомпании «Туркменхавойолари», стоящему на лётном поле. Около самолёта стояло несколько «Мерседесов». Кучка людей толпились возле самолёта, ожидая меня. Среди них был новый замминистра авиации. Замминистра начал объяснять мне, что, поскольку работа на самолёте некачественно выполнена и Туркменистан прекращает сотрудничество с Израилем.

Некачественная работа, по его словам, заключалась в том, что мы плохо покрасили самолёт. На мой ответ, что мы вообще его не красили, так как покраска не входила в список выполняемых работ по контракту, замминистра не прореагировал. Он только отпустил пару замечаний относительно израильской агрессии в Палестине и в Ливане. Теперь всё стало понятно — туркмены просто искали причину прекратить свои договорные отношения с Израилем. Я почувствовал огромное облегчение и желание убраться оттуда как можно скорее. В гостиницу уже не вернулся, по дороге вызвав своего водителя с его сыном. Шофёр ждал меня за углом гостиницы в условленном месте. Его сын сбегал за моими вещами, пока я ждал в машине. В ту же ночь улетел, предварительно предупредив Рахель. Полное облегчение пришло только в самолёте.

Салон был пуст и заполнился уже в Азербайджане. Я ещё никогда не улетал из командировки с такой радостью, как в ту ночь из Ашхабада.

Годы работы в Туркменистане были самыми выгодными для нашей группы заводов. Если обычная средняя прибыль от технического обслуживания самолётов и двигателей равна 5–8%,

то в Туркменистане прибыль колебалась от 40% до 50%. Результат — много миллионов долларов. Западные компании не понимали правил игры в этой стране и просто не могли туда войти.

В Казахстане была организована новая авиакомпания: наполовину частная, наполовину государственная, которой и передали права государственного перевозчика. Задействовали эту компанию англичане. Главного инженера компании я хорошо знал. Типичный английский инженер, хорошо разбирающийся в своей работе и знающий международные правила игры. Он говорил, естественно, только по-английски, и все руководящие посты в компании занимали тоже англичане. Мы часто встречались и обсуждали возможности совместной работы на новых самолётах, которые должны поступить в компанию. Сделка по техническому обслуживанию новых самолётов ожидалась очень большой, и Джон (назовём его так) божился мне, что он объявит открытый международный конкурс, в котором мы — израильтяне — обязательно примем участие.

Я не очень верил в искренность Джона, но спокойно ждал объявления конкурса. Закон предопределял объявление открытого конкурса с приглашением участников и объявлением в СМИ.

Джон, исходя из своих соображений, решил передать эту работу своим друзьям в Англии. Как я понимаю, он и его друзья хотели избавиться от конкурентов. Затем, оставшись единственными поставщиками сервиса, выиграть конкурс, подняв цены. Чтобы формально соблюсти правила игры и законы, он дал объявление в местной газете на казахском языке с приглашением всех желающих участвовать в многомиллионном конкурсе по ремонту самолётов «Боинг». Это в Казахстане, где не существовало ни одного сертифицированного сервисного самолётного центра. В стране, где мало кто говорит и читает по-казахски. Расчет Джона был точен. Публикуя объявление в казахской газете, он, выполняя букву закона, и в то же время не было даже малейшего шанса, что какая-нибудь компания сможет узнать об этом объявлении и изъявить желание принять участия в конкурсе. Более того, объявление ограничивало срок подачи заявления об участии до двух недель. Одного Джон, всё же не взял в расчёт, что мы — это не все остальные. Через свои источники в Казахстане я всё-таки получил эту информацию.

Сразу позвонив Джону, я спросил его об этом объявлении. Наступила длинная пауза. Видимо, это было последнее, что он ожидал от меня в эту минуту.

Он растерялся и повёл себя крайне глупо. Привожу наш

диалог, таким, каким я его застенографировал:

— Джон, узнали, что проводиться открытый конкурс по двум самолётам «Боинг 757-200». Прошу Вас выслать конкурсную документацию в «IAI» на английском языке. Это в дополнение к конкурсной документации на русском, которую мы сумели найти сами».

— Леонид, никакого конкурса не существует. Я немедленно выясню, о чём идёт речь.

— Хорошо, Джон, я жду.

— Леонид, Вы знаете, конкурс — да существует. Я просто о нём не знал. Но конкурсных документов на английском языке нет.

— Джон, мне не понятно. Вы утверждаете, что ведёте всю техническую документацию на русском языке. Если это так, то как вы выполняете свои функции Вице-президента по инженерно-техническому обеспечению авиакомпании без знания русского языка? И, вообще, как Вы сумели перевести все документы «Боинга» на русский язык? Как вы осуществляете связь с «Боингом»?

Джон ещё некоторое время что-то невнятно мямлил. На этом наш разговор закончился. Через два дня я написал официальное письмо в адрес руководства казахской авиакомпании.

После получения моего письма разразился сильный скандал. Конкурс остановили и отложили. Мы получили все необходимые конкурсные документы. Джона уволили, заменив другим англичанином, с которым я продолжал работать. Мы до сих пор сохранили дружеские отношения.

Я любил свою работу. В ней всегда много места для свободы, творчества и генерирования идей. Это ведь очень интересно — придумывать свою концепцию бизнеса, разрабатывать её и доводить до победы, при этом... не рискуя собственными деньгами.

За мной стоял огромный государственный Концерн, внушающий уважение всему миру. Конечно, у Концерна свои проблемы, связанные с его величиной и бюрократией. Но преимуществ несравненно больше. Да и территория, на которой я работал, мне близка и понятна. Словом, это интересное, творческое и высококачественное время моей жизни. Благодаря работе, я встречал людей, с которыми никогда в жизни не сумел бы познакомиться.

За эти годы пришлось повидать многое и необычное. Мне посчастливилось быть одним из первых израильтян, поклонившихся могиле Рабби Нахмана в Умани. Это произошло в начале 90-х годов, когда после переговоров в Эфиопии и

счастливого приземления в Джеде, я обещал своему американскому адвокату Полю Эпштейну привезти его на могилу Рабби, о которой мне тогда ничего не было известно.

Через полгода после данного обещания нам с Полем удалось под эгидой украинского полковника прорваться через полицейские кордоны из Киева в Умань. Мы с большим трудом нашли место. Украинские крестьяне не знали, что это такое. Могила Рабби возвышалась на краю обрыва. Никого и ничего около неё не было. Поль прочёл молитвы. Я повторял за ним. Полковник тоже принял в этом участие, хотя мало понимал, что делает. После посещения Умани, Поль сказал, что мы свершили большую «мицву», которая нам с ним зачтётся.

Я видел, как мечет красную икру рыба на Сахалине. Я был также единственным европейцем, находившимся среди туркмен на параде в честь дня рождения Туркмен-баши, когда ему вручали народные подарки.

Мне приходилось бывать в центре ГУЛАГа в Сыктывкаре. Там я получил самое неожиданное и невероятное в моей жизни предложение развлечься. Это произошло в самом начале развала СССР. Директор авиакомпании в Сыктывкаре хотел сделать мне приятное и предложил остаться на два дня, чтобы присоединиться к нему и посетить его любимое место развлечений. Речь шла о сауне, находившейся в женском уголовном лагере. Он долго и с воодушевлением описывал мне сей вид развлечения, но я отказался. Это было самое экстравагантное и неприемлемое для меня предложение, которое я когда-либо получал.

В конечном итоге, время, посвященное развитию бизнеса в русскоговорящих странах, я вспоминаю с удовольствием и считаю его одним из самых интересных и качественных периодов моей жизни.

Глава 37
Как мы «рулили» партию

Я никогда не был членом политической партии. Слово «партия» вызывало у меня всегда лёгкую тошноту и отторжение. Про КПСС и говорить то нечего. Но когда, по приезде в Израиль, мне стали совать опять красную книжицу — вообще потерял дар речи. Ещё в Центре абсорбции стали появляться всякие странные личности, представляющие какие-то сумасбродные политические идеи. Я всегда чувствовал жалость к этим людям, явно не понимающим того, в чём они пытались убедить других. Любую идеологию можно аргументировать и представить на суд человеческий, а потом люди могут её принять или отвергнуть.

Идеология похожа на философию, в том смысле, что это интеллектуальное упражнение для мозгов. Проблема не в ней, а в служителях и носителях её. Люди, занимающиеся политикой профессионально, частично вызывают у меня жалость, иногда — презрение, и редко — уважение. Если человек действительно верит в ту идеологию, которую он проповедует, следует ей и готов положить себя на алтарь идеи, то он достоин искреннего уважения. Мне не так важно, что он проповедует. Это можно принять или нет. Важно, что он идёт по пути, в который он верит. Если выбранный путь соответствует гуманным и общечеловеческим правилам игры, его можно уважать. Я не люблю людей, которые пользуются политикой для достижения личных целей, используя удобную на данный момент идеологию. К сожалению, таких множество среди израильских политиков. Сам термин «политик» я не приемлю, так как считаю, что такой профессии не существует.

Профессия может быть адвокат, журналист, политический аналитик или дипломат. Самое близкое к понятию «политик» — это профессиональный революционер. Трудно представить себе, как это странно звучит в сочетании со званием члена Кнессета. Есть другое название для этого — «политикан». Настоящий политический вождь не должен быть ведом вперёд социологическими опросами населения и политическими консультантами —политтехнологами-манипуляторами. Лидер должен прислушиваться к мнению населения, но вести народ следует только в соответствии со своей собственной идеологией. Но идеология, как минимум, должна существовать!

Когда в начале 90-х годов мы получили подарок в лице большой алии, это выглядело чудом. Но действительность

оказалась совсем не такой. Прошло двадцать лет. И сейчас уже можно анализировать то время. Время упущенных возможностей. Время исковерканных судеб. Время, когда одни теряли веру, надежду, деньги, здоровье, да и саму жизнь — а другие наживали неправедные состояния...

Когда-нибудь наши потомки оценят и опишут все происходящее и воздадут каждому по делам его.

Я лично очень тяжело воспринял этот период.

Тогда я решил, что пришло время действовать. Мне давно стало понятно, что нужна политическая сила, способная объединить приехавших и уже живших здесь русскоязычных израильтян. Существовал только один легитимный путь прекратить эти безобразия — создание своей политической партии. В этот период появился на общественном горизонте Натан Щаранский. Я с ним никогда до этого не встречался и мало что о нём знал. Был рад, когда его освободили из лагеря в СССР. Сцена перехода моста в ГДР при его обмене на советского шпиона произвела на меня впечатление. Я встретился с ним случайно, и мы разговорились. Он мне понравился своим упрямством и немногословием. В конечном итоге, мы договорились, что я организую русскоязычных израильтян-старожилов, приехавших до 90-го года («ватиков»). Позже меня выбрали и назначили начальником предвыборного штаба «ватиков». Так начались наши дружеские отношения с Натаном, основанные на взаимном уважении и общей политической цели.

Поначалу мне казалось, что люди за мной не пойдут, но, к счастью, я оказался неправ. Мы сумели организовать первую встречу активистов в Израиле, где присутствовало более 400 человек, среди которых было много ведущих русскоязычных специалистов и предпринимателей. Это — известные учёные, ведущие врачи, ведущие специалисты и руководители. Присоединились к нам и работники ВПКК, Электрической Компании, владельцы предприятий. Это был первый, своего рода политический, «глас протеста» против политики правительства Израиля по отношению к русскоязычным гражданам.

Мы ввели системы управления политическим движением и выборами, такие же, какими пользовались для управления производственными проектами в индустрии. Это явилось новым инструментом в политической жизни того времени. Партийное окружение Щаранского не очень нас жаловало и побаивалось конкуренции. Постепенно, когда партийные деятели ИБА увидели, что я с ними не конкурирую и не ищу себе места в Кнессете, они успокоились.

После выборов в Кнессет, встал вопрос реализации планов и

программы нашего движения. Политическая система в Израиле была шокирована успехом русскоязычной партии и в напряжении ожидала перемен. Тоже же самое происходило и с русскоязычным населением.

Большинство ведущих партийных деятелей и членов Кнессета от партии ИБА плохо знали иврит, не имели опыта работы в Израиле, не понимали, как функционируют государственные учреждения и Советы директоров государственных предприятий,

Натан попросил меня заняться разъяснительной работой среди «своих». Многие из его помощников, «наших» членов Кнессета, деятелей ИБА приезжали ко мне домой, и я рассказывал им то, что знал, давал практические советы, помогал, чем мог. Натан, будучи вице-премьером правительства, организовал небольшой личный совет, в котором я принимал активное участие. Мы обсуждали существующие проблемы и вырабатывали практические рекомендации к действию. Он часто приглашал меня принять участие в государственных встречах, в том числе и с премьер-министром Натаньягу. У Щаранского очень острый язык и прекрасно развитое чувство юмора. В одну из таких встреч он сказал свою сакраментальную фразу: «Мы — русские израильтяне — сначала сидим в тюрьме, а потом становимся министрами, а вы, местные — наоборот».

На тот период ни в одной государственной компании не было в верхних эшелонах управления представителей нашей «алии». Не существовало ни одного Генерального Директора, ни одного Председателя Совета Директоров государственной компании, даже рядового Члена Совета Директоров, принадлежащего к русскоязычной общине. Государственных компаний было тогда около 250. Как мне сообщили, я занимал одно из трёх самых высоких мест среди руководителей государственных предприятий, относящихся к нашей общине.

Нас, «русских», было около 23% населения Израиля.

Первоначальные попытки Натана провести назначения в управление государственных организаций и предприятий из среды русскоязычной общины не удались. Существовали вообще абсурды в израильском законодательстве, когда бригадир электриков израильского авиационного завода официально признавался как «имеющий опыт руководства», а бывший директор автозавода-гиганта не признавался израильским законодательством, как «имеющий опыт руководства»! Щаранский попросил меня разобраться с этим делом и помочь. Я опять пошёл учиться. На этот раз, пришлось изучить законы функционирования государственных компаний и учреждений, науку управления.

Было очень интересно и необычно. Я закончил два отдельных курса по управлению для членов Советов Директоров и особый курс для Председателей Советов Директоров. Всё это включало в себя массу экономических, юридических и управленческих дисциплин, которые рассматривались с точки зрения правильного понимания и соблюдения законов государства Израиль. Нам преподавали лучшие экономисты, юристы Израиля, бывшие и настоящие Председатели Советов Директоров крупнейших частных и государственных компаний. Я по сегодняшний день благодарен Натану Щаранскому за то, что он предоставил мне такую уникальную возможность учиться. Всё это время я продолжал работать на своей должности в Концерне, что позволяло выступать в двух ипостасях, совмещая государственные дела с развитием авиационного бизнеса. Наоборот — даже помогало делать свою работу, так как, будучи Советником Вице-премьера, я знакомился с нужными мне людьми.

Однажды мой начальник, Заместитель Президента Концерна, обратился ко мне с просьбой. По его сведениям в Израиль должен приехать для встречи с Премьер-министром владелец компании «Дженерал Электрик». Давид попросил организовать встречу с ним, объяснив всю важность этого события для Концерна и для нашей группы заводов, в частности. «Дженерал Электрик» — одна из крупнейших финансовых корпораций, владеющая огромным концерном по производству авиационных двигателей. Кроме того, она владеет крупнейшей лизинговой компанией; имеющей 1100 самолётов по всему миру. Выяснилось, что наш Концерн безуспешно добивался этой встречи уже много лет. Я позвонил Щаранскому и спросил, знает ли он об этой встрече. Он ответил, что, конечно, знает, более того, именно он её и организовывает на правах Министра промышленности и торговли. Далее, Натан спросил:

— Зачем он тебе, Лёня? Он же финансист и банкир! С каких пор ты занимаешься банками вместо самолётов?

— Толя, он не только банкир. Он — владелец компании «Джикас», у которой 1100 самолётов. Нам нужна эта связь.

— Хорошо, если тебе это надо, я с удовольствием помогу. Кроме того, для меня это всего лить визит вежливости. У меня ничего государственного на эту встречу не запланировано… Честно говоря, он мне даже и не нужен. Вот что, забирай моё время — 25 минут. Возьмём ещё по пять минут с Премьер-министра и Министра финансов… У них, как я вижу, тоже ничего, кроме вежливости, не запланировано. Удачи. И не забывай про наши проблемы!

Мы с Давидом на следующий день поехали в гостиницу

«Хилтон» в Тель-Авиве. Мне ещё никогда не приходилось встречаться с человеком такого уровня. Я даже не представлял себе, как происходят такие мероприятия. Уже на подходе к гостинице, чувствовалось напряжение службы безопасности. На каждом шагу останавливали и задавали вопросы. В фойе к нам сразу подошли двое охранников и спросили: «Вы — Леонид Токарский и с вами ещё один человек?» Я ответил утвердительно. «Поднимитесь на этом лифте на 8-ой этаж, вас встретят». На 8-ом этаже (если я не ошибаюсь) прямо перед лифтом нас встретил охранник. За ним, в отдалении, виднелось ещё двое. Как я понял, весь этаж был занят этой важной персоной и его людьми.

Уже на подходе к апартаментам, коридор был перекрыт. Двери открыл экономический консул Израиля в США. Он сказал, что выполняет функции секретаря-советника.

Прошли в гостиную.

Навстречу поднялся пожилой господин, быстрый, с острым взглядом. Я не успел сказать ни слова. Мой Давид начал тараторить, как из пулемёта, кто мы, что мы и чего мы хотим. Я, поначалу, думал, что этот господин нас выставит из комнаты за такое нахальство. Во всяком случае, я бы на его месте поступил именно так. Банкир поступил наоборот. Но он, выслушав, заинтересовался, стал задавать вопросы и предлагать свои варианты.

Я стал свидетелем разговора двух «международных акул», которые, как хищные млекопитающие, быстро обнюхали друг друга, и друг другу понравились. Разговор затянулся на полтора часа. Это стало началом новых деловых отношений Авиационной Промышленности Израиля с американским гигантом «GE».

На сегодняшний день существует большая совместная компания и совместный бизнес во всём мире. Эта случайная встреча породила новое деление авиационного мирового бизнеса и уже принесла государству Израиль миллиарды долларов.

Но тогда мы всего этого ещё не знали, а я проходил свой первый урок переговоров по миллиардным контрактам, вжавшись, от неожиданности услышанного, в кресло.

Во время нашей беседы несколько раз подходил экономический консул и спрашивал: «Звонит Начальник Генерального Штаба Армии, просит принять».

— Нет времени!

— Звонит Председатель Совета Директоров Концерна Авиационной Промышленности (наш с Давидом шеф). Что сказать?

— Скажи, что нет у меня для него времени.

Закончив беседу, мы поехали на машине Давида обратно на

работу. По дороге, в машине, он набрал номер телефона Президента нашей компании и доложил о встрече. Президент спросил: «Скажи честно, как ты умудрился к нему попасть? Ни я, ни Председатель Совета не сумели это сделать?!» Давид ответил: «Задействовал свои личные связи!» и подмигнул мне.

На следующий день я решил действовать и зашёл к своему начальнику в кабинет. Он принял без очереди, оставив сидеть двух директоров заводов ждать в приёмной. Сказал, что рад был ему помочь.

Заметив, что у меня тоже есть своя проблема, попросил его перевести от «каблана» сорок человек на работу по прямым контрактам. Всё последнее время я искал рычаги давления, чтобы помочь людям вырваться из бесправной зависимости. Это был экспромт, попытка нащупать брешь в системе. Честно говоря, у меня была уверенность, что мой начальник сейчас выгонит из кабинета со словами: «Ты что же это, меня шантажируешь?» Он ответил просто: «Принеси список». Я чуть не сел от неожиданности. Оказалось, что эта дискриминация — никакая не политика, что всё, в конечном итоге, зависит от решения руководителя и его доброй воли.

Никакого списка, конечно, не было. Я ринулся вниз в цех к своему другу Грише Зеленецкому. Он, бывший учитель, трудился на тяжёлой работе через посредническую фирму, получая половину обычной зарплаты и не имея социальных льгот. Разыскав его, сказал: «Гриша, быстро давай список из сорока фамилий людей, находящихся в особо тяжёлых условиях, нуждающихся в помощи. Не забудь включить и себя!»

Через полчаса он принёс список. С этой бумагой я опять ворвался к своему начальнику. Давид вызвал по внутренней связи начальника отдела кадров и приказал немедленно переоформить этих людей, и подписать с ними прямые договоры. С тех давних пор, и Гриша, и люди из его списка являются полноправными работниками Концерна.

Меня даже разозлило — до чего всё просто! Я рассказал об этой истории Щаранскому, и он через две недели на собрании Центра партии доложил о нашем первом совместном партийном успехе по трудоустройству сорока человек в Авиационной Промышленности.

Однажды мы обсуждали вопрос, как работает механизм влияния на происходящее в израильской системе, Я сказал Щаранскому, что на самом деле этот механизм довольно простой и местечковый. В качестве примера привёл не раз виденный мной случай, когда приезжает новый министр на завод. Его встречает выстроившееся по рангу руководство. Когда министр проходит

вдоль строя руководителей, Президент компании знакомит его с каждым.

Министр иногда останавливается около кого-нибудь на 30 секунд больше, чем у других, своим видом намекая, что этот человек ему важен. С этой минуты у такого работника появляется политическая сила внутри предприятия, которая не зависит от его должности.

Щаранский спросил меня: «Чем я, Лёня, могу помочь и повысить твой рейтинг?». Я ответил: «Приезжай к нам в Концерн и постой около меня 30 секунд». Натан с удовольствием согласился. Всё произошло точно, как и предполагалось. Когда группа машин подъехала к заводоуправлению, все представители руководства Концерна выстроились, как солдаты по ранжиру.

Председатель Совета Директоров и Президент компании стояли впереди, как генералы. Из первой машины вышел Натан и повёл себя совершенно неожиданно. Не обращая внимания на наших «генералов», он прошел быстрым шагом в самый конец шеренги, где стоял я и с криком: «Лёня, друг!», стал со мной обниматься. Обнимаясь с ним, я прошептал ему в ухо: «Толя, мы так не договаривались, ты забыл, надо всего лишь постоять 30 секунд!» Он мне прошептал в ответ: «А что мне жалко, что ли, с тобой лишний раз обняться, — пусть лопнут!»

Это объятие потом очень помогло в жизни многим людям, гораздо больше, чем многие политические декларации.

Социальная атмосфера в стране продолжала оставаться напряжённой. У нас в Концерне произошёл дикий случай, когда работник был уволен только за то, что в заводской столовой положил себе в тарелку второй шницель. Парень был просто голодным и ничего необычного в этом тоже не было. Никогда, за всю историю Концерна, постоянного работника за такие вещи не увольняли, это всегда противоречило духу еврейского государства. Другого уволили за то, что не уступил сидячее место в заводском автобусе работнику, имеющему постоянство («квиют»). Дело было вечером, по дороге с работы. «Раб» был на 20 лет старше постоянного работника. Его уволили уже на следующее утро, оставив семью без средств к существованию.

Хвалёные профсоюзы не защищали. Я старался делать всё, что возможно. Помогал находить кандидатов среди «ватиков»(? *Д.Т.*) на открывающиеся в государственных учреждениях и компаниях вакантные должности. Выступал по радио и телевидению, разъясняя нашу позицию по всем этим вопросам. Я называл вещи своими именами, в том числе, и в телевизионных программах на русском языке. Каждый раз, после очередного выступления, меня вызывал вице-президент Концерна по связи с

прессой. Держа в руках отпечатанный перевод с русского на иврит моего интервью, Дорон читал нотации о нарушении мною инструкций Концерна. Эти бумаги запрещали сотрудникам выступать в средствах массовой информации без его прямого разрешения. Объясняя Дорону, что выступления не касаются военных секретов, а отражают мои гражданские взгляды на происходящее, я просто посылал его подальше. Это продолжалось несколько лет. В конце концов, от меня отстали.

Приближались очередные внеочередные выборы в Кнессет. Щаранский взял в качестве советника Моти Мореля. Моти — талантливый и самобытный специалист по политическому маркетингу — не говорил по-русски. И я взялся ему помогать. На одном из съездов актива, Моти выставил приготовленные стенды с лозунгами для выбора направления пропаганды. Их было более десятка. Среди них лозунги с требованием работы по специальности, признанием дипломов, об улучшении социальных условий и многое другое.

Народ воспринимал их вполне прилично и аплодировал. Неожиданно, реакция на один из лозунгов перешла в овацию, и люди повскакивали с мест. Это был лозунг о взятии в свои руки Министерства внутренних дел. Моти ничего не понял. Я тоже ничего не понял и пошёл выяснять: в чём дело, почему так важно для новых репатриантов Министерство внутренних дел? Как известно, это министерство занимается муниципалитетами, оформлением гражданства и прочей внутренней бюрократией государства. После разговора с людьми мне стало понятным, почему именно это министерство было главным врагом репатриантов.

Именно эта бюрократическая структура виновна в гражданской дискриминации новых репатриантов. Я рассказал об этом Моти. Мы начали разрабатывать столь неожиданное для нас политическое направление. Часами сидя в офисе Моти Мореля мы скандировали один и тот же лозунг на русском языке. Всё это продолжалось до тех пор пока, Моти удовлетворённо не повторил: «МВД — под наш контроль!». С этим лозунгом мы пошли на выборы и победили.

Глава 38
Провал

Мы добились своего. Мы получили МВД под свой контроль!

В израильском обществе чувствовалось напряжение. Наши избиратели, да и не только они, ждали желанных изменений и облегчения своего гражданского и социального статуса в Израиле.

Большинству населения, как и вновь прибывшим, мало разбирающимся в обстановке, но и коренным израильтянам, и «ватикам» давно надоела, коррупция, повседневная дискриминация граждан.

Мы двинулись в путь, вошли в туннель и уже увидели свет в конце туннеля, но... этот свет был от приближающегося встречного поезда нашей собственной несостоятельности.

Причин поражения партии «Исраэль Ба Алия» много. Но основная в том, что средний и высший эшелоны лидеров состояли, в большинстве своём, из людей с «совковой» ментальностью. Они не были «бульдозерами алии», «революционерами» по определению и по сути. Увы — эти функционеры видели в Кнессете и в государственных учреждениях лишь место своей стабильной работы. Практически у каждого из них — свои «олимовские» комплексы неполноценности, которые привязывали их, как верёвкой. Эти комплексы всегда давали возможность циничному израильскому политическому истеблишменту насмехаться, шантажировать лидеров и функционеров партии, «приручать» их, разделять, «покупать» и властвовать. Комплексы связаны с незнанием иврита, православным или непризнанным в Израиле еврейским происхождением самих новоизбранных лидеров или членов их семей. Прошлыми коммунистическими узами, абсолютным непониманием и боязнью израильских систем управления и бюрократии. Эти комплексы на самом деле — субъективны, оторваны от израильской действительности. Манипуляции, не имеющие никакого значения для нормального функционирования и продвижения своей линии в Израиле. Эти персональные и, с моей точки зрения, надуманные проблемы наших партийных функционеров, позволяли легко их запугивать и «держать в узде». Вся их «голубая мечта» состояла лишь в том, чтобы «застолбить» своё место под жарким израильским солнцем. Эти люди бились за себя, а не за тех, кто отдал им свои голоса и вручил депутатские мандаты. «Олимовский» народ стал «трапом в самолёт» их собственного полёта. Они не были «ледоколами» и не могли

«раскалывать лёд». Я не осуждаю их. Просто они сидели не на своих местах, их головы кружились от неожиданно быстрого взлёта.

Они относились ко мне и моим соратникам с ревностью и недоверием. Этим деятелям ИБА я и мои друзья, имеющие опыт в борьбе с советской системой, с израильской бюрократией, мешали своим существованием. Им надо было «растолкать» всех, чтобы урвать свой кусок мифического пирога. Их раздражало, что мы в Израиле сумели собственными силами, тяжёлым ежедневным отстаиванием своих прав, добиться положения, уважения и отстоять своё место. Мы были, в большинстве своём, профессионалами, устроенными материально, наше будущее не зависело от политической конъюнктуры. Наши мотивация и желание помочь объяснялись идеологией, чувством братства, справедливости и гордости.

Однажды произошла история, которая разозлила меня по-настоящему.

В аэропорту задержали двадцатилетнюю студентку, приехавшую на каникулы из Москвы к своей тёте в Израиль. Формальной причиной для её задержки и немедленной отправки в Москву послужило отсутствие у неё наличных денег! Как выяснилось, какой-то идиот из Министерства Внутренних дел в рамках «борьбы с импортом проституток» из стран бывшего СССР, выпустил нелепую инструкцию. В этом перле израильской бюрократии объяснялось, как отличить проститутку от порядочной женщины. Оказывается, что если у женщины нет с собой достаточного количества наличных денег, то она — «проститутка». Девушка умоляла не высылать её, объясняя, что не проститутка и что приехала к своей тёте. Она совала в руки служащим бумажку с номером мобильного телефона и просила позвонить своим родственникам, ожидавшим её здесь же, в аэропорту! Никто не хотел тратить на неё время и даже просто позвонить по этому телефону. Через несколько часов её, рыдающую, посадили в самолёт и отправили обратно в Москву. Дядя и тётя, в ожидании племянницы, подумали, что что-то случилось и её похитили террористы. Они начали розыск и связались с израильскими властями. Ситуация прояснилась. Начался скандал, но было уже поздно.

Я находился за границей и на следующий день прилетел в Израиль. Об этой истории мне рассказали по телефону. Приземлившись, я пошёл в паспортный контроль. Около него в стороне толпилась группа каких-то по внешнему виду славянских женщин. Я подошёл ближе. Мы разговорились. Это были обычные российские проститутки. Они этого не скрывали. Вспомнив

вчерашнюю историю со студенткой, я вскипел и пошёл искать начальника смены МВД.

Представившись, спросил, что произошло со вчерашней девушкой? Оказалось, что это случилось в его же смену. Он бодро объяснил, что у неё было всего 20 долларов, указывающих на тот факт, что она является профессиональной проституткой. Я попросил его пройти в зал и показал на группу проституток, ожидающих получения разрешений: «Как вы называете этих девочек?» — Он замялся. У него забегали глаза. Начал объяснять мне, что знает об этой группе и эти женщины — паломницы, приехавшие с сопровождающим. Я спросил, когда это паломниц одевали в такие короткие юбки, из-под которых виднелось нижнее бельё. К нам подошёл сутенёр этих проституток — классический бандит с накачанными мышцами и татуировкой. Служащий и сутенёр переглянулись. У обоих на лицах написано, что один дает взятку, а второй её получает. Они хотели только одного, чтобы я исчез. Я начал звонить Щаранскому, но не дозвонился. Его работник, относящийся к нашим «боевым кадрам» ИБА в Министерстве Внутренних Дел, вежливо выслушал меня, спрашивая, что же я рекомендую в этом случае сделать. На ответ, что надо публично объявить об увольнении виновного служащего смены МВД в аэропорту, он стал мяться.

Я выразил готовность дать свои свидетельские показания относительно этого начальника смены МВД. Потом «боевой кадр» начал успокаивать меня, объясняя, что здесь, в Израиле, мол, всё делается «не так». По его неграмотным объяснениям я понял, что этот наш «боевой друг» и носитель идеологии ИБА сам, до получения этого места, нигде не работал, и практического опыта жизни и борьбы за место под солнцем в Израиле у него не было. Я стал настаивать на принятии немедленных и строгих мер. Довольно грубо он объяснил, что очень занят, что ему плевать на эту студентку и времени для меня у него нет. Я рассердился ещё больше от собственного бессилия изменить ситуацию.

Прошла ещё одна каденция. Прошли ещё одни выборы — неудачные. Это было предсказуемо. Народ уже не верил обещаниям и не хотел идти с ИБА. Людям нужен был ледокол, мощно и неотвратимо крошащий ледяные торосы, а не рыбацкое судёнышко, вмерзшее в лед и ползущее вместе с ним.

Однажды позвонил Щаранский и попросил устроить заседание узкого Центра партии у меня дома в Макабим. Я согласился. Собралось человек шестьдесят. Это было последнее историческое заседание партии ИБА. Щаранский объявил о роспуске партии ИБА. Позже, после того, как ИБА потеряла все свои государственные позиции вместе со своими министерствами,

большинство деятелей партии лишились и рабочих мест. Многие из них просили помочь с трудоустройством. Навестил меня и тот бывший уже сотрудник бывшей партии, который объяснял мне в своё время, что я не понимаю, как всё в Израиле работает и что-то, чем он был занят в тот момент, важнее судьбы высланной девочки-студентки.

Оказалось, что его самого лишили должности в министерстве. Деятель этот остался без работы и без средств к существованию. Он просил меня устроить его на работу. Куда девался гонор, уверенность в своём превосходстве и пренебрежение к людям?!

Я уверен, что мы могли и должны были исправить сложившуюся ситуацию в Израиле, превратив его в цивилизованное государство, где о правах человека не рассуждают, а их соблюдают. Оставим же матушке-истории роль третейского судьи...

Глава 39
Управлять государством

Когда я в первый раз получил подписанное Премьер-министром Израиля назначение, с синим гербом и приложенным сводом законов, почувствовал необычайную гордость. Это было назначение членом Совета Директоров в Банк развития промышленности, в компанию по инвестициям.

Когда я в первый раз вошёл в огромный зал заседания банка, почувствовал необычное нервное напряжение, которое, впрочем, быстро исчезло. Перед каждым, сидящим за столом, стояла табличка с его именем и фамилией и лежала папка с документами, которые надлежало обсудить и принять.

Совет Директоров в своём полном составе принимал принципиальные решения, обсуждённые и рекомендованные предварительно комиссиями. Основная работа осуществлялась в этих комиссиях. Их несколько. Главные из них — финансовая, кадровая и контрольная. Кроме того, были специфические комиссии, формирующиеся в зависимости от общей направленности всей организации и конкретных задач, стоящих на повестке дня.

Для назначения в Совет кандидат должен соответствовать требованиям Закона о государственных компаниях. Это значит, что у него обязательно должно быть высшее образование в одном из трёх направлений: экономист, юрист или инженер. У него должен быть доказанный опыт руководящей работы в израильской промышленности. Есть ещё дополнительные критерии, которым должен отвечать кандидат. Назначение проверяется и одобряется Государственной комиссией по назначениям, возглавляемой судьёй. Премьер-министр может подписать назначение только после его одобрения.

Я проходил эту комиссию семь раз — по числу государственных назначений, которые получил, включая назначение Председателем Совета Директоров. Закон гласит, что члена Совета невозможно уволить, просто отменив его назначение. Срок, в течение которого оно действует, — три года. Все свои обязанности, связанные с функционированием в Советах, я совмещал с постоянной работой на своей должности Директора по развитию бизнеса.

Мне выпала честь быть одним из первых представителей русскоязычной общины, вошедших в Советы Директоров государственных компаний.

Задачами работы Совета Директоров являются назначение Генерального Директора, определение стратегии и тактики компании и осуществление контроля за её деятельностью. Одним из направлений работы банка являлось финансирование государством компаний по развитию новых технологий. Проще говоря, стоял вопрос, кому — давать, а кому — не давать от имени государства денег, сколько и на каких условиях.

К нам обращались сотни кандидатов. Например, просили о финансировании лабораторных исследований. Прежде чем принимать решение и рекомендовать финансирование, мне приходилось встречаться с руководителями компании, и я всегда настаивал на посещении самой лаборатории и встрече с её учёными. Такие структуры включали в себя, обычно, двух-трёх «прожженных» израильтян, управляющих компанией. За ними стояли один-два «русских» наивных изобретателя, генерирующих идеи и плохо понимающих, как здесь всё в Израиле работает. В таких компаниях работало также от четырех до десяти человек обслуживающего русскоязычного персонала, которых вообще держали в «чёрном» теле.

Начиналась история с финансированием всегда одинаково, когда в банке появлялись руководители компании, выступающие в качестве специалистов мирового масштаба. При представлении проектов они «случайно» роняли имена своих влиятельных знакомых, уверенные, что после этого деньги почти уже лежат у них в кармане. Иногда это подкреплялось даже прямыми телефонными звонками из соответствующих инстанций. Я всегда получал от этих «игр» массу удовольствия, как профессиональный дрессировщик, получающий новых животных для работы.

На первом же заседании я подробно расспрашивал руководителей об истинном изобретателе и о распределении акций внутри компании. Затем, за закрытыми дверями, в отсутствие представителей просящей организации, мы заслушивали профессиональное мнение нашего независимого банковского эксперта о перспективах изобретения.

Если эксперт подтверждал серьёзность и финансовую состоятельность изобретения, мы приглашали представителей компании и начинали следующий этап переговоров по финансированию. В подавляющем большинстве случаев, на прямой вопрос о распределении акций в компании выяснялось, что акции распределены между ушлыми «ватиками», а учёные работали за минимальную зарплату. Первым моим условием для разрешения финансирования являлось передача значительной части акций непосредственно самим изобретателям.

Я им объяснял, что без прямой заинтересованности учёного в

результатах изобретения, компания рухнет, и банк потеряет деньги. Изобретатель может на определённом этапе просто исчезнуть. Кроме всего прочего, для нас, как для государственного учреждения, существуют моральные аспекты сделки. Руководители компании «кривились», но уже через неделю появлялись с новой раскладкой акций.

Вторым моим условием было посещение компании на месте и беседа с её работниками. Требование такого типа руководителям особенно не нравилось.

Это внесённое мной условие давало возможность в течение двух часов визита понять, что действительно здесь происходит. Когда я появлялся в лаборатории, весь русскоязычный состав считал, что наконец-то появился свой человек, и выплёскивал мне всю информацию о своих руководителях. Вырисовывалась совершенно чёткая картина происходящего. Это позволяло принять объективное решение, отвечающее интересам государства, и защитить интересы учёных, в чём я также видел свою немаловажную обязанность.

У меня появилось ощущение, что я — тот самый правильный человек на нужном месте. И это чувство только росло от поступавших на меня непрерывных жалоб со стороны руководства финансируемых кампаний.

Следующим важным назначением, которое я получил, был Совет Директоров крупнейшей государственной страховой компании. Эта структура, кроме частного бизнеса, страховала и государственный бизнес во многих странах мира, включая политические риски.

Меня поразил состав Совета Директоров. Там заседали две категории людей — прожженные дельцы и дети власть имущих, незадолго перед этим закончившие учебные заведения и стажировку в «родительских» компаниях.

Я был первым «русским», который там появился, и был встречен публикой с нескрываемым любопытством. На втором заседании передо мной положили протокол. Там было сказано, известный торговец коврами разорился. Установлено было, что у него нет денег, и решено простить ему долг государству в размере нескольких миллионов шекелей. Меня попросили подписать этот протокол, объяснив в двух словах, что мол, «так надо!» Затем произошёл интересный диалог:

— Кому надо?

— Ну, нам всем.

— А мне не надо. Я вообще не прощаю долги, тем более, государственные.

— Леонид, Вы, наверное, плохо понимаете текст,

напечатанный на иврите. Мы попробуем перевести вам с иврита на русский язык то, что здесь написано.

— Нет, не надо. Я прекрасно понял, что здесь написано, но подписывать не буду. Не хочу, чтобы человека выгоняли из дома из-за долга, но хочу, чтобы долг остался существовать на бумаге. С моей точки зрения нужно гарантировать, что даже если человек закопал свои миллионы в саду, то его сын также не смог бы воспользоваться этими деньгами и через 20 лет.

— У нас так не принято!

— Так теперь будет принято!

Мне пытались подсунуть эту же бумагу ещё минимум два раза, считая, что я, всё-таки, не понял, и каждый раз заново удивлялись моему отказу.

Через несколько месяцев состоялось очередное заседание Совета. В воздухе чувствовалось лёгкое напряжение. Слово попросил юридический советник Совета Директоров и с болью в голосе сказал: «Леонид, у меня очень нехорошая новость! Мы ещё раз перечитывали Закон о государственных компаниях и случайно обнаружили там пункт, суть которого такова: Работник государственного предприятия, получающий в нём зарплату, не может получать компенсацию за часы работы в Совете Директоров другой государственной компании. Поскольку Вы являетесь таковым, мы оплачивать работу в Совете Директоров вам не можем». Мне сразу стало понятно, что здесь произошло. В Законе было написано правильно. Но не точно и это не должно было касаться меня. Речь шла о том, что работа Президентов, Генеральных Директоров и их заместителей в государственном секторе оплачивалась так, что их время полностью принадлежало государству и оплачивалось даже, когда они физически не находились на предприятиях. Поскольку именно эти люди обычно работали в Советах Директоров, налицо был случай двойной оплаты того же государственного времени. Мой труд оплачивался по часам, на основании физического нахождения на работе. Я отбивал карточку при входе и при выходе с завода. Этот пункт не должен был меня касаться.

Я оказался первым членом Совета Директоров, который не был ни Генеральным Директором, ни его заместителем. Встал и объяснил свою позицию, закончив тем, что это просто ошибка. Юридический советник, согласился со мной, однако, ухмыляясь, сказал, что закон есть закон, буква есть буква. Все члены Совета, Генеральный Директор и Председатель Совета Директоров стали наперебой выражать своё соболезнование и прощаться со мной.

Вот тут-то до меня дошло, что на самом деле произошло. Они, по своей израильской психологии, считали, что если мне

перестанут платить, то я добровольно уйду в отставку, и они от меня избавятся. Это было просто до гениальности, но не учитывалось одно — моё беспредельное упрямство.

Я встал и сказал: «Вы, друзья, совершили ошибку, потому что я остаюсь работать без компенсации, но вы у меня теперь будете работать по букве закона, как вы и хотели!»

Это прозвучало, как бомба. В дальнейшем они и сами были не рады тому, что сделали, но обратного хода уже не было. Юридический советник делал всё, чтобы изменить формулировку закона. Проводилось много совещаний по этому поводу, которые, в конечном итоге, ни к чему не привели до тех пор, пока я сам не подал иск в Высший Суд Справедливости на государство Израиль. Но об этом позже.

В Совете постепенно поменялись отношения, они стали более деловыми. Исчезли «кицурей дерех» — упрощения трактовки законов. Однако, в конце концов, — «коса нашла на камень». На определённом этапе Совет Министров Израиля решил приватизировать часть нашей государственной страховой компании. Ту часть, которая занималась коммерческими страховками.

Это был первый раз, когда приватизировалась не вся компания, а только её часть. Для этой цели создана новая дочерняя страховая компания, которая и должна выставляться на торги. Большая часть моих коллег во главе с председателем, устроила себе членство в Совете Директоров дочерней компании. Таким образом, получалось, что они теперь состояли в обоих Советах Директоров!

Поскольку отделённая компания не имела никаких собственных ценностей и была компанией фигуральной, мои коллеги придумали хитрый механизм, позволяющий это дело исправить и «убить двух зайцев», и обоих — за государственный счёт.

Во-первых, они решили забрать часть бюджета государственной компании в дочернюю, для того, чтобы получать зарплату директоров и от дочерней компании тоже. Во-вторых, директора обеих компаний, выдвинули идею о повышении стоимости дочерней компании, передав ей коммерческое название базовой компании и другие её ценные атрибуты. На Совете «двойные» директора обратились ко мне за разрешением передачи части финансовых фондов и ценностей. Мотивировка двойного председателя была следующей: поскольку Совет Министров заинтересован в приватизации части компании и обязал существующие Советы Директоров оказывать всяческое содействие приватизации, я, как оставшийся член Совета, обязан

передать часть бюджета государственной компании в приватизируемую компанию для оплаты содержания второго Совета. В дополнение к этому, повысить её рыночную стоимость путём передачи ценностей из государственной компании. Мой ответ: «Я уважаю постановление Совмина и готов оказать любое содействие приватизации компании. Однако, в соответствии с Законом о государственных компаниях, в прямые обязанности члена Совета Директоров входит, в первую очередь, забота о сбережении и увеличении ценности компании, в которой он является действительным членом Совета Директоров, представителем государства. Такое написание Закона означает, что я не имею права своими руками передавать ценности и фонды моей государственной компании в другую компанию, независимо от благородства этой цели.

Это случай, по моему мнению, чистого противоречия интересов. В моём понимании, только собственник обеих компаний (Государство или Совет Министров) имеет право и должен принимать решение о передаче ценностей и фондов. В свете этого я прошу представить мне в письменном виде официальное мнение правительственного юридического советника по этому вопросу, изменяющего уровень моей ответственности в соответствии с законом».

Такая постановка вопроса моим оппонентам не понравилась. Они явно не рассчитывали на подобный поворот событий и, несомненно, строили другие планы. Мои оппоненты, являясь директорами новой приватизируемой компании, хотели, как я понимаю, потихоньку увеличить стоимость её с тем, чтобы их собственные акции поднялись в цене после приватизации. Всё это планировалось произвести незаметно и за государственный счёт.

Мой категорический отказ и требование о представлении официального мнения правительственного юридического советника по этому вопросу поставило моих оппонентов в некрасивое положение. Они пытались любыми способами избежать этого, но не смогли. В конечном итоге, пришлось пригласить на Совет Директоров юридического советника, который приготовил официальную справку по моему запросу.

Юридический советник однозначно принял мою точку зрения и подтвердил, что моё мнение является единственно правильным и что я действительно не имею права принимать решение о передаче собственности и фондов компании в другие руки. Оказалось, юридическая база для приватизации смешанных компаний была ещё не готова. Как я понимаю, мои оппоненты это знали и хотели этим воспользоваться, явно рассчитывая на мою наивность и неопытность. Приватизацию государственной

страховой компании остановили до соответствующего изменения законов. Это событие было подробно отражено в израильской печати.

Вскоре после этого, я решил всерьёз заняться проблемой с противоречивым законом о моей оплате. Мой друг, адвокат, посоветовал обратиться в Высший Суд Справедливости напрямую, без посредничества адвоката. Он объяснил, что лучше меня представить мои аргументы всё равно никто не сможет. Я отправился в Иерусалим. Дежурный судья побеседовал со мной, принимая мой иск. Как стало понятно позже, он проверял, не сумасшедший ли я. Оказалось, что это болезнь многих, подающих в суд на государство.

Через некоторое время меня вызвали к руководству и спросили прямо: по какому праву я подаю в Суд на государство Израиль? Им, мол, позвонили из Управления государственными предприятиями, попросили переговорить со мной и подействовать на меня, чтобы я отозвал свой иск. Я ответил, что сам разговор на эту тему представляет собой грубое вмешательство в мои личные дела и категорически отказался обсуждать вопрос о судебной жалобе. Это было только началом. Затем позвонил Государственный юридический советник и объяснил, что изменение формулировки закона потребует вмешательства Кнессета. Он говорил, что, конечно, я прав, что он разделяет мои чувства, но нельзя же так трясти всю систему из-за ошибки в формулировке закона. Юридический советник взывал к моим человеческим чувствам, объясняя, что ради денег просто неприлично быть таким упрямым. Я ответил ему, что согласен и готов отозвать жалобу, при условии, что он, как альтруист, заплатит причитающиеся мне деньги из своего кармана. Такая прямая постановка вопроса ему не понравилось. После этого юридический советник стал присылать мне официальные письма с вопросами, ставящими своей целью поймать меня на слове.

Я попросил юридического советника, в соответствие с законом, предоставить оплаченного адвоката, который по моему указанию будет писать ему ответы, чтобы избежать самооговора. Больше никаких запросов не последовало, но в кругу моего общения продолжалось непрерывное давление с тем, чтобы заставить меня отозвать иск. За несколько недель до начала судебного процесса делом заинтересовались журналисты. Оказалось, что это судебное дело, в том виде, в котором оно было изложено, действительно защищало интересы целого слоя населения, дискриминированного законом, как я и утверждал в своём судебном иске. Я мог получить право выступать, как представитель дискриминированной группы, и тогда моя

компенсация вырастала.

Назревал скандал, выходящий за рамки простого судебного иска. Почти каждый день со мной разговаривала по телефону юридический советник Управления государственными предприятиями и предлагала мне различные варианты компромисса. Все они сводились к отказу от денег с публичным подтверждением моей правоты. За неделю до суда опять позвонила юридический советник и сообщила, что они нашли способ и подходящую юридическую трактовку, позволяющую выплатить полагающуюся мне компенсацию. Я ответил, что готов пойти навстречу. Однако моё согласие они получат только после того, как причитающиеся мне деньги будут переведены на мой счёт в банке. За два дня до начала судебного процесса причитающаяся компенсация была перечислена на мой счёт. Она составляла оплату моей работы в Совете Директоров за два с половиной года.

За день до суда, в трехстороннем телефонном разговоре между юридическим советником, дежурным судьёй и мной, я подтвердил, что снимаю свой иск.

Интересными событиями полон весь период моей работы в Совете Директоров государственной муниципальной компании, осуществляющей компьютерное обеспечение муниципалитетов. Это относительно большая компания, разрабатывающая свои компьютерные программы и обеспечивающая компьютерную поддержку.

Совет Директоров состоял из большинства представителей муниципалитетов и меньшинства представителей государства. Это был Совет совершенно иного плана, в котором витал дух политиканства, грубого партийного и личного протекционизма. В нем абсолютно отсутствовал профессионализм и минимальная человеческая этика. С таким Израилем и с такими лидерами я ещё не сталкивался.

На третьем году моей каденции поднялся вопрос по замене Генерального Директора вместо уходящего на пенсию. Критерии конкурса на замещение вакантной должности разрабатывались представителями государства. Я предложил следующие: вторая инженерная степень, владение в совершенстве английским языком и опыт руководящей работы. Всё это я представил на Совете.

Но произошло совершенно непредвиденное. Один из членов Совета, как оказалось, хотел баллотироваться на эту вакантную должность. Он служил городским головой небольшого района. Ему категорически не понравились мои критерии, и у нас произошёл следующий диалог:

— А что, с первой степенью по криминологии нельзя?

— Нет, это же компания технологическая.

— Почему совершенный английский? А что, французский, разговорный, это вам не годится?

— Нет, не годится. Компьютерные программы, насколько мне известно, пишутся по-английски.

— Ты что, нас, сефардов, ненавидишь?

— Да я к вам, вообще, никак не отношусь, и мне всё равно.

— Ты что, не понимаешь, что ты нам должен, вы все нам должны! В пятидесятые годы нас привезли сюда из Марокко и поселили в отдалённых районах. Нас унижали и издевались над нами.

— Я тебе ничего не должен. В пятидесятых годах я жил в коммунальной квартире на Васильевском Острове с одним туалетом на 42 человека, рос в голодное послевоенное время, а потом работал и учился по ночам, чтобы стать инженером. Если тебя кто-нибудь обидел, возьми палку, езжай на кладбище и колоти по надгробьям тех, кто тебя обидел... Но ты же ещё в сотню раз хуже, чем те, кто тебя обидел. Третьего дня, не ты ли сидел здесь и спорил со своими друзьями, у кого из вас дома уборщица имеет большее образование? Ты хвастался, что твоя русская уборщица имеет вторую степень, программист и знает английский. Вот с ней и поменяйся, если ты борец против дискриминации и за предоставление равных возможностей.

Наш диалог хотели исключить из протокола. Я возражал, считая, что он вполне достоин увековечивания. Его всё же убрали, несмотря на мои протесты. А вот критерии изменены не были. Я настоял на своём.

Через некоторое время появилась ещё одна проблема. Оказалось, что один из членов Совета, тоже глава маленького городка, потерял популярность жителей и превратился в «мёртвую лошадь» для своей партии на следующих выборах.

Прошли какие-то закулисные переговоры, о которых я только догадываюсь. «Политбюро» решило выбрать его Председателем Совета Директоров, а ныне действующего выставить за дверь. Человек этот был необразован и груб, ничего не понимал в современной технологии, но — великолепный партийный манипулятор. На заводе я бы ему не доверил даже маленькую группу программистов. Но никто слушать не хотел. Это было похоже на массовый психоз. Мотивировка была советская: «Так надо!» Всё было заранее согласовано и работало как часы. Было назначено экстренное заседание. Начался этап подбора голосов.

Мои оппоненты стали искать по всему Израилю, кто и как мог бы на меня подействовать. За три недели до заседания меня

начали «бомбить» телефонами звонками. Звонили все, кого я знал и не знал, и кто, по мнению организаторов, мог на меня подействовать. Это были члены Кнессета, руководители профсоюзов, руководители Авиационной Промышленности; главы муниципалитетов, включая мой собственный. Звонили видные деятели политических партий, разных направлений, люди, с которыми я даже не был знаком. Иногда я делал паузу в разговоре и «наивно» спрашивал, а за кого конкретно вы хотите, чтобы я голосовал? Голос по другую сторону линии сразу менялся. Меня начинали подозревать в том, что я записываю все на магнитофон, и тогда становившийся елейным голос на другой стороне линии, говорил: «Надо по справедливости, чтобы самый правильный человек был выбран на эту должность». При этом голос, вдруг забывал фамилию и имя человека, за которого просил.

Иногда я начинал спорить по-настоящему, объясняя, что этот человек не подходит и не может руководить такой организацией.

Позвонил и Щаранский. Он объяснил, что ему несколько раз звонили по этому вопросу, и он хотел бы знать, что происходит. Я ему рассказал. Он, к моему большому удовлетворению, повёл себя как государственный человек и друг, сказав мне: «Лёня, не слушай никого и поступай, как ты считаешь нужным!»

Вся эта компания сумела организоваться и добиться необходимого большинства без моего голоса. Они обеспечили себе подавляющее большинство Совета Директоров. Появилось, правда, одно незначительное «но». При проведения голосования обязан был присутствовать хотя бы один представитель государства. Причём его голос не имел решающего значения. Результат решался большинством голосов, но, в соответствии с Законом — факт присутствия представителя государства являлся решающим для легитимации голосования. Сложилось так, что единственным оставшимся представителем государства был я, поскольку остальные уже закончили каденцию, а процесс назначения новых представителей государства занимал длительное время. Мои оппоненты знали это требование, но они были уверены, что я этого не знаю. Им требовалось только одно — чтобы я любой ценой появился на совещании Совета Директоров.

Мне весь этот некрасивый спектакль уже давно надоел. Я считал эту игру неприемлемой и недостойной. В голове всё время вертелась мысль, что если бы все эти деятели беспокоились о своих гражданах так, как они пекутся об этом неподходящем назначении, то мы сами могли бы жить в другой стране.

Атаки возобновились, но, на этот раз, все «встали на мою

сторону» и говорили, насколько важно появиться на Совете Директоров и высказать своё мнение. Теперь «все были согласны», что это было недостойное назначение, и, безусловно, следует «высказать им в лицо, чтоб знали». Вы только представьте, за какого идиота они меня принимали! Я решил дать им урок по всем правилам, и просто не появиться на заседании! Поменял тактику — со всеми соглашался в том, что надо сделать именно так, как они советуют. Заседание Совета Директоров было назначено в середине недели на 12 часов дня. Мне с утра «оборвали» телефоны. Звонки шли непрерывно. На меня, буквально, выливали ушаты вранья и лицемерия. Все разговоры заканчивались одним вопросом, когда я выезжаю, в порядке ли моя машина. Я всех успокаивал — у меня всё идёт по моему плану. В 11 часов я отключил телефон, оставшись дома.

Через два часа, когда я его включил, на нем было зафиксировано 69 неотвеченных звонков. Человек, который присутствовал на совещании, потом рассказал, что там происходило. До двенадцати часов настроение присутствующих было приподнятым. Непрерывным потоком шли телефонные доклады о моём поведении, дислокации и предполагаемом перемещении. Всё это сопровождалось поздравлениями новому шефу и комментариями в адрес «этого русского дурака-ашкеназа», который не знает израильских законов и через несколько минут публично будет опозорен. После 12 часов появилась первая неуверенность. В два часа все тихонько расползлись. Через две недели закончился срок моего мандата.

На меня вся эта история подействовала тяжело. Мне впервые приоткрылся грязный мир политических интриг, который никакого отношения ни к моему миру, ни к миру моих друзей не имеет. В их мире нет понятия чести, справедливости и идеологии. Но есть циничная, грязная торговля и манипуляция ценностями, принадлежащими нам!

Это всё потому, друзья мои, что мы с вами брезгливо шарахаемся в сторону от этой грязи, вместо того, чтобы навести порядок в собственной стране.

Глава 40
Наука управлять

Однажды мне позвонили из одного очень уважаемого государственного учреждения и спросили, как я смотрю на то, чтобы возглавить Совет Директоров средней по размерам государственной компании, относящейся к Министерству строительства. Объяснили, что я должен буду сделать это бесплатно и «без отрыва от производства».

Самая главная проблема заключалась в том, что в организации уже много лет не было постоянного Председателя. Эту функцию формально выполняли члены Совета, подписывая по очереди протоколы совещаний, не вмешиваясь в дела управления компанией. Такая ситуация привела к сосредоточению всей полноты власти в руках Генерального Директора.

Прямыми задачами этой организации являлись ремонт и поддержание нормального состояния коммунальных домов, распределение выделенных Министерством строительства ремонтных бюджетов и организации ремонтных конкурсов субподрядчиков.

Постепенно государственная компания также превратилась в оплот одной из политических партий.

Я подумал и согласился принять предложение.

Мне хотелось «поднять» брошенный вызов и попробовать свои силы на такой должности. На первых же заседаниях Совета Директоров убедился, что там происходит всё именно так, как мне и рассказывали. Генеральный Директор не обращал внимания на моё существование, пользуясь безоговорочной поддержкой. Человек он был доминантный и сумел найти свой персональный подход к каждому. Он хорошо понимал и умело использовал личные нужды и интересы каждого из них в своих целях. Сначала я ему был совершенно не нужен, просто «мешал» и «путался у него под ногами». Однако, через определённое время он, видимо, решил меня определить «на работу», сообразив, что меня удобно использовать в качестве «козла отпущения».

Я очутился в сложном положении. Надо было либо вступить в свои права, либо немедленно попросить отставки. Проблема усугублялась тем, что компания непрерывно проводила конкурсы ремонтных подрядчиков, которые тут же напрямую утверждались Советом. На практике выходило, что вся ответственность за законность проведения конкурсов падала на Совет Директоров и прямо на меня, как его Председателя. Генеральный Директор все

понимал и пользовался этим с открытым цинизмом опытного человека.

Я решил дать бой. Для начала нужно выстроить подходящую диспозицию. Моя начальная позиция выглядела очень убого. Заседания проходили не в зале, а в кабинете Генерального.

Он сидел за своим столом, а все остальные, включая меня, скучивались по стенам. Директор приглашал весь свой руководящий состав на Совет Директоров, хотя, по сути обсуждаемых вопросов, — кадровых передвижений и повышения зарплаты — им там быть не полагалось. Протокол вёл его персональный помощник, выполняющий функции секретаря компании. Директор фактически сам назначал даты и время заседаний, также вёл Совет Директоров, давая мне «протокольную» возможность только объявлять об открытии заседания.

На деле Совет превратился в придаток «своей компании». Когда я пробовал возразить, что такое ведение заседаний является неправильным и незаконным, на меня тут же набрасывались остальные десять директоров и своим большинством затыкали мне рот. Директор сидел во главе стола и победно улыбался. В общем, позиция моя выглядела действительно бесперспективно и просто глупо. Тогда пришлось переходить к другой тактике, знакомой ещё по СССР.

Я написал официальное письмо, в котором потребовал внести некоторые изменения в работу компании. Он даже не ответил, чего я и ожидал. Через две недели я написал ещё одно письмо, на которое он тоже не отреагировал. Этот процесс повторился в разных вариантах ещё несколько раз с тем же успехом. На следующем заседании Совета Директоров я продемонстрировал всем присутствующим мои неотмеченные письма. Затем разъяснил, что созыв заседания Совета Директоров, назначение его повестки дня и тем для обсуждения на совещании — прерогатива только Председателя.

Присутствие работников компании на заседании разрешается только при обсуждении особых тем с разрешения Председателя. Вопросы зарплаты и повышения в должностях должны рассматриваться за закрытыми дверями, без участия работников компании, в присутствии только Генерального Директора. Темы, связанные с оплатой, премиями и другими материальными условиями работы самого Генерального, должны обсуждаться в его отсутствие.

Затем объявил, что недоволен работой Генерального Директора и начинаю процесс его увольнения. Это было встречено всеобщим смехом. Члены Совета Директоров

улыбались сказанному, как хорошему анекдоту, наперебой напоминая мне, что для увольнения Генерального Директора необходимо большинство голосов Совета Директоров, которого у меня нет и не предвидится. Подождав, пока смех уляжется, я разъяснил свою позицию: «Во-первых, я не увольняю Директора и не прошу вашей поддержки в этом. Сообщаю вам, что он, по моему мнению, работает плохо. Я объявляю ему «вотум недоверия» и начинаю процесс его отстранения, считая, что он не может продолжать функционировать в своей должности. Одной из причин этого является то, что принятая здесь система конкурсов организации субподрядов и распределения государственных денег имеет существенные изъяны. Несмотря на все мои попытки повлиять на этот процесс, я, в качестве Председателя оказываюсь не в состоянии его изменить. Следующим этапом будет моё обращение к Министру и в Управление государственных компаний. Затем последуют интервью в газетах. Вы можете поступать так, как сочтёте нужным, хорошенько подумав над моими словами».

Наступило гробовое молчание.

Я отозвал директора в сторону и добавил пару слов: «Ты хороший парень, но забываешь, что это место тебя кормит. Меня кормит другое место. Я здесь денег не получаю. Если ты не начнёшь работать со мной и не будешь делать то, что требую, мне придётся уничтожить твою публичную и деловую карьеру. Никакие друзья-министры тебе помочь не смогут. Управы ты на меня не найдёшь, я ни от кого не завишу. Подумай!»

Сначала никто из членов Совета Директоров не понял, что я имел в вид. Такое оружие в Израиле обычно не применяется.

Говоря простым языком, я поставил им ультиматум следующего содержания: «Вы можете разыгрывать здесь мафию и покрывать друг друга, как угодно. Я выйду через прессу к общественности, публично обвиню вас и докажу, что ваши действия противоречат интересам государства, его законам и движимы только вашими личными интересами. Крайняя, экстремальная ситуация, которая может произойти, — это моя добровольная отставка, в результате которой я сниму с себя всю ответственность за компанию. Этим я выполню свой долг как Председатель Совета Директоров. Для меня это будет освобождением от неприятного груза. А для вас — началом государственных официальных расследований, санкций и краха, который больше всего и в первую очередь коснётся Генерального Директора компании».

Моя постановка вопроса оказалась неожиданной и необычной. Через короткое время всё перевернулось и встало на

свои места. Теперь, когда я говорил, что надо делать, это воспринималось немедленно и по-деловому.

Порядок и повестка дня совещаний присылались мне на утверждение. Я получал постоянные доклады Генерального Директора обо всём происходящем в компании. Открытые подкупы членов Совета Директоров прекратились. Раньше Генеральный Директор любил приглашать членов Совета за счёт компании «повышать квалификацию в Эйлате» вместе с работниками компании. Когда это произошло в очередной раз, я не мог не поехать. Но сам оплатил своё пребывание в Эйлате, о чем и доложил Совету Директоров. Намёк был понят.

Я потребовал изменения конкурсного процесса. Теперь каждый член конкурсной комиссии подписывал персональное заявление, заверенное адвокатом компании, о соответствии процесса проведения конкурса действующим законам. Суть его состояла в том, что работник, проводящий конкурс, готов нести персональную личную ответственность за соблюдение правил проведения независимого конкурса. Такое же заявление подписывал и Генеральный Директор, и юридический советник компании. Все эти заявления прилагались к протоколу.

Как-то на совещании Совета Директоров меня спросили, зачем я всё это придумал, ответ был следующим: «Когда проходит конкурс субподрядчиков, меня там нет. Кто-то другой открывает конверты, может быть, он при этом совершает незаконные действия, например, берёт взятки. В тот момент, когда этот «другой», письменно принимает на себя персональную ответственность за деяние, он отвечает напрямую перед законом. Официальные лица, в обязанности которых входит следить за соблюдением законности этого процесса, так же отвечают персонально перед законом. Когда юридический советник компании, адвокат, подписывается под декларацией, в которой сказано, что он лично проверил законность процесса открытия конвертов, ответственность ложится персонально на него. Если окажется, что процесс был, всё-таки, незаконным, он сам пойдёт в тюрьму, а не Совет Директоров и не его Председатель. Функция Совета Директоров и стоящего во главе его заключается в построении такой схемы работы и такого процесса, которые могут логично и эффективно контролировать работу компании.

В конечном итоге, всё стало функционировать нормально и логично, как полагается в государственной компании.

В конце моей каденции Генеральный Директор и я были приняты Президентом Израиля и Председателем Кнессета. Успехи компании признаны официально и широко освещались в СМИ. Дело, ради которого меня назначили, было сделано. Я хочу

с гордостью отметить, что мои назначения в Советы Директоров были подписаны тремя премьер-министрами, относящимися как к правому, так и к левому крылу. Это — Биньямин Натаньягу, Эхуд Барак и Ариэль Шарон.

Кроме Государственных, мне приходилось принимать участие в Советах Директоров нескольких частных компаний. Один из моих друзей, доктор Кляцкин, создал и развил свою технологическую фирму «UniBatt». По его просьбе я помогал ему проводить в Японии деловые переговоры с «Sanyo», «Panasonic», «NEC » и «MIC». На переговорах с «Sanyo» произошёл непредвиденный сбой. Сначала японцам очень понравилось изобретённая Кляцкиным батарея, и они с удовольствием начали переговоры. Володя Кляцкин, как оказалось, плохо воспринимал английский язык на слух, хотя и не хотел в этом признаваться. В один из моментов японцы попросили его: «Для общего образования, расскажите нам, как работает этот механизм...» Он решил, что вопрос идёт о его, Кляцкина, собственном образовании. И... начал подробно описывать, где и когда он учился, что именно и когда заканчивал. Японцы решили, что он увиливает от прямого ответа. Тогда они попросили повторить в Израиле серию испытания его батарей.

Истинной причиной наших переговоров было дальнейшее финансирование фирмы. В лаборатории уже заканчивались деньги. Кляцкин понимал, что из-за недостатка денег он не в состоянии провести дополнительные испытания, как попросили японцы.

Володя решил доказать коллегам, что в дальнейших испытаниях просто нет необходимости. Он стал это доказывать с большим энтузиазмом. Японцы помрачнели, видимо решив, что Кляцкин что-то скрывает, и он мошенник. Надо было спасать переговоры. Я встал и сказал примерно следующее: «Доктор Кляцкин — талантливый изобретатель, наивный и милый человек. Батарея его — это действительно переворот в технологии, как вы видели. Однако переговоры вести он не умеет. Английский знает слабо и плохо понимает, о чем именно его спрашивают».

На этом месте Володя посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Я продолжил: «Доктор Кляцкин рад бы провести дополнительные испытания, но у него заканчивается финансирование, и уже нет для этого денег. У него даже не было средств заплатить за консультацию и помощь, поэтому я нахожусь здесь, с вами, только из уважения к нему и веры в будущее его изобретения. Если вы хотите его батарею, то финансируйте её уже сейчас.

Мы ведем переговоры с четырьмя фирмами. Кто первый обеспечит финансирование, с тем и будем работать».

Наступила пауза. Наши партнёры быстро залопотали между собой. Выражения на лицах японцев изменились. Они деловито спросили: «Сколько нужно денег для продолжения работы?» ...Мяч вернулся к нам.

Однажды я был неожиданно приглашён на обед к американскому бизнесмену Курту Сайфману, гостящему в Израиле. Курт — интересный человек, по происхождению немецкий еврей, мальчиком бежавший из Германии в «хрустальную ночь». Несмотря на свои девяносто два года, он выглядел превосходно. Как я понял, Сайфман заработал деньги на американской бирже и известен в кругах крупного международного финансового бизнеса. Он был очень хорошо осведомлён обо мне и в конце нашего разговора предложил мне стать членом Совета Директоров его компании. Я согласился. На получение соответствующего разрешения министерства Финансов США о моём участии в Совете Директоров компании потребовалось больше года. Это было связано с тем, что компания становилась публичной и выходила на американскую биржу. В конце концов, адвокаты известили меня, что разрешение получено. Пробыл Директором этой компании недолго. Курт Сайфман умер в возрасте 94 лет и завещал всё своё состояние государству Израиль.

За этим последовал ещё один случай, который я хотел бы описать. Как выяснилось, мошенники бывают не только в Израиле и не только среди евреев.

Некоторые из бывших работников Сайфмана решили, видимо, нагреть руки на его хорошей репутации, воспользовавшись его добрым именем. Они обратились ко мне и попросили возобновить моё участие в бывшей компании Сайфмана. Идея компании выдвигалась ещё Сайфманом и заключалась в поднятии денежного фонда для финансирования исследований и доработок учёных, выходцев из СССР. Компания создавалась, как частная с последующим выходом на биржу. Нужен был человек, знающий языки, с инженерными навыками, который может принимать решения о финансировании того или иного изобретения.

Мне эта идея импонировала со всех точек зрения, и я принял их предложение. Как член Совета Директоров, одновременно со вступлением в обязанности в качестве такового, я потребовал ознакомиться с процессом принятия решений в компании, распределением денежных фондов и ведением её дел. Реакция на это была странной. Очень скоро я стал сомневаться в искренности

новых созидателей этой компании. Написал несколько официальных электронных писем с запросами в Совет Директоров, находившийся в США. Прямых ответов получено не было. Представитель, появившийся в Израиле, никак не мог понять, что, собственно, мне мешает, если мои личные финансовые интересы не страдают? При этом в Израиль продолжали приезжать и знакомиться со мной и с нашими изобретателями потенциальные американские инвесторы. Денежные суммы вкладов в компанию со стороны росли. Появляющийся время от времени американский советник компании вёл со мной «успокоительную работу». Моя электронная почта работала непрерывно. По ней проходило большое количество информации. Там было всё, кроме финансовых отчётов и протоколов, которые я запрашивал. У меня усиливалось внутреннее чувство, что в этой компании «что-то не так». Друзья, с которыми я советовался, не видели в происходящем ничего странного. Тем не менее, я решил подать в отставку с подробным объяснением её причин.

Это письмо я отправил также всем представителям вкладчиков, с которыми встречался.

Через полгода компания была закрыта. Выяснилось, что большая часть денег ушла не по адресу, а совсем в другое место. Были возбуждены уголовные дела в США.

Из этой истории я сделал для себя три главных вывода:

— во-первых, не только в Израиле есть мошенники, и наши израильские — не самые крупные;

— во-вторых, порядочность, умение самостоятельно анализировать ситуацию и отстаивать своё мнение во всех государствах и системах одинаково выгодно и окупаемо;

— в-третьих, деньги не должны слепить человека — они иногда могут не только приносить счастье и равновесие в жизни, но и отнимать их.

Руководителю компании, в отличие от рядового инженера, профессиональные знания требуются иные и на более высоком уровне. А вот человеческие качества, умение отличать добро от зла и не поддаваться компромиссам со своей совестью, «сверху» или «снизу», всегда одинаковы. Никаких «высших» интересов в нашей обыденной жизни не существует.

Глава 41
Дела государственные

Это было в первые годы после распада СССР. Я находился в Москве в командировке. В России уже появились ростки цивилизованного бизнеса.

У меня в номере зазвонил телефон. Мужской голос уверенно сообщил, что Иван Иванович приглашает на срочную встречу. Я не знал никакого Ивана Ивановича, поэтому ответил ему спокойно, что у меня, к сожалению, нет времени. В ответ на это голос сказал, что из-за нашей встречи таинственный Иван Иванович перенёс встречу с Министром финансов.

Я понял, что это может быть серьёзный человек, и ответил, что поскольку Иван Иванович перенёс такую важную встречу из-за меня, готов также отложить и свою. Тогда сообщили, что машина за мной выходит и надлежит спуститься через полчаса. Машина оказалась «Чайкой». Мы выехали и вскоре оказались в районе Кремля. Учреждение было военным. В комнате перед кабинетом находились два секретаря, один из них был в форме полковника, а второй в гражданском.

Меня проводили в кабинет. За столом сидел человек средних лет, с военной выправкой, но в костюме. Он встретил меня приветливо, усадил за стол и начал говорить на военные темы. Я сразу прервал его, сказав, что военной тематикой не занимаюсь. Иван Иванович ответил, что об этом знает и попросил просто выслушать то, о чём он говорит и не комментировать. Я замолчал. Он говорил три часа. Закончив, Иван Иванович переспросил — всё ли понятно. Я ответил, что да. Улыбнувшись и поблагодарив меня за внимание, попрощался.

Меня отвезли обратно в гостиницу. Из разговора я понял, что он — генерал-полковник и инженер по образованию. По приезде в Израиль я поинтересовался чем вызвано было приглашение в Кремль именно меня. Ответили, что я — очень удобный человек для такого рода общения. Во-первых, надёжный, во-вторых, говорящий по-русски, в-третьих, инженер. В-четвёртых, не дипломатический работник, а человек, занимающийся гражданским бизнесом Концерна. В-пятых, официальные органы стран всегда ищут способы неофициального общения, и что я просто создан для такого рода контактов.

Я спросил в шутку, могу ли упомянуть в своих будущих мемуарах это событие. Мне ответили всерьёз, что факт встречи не представляет секрета. Интересно, что визитную карточку Ивана

Ивановича невозможно было переснять. Это было чудо технологии — при копировании оставался белый лист.

Это — мой первый опыт общения по делам государственным. Потом было ещё много различных миссий и поручений, которые я выполнял для государства. Однажды, в составе узкой израильской правительственной делегации, пришлось вести переговоры в Москве об «утечке мозгов» в Иран. Естественно, что я об этом ничего не знал.

Дали шпаргалку. В разгар переговоров, подсмотрев в эту шпаргалку, я с негодованием заявлял: «Но ведь Иванов Иван Иванович, тот, который из Челябинска, уже давно живёт и работает в городе Х., что же Вы, господа, нам тут сказки рассказываете! »При этом я выражал всем своим телом возмущение и выставлял руку вперёд, как в монологе Чацкого «А судьи кто?», которому меня учили в кружке художественного слова в 24-й школе имени Крылова. Это действовало безотказно.

Наши российские партнёры только удивлённо разводили руками от такой осведомлённости, смущались и начинали меня успокаивать. Интересно, что в этих переговорах российскими партнёрами были генералы с двумя, тремя и четырьмя звёздами. Обычно в кулуарах наши партнёры по переговорам всегда спрашивали о моём воинском звании в израильской армии. Я отмалчивался, как меня инструктировали. Мои российские коллеги всегда смеялись и говорили: «Мы знаем, мы знаем — ты, Леонид Натанович, полковник, а может тебе уже и генерала присвоили?». Я спросил потом в Израиле: «Почему в России мне всегда присваивали звание полковника?». Мне ответили: «Какая тебе разница? Ты ездишь один. Владеешь тремя языками. У тебя всегда есть полномочия. По российским понятиям — это полковник».

В составе российско-израильской комиссии по авиации и космонавтике, где я был Сопредседателем, я договаривался о совместных программах, которые были нужны Концерну. Как мне стало постепенно понятно, в России не было принято, чтобы один и тот же профессионал выполнял несколько функций, как это делается в Израиле.

Например, в нашей стране, если ты считаешься специалистом в авиации, знаешь языки и имеешь опыт международных переговоров, тебя могут пригласить принять участие в правительственных переговорах по темам близким тебе. Я, например, участвовал во многих встречах и переговорах вместе с вице-премьером Натаном Щаранским. Так я познакомился с Министрами промышленности Японии, Южной Кореи и других государств, принимая участие в переговорах с ними. Вместе с

Натаном я объездил многие страны СНГ и познакомился с Президентами Украины, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и другими, приняв также активное участие в межгосударственных переговорах. В составе делегации, возглавляемой Министром промышленности Коганом, я посетил Москву. Вместе с Щаранским и Львом Леваевым представлял нашу страну на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга, моего родного города.

Израиль подарил Санкт-Петербургу огромного льва — символ Иерусалима. Лев Леваев зафрахтовал небольшой пароход и возил нас всех по Неве. Мне это нравилось. Кроме всего прочего, я воспринимал всё как почётную обязанность и выполнение своего гражданского долга. На одном из этапов этой деятельности мне предложили стать послом Израиля на Украине. Моя жена Рахель сразу же отвергла эту возможность по семейным обстоятельствам.

Пришлось принять её аргументы. Когда мы были на Украине, Президент Кучма одолжил Щаранскому свой самолёт, и мы полетели в Донецк, родной город Натана. Нас повели на завод, где работали его родители. При осмотре завода, Щаранский неожиданно мне сказал: «Ты знаешь, Лёня, я тебе завидую! Ты сумел стать авиаконструктором и проектируешь самолёты. Я же никогда не работал и всегда жил за счёт государства, сначала в тюрьме, а потом как член Правительства».

Я был удивлён, но ничего не ответил. На Крещатике я попросил остановиться около сувенирного магазина. К моему изумлению, мгновенно было перекрыто движение с двух сторон, наш кортеж остановился. Мотоциклисты кортежа выстроили живой коридор по направлению к магазину. Я почувствовал себя очень неуютно, поскольку причиняю столько неудобств гражданам. Больше таких просьб я уже не выдвигал, а предпочитал тихонько ускользнуть и купить то, что мне было надо.

Я был первым израильтянином в составе делегации из трёх человек, побывавшим в Звездном городке под Москвой. Мы осмотрели тренажёры и космические корабли. Затем великолепно провели время с несколькими российскими и одним американским астронавтом. Выпито было много водки. От общения с ними у меня осталось довольно странное впечатление. У всех космонавтов, была неадекватная психологическая реакция, отличающаяся от реакции нормального человека на улице. Она выражалось в том, что, у них не было понятия «интимного пространства». Космонавты абсолютно естественно говорили и шутили на все темы, даже на те, о которых обычный человек говорит только с личным врачом. Все космонавты были очень милыми и приятными ребятами, мы подружились.

В своих поездках я познакомился и подружился с Игорем Чкаловым, сыном легендарного советского лётчика Валерия Чкалова. Он много рассказывал мне о «тайнах Кремля», о механизмах находящихся под Мавзолеем, которые давали возможность членам ЦК выдерживать долгое стояние на трибуне. Игорь очень гордился тем, что «сумел» родить ребёнка с молодой женой в своём почтенном возрасте. Он познакомил меня с известными военачальниками и маршалами СССР, с которыми мы вместе отмечали годовщины авиации в Москве. Я был единственным израильтянином на этих «пьянках».

Крепко выпив, Игорь сетовал на то, что его не очень жаловали за «длинный язык», и поэтому он не получил генерала. Он доказывал мне, что его отца, Валерия Чкалова, убил Сталин из-за соображений конкуренции. Часто, в первые годы после распада СССР, он звонил мне в Тель-Авив и просил привести пару пачек разовых пелёнок для ребёнка. Это было его самым важным желанием в те годы, которое я с удовольствием всегда выполнял, несмотря на косые взгляды моих коллег и таможенников. Игорь всегда оставался для меня верным другом и хорошим человеком.

В Ташкенте я, во главе нашей делегации, поехал осматривать Авиационный завод имени Чкалова, который возглавлял мой старый приятель Кучеров.

Ислам Каримов, Президент Узбекистана, сам по профессии авиационный инженер, попросил нас посмотреть, что можно сделать с этим заводом, чтобы «вдохнуть в него жизнь». Дело было в воскресенье, в нерабочий день. Кучеров очень хотел показать «товар лицом», хотя на самом деле, показывать было нечего. Завод — в очень плохом состоянии и уже давно не функционировал. Несмотря на воскресенье, Кучеров пригнал всех оставшихся работников и на нескольких незаконченных самолётах Ил-76, стоящих в ангаре, стал убирать и выбрасывать шасси (колёса самолёта). Поскольку ангар был огромным, и эхо повторялось многократно, создавался необычайный грохот, сопровождаемый непрерывными «бумами». Из-за этого шума находиться там было невозможно. Когда наш кортеж подъехал к ангару, около него стояло, выстроившись в ряд, всё начальство во главе с Кучеровым. Увидев меня, он смутился, но, быстро оправившись, бросился обниматься.

Первым делом, я ему сказал: «Володя, ты что, с ума сошёл, вызвать людей в воскресенье и устроить такой шум?» На что он мне ответил: «Лёня! Я же не знал, что это будешь ты! Мне сказали, что приедет какой-то очень влиятельный специалист по авиации. Я решил, что, как обычно, пришлют каких-нибудь неграмотных политиков, а тут появляешься ты!»

Он немедленно прекратил этот шум. Мы поднялись к нему в кабинет.

Я представил ему делегацию, членов Кнессета и их помощников. Потом обсудили состояние завода, и вечером представил правительственным лидерам мои предложения.

В Бухаре я купил себе старинную саблю, но побоялся, что не пройду через таможню. Наш посол, находившийся со мной, успокоил меня и «взял на себя таможню» — «таможня дала добро». Потом он торжественно вручил мне оружие уже в самолёте.

В Москве нас обычно размещали в гостинице «Президент». Последний раз я получил апартаменты из пяти комнат с двумя ванными, зачем — не знаю. Переговоры в Кремле традиционно обставлялись очень шикарно и по-деловому.

Наши израильские делегации всегда представлены, как подобает, и на должном профессиональном уровне. Иногда мы вели переговоры одновременно в «разных форматах», в разных местах и на разные темы. От согласования одной специфической темы иногда зависело общее правительственное соглашение — тогда мобильная связь между переговорными группами поддерживалась непрерывно.

Я появлялся в странах СНГ и в России в двух должностях. Если в качестве члена Государственной делегации, то это было громко — с появлением телевидения, журналистов и кортежей. Если это было по прямой моей работе, по авиационному бизнесу, — тихо, незаметно и строго по делу. Со временем оказалось, что с точки зрения официальных пограничных властей, — это были звенья одной цепи — единая база данных.

Однажды я возвращался в Израиль из Москвы. Один из моих друзей сделал приятный сюрприз и подарил красивые оленьи рога. Самолёт вылетал около двух часов ночи. В аэропорту было пусто. Таможенник, увидев мой подарок, остановил словами: «Охота запрещена. Вы нарушаете таможенные правила!» Объяснения, что я не охочусь, а это подарок, не действовали. Начался скандал. Вызвали дежурного офицера, который начал оформлять на меня таможенное дело. Потом, сказав, что на всякий случай проверит по компьютеру, исчез. Через пять минут, появившись опять, вытянулся по стойке «смирно» и сказал: «Извините! Вам можно, проходите, пожалуйста». Что он вычитал про меня в компьютере, я не знаю, но результаты проверки были замечательные, и подарок этот до сих пор украшает стены нашего дома.

Как-то раз я прилетел в Шереметьево из Израиля. В моём старом паспорте закончились свободные страницы. Я обычно

менял паспорт каждый год из-за обилия виз, но действующую визу сохранял в старом документе. То есть, приезжал с двумя заграничными паспортами. Один — действующий, а второй, с обрезанными углами, — не действующий, но в котором была въездная виза в Россию. Это — принятое международное правило. Однако, на моё несчастье, Россия и США поссорились, и Россия отменила это правило. Теперь, по новым инструкциям надо было оформлять новую визу в новом паспорте. Я этого не знал. При въезде в Шереметьево меня арестовали за попытку незаконного перехода границы, посадили в «кутузку» и должны были выслать через сутки.

Вся эта история очень неприятна, и могла здорово подпортить мою безупречную репутацию в России.

Кроме того, меня в Москве ждали люди — и надо было как-то выбираться. Ситуация практически безнадёжная. Что можно сделать, сидя взаперти, вместе с нелегальными перебежчиками из Ирана, Африки и Пакистана!? Была уже глубокая ночь. Мои товарищи по несчастью, незаконные мигранты, уже спали, храпя на всю камеру. Я заметил, что дверь дежурной комнаты таможни приоткрыта, и там сидели две девушки-телефонистки в таможенной форме. Я подошёл к приоткрытой двери и начал свой джентльменский диалог. Поначалу они говорить не хотели и захлопнули дверь. Я не сдавался и в конечном итоге мы нашли общий язык. В разговоре девушки мне сообщили что, в зале зоны беспошлинной торговли, находится комната дежурного представителя МИД. Но консул не принимает «простых» граждан и находится там для особых случаев. Существует только одна возможность туда попасть. По закону задержанному обязаны были дать завтрак.

Есть теоретическая возможность, что начальник паспортного контроля может выдать мне пропуск в нейтральную зону, чтобы я мог перекусить там за свой счет. Эта же девушка и вызвала мне дежурного офицера, а когда он не согласился, то начальника.

Начальник оказался симпатичный мужчиной в чине подполковника. Он отобрал у меня паспорт и дал пропуск. Я бросился искать консула. Двери консульства были закрыты, и никто не отвечал. Я разговорился с буфетчицей из кафе напротив. Она сказала, что консул спит и встаёт ровно в восемь часов. Я стоял под дверьми консула до восьми утра, и когда он вышел в туалет умыться, мне удалось завязать с ним разговор. После использования всех моих аргументов, включая перечисления моих заслуг перед родиной, консул согласился сделать мне новую разовую визу. Для этого ему нужен был мой паспорт, который находился у подполковника. Консул сразу заявил, что ему

запрещена любая связь с паспортным контролем, и что это моя забота — принести ему паспорт вместе с сопровождающим. До окончания его смены оставалось 30 минут. Я побежал обратно и уговорил подполковника послать меня с девушкой к консулу. Девушка тоже идти не хотела, так как у неё закончилась смена, и она торопилась к своему другу. Мне всё-таки удалось её уговорить.

Мы побежали к консулу. Она бежала впереди, на бегу открывая своим магнитным пропуском бесконечные двери. Когда мы добежали до двери кабинета, он уже поворачивал ключ в замке, чтобы уходить, но открыл его для нас. Мне удалось закончить эту операцию вовремя.

Подполковник задержался, чтобы сказать мне комплимент: «Теперь я понимаю, как вы, евреи, выиграли Шестидневную войну. Только израильтянин, сидя в «кутузке» и не выходя за пределы аэропорта, мог организовать себе новую визу, заставив всю нашу неповоротливую систему работать на него. Можешь гордиться — это первый случай на моей памяти.

Гражданственность была всегда важнейшей стороной моей жизни. Меня часто приглашали на радио и телевидение. Приходилось выступать и по израильскому, и по российскому ТВ: 9 канал, 1 канал, RTVI, NTV... Володя Бейдер сделал со мной передачу «Персона», Саша Ступников — две серьёзные передачи, профессиональную и личную. Я говорил то, что думаю, и это, иногда, приводило к неожиданным эффектам. Меня пытались учить, что, мол, не всё, что думаешь, можно говорить. И вообще, есть вещи, о которых лучше не упоминать, Я с этим категорически не согласен, считая, что обо всём можно и нужно говорить, исключая, конечно, секреты, связанные с безопасностью государства. «Шептания на ухо» наносят вред израильскому обществу, превращая нас всех в местечковых евреев, пугающихся собственной тени. Нам это не подходит, и не это было целью создания государства Израиль. Целью было возродить гордое племя евреев, которое превыше всего ставит равенство и права человека, которому нечего скрывать друг от друга, от себя и от всего мира. Нам нечего и некого бояться в этом мире и, тем более, в собственной стране!

Однажды меня пригласили представители Президента Израиля и предложили принять участие в Президентской Комиссии по изменению системы власти в Израиле. Я согласился. Был организован «CECI» — Центр по усилению гражданского влияния в Израиле. Это неполитическая организация, созданная при поддержке Президента страны. Целью её является изменение системы власти в Израиле, усиление гражданского сознания

граждан и прочее.

Я сначала вошёл в её Центр, а потом в Совет Директоров. Там мне посчастливилось работать с известными израильскими интеллектуалами. Там понял: не только меня волнует судьба нашей страны. Это очень радует. В этой же среде я встретил одного известного деятеля, борца за права человека. Мы разговорились. На вопрос о своём тайном и заветном желании, он ответил: «Оказаться один на один на лавочке с премьер-министром в безлюдном месте и уговорить его назначить меня на интересную государственную должность». Я спросил:

— Но что же будет с другими претендентами, которые участвуют в конкурсе на эту же должность, и тоже надеются, готовятся, учатся?

— Мне полагается, потому что я много сделал для государства.

— Так что же, всё-таки будет с теми, кто не смог бы посидеть с премьер-министром в безлюдном месте?

— Какая мне разница! Что ты от меня хочешь?

Это был израильский «правдолюбец», «борец за права человека», ещё час назад говоривший о равных возможностях для всех. И он был абсолютно уверен в том, что премьер не пошлёт его подальше, а даст ему то, что он просит. Он, я полагаю, лучше знает своего премьера, потому что они оба воспитывались здесь.

Видимо есть какой-то изначальный изъян в израильском воспитании.

Глава 42
Последний бой

«Не бойся врага — он может только убить;
не бойся друга — он может только предать;
бойся равнодушных — эти не убивают и не предают,
но только с их молчаливого согласия
совершаются все убийства и предательства»...
Бруно Ясинский, «Заговор равнодушных»

Видимо, Богу было недостаточно тех испытаний, через которые он уже провёл меня.

Героями истории, которую я хочу рассказать, стали два незаурядных человека.

Один из них начал свою карьеру самолётным механиком на заре становления Авиационной Промышленности Израиля. Назовём его Хаим. Он, безусловно, был человеком талантливым и скоро стал бригадиром механиков. Поскольку народу смекалистого и надёжного было в те годы не так много, Хаим начал расти вместе с Концерном. Он быстро завёл себе подходящие политические связи, без которых продвижение невозможно, и познакомился с нужными людьми. За годы роста и борьбы Хаим добился претворения своей мечты и получил должность Президента Концерна Авиационной Промышленности Израиля.

Как хороший руководитель, человек целеустремлённый и одарённый, он многое сделал для развития Концерна, которым руководил. Как истинный израильтянин и еврейский папа, он никогда не забывал о своих собственных интересах. Два сына, под его чутким отцовским руководством, установили рекорды продвижения по служебной лестнице в подвластном ему Концерне. Они сумели за два года достичь того, что более образованные и более талантливые сыновья, но родившиеся у других отцов, достигали за двадцать лет или не достигали вообще.

Его личные друзья из механиков и курьеров завода

превратились в его всесильных заместителей, руководителей групп заводов и директоров заводов.

Сам он, работая на такой сложной и трудоёмкой должности, сумел получить докторскую степень. Снимаю шляпу перед его талантами, хотя и не понимаю, как это можно было сделать при такой интенсивной деятельности. Я сам проделал подобный путь в жизни и сомневаюсь, что это возможно повторить на такой должности и с такой ежедневной загруженностью. Это, к сожалению, напоминает мне быстроту карьеры его сыновей. Однако факт остаётся фактом.

Сцена, где будут происходить события, представляла собой огромный промышленный комплекс. Израильская Авиационная Промышленность к началу этой истории была уже огромным Концерном, самым большим промышленным экспортёром Израиля, с оборотом около двух миллиардов долларов в год. В состав Концерна входили 16 заводов внутри Израиля и несколько заводов за его пределами. Заводы были разбиты на четыре Промышленные Группы, каждая из которых руководилась Генеральным Директором, являющимся одновременно и заместителем Президента Концерна. Работали в этом объединении в то время приблизительно 15 000 человек. Всем этим хозяйством управлял жёсткой рукой Президент.

Вторым участником этой истории стал молодой парень из города Бней-Брак. Назовём его Фридман. Он, будучи еще почти мальчиком, убежал из дома и прошёл тяжёлую школу выживания в Израиле. Фридман пытался заниматься бизнесом, но прогорел и убежал заграницу. Там он «закатился» в Африку, где познакомился с российскими вертолётами и русскими людьми. В начале распада СССР он перекочевал в Россию, где без знания русского языка сумел закрепиться.

Долгое время считался нежелательной персоной в Израиле. На определённом этапе сумел помириться с Израилем, а потом подружиться и с Президентом нашего Концерна. Фридман был авантюристом и специалистом по самомаркетингу высочайшего класса. Он умел преподать себя элегантно, профессионально и неотразимо. Фридман великолепно понимал психологию людей и умел дать то, что им в данную минуту не хватала. Его либо преданно любили, либо, разочаровавшись в нём, ненавидели. Израильской психологией он владел в совершенстве. И сам являлся образцом израильтянина со всеми преимуществами и недостатками. У него было очень много энергии, нестандартный подход к бизнесу и изобретательность. В России выбрал вид бизнеса, вызывавшего органическую неприязнь у русских Особенно, когда этим делом занимались евреи. Это профессия

посредника. Делал всё очень «по-израильски», цинично демонстрируя всем своё богатство, связи и еврейство. Это и была его самая большая проблема, вызывавшая ненависть у россиян. Фридман вёл себя как богатый еврейский купец, находящийся среди бедных евреев в синагоге. Был заносчив и снисходителен к тем, кто слабее его. Любил напоминать о том, что ему «должны» и что владеет компрометирующей информацией. Даже те россияне, которые работали у него и полностью от него зависели, в душе его презирали. Он унижал их, даже не отдавая себе в этом отчёта. Его работники нашёптывали мне о нём всё, что знали, включая его личные секреты, лишь бы ему навредить. Когда я спрашивал, почему они это делают, отвечали: только потому что у меня есть два качества, которых нет у Фридмана, — я их не «продам» и не унижу. Фридман мог при увольнении человека, отработавшего у него долгое время, на глазах у всех отобрать карандаши, которыми работник пользовался и к которым привык. Он открыто попирал достоинство «маленьких людей», которые не могли ему ответить. Фридман преклонялся только перед деньгами и силой, не уважая людей и не понимая того, что простительно «русскому царю-батюшке», не прощается еврею.

Русские не любят «этих еврейских штучек». Честно говоря, это всегда мешает и мне. Ко всему прочему, у Фридмана была ещё одна черта, вызывающая сильную антипатию. Он открыто делил людей на «нужных» ему и «ненужных». Русские так себя не ведут и не любят подобных личностей, поэтому в Москве Фридмана не любили и всегда рады ему «насолить».

Я знал о Фридмане практически всё. Это была моя прямая обязанность. Фридман работал на Концерн в качестве стороннего советника, как частное лицо. Я же, по штатному расписанию, являлся ответственным за его работу и поведение в качестве нашего неофициального представителя. Как работнику государственной организации, мне полагалось следить за соблюдением чистоты «флага и гимна» государства Израиль и Израильской Авиационной Промышленности.

У меня были большие связи в Москве. Как я уже описывал, мне приходилось принимать участие и проводить переговоры на самом высоком уровне Российского Правительства. Поэтому знал много. Я знал даже, кто обеспечивал Фридману «крышу» в Москве, кому и сколько он за это платил. В первые часы моего пребывания в столице России, мне уже давали подробную «раскладку». Друзья из администрации Президента детально рассказывали о похождениях Фридмана и моего Президента в Москве. Мои друзья всегда удивлялись, почему мы, такие умные евреи, держим этого авантюриста, который нас же и позорит?!

Они говорили, что Фридман мог подойти к российскому официальному деятелю, протянуть свой мобильный телефон и сказать: «Вот вам Президент Концерна, поговорите с ним. Он сделает всё, о чём вы его попросите». Мне было стыдно слушать это, оставалось только отшучиваться.

Я хорошо был знаком с Фридманом и по-своему его уважал как человека, сумевшего выжить и подняться на ноги. У меня, в отличие от Фридмана, отношение к людям строится на другой базе. Я могу любить человека, пить с ним коньяк и уважать его, но это не даёт ему права рассчитывать на то, что я могу нарушить закон, только потому, что он мне что-то сделал. Также не действуют шантаж и запугивание. Моё сопротивление возрастает с повышением напряжения. У нас было несколько принципиальных расхождений во взглядах на мир. Во-первых, Фридман убеждён, что любого человека можно купить. Во-вторых, он был убеждён, что «вассал моего вассала — мой вассал». Он упорно не понимал, что я не вижу в нём ни друга, ни работодателя, на которого готов трудиться. Также точно, как я никогда не видел в Президенте Концерна, в котором работал, своего «отца родного» или Б-га. Для меня он всегда оставался наёмным государственным служащим, старшим по званию, определяющим функции, которые необходимо выполнять в рамках государственного Концерна.

Фридман воспитывался в другом мире, в котором даже понятие «друг» толковалось иначе. Он никогда не был способен понять моих слов о том, что если бы моему другу для финансирования срочной медицинской операции понадобится ограбить банк, я присоединился бы к нему без «страха и сомнения». А вот для Фридмана, даже по требованию Президента Концерна, я не был готов украсть и копейки. Ещё одной вещи не понимал Фридман. Мои человеческие эмоции на мои убеждения не влияют. Когда говорю человеку — «нет», потому что деяние, которое он от меня ждёт, противоречит моим убеждением, я не начинаю его ненавидеть.

В самый разгар нашего конфликта у Фридмана умер отец, и он сидел «шива» в Бней Браке на квартире родителей. Я приехал к нему один, соболезновать его горю. Горе было настоящим. Он любил своего отца, но у них был болезненный для Фридмана конфликт при жизни. Отец его был достойный религиозный человек. Он работал простым служащим и жил в маленькой двухкомнатной бедной квартирке, с гордостью и достоинством отвергая помощь сына. Покойный отец не уважал работу и поведение своего сына. У Фридмана это было болевой точкой. Он тяжело переживал. Мы посидели, поговорили и разошлись.

Первый раз я видел его настоящие человеческие эмоции. У меня не было сомнений в правильности и важности своего визита.

Такова была расстановка сил перед надвигающимся конфликтом. Президент начал навязывать всем заводам Концерна помощь господина Фридмана в определённых географических зонах мира. Президент назначил Фридмана советником, с правом получения определённого процента от общей суммы бизнеса за предоставляемую помощь в заключении договоров.

У Фридмана с Президентом было несколько направлений совместной деятельности, но одно из них лежало на моём пути. Президент, через своих помощников, потребовал от меня оплаты мнимых услуг Фридмана за содействие в получении нового бизнеса, который я приносил. Считалось, что Фридману полагались проценты от бизнеса за то, что он мне, якобы, помогает. Сначала мне пытались объяснить это требование общими интересами Концерна, что, мол, так надо. Я потребовал письменных указаний, но их так и не получил. Затем попытались объяснить это мистическими интересами страны, о которых мне нельзя даже знать. Я не поверил и добился встречи с сотрудниками компетентных органов государства, чтобы задать им прямой вопрос (Как мне сказали, ни один израильтянин не позволил бы себе такого нахальства.) На встрече я получил официальный ответ, что деятельность этого Фридмана никакого отношения к безопасности страны не имеет. Более того, компетентным органам известно, что Фридман — мошенник, в некоторых вопросах мешающий государству.

Я спросил: «Так почему же вы не принимаете меры?» Мне ответили, что в нашем демократическом государстве службы безопасности не имеют права вмешиваться в коммерческую деятельность государственных компаний. Правда, тут же показали некоторые материалы о деятельности Фридмана. Я был в шоке. Получив такую информацию, я категорически отказался выполнить указания Президента компании и подписать соответствующие финансовые бумаги — «налоги для Фридмана».

Что толкнуло Президента крупнейшей компании на незаконное лоббирование оплаты несуществующих услуг постороннего человека, можно только догадываться.

Фридман был убеждён в том, что его особые личные отношения с Президентом Концерна, позволяют ему задействовать работников объединения по своему усмотрению и в свою пользу. Было больно видеть, когда директора заводов вскакивали со своих кресел, и, теряя достоинство, «расстилались» перед посторонним. Всё это только потому, что знали о дружбе Фридмана с Президентом компании. Фридман виноват в этом

меньше всех. Он хоть и был авантюристом, но не был государственным служащим.

Моё первое столкновение с Фридманом произошло на почве контракта с «Аэрофлотом». В течение нескольких месяцев я вёл переговоры с заместителем Генерального директора «Аэрофлота» о контракте на техническое облуживание и поддержание лётной годности нескольких самолётов этой авиакомпании. Контракт был сложный и денежный. Эта сделка смогла произойти благодаря хорошей репутации Авиационной Промышленности Израиля в Москве и поддержке со стороны Правительства России. Контракт уже находился в стадии завершения и готовился к подписи. Наши российские партнёры поставили мне одно условие, а именно: до подписания контракта держать факт переговоров в строгом секрете.

Фридман считался советником Президента нашей компании в России. Я позвонил ему и проинформировал о контракте, потребовав держать это дело в тайне. Фридман, почему-то, не утерпел и тут же послал своего человека в «Аэрофлот» оповестить всех о грядущем подписании этого документа. Заместитель Генерального директора «Аэрофлота», наш партнёр по переговорам, немедленно позвонил мне по телефону и в негодовании заявил: «Вы что, евреи, язык за зубами держать не умеете! Я же просил пока помолчать! Больше с вами работать не буду и прерываю переговоры».

Было официально объявлено о прекращении переговоров. Концерн потерял большой контракт. Вернувшись в Израиль, я потребовал профессионального расследования. Честно говоря, тогда я не понял, зачем Фридман это сделал. Через несколько лет всё прояснилось. Контракт ушёл к нашим конкурентам, в другую западную компанию, которую, как выяснилось, Фридман также представлял. Это являлось явным противоречием интересов и было запрещено контрактом Фридмана с нашим Концерном. В течение месяца после происшедшего, проводилось профессиональное расследование на уровне заместителя Президента нашего объединения. Я требовал немедленного прекращения мандата Фридмана как советника в России. Когда комиссия закончила свою работу, меня вызвали для ознакомления с её предварительными выводами. Перед зачитыванием вердикта члены комиссии сначала долго мялись, потом, наконец, зачитали написанное на бумаге решение. Виновником провала договора определили... меня!

Выслушав решение комиссии, я сразу предупредил: «Если этот вердикт будет окончательным, то я воспользуюсь своим гражданским правом и выйду за пределы нашего Концерна. Я

задействую средства массовой информации и обращусь в органы надзора. Уверен, что смогу доказать, что вы все тут мошенники, и добьюсь, чтобы вас всех отсюда убрали! Выбор за вами!»

Через неделю меня вызвали и зачитали новую редакцию решения комиссии, где говорилось, что провал переговоров был случайным стечением обстоятельств, что советник, якобы, не знал о существующем ограничении на распространение информации, но никто фактически не был виноват в случившемся провале.

Мои отношения с Фридманом испортились. Он, видимо, считал, что меня надо немного поприжать, попугать, и я начну работать на него. Однажды меня послали в одну из стран, в которой раньше не работал. Этому событию предшествовало участие нашего Концерна в конкурсе и длительные переговоры. Я во всём этом процессе не участвовал. У меня не было даже понятия, о чём шла речь. Задание выглядело очень странно. По определению, нужно было ждать в гостинице официального ответа и окончательных документов о нашей победе в конкурсе, чтобы с победой доставить их в Израиль. Меня просили из гостиницы не выходить. Авиакомпанию, от которой мы ожидали ответа, не посещать. Лишних вопросов не задавать.

Ответ, доставленный в гостиницу, был однозначен. Мы проиграли. Приехав в Израиль, передал полученные документы по назначению. У меня в этом плане не было никаких эмоций, так как я не являлся участником самого процесса. На самом деле, как выяснилось, это был очень продуманный ход Фридмана. Стали распространяться слухи, что я провалил большой контракт. На меня со всех сторон стало оказываться психологическое давление коллег, руководителей разного уровня, сопровождающееся различными инсинуациями людей, не знавших, каким образом я там, вообще, оказался. Фридман преподнёс мне великолепный профессиональный урок, как «дураков» бьют. Я сделал свои выводы. Фридман окружил меня людьми, которые докладывали ему о каждом моём шаге. Даже моя собственная секретарша сообщала ему обо мне постоянно. Я много раз ловил её на этом. С другой стороны, через неё, но без её осведомленности, была какая-то возможность дезинформировать Фридмана.

Я был обязан информировать руководство о своих планах. Это давало неоспоримое преимущество Фридману. Но оказывается коммерческая, даже секретная информация уже через считанные часы оказывалась известна моему противнику. Однажды это перешло все границы дозволенного. Фридман очень интересовался моими деловыми связями и в России, и в израильском истеблишменте.

Одним из моих отличительных личных качеств всегда

являлось умение держать язык за зубами. Информация, которая не должна была просачиваться, от меня никогда не уходила. Однажды вызвали в службу безопасности Концерна на какую-то внеплановую проверку. Сидел передо мной человек, говорящий с явным румынским акцентом. Он стал расспрашивать на разные темы — о моих связях с кем я знаком в Правительстве и так далее. Особенно его интересовало, какие вопросы мне задавались на проверках «детектором лжи», которые я проходил перед серьёзными правительственными переговорами незадолго до этой встречи. Я жестом остановил его и спросил: «Какова цель внеочередной проверки и кто Вас уполномочил?» Он стал невнятно объяснять мне, что это для моей же пользы и важно для дела. Я поднялся и вышел из комнаты, сказав ему: «Я отказываюсь отвечать на вопросы. Можете передать тому, кто вас послал, что вы не полномочны задавать такие вопросы. Это выглядит, как использование системы безопасности в личных целях. Сегодня же отправлю официальную жалобу об этом по инстанции».

Произошло ещё несколько подобных инцидентов, инициированных Фридманом. Мне угрожали. Меня провоцировали. Пугали увольнением.

На все устные провокации и попытки обвинить меня, я всегда письменно выражал свою профессиональную позицию и мнение. Это опять вызывало очередную волну устных угроз. Но официально и письменно никто никогда не обвинял.

На мои постоянные требования о прекращении деятельности Фридмана в качестве советника, всегда получал один и тот же ответ: «Твоё слово — против его слова». Фридман утверждал, что провалы происходят по моей вине, и что именно из-за меня бизнес не получается. Переломный момент наступил после получения прогноза Фридмана на дальнейшее развитие бизнеса в странах СНГ. В этом прогнозе было сказано, что в Туркменистане наш бизнес невозможен, и он не претендует там ни на какие дивиденды. Меня вызвали и, издевательски ткнув пальцем в карту мира, поставили задачу — наладить авиационный бизнес с Туркменистаном. Это было практически невозможным. За всю современную историю с момента развала СССР ни одна государственная компания в Туркменистане не работала. После того, как бизнес в Туркменистане вырос и стал приносить свои плоды, у Фридмана появился аппетит. Он явился к Генеральному Директору группы заводов который был моим начальником, и потребовал свои проценты, якобы за то, что он мне помогал. Генеральный по закону не мог заплатить проценты от моей сделки без моей рекомендации. На меня начали давить со всех сторон. Я отказался подписывать даже под давлением и угрозами.

Речь шла о больших суммах. В доказательство своих претензий, по требованию нашего юридического советника, Фридман прислал толстую папку, на которой написано «Туркменистан». В папке должны были находиться бумаги, доказывающие его причастность к этому бизнесу. Но там не было ни одной бумаги, касающейся Туркменистана за последние пять лет. Я опять отказался подписывать дивиденд и потребовал создания паритетной комиссии.

В конечном итоге, комиссия постановила, что нет доказательств того, что господин Фридман принимал участие и помогал господину Токарскому в налаживании бизнеса в Туркменистане. Я был уверен, что на этом всё и закончилось. Однако через некоторое время случайно выяснилось, что деньги Фридману всё же выплатили. Один из членов комиссии получил особые полномочия от Президента «обойти меня» и подтвердить, что Фридман помогал Токарскому. Это он подписал вместо меня разрешение на выплату Фридману дивидендов. Когда я узнал об этом, зашёл к нему в кабинет. Протянув маленькую сумку, я сказал:

— Возьми сумку, пригодится.

— Зачем?

— Когда в тюрьму пойдёшь, положишь сухари.

— Так мне же начальник приказал.

— Он тебе дал письменный приказ?

— Нет.

— Значит, вся ответственность ложится на тебя. Ты же юрист по образованию. Ты же лучше меня знаешь законы! Почему ты сам себя не уважаешь! Ты же государственный человек.

— Леонид! Ты не понимаешь. Так у нас в Израиле принято. Нельзя идти против начальника.

А потом я встретил его как-то после очередного полицейского расследования. Мы поговорили. Мне было его жаль. Если бы хоть для себя деньги крал, так это ещё как-то объяснимо.

Класть свою голову на плаху от страха перед начальством в нашей свободной стране — это выше моего понимания. Он сказал мне только одну фразу: «Не все же такие храбрые, как ты». Мне было его искренне жаль.

Пока всё ограничивалось разговорами, словесными запугиваниями и «обходами», было не так страшно. Но неожиданно произошло событие, поменявшее правила игры…

Я находился в Москве по делам своей группы заводов. Закончив свои дела, я вернулся в гостиницу «Арбат», чтобы рано утром улететь домой. Внизу у администратора меня ждал толстый конверт. Конверт был опечатан. На нём была приклеена

этикетка с надписью: «Леониду Токарскому — для передачи Первому Заместителю Президента Концерна Авиационной Промышленности г-ну N в собственные руки». Рядом находился ещё один человек из моей команды. Поднялись в номер. Я сразу сказал коллеге, что через таможню запечатанный пакет не повезу. Коллега с воодушевлением стал доказывать, что у меня нет права вскрывать пакет, посланный второму человеку в Концерне. По его словам, никто в Израиле не осмелился бы совершить такой поступок. Я ответил, что в том месте, где мы росли и воспитывались, обучали не так. Во-первых, каждый гражданин лично отвечает за собственные поступки перед законом. Во-вторых, судьба моей семьи лежит только на моих плечах. В-третьих, если второй человек в Концерне чего-то хочет, он должен был меня предупредить, проинструктировать и получить на то моё официальное согласие. Я без колебания вскрыл конверт. В нём оказалась пачка чертежей внутренней части самолёта. Чертёжные штампы, названия чертежей и вся информация, позволяющая определить, что именно изображено на чертежах и кем они выпущены, отрезана. Человек неопытный и не просидевший за кульманом достаточно времени, не понял бы, о чём идёт речь. Это чертежи старого МИГа. На них изображён район стыковки двигателя с корпусом самолёта. Кроме чертежей — никакого сопроводительного письма. Меня прошиб холодный пот. Я понимал, что с точки зрения военных секретов — ими здесь и не пахло. Это я знал, как профессионал, как бывший главный конструктор истребителя. Чертежи принадлежали старому самолёту, давно снятому с производства. Но для того, чтобы придти к такому заключению, надо иметь соответствующий набор знаний и опыта, а также желание разобраться во всём. Картина вырисовывалась довольно пугающая. У меня в номере находились чертежи МИГа. Они были нелегальными, видимо краденными, поскольку не приложено разрешение на вывоз. Мне предлагалось неизвестно кем провезти чертежи через Государственную границу. Звонок в таможню или случайная проверка могли отправить меня в тюрьму за шпионаж. При этом никакого официального поручения я не получал. Более того, это могло создать нежелательный прецедент для Израиля и вызвать дипломатические осложнения. Первым делом требовалось выяснить, кто именно оставил мне эту посылку. У меня теплилась слабая надежда, что, может быть, это чья-то ошибка. Сначала позвонил в официальное представительство нашего Концерна в Москве. Говорил с секретарём. Она сказала, что ничего мне не отправляла, а Генеральный Представитель Концерна неделю назад улетел из Москвы. Время торопило. Было уже 11 часов

вечера. Утром я улетал. Мой коллега находился в шоке. Что делать? Я позвонил Фридману по мобильному телефону. Он не отвечал. По счастью нашёл домашний телефон его помощницы. Она никогда не скрывала, что была старшим лейтенантом КГБ. Татьяна (назовём её так) служила в своё время переводчицей в аппарате правительства СССР. Это благодаря ей и её связям Фридман, не зная русского языка, сумел закрепиться в Москве. Позвонил Татьяне. Она оказалась дома. Я спросил, не её ли это посылка? Она нехотя подтвердила этот факт, делая вид, что не понимает в чём проблема. Стало понятно, что это дело рук её босса. Ситуация выглядела очень неприятно. В любой момент в мой номер могли постучать и войти сотрудники органов безопасности.

Затем по доносу они могли «найти» у меня чертежи боевого истребителя. Времени на размышление и анализ было мало. Я решил воспользоваться единственным способом, который мог обеспечить мне хоть какое-то алиби. Поскольку гостиница «Арбат» относилась к группе Президентских гостиниц, я предполагал прослушивание телефонов. Начал диалог «для прослушки».

— Татьяна, разве ты не знаешь, что для вывоза чертежей из России необходимо иметь разрешение КБ МИГа и соответствующих властей?

— Я забыла.

— Танюша, ты же офицер КГБ. Что же ты из себя такую невинную девочку строишь, а из меня идиота делаешь? Почему ты вырезала наименования чертежей и чертёжные штампы. От кого ты прячешься? А где сопроводительное письмо от вашей организации с вашим адресом? Ты что же меня в тюрьму посадить хочешь?! Я требую немедленно прислать машину и забрать посылку.

Она промолчала. Утром пришла машина забрать пакет. Теперь я по-настоящему испугался за себя и свою семью.

Начиналась уже игра с жизнью, со смертью и Судьбой. Я не понимал, зачем мне хотели подсунуть чертежи? Хотели, чтобы меня арестовали на таможне по их звонку? Может, просто хотели пугануть, а потом выручить, чтобы я был им обязан? Завтра могли просто убить, чтобы не мешался! Ответов не было.

Надо принимать свои меры по всем правилам техники выживания. Я приготовился к самому худшему. Для этого нашёл моих старых и верных товарищей. Встретился и переговорил со всеми, кто мне был «обязан» и с кем меня объединяла война за выживание. Мы согласовали и обсудили все возможные варианты и повороты событий. Запрограммировали на личном уровне, что

и как должно произойти во всех случаях, включая самые крайние, неприятные и необратимые. По принципу: «На войне, как на войне, пленных брать не будем».

Я почувствовал некоторое облегчение, что у меня снова есть «спина», что снова появилась поддержка. Я знал — мои друзья сделают всё, как надо. Они позаботятся о моей семье и о тех, кто захотел от меня избавиться.

По возвращении из командировки, когда я рассказал на работе о произошедшем, разразился скандал. Мне клялись, что виновные будут наказаны и что такие вещи не прощаются. Позже, через несколько лет, в процессе расследования дела Президента компании, был поднят вопрос об инциденте с чертежами. Пошли забирать это дело в отделе безопасности — папка исчезла.

После этого меня много раз пытались «подставить» в самых разных ситуациях. Я терпеть не могу, когда в деловые отношения вмешивают эмоции или какие-то личные выпады. Я работал на государство. Для меня государство — это структура, которую надо уважать. Меня с детства научили чтить Уголовный кодекс. Не принимаю и не признаю людей, путающих свой карман с общественным, государственным. Искренне верю, что деньги решают очень многое, но не всё. Для меня лично очень важно жить с лёгким сердцем.

Тем не менее, складывалось впечатление, что Фридман не оставлял попыток заставить меня работать на него. Я ему зачем-то был нужен. Мы встречались несколько раз случайно на работе. Разговаривали вежливо, но напряжённо. Однажды мой начальник попросил сделать ещё одну попытку наладить нормальные деловые отношения с Фридманом. Я согласился. Начальник предложил встретиться за пределами работы, в ресторане. Мы встретились. Шла нормальная беседа. Мы ещё раз обменялись точками зрения на видение бизнеса. Я объяснил, что готов работать с ним и использовать его, как советника, но только при условии, что не я на него буду работать, а он будет работать на Концерн и делом докажет свою полезность. Разговор продолжался ещё некоторое время и проходил в духе довольно нормального делового обмена мнениями. Вдруг, совершенно неожиданно, без объяснения и предисловия, Фридман предложил дать мне «взаймы» 250 000 долларов. Я даже не понял сначала толком о чём он говорит и ответил, что мне не надо. На этом разговор закончился.

По возвращении на работу, зашёл к моему начальнику и сообщил о нашей беседе и добавил, что Фридман предложил мне 250 000 долларов «взаймы», и я отказался.

Начальник вскочил со стула, на котором сидел, и закричал:

«Зачем ты мне это говоришь!? Я не знаю, что с этим делать! Я же не могу с этим идти к Президенту! Я ничего не слышал и не знаю!»

Я ответил: «Ты всё слышишь. Мне абсолютно всё равно, что ты будешь делать. Это твоя проблема. Мой долг сообщить об этом тебе, своему прямому руководителю. Моя совесть чиста. Ты со своей совестью живи и справляйся сам».

Потом я слышал, что на допросе в полиции он говорил, что ничего не помнит.

Так тянулась, с переменным успехом, моя последняя война за выживание. Впереди ещё было много событий и совершенно неожиданная развязка...

Глава 43
Развязка

Президент Концерна уже несколько десятков лет стоял во главе самой большой государственной промышленной экспортной компании Израиля. Он уже давно вошёл в пенсионный возраст, но не желал расставаться с огромной властью.

Управляя Концерном сильной рукой в течение многих лет, он сумел построить систему абсолютного прямого подчинения. Ничего в компании не могло пройти мимо его рук и воли.

В группах заводов (таких было уже пять), руководимых его заместителями, информация проходила всегда мимо прямых руководителей непосредственно в управление Концерном. Президент верил, что может продолжать управлять системой пожизненно.

В этом была его ошибка. Ожидание его ухода росло с каждым днём. Руководство Концерна напоминало «котел» с кипящей водой, находящуюся под внутренним давлением водяного пара без предохранительного клапана.

Заместители боялись сказать слово против босса, но искали способ сбросить его с «престола». Но возраст, позволяющий занять вожделенную должность, был ограничен. Они все были, естественно, моложе Президента; но, уже подходили к порогу, когда невозможно баллотироваться на должность нового Президента.

Единственный способ, с помощью которого можно силой выдавить Президента из Концерна, это донос, компромат.

И «котел» наконец взорвался. Ошибка Президента состояла в том, что он не видел растущей опасности или надеялся подавить приближающееся «восстание». Ушёл бы он на пенсию вовремя, ему не пришлось бы позориться на старости лет.

Насколько я догадываюсь, «слили компромат» на своего шефа как минимум два его верных заместителя и друга. По информации СМИ, суть дела была в следующем:

1. Отец личной секретарши и любовницы Президента, «человек Фридмана »,получил эксклюзивное право на представление Концерна в Румынии, причем эта должность была создана специально для него.

2. Концерн произвёл несколько крупнейших сделок в Китае и в Индии. Закупки самолётов, необходимых Концерну для совершения этих сделок, были сделаны через Фридмана с

переплатой в сотни миллионов долларов.

3. Фридману даны были незаконные исключительные права на представительство в странах СНГ.

Существовал «налог Фридмана»: то есть ему платили деньги за работу, которую он не делал. Речь шла о сотнях миллионах «утекших» долларов.

Я понимаю, почему Президент был так уверен в своей неуязвимости. Он построил свою систему работы таким образом, что каждый из подчинённых подписывал «расстрельные» документы. То есть, чтобы заплатить незаконные деньги Фридману, Президент давал устное указание Генеральному Директору группы заводов, одному из своих заместителей. Тот, от страха потерять расположение Президента и свою позицию, подписывал документы на выплату, заставляя, в свою очередь, поступать так же и подчинённых. Все подписывающие совершали уголовные преступления. При этом сам Президент оставался вне подозрений.

Фридман пересчитывал полученные деньги.

Что заставляло уважаемых израильских граждан подписывать незаконные бумаги, совершать преступления, не кладя в карман при этом ни шекеля?

Ведь не им, не их семьям не угрожал расстрел или даже потеря пенсии. Они могли остаться принципиальными, честными и уважаемыми.

Я всегда испытывал чувство брезгливости при виде, как смотрели на Президента Концерна его заместители. Это были взгляды рабов, ловящих взоры хозяина, и готовых по первому сигналу лизать ему сапоги.

Все десять претендентов хотели занять одно место. Способ борьбы между собой был выбран тот же самый — компромат. Как выяснилось в процессе расследования, каждый претендент держал у себя в кабинете папку с компрометирующими бумагами на всех остальных. Компромат включал в себя уголовные нарушения, совершенные конкурентами по устному указанию Президента. Там были приложены копии договоров, незаконно подписанные с Фридманом и его соратниками. Там же находились финансовые ведомости на выплату незаконных денег. Короче, всё, что можно набрать из разных источников о незаконной деятельности Президента и участии в этом процессе «претендентов на престол», там хранилось.

Президент Концерна был очень осторожен и держался на расстоянии от опасных дел, давая лишь устные указания своим подчиненным, в разговоре с глазу на глаз.

На всех заводах Концерна, при упоминании имени Фридмана

или Президента, непосредственные начальники теряли власть и уже ничего не значили для своих подчинённых. Именно поэтому директора заводов вставали, когда Фридман входил в их кабинет.

Когда в Концерне началась борьба за власть, я почувствовал к себе особое внимание. Меня неожиданно стали поддерживать. Оказалось, что я был единственный, на кого можно было опереться.

Фридман жил и действовал в Москве. Часто там появлялся Президент Концерна.

Когда я появлялся в Москве по делам, мне первым делом рассказывали, что вытворял там наш Президент. Фридман держал десяток молодых переводчиц, как говорили, для услуг особого рода.

Зная, что я хорошо информирован о том, что происходит в Москве, Фридман через. Президента наложил на меня какие-то нелепые профессиональные ограничения на передвижения. Например, персональным приказом, я получал запрет приезжать в Москву.

И я приезжал в столицу России на один день на поезде, вечером возвращаясь в Ленинград. Такие «шпионские игры» продолжались три года до начала следствия по «делу Президента». Позже, когда раскрылся весь «букет» производственных ограничений, наложенных на меня они все были сразу отменены Государственным Контролёром, Мне были принесены извинения. Некоторые претенденты приходили ко мне за информацией, пытаясь выяснить, что я знаю о поведении нашего Президента в России, Один из них даже предложил купить компромат на Президента в Москве у местных органов власти! Он предлагал финансировать эту операцию из своего кармана. Я категорически отказался принимать какое-либо участие в этом деле.

Все были уверены, что я лично ненавижу и Президента и Фридмана. Каждый раз, слушая объяснения о том, что это не так, они недоверчиво смотрели на меня, считая, что я блефую.

Сказывалась разница в воспитании и жизненном опыте. У меня никогда не было ненависти к Президенту. Я его не уважал и одновременно презирал, считая, что за нарушение закона его место в тюрьме.

В моём понимании, ненавидят личных врагов. Президент не был моим личным врагом. Я презирал его за предательство своих подчинённых, государственных служащих, которых он отдал в руки постороннего человека вместо того, чтобы защищать их. Может быть, я и набил бы с удовольствием ему морду за предательство! Но моим личным врагом он никогда не был. Он

вредил моей работе, вредил компании, в которой я работал, но это не было моим личным делом.

Однако если из-за желания использовать подчинённую ему компанию для собственной наживы, Президент причинил бы мне или моей семье личный вред, то без всякой ненависти могу сказать: свою карьеру он закончил бы очень быстро, но не в кресле Президента, и не в тюрьме, а в инвалидной коляске.

Я не юридическое лицо, обязавшиеся действовать в рамках закона, не полицейский или адвокат, Я сам плачу по счетам, а не бегу искать справедливости в системе, которая не функционирует. Я не ищу личного противостояния, а просто поднимаю планку своего сопротивления в борьбе за выживание пропорционально нависшей опасности. Как было сказано: «Поднявший меч от него и погибнет».

Надо отдать должное нашему Президенту, он поступил со мной, как хитрый, имеющий жизненный опыт человек. Мне рассказали, что он дал личное указание не увольнять меня, а стараться обходить и нейтрализовать по мере возможностей. По его словам: «Токарский будет гораздо опаснее снаружи, чем внутри». Он был прав, хотя и не понимал, чем он рисковал на самом деле.

Как я говорил, все претенденты на «престол» вместо того, чтобы сесть рядом и, как нормальные деловые люди, оговорить правила борьбы, начали обливать друг друга грязью.

Когда началось расследование, в изъятых папках с компроматом нашли и мои официальные письма, разосланные внутри Концерна. Что же особенного было в этих бумагах? Почему именно они вызвали такой интерес?

В соответствии с инструкциями, действующими в Концерне, если агент, каким числился по договору Фридман, не в состоянии принести прибыль, его годовой контракт не продлевался. Таковы были правила игры, но ведь агентом же был сам Фридман! Это он управлял всеми, а не мы им. Более того, Фридман был уверен в том, что я смогу принести прибыль и без него, без связей, которых у него нет. Он считал, что надо лишь надавить и заставить меня работать в качестве его «дойной коровы». Тогда он мог наложить и на заключенные мною договоры «налог Фридмана».

Я поступил неожиданным для моих оппонентов способом, написав письмо Фридману о его несостоятельности в таком стиле: «Господин Фридман, руководство недовольно результатами бизнеса в вашем регионе… Прошу вас немедленно принять следующие меры … и сообщить мне о результатах. Кроме того, у меня возникают постоянные трудности в коммуникации с

вами...»

Буквально через несколько часов раздались вопли из канцелярии Президента с требованием прекратить писать письма Фридману и уничтожить все копии. Стало понятно, что они попались на очень простую «советскую ловушку» — они боятся архивов и расследований!

Это давало мне шанс на сохранение профессиональных позиций и своего лица. Я стал бюрократом, каждые несколько месяцев повторяя свои письма. Позже оказалось — эти копии сохранялись.

Второй вид коллекционируемых бумаг — мои текущие профессиональные рекомендации по бизнесу в моём регионе.

Все письма я отправлял моему непосредственному начальнику. Он вовремя сообразил, что это может помочь ему при будущем расследовании. Он был заинтересован оставить следы своих сомнении в официальной переписке с Президентом; таким образом показав будущим следователям! что он-то Токарского поддержал и передал его замечания Президенту, чтобы тот потом не отвертелся и не говорил, что ничего не знал. Поэтому все мои письма и заключения он отправлял со своей резолюцией Президенту. Резолюции были типа: «Хаим, человек пишет серьёзные вещи. Что будем делать?» Посылая эти бумаги по внутренней почте, он достигал нужного ему эффекта. Во-первых, копии оставались в системе, проходя через многие канцелярии. Во-вторых, он как руководитель действовал официально, как бы не боясь Президента, а не молчал, как другие. Во многих случаях, мой начальник просил представить своё мнение по определённому вопросу. Я, естественно, это делал, не всегда понимая, зачем ему это понадобилось.

Позже, уже на следствии, мне показывали мои же письма с резолюциями моего начальника, с просьбой прокомментировать в качестве официального эксперта следствия.

Ко всему этому прикладывались бумаги, счета, контракты и... доносы. Смысл доносов в касающихся меня темах, выстраивалась по двум основным направлениям: настойчивое и неоправданное игнорирование рекомендаций Директора по развитию бизнеса Леонида Токарского — «единственного до сегодняшнего дня профессионала, сумевшего принести реальные большие контракты со странами СНГ».

И как результат такого отношения, принятие подозрительно нелогичных, противоречивых и заведомо неверных договорно-финансовых решений тем или иным претендентом.

В папках лежали подборки документов:

1. Платёжные ведомости на оплату несуществующих услуг

Фридмана.

2. Копии монопольных агентских договоров, подписанных с Фридманом, приведших к отрицательным результатам и потере реальных контрактов.

3. Копии рекомендаций-ходатайств на продление агентских договоров Фридмана, представленные руководителями промышленных групп Президенту Концерна, несмотря на явный провал бизнеса по предыдущим подписанным контрактам.

4. Копии уничтоженных протоколов корпоративных совещаний по развитию бизнеса в странах СНГ с моими выступлениями, содержащими критические замечания и рекомендации по повышению эффективности системы маркетинга, которые открыто осуждали несостоятельность Фридмана, как корпоративного представителя.

И прочее...

Все фигуранты очень профессионально доносили друг на друга, подкрепляя свои доносы собственным анализом.

История эта попала в прессу. Было проведено три официальных расследования: Комиссией Министерства Обороны — собственника Концерна, Комиссией Генерального Контролёра государства Израиль и Особой группой полиции по расследованию международной преступности. Речь шла о том, что в результате преступной связи Президента Концерна Израильской Авиационной Промышленности с его другом-бизнесменом несколько сот миллионов долларов было присвоено. В процессе расследования, я был официально назначен экспертом по бизнесу Генерального Контролёра Израиля.

В результате уголовное дело об исчезновении-краже сотен миллионов долларов было закрыто. Денег не нашли. Президента выставили за дверь без права входа в Концерн. Все фигуранты сняты со своих должностей. Большая часть из них уже вообще не работает в Концерне. Мне объявили благодарность за правильное поведение, особо подчеркнув, что я высказывал своё мнение только в официальных внутренних письмах, направленных моему прямому начальнику, и никогда не выходил за пределы своей организации с какими-либо жалобами.

Новым Президентом назначили одного из начальников, которого предыдущий не жаловал, и который сам никогда не претендовал на эту должность.

Закрытие дела, вероятно, было правильным шагом, так как публичные сообщения в прессе о мошенничестве могли навредить одному из лучших израильских государственных концернов, работающих на экспорт.

По окончании расследования Государственный Контролёр

Израиля официально отметил, что только один из руководителей Концерна, Леонид Токарский, вёл себя в этом деле, как подобает государственному руководителю, в полном соответствии с принятыми нормами поведения и Законом.

Между прочим, я был единственным, кто копии своих бумаг никогда не хранил. Если говорить честно, я вообще никогда не держал архивов, кроме коммерческих договоров, которые подписал. При проводах на пенсию мне сказали, что по официальной статистике Авиационной Промышленности за все годы, которые я руководил бизнесом, мною было принесено и подписано договоров на сумму около 650 миллионов долларов. Я предполагаю, что если бы не эта история с Фридманом, количество подписанных договоров было бы минимум в два раза больше. А теперь посчитайте сами, как дорого нам всем обходится «местечковая психология».

Равнодушие, отсутствие жёсткого контроля над соблюдением законов плодит союзы «фридманов» и порождает, в свою очередь, наместничество и коррупцию. Это самая страшная болезнь израильского общества: «Всё можно — даже то, что нельзя!»

К сожалению, описанное явление — достаточно распространено. Однако, в Израиле вполне достаточно нормальных и честных людей. Просто, как говорили на флоте: «экскременты всегда плавают на поверхности».

Пусть это не покажется странным для читателя — я очень признателен Фридману и таким как он. Это они вынудили и научили меня бороться и достигать цели. Многое за годы жизни в Израиле я достиг, благодаря им лично. Фридман вынудил меня драться. Это он силой вытащил меня на ринг, оторвав от привычной рутины, и ударил первыми. Вообще в жизни, я больше всего благодарен моим врагам за науку, ибо они всегда были самыми лучшими, объективными и безжалостными моими учителями. Именно они научили меня «науке побеждать». Я всегда искренне уважал своих врагов.

Так закончилась моя последняя битва за выживание, которая продолжалась двенадцать лет.

Глава 44
Дорогие мои евреи…

В конце моей книги, я хотел бы обозначить некоторые важные точки опоры, на которых держаться мои принципы и мое понимание действительности, сформировавшиеся у меня, как у человека и гражданина. Может быть, некоторые из них и не соответствует принятым в Израиле нормам поведения, понимания или восприятия.

Но это то, во что я верю…

Человек имеет естественное и законное право на защиту своей собственности, своей чести, своей семьи и своей жизни. Если гражданин чувствует, что его права ущемлены, то в первую очередь он обязан обратиться за защитой к своему государству и органам, представляющим её: полиции, государственным чиновникам, прокуратуре или судам. Когда выясняется, что государство не может обеспечить гражданину и его семье защиту жизни или собственности из-за своей слабости, неэффективности, или коррупции, человек, по моему глубокому убеждению, должен воспользоваться правами, данными ему Богом.

То есть правом на самооборону. Не государство породило человека, и не оно дало ему жизнь. Государство — это всего лишь инструмент, созданный людьми для регуляции нормальной жизни на отрезке территории, обозначенной границами. Бели этот инструмент неэффективен, право гражданина поступать в соответствии со своей совестью. Самым крайним выражением этой борьбы является бунт, если бунт успешен — его называют революцией. Революция сбрасывает существующую систему и создаёт новую, свою. Евреи это сделали в 1917 году с царским режимом, после того, как их запертых в черте оседлости, веками лишали элементарных прав и уничтожали погромами. Многие из них присоединились к большевикам, возглавляемым Лениным и Троцким. Они были важной движущей силой революции, по праву требующей свободной конкуренции и равных возможностей. Новая власть силой изменила приоритеты и поменяла истеблишмент страны. Значительная часть евреев, вырвавшись из черты оседлости, выехала в большие города, где, истосковавшись по нормальному образованию, бросилась в знания, атаковав рабфаки, техникумы и институты. Часть из них «пошла во власть» и закончила свою жизнь в сталинских лагерях. Советское государство всегда было образцом жестокости по отношению к гражданину и его жизни, попирания элементарных прав человека.

Человеческая жизнь при ней потеряла свою ценность.

Но многие выжили, получили хорошее образование и стали «советской интеллигенцией», к ним принадлежали и мои родители. Для них воспитание и образование детей стало главной целью жизни. У них навсегда оставались в генетической памяти картины еврейского местечка, из которого они сумели вырваться. Эти евреи научились ценить своё новое положение в обществе, преимущества советского интеллигента. Им нравились светская (не религиозная!) культура, театры, литература, музыка. Многие из них постепенно поняли истинное лицо режима и разочаровались в нём. Однако они продолжали воспитывать в своих детях здоровые амбиции, желание продвижения в обществе. Да и выбора у них уже не было. Они старались дать своим детям самое лучшее образование, которое возможно. Получение образования в Советском Союзе не зависело от материального состояния семьи. Оно зависело лишь от способностей ребёнка и его мотивации. Это оказалось одним из достижений нового режима. Так было на первых этапах становления советской системы. Затем, уже в моё время, стали накладываться определённые ограничения на евреев. Евреи уже не могли стать советскими дипломатами, советскими генералами, были ограничения на продвижение в науке. Начался скрытый государственный антисемитизм.

Одним из выражений его стал так называемый «пятый пункт». Были введены процентные нормы на приёмы в высшие учебные заведения и на престижные рабочие места. Планка качества евреев поднималась. Для поступления в институты требовались уже золотые медали и отличные оценки. Еврейским папам и мамам оставалось одно — воспитывать конкурентоспособных детей. Они считали, что только хорошее образование может дать еврейским детям путёвку в жизнь. Наши родители делали всё возможное для достижения этой цели.

В глубине наших молодых еврейских душ постепенно зарождался протест, и появились ростки нового бунта. Мы хотели справедливости. Нам надоела дискриминация. Молодые евреи стали собираться и говорить. Существовало две альтернативы — изменить систему власти в СССР или уехать в Израиль.

Все эти начавшиеся еврейские дебаты быстро срослись с русскими диссидентскими обсуждениями. Мы начали собираться вместе. Это было весело и интересно. Мы были очень молодыми, красивыми и одухотворёнными. Мы чувствовали себя борцами за правое дело и за свободу.

Я уверен, что неусыпное «око старшего брата», в лице органов КГБ, за нами наблюдало.

Примерно то же самое происходило по всему Советскому Союзу. Евреи искали выход. Дети и внуки евреев из «местечка» хотели и требовали равенства и объективного конкурентного подхода к ним.

Но были и другие «евреи местечек». Они хотели построить государство для евреев и только для евреев в Палестине. Сионисты были патриотами, готовыми пожертвовать своим материальным благополучием во имя идеи.

Это были родные братья наших отцов и дедов. Они не пошли в «советское образование». Они выбрали борьбу за своё еврейское государство.

Когда сионисты создавали Израиль, «багаж», который они принесли с собой, был невелик.

Образования особого у них не было. В основном их интеллектуальный багаж состоял из опыта жизни в еврейской общине, где годами вырабатывались простые правила выживания:

1. Помогать один другому в нужде.

2. Русский полицейский, как официальный представитель существующей власти, не должен знать, что происходит в общине.

3. Проблемы местечка и его жителей решаются внутри общины старейшинами, раввинами без вмешательства государства.

4. Контакты с государством сводились к минимуму. Государство, как таковое, считалось врагом, с которым надо уживаться из-за отсутствия альтернативы.

На таких принципах заложено и построено новое еврейское поселение, а затем и государство Израиль.

На начальных этапах это было оправдано, объяснимо и логично. Я уверен, что на определённых этапах это даже спасало государство. Когда надо было послать кого-то на важное государственное задание, конкурс не объявлялся, Делалось это по принципу: «Я знаю Хаима, который живёт в соседнем доме. У него есть сын, которого я тоже знаю с детства. Так я его и пошлю закупить оружие для государства».

Но постепенно такое отношение распространилось абсолютно на всё в нашем государстве. Возникла система, в которой элементарные права человека на свободную и равную конкуренцию не уважались. Право выбора лучшего, наиболее профессионального и образованного члена общества, гражданина страны, не соблюдалось. В связи с тем, что в Израиле нет жёстких законов и нет жёсткого надзора за соблюдением законов, это привело к абсурду. Если наши отцы и деды, создавая государство, руководствовались идеологией и патриотизмом, то сегодня всё

диктуется личными соображениями и личной пользой. Система протекции и личных связей решает любую проблему. Система прокурорского надзора, судов и полиции работает хуже, чем в «банановой республике». Каждый гражданин Израиля, проживший достаточно в нашем государстве знает, что в Израиле никто никому и ничего не может сделать. Достаточно иметь хорошего адвоката и пару-тройку хороших связей. Большинство судебных дел заканчивается сделкой между прокурором и защитником. При этом даже мнение пострадавшего не играет роли. Если в подавляющем количестве уголовных дел нет возможности доказать вину преступника, это может указывать только на две причины: либо судебная система, либо полиция не эффективны. Всё чаще и чаще напрашивается ответ, как в старом еврейском анекдоте: «Содержательница публичного дома спросила у старого еврея, как повысить эффективность ее бизнеса. Она с горечью рассказала старому еврею, что и обои поменяла, и кровати заменила, и музыку хорошую заказала, а клиенты всё не идут. Еврей подумал и ответил: "Замени девочек"».

Связи, принадлежность к клану играли и продолжают играть главенствующую роль в государственной системе. Это привело к управлению государством серых в своей массе людей, составляющих наименее образованную и наименее способную часть населения. О соблюдении законных прав гражданина можно только мечтать.

За тридцать лет моей работы на государство я не видел, практически, ни одного серьёзного конкурса, который не был бы построен под кого-то и для кого-то.

Опять тот же «Хаим», только это уже намного страшнее. Это же наше государство! Оно моё и ваше. Демократическое государство, в котором у каждого из нас действительно существует право выбора носителей власти. Мы обязаны во имя себя, своих детей и внуков пользоваться этими правами правильно и достойно. Представьте себе, что за последние 17 лет приехал миллион новых граждан, у которых нет протекции, которые никого здесь не знают. Они не знали, что в Израиле есть такое понятие, как «кицурей дерех» — укорачивания процесса.

Есть старый советский анекдот: «Сидит дедушка, генерал-майор, и держит внука на коленях. Дедушка поучает внука: «Ты должен хорошо учиться в школе, потом в военном училище, потом в академии. Тогда ты сможешь стать генерал-майором, как я». Внук слушает внимательно, а потом, отвечает: «Дедушка, если я буду хорошо учиться, то смогу стать генерал-полковником!» Дед отвечает внуку: «Нет, милый мой, генерал-полковником ты стать не сможешь, потому что у генерал-полковника есть свой внук».

Сегодня это уже не забавная история, а фотографический снимок нашего государства — неписаный закон.

Евреи всегда в истории боролись за две святые для них вещи: Право и Закон. Мы, евреи Советского Союза, боролись за равенство и справедливость, как в получении работы и образования, так и свободы вероисповедания. А в Израиле столкнулись с теми же проблемами. Позор ложится на всех нас и заключается в том, что наше собственное государство не в состоянии обеспечить эти две элементарные вещи.

Долг Гражданина и Патриота состоит в необходимости отстаивания своего мнения и требования своих элементарных прав.

Жизнь научила меня не поклоняться идолам-авторитетам, ставшим таковыми только из-за принадлежности к «фамилии» или формальной должности. Например, немыслимо уважать и видеть героя в генерале, если он, свершив свои героические подвиги, идёт воровать и присваивать археологические ценности, принадлежащие еврейскому народу и государству. Я не верю в такое раздвоение личности.

Невозможно слушать публичные политические разглагольствования человека, получающего трибуну только потому что его папа был в прошлом важным политическим деятелем. С сыновьями «героев» вообще есть проблема. Обычно они даже не живут в Израиле и уже никакого отношения ко мне и моим детям, живущим в стране, не имеют.

Я не люблю и не признаю Израиль этих людей — «израиловку». Это относится к деятелям, занимающим важные посты в государстве и похваляющихся друг перед другом иностранным гражданством, которое они умудрились получить вдобавок к израильскому. Если политик или государственный служащий не верит в свою родину и в свою страну, он не имеет никакого морального права вести её в будущее и претендовать на лидирующие позиции в этом государстве.

Я люблю Израиль и горжусь его достижениями. Израиль — моя единственная и выбранная мной Родина. Война за независимость, Шестидневная война, операция «Энтебе», поимка Эйхмана — всё это и многое другое вызывает у меня чувство гордости и позволяет любить эту страну, считая её своей. Мне не нужно гражданство другого государства. Я никуда не собираюсь бежать и хочу жить в своей стране, среди своих братьев, какими бы они не были. Каждый раз, когда говорю, что мне не нравится что-либо в нашей стране, это не означает, что я ищу причину для побега отсюда! Наоборот, хочется немедленно взять в руки необходимые инструменты и начинать восстанавливать и

исправлять искривлённое строение.

Когда я уезжал в Израиль, отец сказал мне на прощанье: «Я знаю, сын, что ты сумеешь выжить и занять подобающее тебе место в Израиле. Запомни! У тебя будет только одна проблема — ты никогда не жил с евреями и ещё не знаешь, что это такое!»

Тогда я подумал, что он шутит. Поразительно, каким провидцем был мой отец!

Проходя по улице, я присматриваюсь к окружающим людям, прислушиваюсь к их разговорам, заглядываю в их лица. Слушая посторонних людей, начинаешь восхищаться их мудростью и самобытностью мышления. Потом, приходя домой, смотришь новости по телевидению и видишь другой Израиль, наполненный серыми и никчемными политическими куклами. Они выглядят и говорят как люди, с которыми не только в разведку, но и в лес по грибы идти не хочется. Но ведь нам, господа евреи, никто таких лидеров насильно не сажал!

Это из-за своей вечной брезгливости по отношению к политике и политиканам, из-за своей повседневной занятости в ежедневной борьбе за существование, мы забываем, что у нас нет другой страны и уже не будет. Вся вина ложится на нас самих.

Большинство лидеров и героев-создателей Израиля приехало сюда из тех же мест, что приехали и мы, привезя с собой те же моральные ценности, воспитанные на том же опыте борьбы за свободу и равенство, что и мы. С той только разницей, что не было у них нашего опыта сталинизма, Отечественной войны, расцвета и развала СССР. Нас не надо учить «как жить». Мы не должны меняться и разменивать собственный жизненный опыт на израильский, унаследованный от наших же земляков — основателей Государства. Наш опыт борьбы и выживания не идёт ни в какое сравнение с опытом тех, кто пытается нас «учить» здесь и сегодня. Мы должны поступать в соответствие с нашими собственными понятиями о чести и справедливости, вот тогда мы и станем «настоящими израильтянами», вот тогда мы и наведём порядок в нашей собственной стране, Израиле.

Послесловие

Слово к моим детям, внукам, правнукам...

Я прожил сложную жизнь. В ней была постоянная война, которую я не выбирал, мне её навязали. Это именно то, что сделало меня осознанным и гордым евреем. Борьба за выживание сделала меня бойцом.

Я должен был воевать, чтобы выжить, чтобы сохранить своё человеческое достоинство и жить там, где выбрал и хотел.

Если бы я начал всё сначала и мог бы выбрать новую судьбу, то выбрал бы себе другую. Более спокойную.

Но Бог дал мне именно этот жизненный путь. Горжусь тем, что мне удалось выжить, победить и всем вам помочь правильно определиться в жизни. Все вы живёте там, где нужно жить, где жить хорошо и где можно двигаться вперёд.

Так идите же вперёд!

Дерзайте!

И да поможет вам Бог!

Это история жизни нашего соотечественника с нечеловечески тяжёлой судьбой; выжившего, выстоявшего и победившего наперекор всему: волею судьбы прошедшего через "чернобыли" атомных реакторов советских подводных лодок, "приговорённого военным трибуналом" к смерти от рук уголовников за публичную поддержку Израиля во время Шестидневной войны. История ленинградского юноши из интеллигентной еврейской семьи, вынужденного бороться за свою жизнь, сумевшего «вырваться» из СССР в 70-х годах. Человека, сделавшего блистательную профессиональную карьеру от авиаконструктора до директора по развитию бизнеса Израильской Аэрокосмической Промышленности и Председателя Совета Директоров одной из государственных компаний.